

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
И ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК ИМ. Г. Н. ПРОЗРИТЕЛЕВА И Г. К. ПРАВЕ

ВТОРЫЕ ПРОЗРИТЕЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
29-30 НОЯБРЯ 2005 Г.

*Министерство культуры Ставропольского края
Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный
музей-заповедник имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве*

**ВТОРЫЕ
ПРОЗРИТЕЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ**

материалы
научно-практической конференции
29-30 ноября 2005 г.

К 100-летию Ставропольского
государственного краеведческого музея
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве

НАЙТИ ♦ СОХРАНИТЬ

Ставрополь – 2006

ББК 63.3(2Р-4Ст)

П 78

Научное издание

Печатается: по решению ученого совета
Ставропольского государственного
краеведческого музея им. Г. Н. Прозрителева
и Г. К. Пправе

П 78   **Прозрителевские чтения:** Сборник материалов научно-практической конференции. Выпуск 2:(научное издание)/под ред. кандидата историч. наук С. Н. Савенко. - Ставрополь: Вестник Кавказа, 2006. - 256 с.

ББК 63.3(2Р-4Ст)

Материалы сборника посвящены краеведческой тематике, представляют природные особенности, историческое прошлое и настоящее, научную и культурную жизнь края и соседних субъектов Северного Кавказа.

ISBN 5-85714-048-X

© Ставропольский государственный музей-заповедник
им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе, 2006 г.

© Авторы, 2006 г.

© Издательство «Вестник Кавказа», 2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

- Акопьян А. П.** Новое в исследовании музейной коллекции «Горцы Северного Кавказа глазами художников»
- Андрющенко Т.Н.** «Времен связующая нить» (о выставке «Возрождение казачества»)
- Антонова Е.Е.** Вклад Ставропольского губернского статистического комитета в археологию Северного Кавказа
- Афанасова Т.** Музейный экспонат – источник по истории «военного лихолетья»
- Барabanова Е.Г.** Обзор и анализ коллекции «Бонистика» из фондов Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе
- Беликов Г.А.** Сургучев в Ставрополе (декабрь 1942 – январь 1943 гг.)
- Белоцерковская И.Н.** Исследователи Голубого озера (по материалам музейных коллекций)
- Бендюк О.Б.** Коллекция Ставропольского краевого музея изобразительного искусства
- Береза Г.А.** «Первый на Кавказе...» (из истории Ставропольского драматического театра им. М.Ю. Лермонтова)
- Бережная Н.Н.** Ориенталистская традиция в историческом дискурсе Ставропольских историописателей (на примере творчества С.В. Фарфаровского)
- Бочарников В.А.** Создание школьного военно-исторического музея села Московского
- Булыгина Т.А.** Музейная экспозиция как источник интеллектуальной истории локального сообщества (на примере СГКМ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе)
- Буравова С.Н.** Л.П. Семенов и его книжная коллекция в Государственном музее-заповеднике М.Ю. Лермонтова в Пятигорске
- Бурков С.Б.,
Хамхоева М.Б.** История создания и механизмы формирования археолого-этнографических фондов и коллекций Ингушского государственного музея краеведения» (1897-2005 гг.)
- Василенко Э.В.,
Светошенко Н.И** Страницы истории родного музея
- Галаева В. Н.** Археологические изыскательские работы на III

	Татарском городище
Гальфингер Н. А.	О коллекции пистолетов в Ставропольском краеведческом музее
Годзевич Б.Л.	Минералы, горные породы и окаменелости Ставропольского края
Гриднева Н.А.	Музейная педагогика. Идеи, эксперименты, инновации
Гриценко О.В.	Влияние административно-территориальных преобразований Северного Кавказа на процесс развития и становления Ростовской области как составной части региона
Гудалин В.В.	Предметы вооружения раннего железного века из фондов Ставропольского государственного краеведческого музея им Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе
Данилевич В.Г.	Кавказский гербарий А.П. Нормана в коллекции Ставропольского краеведческого музея
Демьянова Е.А.	История создания Буденновского городского краеведческого музея
Дзыбов Д.С.	Курганы – древнейшие экотопы генофонда фрагментов флоры и экосистем юга России
Деппуева А.Б.	Национальный музей Кабардино-Балкарской республики. История основания и деятельности (1921-1939 гг.)
Доронин И.В.	История формирования и состав герпетологической коллекции Ставропольского государственного краеведческого музея
Дронов А.В.	Штрихи к портрету Г.Н. Прозрителева на фоне смены эпох
Еремеева Н.Н.	Творческое наследие В.Д. Беневского в музейных фондах Ставропольского краеведческого музея
Еремина А.В.	Исторический нарратив Г.Н. Прозрителева в контексте российского провинциального историописания
Засухина В.В.	Проблемы музеефикации памятников археологии Ставропольского края
Зозуля И.В.	Органы следствия и суда Российской империи на страже общественной безопасности в начале XX в. (на примере Ставропольской губернии)
Кемпинский Э.В., Зозуля И.В.	Общество и суд в период революции 1905-1907 гг. (на примере Ставропольской губернии)

- Ковалевич А.В.** Из истории минералогической коллекции Ставропольского краеведческого музея
- Коваленко А.Н.** Книжные коллекции Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова
- Колесникова М.Е.** Источники по истории музейного дела на Ставрополье
- Корнеева С.Н.** «Душа и сердце мое здесь!»
- Косьянов Н.Ф.** Новые археологические находки в районе с. Гофицкого
- Шведун С.А.**
- Кравцова С.Л.** О коллекции «Мошевая Балка» из фондов Ставропольского краеведческого музея
- Крючков И.В.** Военнопленные Австро-Венгрии и Германии в городском хозяйстве Ставрополя в конце 1915 – начале 1917 гг.
- Лабур В.Н.** Благоустройство города Ставрополя в середине XIX века
- Лазарчева З. В.** Легендарная личность – Василий Леонтьевич Шатов
- Лачинов И.А.** Научно-просветительная деятельность музея (к 40-летию Кисловодского историко-краеведческого музея «Крепость»)
- Маловичко Л.В.** О роли краеведческого музея в организации экологического туризма в Ставропольском крае
- Маловичко С.И.** Идея цивилизаторской миссии России в северокавказском историописании второй половины XIX – начала XX в.
- Марченко Л.С.,
Мухаева Л.П.** Из истории создания и направлениях деятельности Железноводского краеведческого музея
- Мешечко Н.В.** История города Изобильного в названиях улиц
- Михаил Моздор,
протоиерей** Значение музея церковной истории и искусства Ставропольской духовной семинарии в деле нравственного воспитания молодежи
- Мозгова Т.В.** Физико-географическая характеристика станицы Суворовской и ее окрестностей (по материалам историко-этнографической экспедиции 2005 г.)
- Обухов Ю.Д.
Карибов Г.Г.** К вопросу об истории музеев на территории современного Буденновского муниципального района и города Буденновска
- Отюцкий И.В.** О коллекции отдела археологии музея Северного Кавказа
- Охонько Н.А.** Герб Ставропольского краеведческого музея как символ

	его истории и социальной роли
Прокопенко Ю.А.	О краеведческой деятельности в 80-х гг. XIX в. археолога-любителя П.Ф. Федотова
Пшеничная М.А.	Роль «Музееведения» в подготовке специалистов культурологов
Савенко С.Н.	Создание историко-культурного центра «Дача И.И.Сафонова» – еще один проект развития Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника
Салова И.А.	Из опыта сверки коллекции «Канцелярские принадлежности» Ставропольского краеведческого музея
Сачук С.С.	Методика организации ведомственного музея (на примере экспозиции «Эволюция книги» научной библиотеки СГУ)
Смирнова И.В.	Становление и развитие Музея истории Изобильненского района
Состин Д.И.	Ставропольская интеллигенция в 1917 г. Борьба политических альтернатив
Стрекалова Е.Н.	Музей в контексте исторической памяти
Хорунженко В.А.	Страницы истории создания Ессентукского краеведческого музея
Чикваидзе Н.В.	История формирования коллекции «Маджары» в Буденновском городском краеведческом музее
Шведун А.А.	Родники – зеркало поколений!
Штайн К.Э., Петренко Д.И.	Семиотика повседневности курортного города Пятигорска в период 1915-1921 гг. (по данным текста мемуаров Сергея С. Поволоцкого «Что очи мои видели»)
Шумакова Е.В.	Развитие светского образования у степных народов Ставропольской губернии в XIX – начала XX вв.

От редакции

29–30 ноября 2005 г. в Ставропольском государственном краеведческом музее имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе прошла научно-практическая конференция «Вторые Прозрителевские чтения», посвященная 100-летию музея. Для участия в конференции было заявлено более 70 докладов музейных работников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов, сотрудников научно-исследовательских организаций Ставропольского края и городов Астрахань, Назрань, Нальчик, Самара. На пленарном и секционных заседаниях заслушано и обсуждено более 60 докладов и сообщений по проблемам истории и практики музейного дела, различным вопросам краеведения и местной истории. Количественные показатели отразили динамику роста авторитета конференции и активности работы на ней в сравнении с проведенными в ноябре 2004 г. Первыми Прозрителевскими чтениями. На первых музейно-краеведческих чтениях прозвучало около 45 докладов и сообщений, и их краткое содержание вошло в сборник конференции¹. В данном сборнике материалов Вторых Прозрителевских чтений представлены все 65 заслушанных докладов.

На конференции работало 3 секции: истории музейного дела, изучения музейных коллекций, краеведения и локальной истории. Большинство докладов, включая и те, которые были оглашены на пленарном заседании, достаточно четко укладывались в указанную проблематику, за исключением ряда выступлений, имевших более широкую теоретико-методическую направленность и характеризовавших формы музейной деятельности. Теоретические и методические вопросы рассматривали в своих выступлениях доценты СГУ М. А. Пшеничная («Роль Музееведения в подготовке специалистов-культурологов») и Е. Н. Стрекалова («Музей в контексте исторической памяти»), ведущий методист СГКМ им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе Н. А. Гриднева («Музейная педагогика. Идеи, эксперименты, инновации»), завотделом этнографии Музея С. С. Сачук («Методика организации ведомственного музея» (на примере экспозиции «Эволюция книги» научной библиотеки СГУ)), аспирант СГУ В. В. Засухина («Проблемы музеефикации памятников археологии Ставропольского края»). Направлениям музейной деятельности посвящались следующие доклады: заместителя директора Кисловодского историко-краеведческого музея «Крепость» И. А. Лачинова – «Научно-просветительная деятельность музея» (к 40-летию КИКМ «Крепость»), заведующих музеями села Татарка Т. Н. Андрющенко – «Времен связующая нить» (о выставке «Возрождение казачества») и села Гофицкое А. А. Шведун – «Родники – зеркало поколений».

Серия выступлений отражала историю музеев Ставропольского края и других субъектов Южного федерального округа. Демонстрировался и обобщался опыт создания, развития и деятельности музейных учреждений различного уровня – от областных и республиканских до сельских школьных музеев. Несколько

---

¹ Прозрителевские чтения: Сборник материалов научно-практической конференции. Выпуск 1. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 2005. – 152 с.

выступлений было связано с историей столетнего юбилея – Ставропольского государственного краеведческого музея (Н.А. Охонько, Т.А. Булыгина, С.Н. Савенко). Продолжена тема изучения личности и творчества основателя музея – Г.Н. Прозрителева (А.В. Дронов, А.В. Еремина). Обстоятельное освещение получила история таких музеев края, как Андроповский районный (Э.В. Василенко и Н.И. Светошенко), Буденновский городской и музей Буденновского района (Е.А. Демьянова, О.Д. Обухов, Г.Г. Карибов), села Гофицкое (С.Н. Корнеева), Ессентукский (В.А. Хорунженко), Железноводский (Л.С.Марченко, Л.П. Мухаева), Изобильненского района (И.В. Смирнова), села Московское (В.А. Бочарников), музей церковной истории и искусства Ставропольской духовной семинарии (протоиерей Михаил Моздор). Кроме этого, анализировался ход развития республиканских музеев Кабардино-Балкарии (А.Б. Демпуева) и Ингушетии (С.Б. Бурков и М.Б. Хамхоева).

Особый интерес у участников конференции вызвали сообщения, посвященные характеристике музейных коллекций. Они привлекали внимание детальным, порой нестандартным подходом авторов, обилием разнообразного иллюстративного материала, в том числе и на электронных носителях. Подобных докладов заслушано 14, из них 9 были подготовлены сотрудниками СГКМ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе по собственным музейным собраниям (коллекция «Горцы Северного Кавказа глазами художников» – А.П. Акопьян; бонистика – Е.Г. Барабанова; коллекция пистолетов – Н.А. Гальфингер; гербарии А.П. Нормана – В.Г. Данилевич; фонд В.Д. Беневского – Н.Н. Еремеева; минералогические коллекции – А.В. Ковалевич; отдельные археологические коллекции – С.Л. Кравцова, И.В. Отюцкий; канцелярские принадлежности – И.А. Салова). Что касается других музейных учреждений, то были обстоятельно охарактеризованы история формирования, пополнения и использования коллекции Ставропольского государственного музея изобразительных искусств (О.Б. Бендюк), книжные собрания музея-заповедника им. М.Ю. Лермонтова (С.Н. Буравова, А.Н. Коваленко), археологическая коллекция «Маджары» Буденновского городского музея (Н.В. Чикваидзе).

Историко-краеведческое направление было представлено широким спектром вопросов историографии (С.И. Маловичко, Н.Н. Бережная и другие), истории административных преобразований в регионе (О.В. Гриценко), истории населенных пунктов (В.Н. Лабур – Ставрополь, М.В. Мешечко – Изобильный, К.Э. Штайн и Д.И. Петренко – Пятигорск), местных учреждений науки (Е.Е. Антонова – Ставропольский губернский статистический комитет), культуры (Г.А. Береза – театр им. М.Ю. Лермонтова), органов суда и следствия (И.В. Зозуля, Э.В. Кемпинский). Исследовались и вехи судеб ставропольских персоналий (Г.А. Беликов – И.Д. Сургучев, З.В. Лазарчева – В.Л. Шатов, Ю.А. Прокопенко – П.Ф. Федотов). Доцент Ставропольского филиала Краснодарской академии МВД РФ Д.И. Состин дал оценку состояния ставропольской интеллигенции в 1917 г., а аспирант СГУ Е.В. Шумакова анализировала процесс развития светского образования у степных народов Ставропольской губернии в XIX – начале XX веков.

В краеведческом блоке докладов, помимо преобладающей историко-культурной проблематики, традиционно рассматривались вопросы изучения природного комплекса и экологические аспекты (И.Н. Белоцерковская, Б.Л. Годзевич, Л.В. Маловичко, Т.В. Мозгова).

В дискуссиях (после завершения работы секций и на итоговом заседании) давались оценки прослушанных сообщений (научный уровень которых был далеко не одинаковым), выдвигались предложения практического характера, связанные с организационным совершенствованием работы музеев, правовым обеспечением, с иными проблемами музейной деятельности в крае и регионе. Как наиболее интересные были выделены следующие доклады: «Герб Ставропольского краеведческого музея как символ его истории и социальной роли» (Н.А. Охонько – директор СГКМ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе), «Музей в контексте исторической памяти» (Е.Н. Стрекалова – доцент СГУ), «Коллекция Ставропольского краевого музея изобразительных искусств» (О.Б. Бендюк – замдиректора по науке СКМИИ), «Л.П. Семенов и его книжная коллекция в Государственном музее-заповеднике М.Ю. Лермонтова в Пятигорске» (С. Н. Буравова – старший научный сотрудник ГМЗ М.Ю.Лермонтова), «Источники по истории музейного дела на Ставрополье» (М.Е. Колесникова – доцент СГУ), «Курганы – древнейшие экотопы генофонда фрагментов флоры и экосистем Юга России» (Д.С. Дзыбов – завотделом СНИИСХ), «Создание школьного военно-исторического музея села Московское» (В.А. Бочарников – пенсионер), «Родники – зеркало поколений!» (А.А. Шведун – заведующая музеем с. Гофицкое) и другие.

В целом можно считать, что конференция удалась, став определенным толчком в развитии краеведения и изучении музейного дела. А опубликованные в данном сборнике материалы заслуживают внимания специалистов и всех тех, кто интересуется историей, культурой, природой местного края.

С. Н. Савенко,
кандидат исторических наук

Акопьян А. П.

г. Ставрополь,
СГКМ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве,
старший научный сотрудник

Новое в исследовании музейной коллекции «Горцы Северного Кавказа глазами художников 1920-1930-х гг.»

В конце 1936 года Ворошиловский (ныне Ставропольский) краеведческий музей пополнился новыми коллекциями – к нему был присоединен Северо-Кавказский краевой музей горских народов имени Мусы Кундухова. Возникновение этого музея в 1926 году было обусловлено государственной и партийной политикой, ориентированной на развитие, поддержку и изучение национальных окраин с неоднородным этническим населением. Музей горских народов в течение 10 лет располагался в административном центре огромного Северо-Кавказского края – в г. Ростове-на-Дону. Район его деятельности охватывал семь автономных горских областей: Адыгею, Ингушетию, Кабардино-Балкарию, Карачай, Северную Осетию, Черкесию, Чечню. В 1931 году в состав края вошла Дагестанская АССР, также включенная в сферу научных интересов музея.

Ежегодные командировки и комплексные этнографические экспедиции, проводимые музеем горских народов совместно с лингвистами, художниками, врачами, музыкантами, биологами, зоологами, археологами, экономистами, фотографами, были очень результативными. Музей пополнялся новыми экспонатами, расширялись экспозиционные площади, росла посещаемость (в 1930 г. музей посетили 20 780 человек, что в 5 раз больше, чем в 1927 г.) (1).

В 1934 году было решено уменьшить территорию Северо-Кавказского края и перенести его административный центр в г. Пятигорск. Деятельность научно-исследовательских учреждений, направленная на изучение Кавказа, не соответствовала планам развития вновь созданного Азово-Черноморского края. Встал вопрос о переводе музея горских народов из Ростова-на-Дону ближе к национальным областям. Проблема оказалась сложной. Дирекция музея неоднократно выезжала в предлагаемые города для осмотра помещений, а руководство края несколько раз меняло свои взгляды относительно места будущего расположения музея. В течение двух лет рассматривались разные предложения: г. Пятигорск (здание Пушкинских ванн или соединение с Пятигорским музеем краеведения) (2); г. Кисловодск (клуб «Медсантруд», бывшая дача эмира Бухарского) (3); г. Орджоникидзе (здание Ингушского музея) (4). Наконец, 13 августа 1936 года Азово-Моздокским крайисполкомом было

принято окончательное решение о слиянии музея горских народов с Ворошиловским музеем краеведения. (5).

20 ноября 1936 года был подписан последний приказ директора упраздненного музея о переезде в г. Ворошиловск, центр Орджоникидзевского края (6).

Привезенное имущество включало в себя документы делопроизводства, научный архив, коллекции музея. Краеведческий музей располагал историческим, этнографическим, художественным разделами, поэтому как вещевой, так и изобразительный фонды музея горских народов органично влились в коллекции Ворошиловского музея, ставшего к тому времени наследником и продолжателем дела и традиций Музея Северного Кавказа, основанного Г.Н. Прозрителевым в начале XX в. в г. Ставрополе.

В состав прибывшего музейного собрания входили около 500 живописных и графических работ, выполненных художниками г. Ростова-на-Дону и национальных районов в ходе этнографических экспедиций. После шести десятилетий почти полного забвения часть коллекции (208 работ) была объединена в выставку «Горцы Северного Кавказа глазами художников 1920-1930-х гг.», и, начиная с 1997 года, она экспонировалась в Москве, Ставрополе, Нальчике, Владикавказе, Махачкале, Ростове-на-Дону, Черкесске. Одновременно началось изучение данной коллекции.

Историко-документальные исследования проводились в Государственном архиве Ставропольского края, в документальном фонде Ставропольского государственного краеведческого музея, в Ставропольской краевой научной библиотеке. В ходе поисков были изучены документы Северо-Кавказского научно-исследовательского лингвистического института, библиографическая литература, периодическая печать. Проводилась сверка номеров и записей в сохранившихся Книгах поступлений обоих музеев. Документальные свидетельства явились в ряде случаев прямыми подтверждениями авторства, датировки и места написания работ исследуемой коллекции.

Искусствоведческое обследование 459 живописных и графических работ из серии «Горцы Северного Кавказа глазами художников 1920-1930-х гг.» провели в 2001 г. сотрудники СГКМ им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве: заведующая отделом «Картинная галерея пейзажей художника П. М. Гречишкина» – искусствовед Т. Д. Авдеева и художник-реставратор Л. Н. Бюльль. Их выводы базировались на визуальном исследовании предметов, выявлении индивидуальных стилистических черт авторов, анализе структуры художественных образов, определении видимых общих и отличительных признаков в группах произведений. В результате комплексного изучения всех предметов коллекции стало возможным внести корректировки в их описание, в

23-х работах изменить авторство, в ряде случаев указать точную дату и место создания, уточнить материал и технику, а также провести реставрацию, консервацию и художественное оформление 12 работ художников 1920-1930-х гг.(7).

По сохранившимся архивным документам были установлены различные источники поступления предметов данной коллекции в музей горских народов. Они передавались безвозмездно и продавались авторами, выполнялись в ходе командировок и экспедиций по Северному Кавказу, а также по заказу музея для экспозиционных комплексов.

В конце 1920-х годов перед музеем горских народов ставились задачи показать «колониальное прошлое горских народов, их борьбу за социальное и национальное освобождение, изживание ими экономического и культурного неравенства на путях социалистического строительства под руководством ВКП(б)» (8). Для исторического раздела музейной экспозиции «Завоевание Северного Кавказа царизмом, борьба горцев за независимость» в 1929 г. ростовскому художнику В.С. Шлипневу было поручено написание портретов имама Шамиля и шести его наибов. В договоре с администрацией музея уточнялось: «Портрет имама Чечни и Дагестана Шамиля выполнить масляными красками (заграничными, лучшего качества)... Портрет Шамиля должен быть трактован по оригиналу, переданному краевым музеем Шлипневу, без отступлений в рисунке, с выдержанными стилистическими особенностями оригинала. Шесть рисунков наибов Шамиля по переданным образцам работы Горшельта исполнены должны быть угольным карандашом или тушью на бумаге русской Ватмана. Срок выполнения – к 1 августа 1929 г. За портрет Шамиля – 50 руб., шести рисунков – по 5 руб., всего – 80 руб.» (9). Заказ художником был выполнен. Именно эти работы сейчас хранятся в коллекции нашего музея, неизвестная ранее дата их создания теперь установлена.

В коллекцию «Горцы Северного Кавказа глазами художников...» входят не только сюжетные, жанровые, пейзажные зарисовки, портреты, но и десятки рисунков разнообразных орнаментов. Долгое время не были известны их авторы и этническая принадлежность. Помогли разгадать тайну архивные документы. Восемь акварельных рисунков орнаментов на альбомных листах, числившиеся безымянными, отныне обрели имя автора. Им оказался Х.-Б. Б. Ахриев – первый профессиональный ингушский художник с трагической судьбой. В отчете музея за 1929-1930 гг. указывается, что «для художественного отдела были приобретены 8 штук рисунков с ингушским орнаментом художника Ахриева (женское шитье золотом и серебряными нитками)» (10). Кроме этих рисунков, в коллекции хранятся еще девять работ этого мастера – виды горных аулов и старинных склепов Ингушетии.

Еще около пятидесяти горских, персидских, арабских и прочих орнаментов, выполненных карандашом, акварелью, тушью, тоже вызвали вопросы: с какой целью и кто сделал такую своеобразную подборку? Сегодня найден ответ и выявлено имя исполнителя – Иван Петрович Тарасов, заведующий художественным отделом музея горских народов, армянский художник и скульптор из Ростова-на-Дону. Именно он формировал картинную галерею музея, устанавливал контакты с авторами и помогал молодым горским пролетарским художникам, лично выезжал во многие районы Северного Кавказа. Так, летом 1930 года итогом научной командировки И.П. Тарасова в Карачаевскую автономную область «с целью изучения горского орнамента и производства зарисовок» стали 46 этюдов – образцов горских орнаментов, 6 акварельных этюдов с древних могильников и почитаемых мест, 5 этюдов тушью древних керамических сосудов. Орнаменты были проанализированы, художник объединил их в «генетические группировки»: «а) первобытные формы орнамента на предметах быта и оружия (линейная резьба по дереву и линейный рисунок на войлочных коврах), эволюционная форма, задержанная магометанством – шитье и чернь по серебру; б) группы малоазиатского орнамента (течения шиитское и суннитское), растительный орнамент и сложные арабески; в) упадочные формы мусульманского орнамента: резьбы на дереве, резьбы на мягком камне, насечки и чеканки по металлу» (11).

Творческий путь И. П. Тарасова необходимо изучать дополнительно, так же, как и биографии еще двух его современников – художников М. Чиненовой (автора портрета большевика Муссы Кундухова, имя которого было присвоено музею в 1931 г.) и Н.Д. Щелкунова. Семь акварельных работ Щелкунова, выполненных в 1929 году и объединенных общим названием «Горные пейзажи Осетии», следует тоже отнести к описываемой коллекции. Очевидно, что Н.Д. Щелкунов тоже участвовал в экспедициях в горную Осетию и совершил поездку по Военно-Грузинской дороге.

Художественные работы приобретались музеем у авторов и на выставках. Осенью 1935 года на Северо-Кавказской художественной выставке, проходившей в Пятигорске, вне плана были куплены офорт Н. Лакова «Осенний перегон баранты в Дагестане», акварель Ю. Моллаева «Тарки – бывшая резиденция ханов Тарковских», «Портрет скульптора-дагестанца», исполненный сангиной М.-А. Джемалем (12). С этими признанными уже в то время художниками из Дагестана были заключены договоры на написание больших живописных полотен идеологической направленности. Три вышеуказанные работы сохранились и являются частью коллекции Ставропольского краеведческого музея.

В коллекции «Горцы Северного Кавказа глазами художников 1920-1930-х гг.», рассказывающей о Дагестане и Осетии, Карачае и Черкесии, Чечне и

Ингушетии, сегодня числятся 470 работ в следующем количественном соотношении: В.С. Шлипнев – 112, Д.С. Федоров – 109, Ф.М. Черноусенко – 98, И.П. Тарасов – 62, Х.-Б.Б. Ахриев – 17, А.Г. Хохов – 28, М.С. Туганов – 8, И.П. Щерблыкин – 7, Л.Е. Агнаев – 4, И.С. Богатырев – 6, М.-А. Джемал – 1, Ю.А. Моллаев – 1, Н.И. Лаков – 1, М. Чиненова – 1, А. Михайлин – 1, Попов – 1. Авторы 13 работ до сих пор остаются неизвестными, исследования продолжаются.

Использованная литература и источники:

1. ГАСК, ф. 1077, д. 49, л. 1
2. ГАСК, ф. 1077, д. 49, л. 49
3. ГАСК, ф. 1077, д. 62, л. 3
4. ГАСК, ф. 1077, д. 49, л. 55
5. ГАСК, ф. 1077, д. 66, л. 9
6. ГАСК, ф. 1077, д. 49, л. 57
7. СГКМ, «Итоговый акт № 1 историко-искусствоведческого исследования коллекции «Горцы Северного Кавказа глазами художников 1920-1930-х гг.», 20.11.2001 г.
8. ГАСК, ф. 1077, д. 32, л. 1
9. ГАСК, ф. 1077, д. 23, л. 13
10. ГАСК, ф. 1077, д. 32, л. 11
11. ГАСК, ф. 1077, д. 32, л. 11
12. ГАСК, ф. 1077, д. 32, л. 97

Андрющенко Т. Н.

с. Татарка,
историко-краеведческий музей села Татарка –
филиал СГКМ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве,
заведующая музеем

«Времен связующая нить» (о выставке «Возрождение казачества»)

«Возрождение казачества» – выставка, посвященная этапу истории длиной в 35 лет. В преддверии начала активных наступательных действий на Кавказе правительство Николая I усилило казачество за счет казенных селений, которые передавались в военные ведомства со всеми числящимися в них жителями и угодьями. Таким образом, с 1835-1970 г.г. станица Татарская была причислена к Ставропольскому казачьему полку, и ее коренные жители находились в казачьем сословии.

Эта выставка начала работать, когда по всей стране широко отмечали 15-летие возрождения казачества. А для нашего музея она стала особенной еще и потому, что открыла новую страницу истории. После переезда в новое здание Дома культуры появилась уникальная возможность в просторном зале представить весь имеющийся материал по теме, уникальную коллекцию вышивки, предметов бытового и хозяйственного назначения. Для оформления экспозиции широко использовался природный материал.

Особый интерес у посетителей вызвал помещенный на стенде список казаков, возводивших храм. Ими, с разрешения Святейшего Синода и с дозволения Новочеркасского Епархиального начальства, в 1840 году была заложена, а через три года построена церковь.

Икона Казанской Божьей Матери, чье имя носит храм, открывает экспозицию. Ее автор – член Союза художников, директор ООО «Художественный фонд Союза художников», участник Всероссийской выставки Академии искусств в Санкт-Петербурге (2005 г.) скульптор Мясников Георгий Прокофьевич. Лик Пресвятой Девы, выполненный из гипса, надолго приковывал внимание посетителей.

К сожалению, в период религиозного гонения в 1938 году церковь была до основания разрушена. В 90-е годы XX века была создана инициативная группа из двадцати человек, в состав которой вошли потомки тех самых казаков, некогда возводивших святыню. В мае 1992 года на их прошение последовала резолюция Высокопреосвященного Митрополита Гедеона: «Бог благословит и да поможет

Вам!». В июле 1994 года у церкви появилось постоянное место для служения – здание бывшей церковно-приходской школы, построенное в 1895 году.

Картины местного художника Лунева Анатолия Яковлевича «Дорога к Святому колодцу», «Святой колодец» передают красоту и значимость этого места. Здесь же помещены фотографии прежнего и настоящего вида источника. Согласно паспорту, выданному Министерством культуры Российской Федерации 16 ноября 1995 года, он называется «Родниковый Источник Пресвятой Богородицы», «Святой колодец». Он имеет несколько функций: источник питьевой, экологически чистой воды; место кратковременного отдыха; место религиозного культа почитания христианами Пресвятой Богородицы, освятившей своим явлением источник. В этом же документе дается историческое обоснование.

С 50-х гг. XIX в. по всей Кавказской Епархии распространяется весть о чудотворном источнике на южном лесистом склоне близ села Татарка. Татарская казачка Елена Бабичева дважды видела во сне старца-странника, который наказывал ей поставить сруб у одного из родниковых источников и отслужить молебен с водосвятием, ибо вода в источнике святая. Молебен отслужил настоятель Татарской церкви Мефодий, тогда же был поставлен деревянный сруб с крышей, двумя иконами и лампадками (1, с.15-18).

Источник официально признан чудотворным в 1872 году, при архиепископе Кавказском и Ставропольском Агафадоре. В дни церковных праздников «Святой колодец» становился местом паломничества. Шел сбор средств для построения церкви Божьей Матери в честь иконы «Всех скорбящих радость». Эти планы не осуществились из-за начавшейся Первой Мировой войны.

В конце 50-х гг. XX века были разрушены все постройки: часовня, бассейн, обрамляющая стена-иконостас, купальня, сторожка. Для сокрытия мест расположения архитектурных элементов чаша, выдолбленная в каменистом склоне под источник, была засыпана грунтом и утрамбована.

Восстановительные работы начаты в 1993 году, при совместном участии представителей Ставропольской духовной епархии и городского Союза казаков (атаман – В.А.Есаулов). Постановлением главы администрации Ставропольского края от 01.11.1995 года № 600 он подлежит охране как памятник градостроительства и архитектуры. Затем администрация Ставропольского края, Комитет по культуре издают Приказ №122 от 10.06.1996г. «О создании условий, способствующих сохранению памятника истории и культуры местного значения «Святой колодец». В приказе говорится о разработке и утверждении границ зон охраны, реставрации и благоустройстве территории. Комитету по культуре Шпаковского района (Дивиковой Н.В.) поручено обеспечить контроль за

соблюдением охранных мероприятий на данной территории и режимным использованием.

Учитывая отдаленность объекта и связанные с этим затруднения в осуществлении регулярного контроля территории, поддержании чистоты и порядка, ведении просветительской деятельности, было решено эти функции возложить на музейных работников. Таким образом, Постановлением главы администрации Шпаковского района от 01.08.1997 года № 247-р был создан филиал Шпаковского районного историко-краеведческого музея. 15 сентября два сотрудника приступили к исполнению основных обязанностей. Это заведующая историко-краеведческим музеем села Татарка Андрющенко Татьяна Николаевна и младший научный сотрудник Касьян Григорий Федорович, который находился ежедневно в лесу у родника. Он сфотографировал место перед началом своей работы. И далее, по фотографиям, прослеживал, как менялся святой колодец. Надо отдать должное его энтузиазму и трудолюбию.

В настоящее время поляна имеет совершенно другой вид: висится часовня, сторожка; облагорожены дорожки, купальня. Наблюдается повышение интереса к источнику со стороны жителей и гостей края.

Особое место на выставке занимают фотографии частного предпринимателя Хижняка Андрея Викторовича. Здесь были представлены седло казачье в комплекте, узда ленточная и нагайка. Соответственно было изучено это исконное ремесло казаков. На хуторе Темнореченском стоит дом, в котором размещены мастерские, изготавливающие более сорока видов продукции – вожжи, хомуты, несколько видов седел, уздечки, арапники и др. Здесь трудится двадцать один человек, а это, учитывая отдаленность населенного пункта от города, имеет большое значение. Сам хозяин производства Хижняк А.В. – потомственный казак, родом из города Славянска-на-Кубани. По окончании Первомайского совхоза-техникума в г. Кисловодске он работал зоотехником в Правокумске. Решив продолжить учебу в сельхозинституте, приехал в г. Ставрополь. А по дороге встретился ему хутор Темнореченский. Дух захватывало от степных просторов вокруг и гор в белой дымке. Так и остался здесь жить, заведовал фермой 3-го отделения сельхозпредприятия «Ставрополец». Позже работал заготовителем в Татарском сельпо. Одним из направлений работы была заготовка шкур крупного рогатого скота, свинных, конских и сдача на Краснодарскую фабрику кожаных изделий. Как человек творческий, он загорелся наладить собственное производство, перерабатывая сырье в готовую продукцию. Началом дела стал хомут, приобретенный в Краснодаре. Дома вместе с супругой его разобрали на части, сняли лекала и принялись за изготовление нового. Учитывая погодные условия, войлочную часть хомутины заменили на кожаную. Таким образом, в 1990 году родилось дело, которое за шесть лет стало известным далеко за

пределами края. Готовая продукция поступает на склад, откуда ее отправляют в магазин на хутор Польский, в Москву, Краснодар, Ростов и др. Изделия очень красивые, добротные и бархатные на ощупь. Это редкое производство, знатоки приезжают за товаром со всей России, бывают покупатели даже из-за границы.

У каждого изделия своя история создания. Предметы привозили отовсюду: покупали на фабриках и на отделенных хуторах у старожилов. Например, технологию изготовления седла позаимствовали у коренных жителей Нижегородской области. Первый этап – заготовка шкур, этим занимается сын Виталий. Подготовив нужную партию, отвозят в г. Таганрог на кожзавод. Выделка шкур – процесс долгий и трудоемкий. Через полтора-два месяца готовую шкуру привозят назад. Производство начинается в столярном цехе. Следует отметить, что оборудование и все приспособления в основном выполнены самостоятельно. Мастера вырезают заготовки определенной формы из древесины для седел и хомутов, затем их склеивают, зажимают, скручивают и помещают под пресс для придания нужной формы. После просушки их вынимают, придают нужную форму: заостряют или закругляют. Укрепляют на них металлические части и передают в сборочный цех. Таких цехов два. Мастера специализируются на сборке различных моделей седел – драгунского, казачьего, прогулочного и офицерского. Здесь же в цехе ведется его раскрой и пошив. После примерки седло подгоняют и выравнивают. После окончания техникума, с дипломом технолога швейного производства, пришла работать дочь Лена. Она вместе со всеми шьет уздечки и недоуздки. А в следующем цехе вручную изготавливают огромное количество различных плеток. Любовь к животным привела Хижняка А.В. в зоотехники. Знания, полученные при обучении и в работе, пробудили казачий дух и желание посвятить главное дело своей жизни делу своих предков.

«Казачество возрождается» – фотовыставка Ставропольского государственного краевого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе – дала возможность посетителям расширить границы познания от истории родного села до масштабов всей страны, ощутить единое течение истории на конкретных примерах. Многоликая и многогранная палитра фотографий вызвала незабываемые впечатления и глубокий интерес публики.

Широкая рекламная кампания привлекла в музей большое количество школьников местной школы. Организованно, на автобусах приезжали учащиеся из Нижней части села Татарка, из хутора Верхнеегорлыкского. В конце октября музей встретит учителей-краеведов со всего района. На базе МОУ СОШ №11 будет проведен семинар, и его участники посетят музей и Святой колодец.

Именно в селе наиболее ярко прослеживается жизнь нескольких поколений. В музей пришли потомки тех, кто оставил яркий след в истории села,

края. Выставка «Возрождение казачества» своей многоликостью дала возможность посетителям почувствовать неразрывную связь веков и поколений.

Использованная литература и источники:

1. Андриященко Т.Н. Прошлое и настоящее Святого колодца //Прозрителевские чтения. Вып. 1. Ставрополь: СГКМ,2005.

Вклад Ставропольского губернского статистического комитета в археологию Северного Кавказа

Ставропольский губернский статистический комитет (СГСК), возникнув в 1858 г. и осуществляя всестороннее изучение губернии, со временем превратился в научное учреждение, став своеобразным центром краеведения и регионоведения. В него обращались за справками по различным вопросам, относящимся к истории края, как правительственные органы, так и научные организации, общества, и простые люди.

Научно-историческая деятельность СГСК развивалась по нескольким взаимосвязанным направлениям: историко-археологические, этнографические исследования, охрана памятников древности, археографическая, культурно-просветительская и издательская деятельность.

Организация научных исследований комитета возлагалась на секретаря, который должен был вести все делопроизводство комитета, его переписку с Центральным статкомитетом, МВД, различными учреждениями, в том числе и с Археологической комиссией и Московским археологическим обществом.

В 1875 г. в СГСК обратилось за содействием Общество любителей кавказской археологии, целью которого было исследование памятников древности на Кавказе и выработка мер, содействующих их охране, сбор сведений о памятниках археологии и приобретение древностей. Предлагалось привлечь к добровольным трудам в качестве членов-корреспондентов общества лиц “из служебного или иных сословий, имеющих охоту заниматься описанием древних памятников, раскопками и тому подобными изысканиями, или владеющих собраниями монет, книг и рукописей”(1, с. 84-85). В результате Ставропольский статкомитет занялся сбором археологических предметов.

Приведение в известность памятников древности, сбор сведений о них, коллекционирование – все это является формами охраны археологических памятников. Коллекционирование археологических находок, предметов старины возникло еще на первом этапе их существования (до 1860 г.). Позже, на втором этапе, они легли в основу созданных при комитетах исторических, этнографических и археологических музеев, которые, в свою очередь,

подготовили почву для возникновения губернских краеведческих музеев широкого профиля.

Изучение памятников началось со сбора сведений о них, выяснения месторасположения курганов Ставропольской губернии. Наряду с географической характеристикой, описание включало также указание высоты курганов. Так, в материалах СГСК упоминается Винодельный курган – 494,20 футов высотой (2, с.67). Это знаменитый Ипатовский курган, который был раскопан в 1999 году.

Вместе с географическим анализом был проведен орографический обзор курганов, разбросанных по степям Ставропольской губернии, абсолютная высота которых не была еще определена. Многим из них были даны названия: например, на земле села Михайловского – «Разрытый», «Базин»; с. Надеждинского – «Аксенова», «Три маяка»; с. Ставропольского – «Два брата»; с. Благодарного – «Острый», «Сонины»; с. Константиновского – «Ставропольский», «Три брата» (2, с.69).

Археологические работы статкомитета поощрялись и циркулярами МВД. Вопрос об участии Статистических комитетов в сборе сведений о памятниках древности обсуждался и на I Археологическом съезде в Москве в 1869 г., где им была предложена программа изучения памятников старины, при этом подчеркивалась их роль именно как научных учреждений (1, с.85).

СГСК работал по запросам Археологической комиссии и Московского археологического общества, с которыми установились тесные научные связи. Т. о., он готовил информационную базу для научных экспедиций центральных археологических обществ на Кавказе, организованных во второй половине XIX века.

В 1905 г. на Общем собрании Ставропольского статистического комитета было решено издавать труды его членов в «Сборниках сведений о Северном Кавказе» (3, с.15). В материалах, которые размещались на страницах «любимого детища» сотрудников комитета, воплотилась идея изучения Северного Кавказа как единого целого.

Выпуск ценных во всех отношениях томов начался с 1906 года. Осуществили дело замечательные исследователи и сподвижники науки Г.Н. Прозрителев и А.С. Собриевский, последний непродолжительное время возглавлял комитет. Под редакцией Г.Н. Прозрителева вышли одиннадцать томов «Сборника сведений о Северном Кавказе» (1909 – 1920). Все работы, содержащиеся в указанном Сборнике, содержат богатейший материал по истории Северного Кавказа в целом, Ставропольской губернии и г. Ставрополя в частности. Ряд из них посвящен археологическим памятникам региона.

Так, в одном из выпусков находим описание Маджарских развалин, сделанное Г.Н. Прозрителевым, и констатацию печального факта – остатки “Загадочного города, обреченного на то, чтобы окончательно исчезнуть с лица земли и унести с собой истину о существовании его и тех, кто в нем жил...” (4, с.1). Он подробно описывает остатки жилищ, тянувшихся на 25 верст по обеим сторонам реки, где находится город Св. Креста, селения Прасковья, Покойное, Бургон-Мажары, развалины городских построек, находки предметов утвари, украшений, памятники, имеющие надписи, делает выводы о занятиях жителей, характеризует погребальный обряд.

На основании изучения и сравнения мажарских древностей с предметами, найденными при раскопках близ Керчи в горе Митридат, автором делается вывод о связи жителей Мажар с побережьем Черного моря, Боспорским царством и о том, что на реке Куме некогда был центр бойкой жизни. Кроме того, приводятся предания о гибели города, сведения о появлении здесь русского населения в 1765 г. (5, с.4-16), рассматривается роль хазар в жизни Руси.

В статье “Древние христианские памятники на Северном Кавказе” находим описание древних церквей, развалин, построек и целых поселений, находящихся в Кубанской области в долинах рек Большой и Малый Зеленчук, Бежгона, Кефара, по Теберде, Хумаре, Марухе и в примыкающих к ним ущельях, а также сохранившихся обрядов христианского типа. Автором поднимается вопрос о происхождении горского населения Кавказа и его первоначальных верованиях. “...По всему Кавказскому предгорью и на Северном Кавказе в пределах Кубанской, Терской областей и нынешней Ставропольской губернии... далеко еще до распространения ислама, христианство прочно установилось и исповедовавшее его население обладало высокой культурой. Последовавшие потом нашествия диких орд из Азии и затем фанатические войны проповедников Корана смели с лица земли довольно значительное население Кавказского предгорья и его степной полосы, а с ним погибли и христианство, и весьма интересная культура, о которой теперь можно судить по немногим остаткам...” (6, с.3-4).

Автор сожалеет о слабой изученности Ставропольской губернии с ее реками Кумой и Калаусом, служившими “историческими дорогами народов, двигавшихся по этому пространству от Каспийского к Черному морю”. Здесь, в бескрайних степях, встречается масса каменных изваяний, курганов, могильников с предметами культа, остатков вооружений, монет различного происхождения, в т. ч. и греческого (6, с.5-7).

В то же время он отмечает, что порой “открытия и находки совершаются совершенно невежественными людьми... которые отнимают у науки драгоценнейший материал”(7, с.3).

Из работы “К истории Тмутараканского камня” мы узнаем об обстоятельствах его обнаружения на о. Фанагории военными I-го батальона Таврического егерского корпуса в 1793 г. Г.Н. Прозрителев посчитал нелишним подчеркнуть историческое значение камня, т.к. он является доказательством существования Тмутараканского княжества и указывает на его местоположение, а надпись, сделанная на нем, подтверждает указание летописи на княживших в Тмутаракани князей.

Г.Н. Прозрителев дает описание тебердинских могильников, мумий балкарских могильников, что также представляет значительный интерес (8, с.1-6).

Однако деятельность статкомитета, несмотря на ее разносторонний характер, не могла затронуть все вопросы местного краеведения. Богатая археологическими памятниками, хранящая огромное количество тайн Ставропольская земля нуждалась в специальном изучении, в создании учреждений, которые занялись бы разработкой этих вопросов. Основу для организации таких учреждений и обществ создал именно Ставропольский ГСК.

В результате более чем полувекового функционирования Ставропольский губернский статистический комитет оставил целые тома своих трудов, в которых накопился ценный статистический и библиографический материал о губернии. Издания статкомитета и сегодня, спустя век после публикации, представляют собой универсальный комплекс исторических источников, без знания которых невозможно полноценное изучение истории Северного Кавказа. Они являются единственными в своем роде свидетельствами исторического, археологического, этнографического, хронологического, экономического и демографического характера, которые никогда не потеряют своего значения для истории Ставрополя и всего Северного Кавказа.

Использованная литература и источники:

1. Колесникова М.Е. Научно-историческая деятельность Ставропольского губернского статистического комитета в конце XIX – начале XX в. // Вопросы северокавказской истории. – Армавир, 1998. Вып. 3
2. СССоСГ. Вып. VII. (ред. Бентковского) – Ставрополь, 1876.
3. Отчет по изданию трудов Ставропольского губернского статистического комитета, его библиотек и по Ставропольскому музею Северного Кавказа за 1905 – 1906 г. – Ставрополь, 1908.
4. Прозрителев Г.Н. Развалины древнего Хозарского города “Мажары” близ сел. Прасковей, Ставропольской губернии на реке Куме // ССоСК. – Ставрополь, 1908. Т. II.
5. Прозрителев Г.Н. Мажары. Один из древнейших городов Северного Кавказа // ССоСК. – Ставрополь, 1906. Т. I.
6. Прозрителев Г.Н. Древние христианские памятники на Северном Кавказе // ССоСК. – Ставрополь, 1906. Т. I.
7. Прозрителев Г.Н. Археологическая находка. Александровско-Афонский Зеленчуский монастырь // ССоСК. – Ставрополь, 1908. Т. II.
8. Прозрителев Г.Н. Древние тебердинские могильники. Мумии балкарских могильников Терской области Нальчикского округа // ССоСК. – Ставрополь, 1913. Т. IX.

Музейный экспонат – источник по истории «военного лихолетья»

В патриотическом воспитании молодежи важную роль играют музеи. Многие знают историю своей деревни или города. В связи с актуальностью вопросов патриотического воспитания в стране была разработана государственная программа "Патриотическое воспитание граждан РФ на 2001-2005 годы" (1, с.12-21). В ней подчеркивается необходимость единой государственной политики в данной области и соответствующей ее содержанию системы патриотического воспитания россиян. Значимая роль в реализации данной программы принадлежит и музеям. Важно, что и в период реформ, в период массовой ломки всего "старого", музеи, патриотические клубы и отряды на их базе все же продолжали работу по патриотическому воспитанию школьников. Продолжают они действовать в данном направлении и сейчас.

Работники музеев, жители сел и городов по крупицам собирают экспонаты, записывают воспоминания старожилов и ветеранов Великой Отечественной войны, ведут беседы с выдающимися людьми, и это, конечно, служит развитию музея и делу патриотического воспитания. Из музейных материалов молодежь узнает о культуре, быте, о героическом прошлом земляков-защитников Родины. Многие экспонаты рассказывают о военных действиях в годы Великой Отечественной войны. На стендах музеев посетители видят фотографии Героев Советского Союза, кавалеров 3-х орденов Славы, людей, которые отдавали жизнь во имя Победы. Знакомство с этими материалами прививает мальчишкам смелость и другие позитивные качества. Данные о Героях Труда способны учить молодых людей быть упорными и добросовестными.

Музейный предмет тесно связан с историей, культурой, развитием общества, военными событиями народа. Он всегда сохраняет свое предназначение и является источником по истории той или иной эпохи или периода жизни людей. Музейный экспонат является официальным памятником истории и не зависит от правящих кругов, но может по-разному восприниматься в том или ином контексте экспозиции. Несомненно, экспонат является

национальным достоянием, он проявляет себя в персоналиях, медалях, монетах, значках, марках, оружии, одежде и раскрывает то или иное историческое событие. Экспонаты отражают подлинные исторические события и становятся национальным достоянием (2, с.96-98).

Воспитательное значение музеев необычайно возрастает в последние годы. В экспозициях многих музеев нашел яркое воплощение героизм военных лет. И это не только предметы, но и документы, письма, фотографии, также ставшие музейными экспонатами. В музеях люди видят материальные памятники, чрезвычайно ценные для изучения «военного лихолетья». Музейные экспозиции, связанные с Великой Отечественной войной, часто являются центрами, которые решают задачи воспитания гражданственности, высоких нравственных качеств личности.

В музейно-краеведческой работе участвуют школьники, педагоги, родители, а также активисты общественных и, прежде всего, ветеранских организаций. Учащиеся сплачиваются вокруг общего дела в школьных музеях, получают навыки общения, совместного творчества, коллективного труда. Очень важна на сегодняшний день планомерная и систематическая краеведческая работа, так как она расширяет кругозор, формирует гражданское самосознание молодого человека, прививает ему навыки исследования.

В качестве примера можно рассмотреть опыт работы музея школы № 8 с Тищенского Изобильненского района. В нем имеется и постоянно развивается патриотический раздел. На его базе учащиеся могут, в частности, пополнить свои знания об истории великой эпохи (3).

Одним из самых интересных экспонатов является пистолет-пулемет Судаева. Это грозное оружие времен Великой Отечественной возвращает в далекий, военный год 1942. Производили пистолет-пулемет в осажденном Ленинграде, под руководством самого конструктора Алексея Ивановича Судаева, который находился в блокадном Ленинграде до июня 1943 года. Испытания пистолеты-пулеметы проходили непосредственно в боевых условиях, на фронте. Бойцы и командиры Красной Армии, вооруженные ППС-42, успешно отбивали атаки фашистов. Это оружие успешно применяли партизаны, десантники, танкисты, разведчики и бойцы лыжных диверсионных групп. С этим оружием было удобно вести бой во вражеских траншеях, густых лесах, в зданиях. Потому, что он имеет складывающийся приклад. Малогабаритный магазин для патронов быстро и легко заменяется новым, очень прост в обращении. Интересно отметить, что ППС, помимо своего прямого назначения, использовался и в качестве почетных подарков выдающимся военачальникам. Имеющийся экспонат музея, а также подобное оружие, держали в руках наши земляки в годы войны, с таким

оружием закончили 60 лет назад войну. У пулемета – фигуры двух бойцов. Один прицелился, приготовился дать очередь по врагу. В фигуре другого бойца, с далеко протянутой вперед рукой, как бы слились воедино весь героизм, внутренняя устремленность к победе. Фигура эмоциональна. Это образ призыва к победе и одновременно это образ торжества Победы.

Среди экспозиционных материалов музея много боевых наград. В годы Великой Отечественной войны, когда все материальные и духовные силы были брошены на освобождение Родины от фашистских захватчиков, активно выпускались наградные медали за воинские доблести, ставшие позже музейными экспонатами (2, с.96-98).

Медаль «За победу над фашистской Германией» была выпущена уже после окончания войны. Ею награждались не только те, кто сражался на фронтах, но и те, кто трудился в тылу на фабриках и заводах, кто рыл окопы, кто участвовал в обороне городов.

На стендах музея, в витринах лежат десятки, сотни фотографий участников войны, участников военных событий, на нас смотрят brave солдаты. По-разному складывался их жизненный путь, кто-то погиб, кто-то ранен, кто-то победно закончил войну и продолжал трудиться на благо Родины. Разглядывая экспозиции музея с. Тищенского, я увидела фотографии и списки погибших в годы Великой Отечественной войны жителей села. Читаю – «ушло на фронт 600 человек, погибло 294 человека» – это еще не точно установленные цифры. Это только в маленьком селе, а сколько их по стране – миллионы. Миллионы увечных, потерявших навсегда трудоспособность. Материалы музеев свидетельствуют об этом.

Конечно, невозможно передать всю боль и страдание людей, переживших войну, даже с помощью большого количества музейных предметов, невозможно и поставить диагноз серьезно больному человечеству. Важно то, что человек, посетивший музей, задумается над многими проблемами, решать которые приходится и ему, и его детям, а в последующем – внукам.

В 2005 году исполнилось 60 лет со дня великой Победы Советского Союза над немецко-фашистскими захватчиками. 60 лет – срок не малый. За это время выросло и сменилось не одно поколение, постарели дети тех, кто сражался на фронте в годы Великой Отечественной войны, кто самоотверженно трудился в тылу для фронта, для победы. Стали взрослыми внуки и правнуки, но не забыты самоотверженные люди тех героических дней, в упорной борьбе отстаившие свободу и независимость своего Отечества.

Молодые люди сегодняшнего дня порой забывают о периоде Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.), о своих героях-земляках, а иногда совсем ничего не знают. Сейчас, когда идут различные преобразования в школах, колледжах, лицеях и вузах, протекают исключительно сложные процессы, имеющие в себе немало негативного и трагического, просто необходимо формировать у молодежи патриотическое сознание посредством привития культурных и нравственных качеств. Каждый должен знать отечественную историю и особенно трудный период Великой Отечественной войны. Только при этих условиях люди способны стать настоящими гражданами своей страны. Помнить великие вехи своей страны – это не только дань погибшим. Без прошлого нет настоящего, не может быть и будущего.

Использованная литература и источники:

1. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы» от 16.02.2001 г. №122 // Журнал «Основы безопасности жизнедеятельности». – 2001. -№7.
2. Косарев А.В. Героико-патриотическая тема // Искусство медали. М.: Просвещение, 1977.
3. Афанасова Т.С. История села Тищенского в период с 1941 по 1945 гг./ Курсовая работа, III курс. Научный руководитель – к.и.н. Колесникова М. Е.

Барабанова Е.Г.

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный краеведческий музей
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе,
научный сотрудник

Обзор и анализ коллекции «Бонистика» из фондов Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе

К началу 2005 года завершена сверка коллекции «Бонистика» («НБ») из нумизматического собрания музея. Коллекция насчитывает 4368 единиц хранения основного фонда.

По составу коллекция включает все виды бумажных денежных знаков (ассигнации, кредитные, банковские и казначейские билеты, банкноты и пр.) и их суррогатов, а также различные виды ценных бумаг (облигации, акции, векселя, лотерейные билеты, чеки, купоны и пр.). Хронологические рамки коллекции – XVIII-XXI вв., от первых государственных ассигнаций России до современных денег и денежных документов.

Коллекция комплектовалась на протяжении многолетней истории музея. Первыми экспонатами были турецкие купюры времен Русско-Турецкой войны 1877-1878 гг. и денежные знаки Японии начала XX в. – времен Русско-Японской войны 1904-1905 гг., попавшие в музей Г.Н. Прозрителева вместе с другими военными трофеями.

В 30-х годах XX в. Ворошиловский краевой музей краеведения (ныне Ставропольский краеведческий музей) уже целенаправленно собирает денежные знаки первых лет Советской власти 1917-1924 гг., о чем свидетельствуют записи в его книгах поступлений (ВКМК КП № 8 –1936). В этих сборах выделяется достаточно полноценная коллекция правительственных и суррогатных денег времен революции и гражданской войны 1917-1920 гг., по всей вероятности, это была личная коллекция, переданная в музей в 30-е годы (свыше 300 единиц хранения).

В 50-е годы фонд бонистики пополнился поступлениями денег Российской Империи начала XX в. и денежной массы, имевшей хождение на Северном Кавказе до первой советской денежной реформы 1922 года, особенно выделяется большой объем так называемых Донских денег и советские деньги предвоенного выпуска. После реформы 1961 года в музейную коллекцию были переданы банковские образцы казначейских билетов 1947 года.

Интересен факт поступления (1967 г.) денежного клада, найденного при сносе старого городского особняка – 642 купюры времен Российской Империи и начала XX века. В 1970-е годы в музейное собрание поступила большая личная коллекция С.К. Даля – ученого, краеведа, коллекционера, человека

энциклопедических знаний, большого друга и консультанта музея. 667 единиц хранения денежных знаков – достаточно полный, хорошо систематизированный и изученный коллекционный материал по истории денежного обращения России. В дальнейшем С.К. Даль помогал сотрудникам музея в формировании, определении и систематизации всей музейной коллекции не только бонистики, но и нумизматики.

В 1980 году в музей была передана еще одна большая личная коллекция Б.А. Ростигаева. 1123 предмета коллекционной бонистики удачным образом дополнили музейный фонд. В эти же годы активно комплектовался такой раздел коллекции, как «Ценные бумаги» – заемные билеты, облигации, акции, выигрышные и лотерейные билеты.

Раздел зарубежной бонистики складывался в большей степени случайно. Так, деньги фашистской Германии и ее оккупационных режимов поступили вместе с фондами некоторых ветеранов Великой Отечественной войны. А после туристических поездок и зарубежных командировок дарителей коллекцию музея дополнили деньги стран социализма – Венгрии, Польши, Монголии, Болгарии.

В 1990-е годы, после распада СССР и смены политического курса, сотрудники музея активно собирали быстро сменяющие друг друга денежные знаки СССР, Российской Федерации, стран СНГ и появившиеся денежные суррогаты. В это же время в музей поступили так называемые «деньги, подобранные на улицах разрушенного г. Грозного в 1995 году», деньги бывшей Российской Империи из частных архивов русской эмиграции, переданные в музей Ниной Изели, гражданкой Швеции русского происхождения.

В 2000-2005 годах коллекция бонистики продолжает комплектоваться новыми поступлениями – денежными знаками России, стран ближайшего и дальнего зарубежья, различного рода ценными бумагами.

Коллекция бонистики музея систематизирована по хронологическому и государственно-территориальному признаку. По возможности сохранена личная коллекционная принадлежность (особенно больших коллекций С.К. Даля и Б.А. Ростигаева).

Структура коллекции и содержательные характеристики имеют следующий вид:

1. Бумажные денежные знаки Российской Империи (1769-1917 гг.)
  - первые бумажные деньги – государственные ассигнации 1769-840 гг. (Это самые ранние и редкие образцы, группа, ввиду ее редкости, неполная).
  - государственные кредитные билеты Императорского Российского правительства (1841-1915 гг.)
2. Денежные знаки Временного Российского правительства (1917 г.)
  - государственные кредитные билеты
  - казначейские знаки
  - облигации займа «Свободы».
3. Расчетные знаки РСФСР (1919-1921 гг.)
  - государственные кредитные билеты
  - расчетные знаки

- краткосрочные обязательства, государственные денежные знаки
- 4. Территориальные правительственные выпуски бумажных денежных знаков времен интервенции и гражданской войны. Суррогатные деньги. (1918-1922 гг.)
  - Северный Кавказ и Юг России
  - Север и северо-запад России
  - Украина, Крым
  - Закавказье
  - Средняя Азия
  - Урал, Приуралье, Сибирь, Дальний Восток
  - Прибалтика, Финляндия
- 5. Денежные знаки СССР (1922-1991 гг.)
  - «совзнаки» 1922-1924 гг.
  - банковские билеты Государственного Банка СССР («червонцы»)
  - казначейские билеты образца 1925 г.
  - казначейские билеты образца 1938 г.
  - государственные казначейские билеты и билеты Государственного Банка СССР образца 1947 г.
  - государственные казначейские билеты и билеты Государственного Банка СССР образца 1961 г.
- 6. Государственные знаки России и Российской Федерации (1991-2005 гг.)
  - билеты Государственного Банка СССР 1991 г. (обновленные)
  - билеты Государственного Банка СССР 1991-1992 гг.
  - билеты Банка России 1993 г.
  - билеты Банка России 1995 г.
- 7. Государственные денежные знаки зарубежных стран
  - по государственному признаку денежные знаки стран СНГ
- 8. Ценные бумаги
  - билеты внутренних займов, лотерейные билеты
  - чеки, талоны, купоны
  - акции

Тематическое содержание коллекции очень объемно и потребовало бы отдельного изложения. Остановимся только на одной группе, которая в рамках локальной истории представляет особый интерес – это денежные выпуски Северного Кавказа и Юга России 1918-1920 годов, местного значения. Бурные политические события, финансовые затруднения, разруха на транспорте, разобщенность Центра с окраинами привели на фоне других проблем к острому недостатку денег на местах, особенно в провинции. Временно, весной 1918 г., Совнарком РФ разрешил выпуск местных денег ряду областей и краев, в том числе Терской области. Но волна местных эмиссий уже покатила по стране, началось стихийное «деньготворчество». В «Каталоге бон и дензнаков России, РСФСР, СССР, окраин и образований» (под ред. Ф.Г. Чучина, Москва, 1927 г.) приводится 46 разновидностей выпусков денежных знаков по Северному Кавказу

1918-1920 г.г. Вот лишь некоторые местные эмитенты, чьи выпуски представлены в коллекции:

- Совет Народных Комиссаров Терской Республики. 1918 г.
- Северо-Кавказская Советская Республика. 1918 г.
- Кубанское краевое правительство. 1920 г.
- Армавирское городское самоуправление, б/г
- Минераловодское городское самоуправление. 1917,1918 гг.
- Ставропольское отделение Государственного Банка. 1918,1919 гг.
- Благодарненский уездный Совет Народных Комиссаров. 1918 г.
- Кисловодское отделение Государственного Банка, б/г.
- Правительство Имама Узум-Хаджи (Дагестан). 1919 г.
- Терек-Дагестанское Правительство. 1918 г.
- Краевой исполком Советов Северного Кавказа. 1918 г.
- Кубанский областной исполком Совета народных комиссаров. 1918 г.
- и другие.

К этому надо добавить еще выпуски денег Ростовской-на-Дону конторы Госбанка и Государственного казначейства Главного командования вооруженными силами на юге России, которые имели массовое распространение. Интересно, что такое положение было вынужденно узаконено местными правительственными указами. Так, например, по Ставрополю известен Приказ № 12 Временного Ставропольского Революционного Комитета от 15 марта 1920 г. (ГАСК. Р-2572, оп. 1, д. 1, л. 132). Такая пестрая денежная картина только усугубляла процессы инфляции и невероятного роста цен. Начало финансовой стабилизации советского рубля было положено проведением известной денежной реформы 1922 года, когда был введен советский червонец с золотым обеспечением.

История денежного обращения на Северном Кавказе и, в частности, на Ставрополье в период 1917-1920 гг. еще ждет более глубокого изучения. Подводя итог вышеизложенному, нужно сказать, что коллекция бонистики Музея представляет собой богатый и многоаспектный материал, отражающий идеологию, политические события в стране, состояние экономики и финансов, культуры, полиграфии, который может стать предметом дальнейших исследований. А одной из лучших форм популяризации коллекции должна быть полноценная музейная выставка по истории российских денег и денежного обращения XVIII-XXI вв.

Беликов Г. А.

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный краеведческий музей
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве,
старший научный сотрудник

Сургучев в Ставрополе (декабрь 1942 – январь 1943 гг.)

В августе 1942 г., после многочасовой бомбардировки Ворошиловска, как тогда именовался Ставрополь, в город вошли моторизованные части вермахта. Началась более чем пятимесячная оккупация. О тех событиях я подробно рассказал в книге «Оккупация». Но и сегодня моя работа над темой продолжается. В руки попало еще много новых интересных фактов из жизни города и горожан. Среди них данные о пребывании здесь во время Рождественских праздников приехавшего из Парижа Ильи Дмитриевича Сургучева.

Впервые я соприкоснулся с Сургучевым в далекие уже 1960-е годы. Занимаясь историей дореволюционных гостиничных заведений, я зашел в большой двухэтажный угловой дом на пересечении улиц Голенева и Шаумяна. В этом доме некогда находилась известная в городе гостиница «Калужское подворье», принадлежавшая роду Сургучевых. Скрипучие ступеньки привели меня на первый этаж, где ранее находился зал, из которого многочисленные двери вели в «нумера». С 1920-х годов в них жили семьи рабочих «Красного металлиста». Среди них была и семья бывшей прислуги Сургучевых – Доры Платоновны Хомяковой. Худощавая, бодрая Дора Платоновна, которой было уже за 80 лет, много интересного рассказала и о постоянных жильцах гостиницы, и о хозяевах. Упомянула, что сами Сургучевы жили в доме, который находился в конце усадьбы и фасадом выходил на улицу Ясеновскую.

И вдруг совершенно неожиданно для меня обронила, что, «когда молодой барин при немцах приезжал в Ставрополь, то к нам заходил...».

Я, честно сказать, оторопел от этих слов.

- Это какой барин, не Илья ли Дмитриевич Сургучев?

- Да-да, он самый, – закивала Дора Платоновна. – Был он в меховой шубе и такой же шапке, с узловатой палкой в руке. Постаревшим был, я то его помнила молодым, красивым ... Меня он не узнал, хотя в его верхнем доме не раз убирала. У него там иногда много людей было – то в комнатах сидели, то на веранде, где чай из самовара пили. После них я и убирала. Он сразу стал меня спрашивать,

как мы тут жили. Да как, говорю, по-разному было. Спросила и о его заграничной жизни. Он как-то грустно улыбнулся и ничегошеньки не рассказал, а лишь слегка головой покачал. Видели его из нашего дома потом на бульваре, на скамеечке сидел, как раз оттепель пошла. Видели его и на службе на Кафедральной горе, в колокольне, где в Рождественские праздники службы шли. И вот еще что: зашел он и в мою комнату, увидел в углу образ Николая Угодника, креститься начал... Потом вышли мы вместе во двор, снегом засыпанный. Посмотрел он на старые дворовые постройки, на дом со двора, и тут увидела я в глазах его слезы... Вот и все, что с той встречи запомнила...

Через пару дней зашел я уже в сам «сургучевский дом», что на улице Ясеновской под № 56. Жившие там люди подсказали, что в войну здесь обитала лишь Евдокия Климовна Губа из 36-й квартиры. Вышла пожилая полнеющая женщина, лишь немного старше меня. Сказала, что помнит, как ее, тогда девчонку, окликнул человек, с которым ее мама потом долго говорила. От нее и узнала, что это был некогда известный писатель, который приехал из самой Франции. Но имени его не запомнила, да тогда и не до этого было. А потом мама умерла...

О тех встречах 1960-х годов у меня сохранились краткие дневниковые записи, которые надолго были похоронены в прочих личных архивных бумагах. И прошло еще немало лет, прежде чем о Сургучеве, как в Ставрополе, так и в Москве, стали все больше говорить. У нас вышла его книга «Губернатор», а потом пришел и его последний рассказ «Китеж», потрясший меня глубиной любви этого человека к своему городу. Вот несколько строк из рассказа.

«После смерти моей матери все, жившие под зеленой крышей нашего дома на Первой Ясеновской, разлетелись в разные стороны, и отцовский дом, уютный и сладостный, опустел и отдан в займы какому-то неизвестному мне «хозяйственному» человеку. Мебель Луи Филиппа была продана; рояль вывезен в Ростов; книжный шкаф, знавший столько моих тайн, рассыпался. И в этом очаровательном северокавказском городе нет теперь ни одного человека, носящего мое имя. «Поражу пастыря и рассеются овцы». Первый раз за сто лет в Страстную Пятницу никто из нас не побежит к гробу замученного Бога, никто из нас не поцелует кровавых пяти ран, которые Он принял, чтобы искупить мир от греха, проклятия и смерти. Никто из нас в этом городе не услышит пламенного акафиста страстям, когда жарко пылают шесть ставников свеч и кисея голубоватого короба пропитана женственным ароматом болгарского розового масла, похожего на то, которое когда-то приносила Мария из Магдал: ее волосы так любил писать венецианский Тициан.

И в светлую заутреню ни в Рядской церкви, ни в Варваринской, ни в Кафедральном соборе, ни в Троицком не будет ни одного человека,

принадлежащего к нашей семье. На заутрене ирмосы «Воскресения день» у нас пелись особым напевом, которого я потом не слышал нигде в России и не видел даже в сборниках Римского-Корсакова – и их не коснется ухо мое.

Тяжело и больно – и в эту минуту, такой затерянный и такой от всего родного отрешенный, я хочу через эти печатные столбцы, хоть мысленно, хоть только прикосновением луча сердца быть с тобой, мой родной, мой милый и незабываемый, с древнегреческим именем, самый для меня прекрасный и цветущий город на земле. Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буде десница моя!..»

Чтобы окончательно убедиться в пребывании Сургучева в Ставрополе, в одном из писем к внучке Ильи Дмитриевича – Татьяне Николаевне Ильинской, проживающей в Москве, задал этот вопрос. «...О пребывании дедушки в оккупированном Ставрополе в 1942-1943 гг. почти ничего с мамой не знали. Правда, из Ростова в конце 43-го мы получили письмо. Писали люди, жившие в нашей квартире во время оккупации города. По их словам, в канун 43-го года в нашу брошенную при эвакуации квартиру зашел пожилой мужчина, представившийся отцом моей мамы. Увидев на книжной полке старый фотоальбом, долго его просматривал, взял несколько фотографий. Вполне возможно, что из Ростова дедушка мог поехать и в Ставрополь, на могилу своих родителей...».

Есть предположение, что главной целью поездки Сургучева было желание забрать в Париж дочь, а поездка в Ставрополь была второстепенной. Кто знает?

Что же увидел Илья Дмитриевич в любимом городе с его некогда многочисленными церквями и храмами, женским Иоанно-Мариинским монастырем и Свято-Андреевским собором? Думал ли он, что вновь услышит не забытый им звон ставропольских колоколов?

«...Бо-ом! – сказал свое первое слово большой колокол Казанского собора, отлитый при преосвященном Иеремии, первом епископе Ставропольском, как гласит надпись на торжественной меди.

- Бом-ом! – отвечает ему расстриженный монах Агафангел из Троицкого собора.

Песнь начали главные басы, основа хора, – вслед за ними вступают другие голоса: баритон Рядской церкви, серебристый тенорок из духовного училища, женский альт архиерейского старого подворья, стоящий на горе город с торжественным греческим именем слушает с благодарной улыбкой ночную, единственную в мире симфонию колоколов, украшенных славянской вязью, с выпуклыми буквами императоров, архиереев, с упоминанием событий, с именами жертвователей, усердных к Церкви и вере, с именами купцов Чепелевых, Нестеровых, Волобуевых, вычурные могильные памятники которых так пугали

меня в детстве...» – вспоминал Сургучев об одном из пасхальных воскресений своей жизни в Ставрополе.

И вот перед писателем предстала в Ставрополе жуткая картина атеистического разгула, уничтожившего прекрасное храмовое ожерелье города. До оккупации здесь действовала лишь Успенская церковь, к которой теперь прибавились вновь открытые Св. Андрея Первозванного, Крестовоздвиженская и Преображения Господня. В нижнем этаже колокольни разрушенного Казанского собора также был устроен алтарь с небольшим иконостасом, где тоже начались службы. Приезд И.Д. Сургучева, исконно верующего человека, совпал с Рождественскими праздниками, впервые устроенными в городе после 25-летия религиозного мрака и бесовства.

О том, что Илья Дмитриевич за время своего краткого пребывания в Ставрополе неоднократно посещал службы, вспоминал и старожил города, краевед и журналист Леонид Николаевич Польской. Его отец был настоятелем Успенской церкви и одновременно церкви Св. Андрея Первозванного. Леонид Николаевич при многочисленных встречах со мной рассказывал, со слов отца, как Сургучев, только появившись в городе, после службы в Успенской церкви сразу подошел к отцу и весь остаток дня провел с ним за беседой. Тогда же он подарил отцу, являвшемуся протоиереем, привезенную им икону Казанской Божией Матери, которая пропала после смерти отца.

Между тем под Сталинградом шло окружение немецкой группировки войск. С 1-го января вермахт начал отвод своих частей с Северного Кавказа. Видимо, сразу же после Рождественских праздников Илья Дмитриевич Сургучев покинул Ставрополь уже навсегда.

Исследователи Голубого озера (по материалам музейных коллекций НМ КБР)

В Черекском ущелье Кабардино-Балкарии, в известняках Скалистого хребта находятся “Голубые озера”, уникальные памятники природы. Это название объединяет несколько озер: нижнее, среднее “Секретное”, три верхних и сухое озеро.

Одним из чрезвычайно интересных природных объектов ученые-гидрологи считают нижнее Голубое озеро, глубочайшее карстовое озеро в масштабах бывшего Советского Союза. Находится оно на высоте 805 м. над ур. м. Морфометрические измерения озера составляют: длина 233 м., ширина 146 м., площадь озера 26 тыс. кв. м., глубина 254 м.

Голубым озеро названо потому, что вода в нем имеет голубой цвет: голубую окраску воде придает сероводород. Это вещество, как известно, имеет неприятный запах, поэтому балкарцы называют озеро Чирик-Кель (Церик), что означает – «вонючее озеро». Существует и кабардинское название озера – Шэрэдж анэ (Мать Черка). Под этим названием озеро обозначено на карте XIX века.

Красота и таинственность озера всегда притягивала к себе исследователей.

К числу первых сведений о Голубом озере можно отнести данные географа, зоолога и гляциолога Динника Николая Яковлевича, уроженца г. Ставрополя (23.06.1847-7.09.1917 г.). Выпускник физико-математического факультета, естественного отделения Московского университета стал неутомимым исследователем Кавказа. В Кабарде и Балкарии его экспедиционные маршруты проходили по Терской области, в районе Эльбруса и Балкарии.

В 1890 г. в работе «Поездка в Балкарию в 1887 году» Динник Н.Я. сообщает, что, побывав в районе Голубых озер, он произвел сборы некоторых растений и что “дно озера покрыто целым лесом разнообразных водорослей и других подводных растений...”. Ботаник Липский В.И. писал, что ботанические сборы Динника Н.Я., собранные им в Терской области, частично были обработаны ботаником Шмальгаузенем И.Ф.

Более подробным изучением водной и наземной флоры Голубых озер и прилегающей к ним территории занялся Кос Юрий Иванович (1889-1961 гг.).

Он учился в университетах С.-Петербурга, Лейпцига, Осло. В Кабардино-Балкарии – с 1937 года. Ю.И. Кос стал первым ученым-ботаником нашей республики, автором многочисленных научных работ, главная из которых “Растительность Кабардино-Балкарии и ее хозяйственное использование”, первый обобщенный и дополненный труд по флоре нашей республики (1953 г.). Его исследования показали, что на мелкокаменистом дне прибрежной зоны встречаются зеленые водоросли – *Clodophora* с длинными прядями, *Spirogyra*; довольно крупные шаровые водоросли *Chara*, образующие сплошные ковры.

Фауна в Голубом озере сосредоточена преимущественно в хорошо аэрируемой прибрежной зоне и представлена беспозвоночными, их изучением занимался Парфеник Андрей Никифорович (1894-1976) – зоолог, кандидат биологических наук. В Нальчик приехал в 1947 году с хорошей профессиональной подготовкой, полученной в Петербургском Императорском университете. Работал завкафедрой зоологии, доцентом кафедры зоологии, затем и кафедры физиологии человека и животных. Сначала в Пединституте, а с 1957 г. – в КБГУ. В 1961 году опубликована его работа “Голубые озера и их фауна”, где приведены результаты зоологического исследования по всем пяти озерам. Для озера “Чирик-Кель” характерны моллюски: ушастый прудовик (*radix auricularia*), два вида катушек (*planorbis vortex* L., *pl.sarinatus* L.) Членистоногие-ракообразные – бокоплав (*gammarus pulex* L.) Кольчатые черви-пиявки: Улитковая пиявка (*Glossiphonia complanata* L.), Ложноконская пиявка (*Haemoris sanguisuga* L.), Герпобделла (*Herpobdella octoculata* L.), Гелобделла увеличенная (*Helobdella stagnalis* L.).

Приводится список насекомых, обитающих среди прибрежных зарослей.

Первые географические данные по озеру были приведены в 1920-е годы Щукиным А.С., после его экспедиции по Северному Кавказу. Иван Семенович Щукин (1885-1985 г.) – известный ученый, один из создателей советской школы геоморфологии, профессор МГУ (с 1935 г.).

В 1926-1927 годах изучением Голубого озера занимался Кузнецов Иван Георгиевич (1892- ? г.). Нальчанин, окончивший Горный институт в Петрограде в 1919 г., автор 20 научных работ по геологии, профессор, доктор геолого-минералогических наук; в 1927 году за исследование Голубого озера награжден серебряной медалью Русского географического общества.

В наших фондах хранится не научный вариант его работы, а краткий популярный очерк-издание Кабардино-Балкарского отделения Российского общества туристов Кабардино-Балкарского областного экскурсионного бюро г. Нальчика. Кузнецов И.Г. писал, что экскурсия на Голубое озеро – одна из самых доступных и собирает в течение летнего сезона наибольшее количество экскурсантов.

“... Слава о Голубом озере и его окрестностях давно уже распространилась за пределы Нальчика. Очень часто приходится встречать людей то в поездах железных дорог, то в разных городах нашего обширного отечества, никогда не бывавших в Нальчике, а стало быть и на Голубом озере, но прекрасно осведомленных о том, что есть такое озеро – излюбленная цель для экскурсии из Нальчика. Но попробуйте расспросить кого угодно об этом озере, попробуйте узнать что-либо существенное, интересное о нем – и сразу же натолкнетесь на отсутствие какого-либо представления об озере, об его особенностях, об его происхождении”. Возможно, эти обстоятельства и натолкнули Кузнецова И.Г. приоткрыть тайну Голубого озера.

Кузнецов И.Г. первый обратил внимание на то, что в озеро не впадает ни одного хотя бы маленького ручья, но из него на протяжении многих тысяч лет вытекает речка. В сутки речка выносит около 5 –6 миллионов ведер воды. Далее он подробно останавливается на вопросе: “Откуда же берется эта вода в озере?” Понятно, что оно питается подземными водами, но как? Известна роль известняков в поглощении атмосферных осадков, так как эти породы благодаря трещиноватости и легкой растворимости действительно впитывают воду, как губка.

“В условиях известняков на уровне дна озера или еще глубже, – пишет Кузнецов И.Г., – очевидно, циркулируют подземные воды, образующие мощные потоки, может быть, целые подземные речки».

Водовместилище озера представляет собой глубокий колодезь с отвесными стенками, сложенными слоистыми известняками. Вода в колодезь поступает снизу, с большой глубины, и находится под большим напором, ибо она мощным потоком вытекает сама из озера. Такие колодцы называются артезианскими. В районе Голубого озера имеются все условия, благоприятные для образования горизонтов артезианских вод.

В данных геологических условиях единственным источником подземных вод являются атмосферные осадки, выпадающие в виде снега и дождя в окрестностях озера. Ученый проводит точные математические расчеты, высчитывает, с какой площади нужно собрать атмосферные осадки, чтобы непрерывно питать озеро. «Принимая во внимание, что часть атмосферных осадков по выпадении стекает в Черек и другие речки, что часть осадков испаряется, и что не все поглощенные известняками воды потом выходят в озеро, мы с полным основанием можем принять площадь области питания не менее 50 км», – пишет Иван Георгиевич.

В своей работе Кузнецов И.Г. останавливается и на температурных колебаниях воды в озере. Более подробно вопрос о температурных скачках Голубого озера был изучен грузинскими учеными.

В июне 1980 года экспедиция Института географии им. Вахушти Багратиони изучала озеро “Чирик-Кель”. В экспедиции принимали участие Гвахария Владимир Константинович – кандидат географических наук, старший научный сотрудник, гидролог; Канделаки Василий Васильевич, – кандидат географических наук, ученый секретарь, океанолог; Маткава Давид Ивлианович – картограф-геодезист, с 1984 года завлабораторией картографии Научно-производственного объединения «Грузморберегозащита»; Симонишвили Давид Михайлович – руководитель отдела научно-технической информации (подводные работы); Гигинейшвили Гиви Николаевич – доктор географических наук, руководитель отдела гидрологии, начальник экспедиции.

Грузинские исследователи сделали замеры температуры воды в озере на различной глубине. Результаты показали, что на поверхности вода прогревается до $11,8^{\circ}\text{C}$, на глубине 50 м температура – $7,4^{\circ}\text{C}$. Такая же температура была зафиксирована на глубине 100 м. На глубине 125 м термометр показал $-8,7^{\circ}\text{C}$. Ниже, до самого дна, температура оставалась такой же.

По химическому составу вода в озере сульфатно-кальциевая, содержит сероводород. По данным химика-аналитика В.Суркова (1961 г.), общая минерализация в граммах 1,196, сухой остаток 1,270, формула химического состава $\text{M}_{1,2}\text{SO}_{480}\text{HCO}_{320}\text{Ca}_{81}\text{Mg}_{17}$. По результатам исследований грузинских ученых (1980 г.) было установлено, что минерализация воды в озере на различной глубине различна: минерализация поверхностного слоя воды – 1,171 г/л, на глубине 60 м – 1,185 г/л, на глубине 250 м – 1,346 г/л. Минерализация воды озерной речки у выхода равна 1,196 г/л.

Батиметрические измерения гидрологи провели с помощью портативного эхолота типа “Язь” и лебедочного прибора ДА-2. Этот прибор обладает очень высокой точностью ($\pm$ на 1000 м), эхолотом “Язь”, который рассчитан для работы до глубины 40 м, осуществлена съемка глубин лишь верхней воронкообразной части водоема, и на эхограммах зафиксировано 208 точек с отметками глубин.

В глубоководной части озера произведено 51 измерение глубин при помощи лота. Результаты этих и других измерений были обработаны на ЭВМ для получения условных координат промерных точек. Максимальная глубина оз. Чирик-Кель составила 254 м. «Разница между значениями максимальной глубины, полученной Кузнецовым И.Г., и нами, – пишет Гигинейшвили Г.И., – объясняется не только большей точностью последних измерений, но и тем, что за более чем 50-летний период времени углубленные участки дна могли частично заполниться скальными обломками, сбрасываемыми при строительстве шоссейной дороги в восточную, более глубокую часть озера».

Особый интерес представляют результаты исследования гигантского провала Кель-Кетчхен. (Кузнецов И.Г. тоже занимался изучением этого «Сухого

озера»). Кель-Кетчхен в переводе с балкарского означает «пропавшее», или «утекшее» озеро. Находится на высоте 992 м. над уровнем моря. Его площадь составляет 60 тыс. м², максимальная глубина – 177 м.

Грузинские ученые предполагают, что в плейстоцене (25-30 тыс. лет назад) обе депрессии (Чирик-Кель, Кель-Кетчхен) составляли единую гидродинамическую систему. Причем современное озеро Чирик-Кель представляло заполненную водой подземную полость. В самом конце плейстоцена (12-13 тыс. лет назад) озеро Чирик-Кель выходит на поверхность и в него стекает вся вода из озера Кель-Кетчхен. Река Черек, питавшая оз. Кель-Кетчхен, меняет русло, таким образом прекращается доступ напорных вод в озеро, и оно полностью высыхает.

Безусловно, ученые, изучавшие нижнее Голубое озеро на протяжении многих лет, сделали немало, но точку ставить рано. Не на все вопросы получены ответы, а значит, впереди нас ждут новые открытия и новые имена исследователей.

Использованная литература и источники:

1. Гигинейшвили Г.Н. «Температурные скачки озера Чирик-Кель»// Журнал «Природа» № 2, 1982.
2. Гигинейшвили Г.Н. и др. «Чирик-Кель – глубочайшее карстовое озеро СССР». «Известия АН СССР» (серия географическая). Москва, 1983
3. Кузнецов И.Г. «Экскурсия На Голубое озеро» (краткий популярный очерк). Нальчик
4. Кушхов А.Х. «Очерк истории ботанического изучения Кабардино-Балкарии». Нальчик, 1962
5. Парфеник А.И. «Голубые озера и их фауна». Сборник статей «Краеведческие записки». Нальчик, 1961

Бендюк О. Б.

г. Ставрополь,

Ставропольский краевой музей изобразительных искусств,

заместитель директора

Коллекция Ставропольского краевого музея изобразительного искусства

Создание изомузеев в регионах было связано с развитием культурной и художественной жизни, наличием специалистов, меценатов и т.п. Так было в Краснодаре, Ростове, Владикавказе, Астрахани. На Ставрополье подобные условия в дореволюционный период не сложились. Художественные музеи в крае были созданы лишь в 1960-е гг. (Ставрополь, Кисловодск). В Ставрополе произведения искусства поступали длительное время в краеведческий музей. Коллекция формировалась в несколько этапов:

1919 г. В краеведческом музее создается изоотдел из 10 живописных и графических работ русских художников рубежа XIX – XX вв. музея АХ.

1920 г. Экспонаты из Первого Пролетарского музея Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов и 20 – из коллекции купцов Алафузовых.

1925-1936 гг. Произведения из ГМФ, музеев Ростовской области; 26 работ из ГРМ (русский пейзаж) и ГЭ (русские портреты, датская живопись). Сформировалась небольшая коллекция искусства XVIII-XIX вв. В Ставрополь приезжают первые профессиональные художники (В.Г. Кленов).

Во время и после войны работают столичные мастера (Ю.В. Разумовская, АН. Безукладникова, др.), проходят выставки, организуется ставропольское отделение СХ России. Правление Союза инициирует создание изомузея (6 декабря 1961 – 7 ноября 1962 г., директор Б. А. Бендик). Из краеведческого музея передано 400 произведений изобразительного и прикладного искусства. Начался второй, самостоятельный этап комплектования.

1964-1965 гг. Произведения из ГЭ (180 произведений европейского искусства) и ГРМ, Новосибирской картинной галереи. Самостоятельно музей закупает 30 работ русских художников у коллекционеров Москвы, Петербурга, Ставрополя, Кисловодска; 37 икон XVIII-XIX вв. – из молельных домов края, от частных лиц. К началу 1980-х дореволюционный период в основном сформирован.

1970-е гг. – поступления предметов искусства советского периода (директор Н.А. Киракозова) художников Ставрополья; музейно-выставочный центр «РОСИЗО» (Москва), Дирекция ХФ и проектирования памятников, ВПХК им. Е.В. Вучетича, Дирекция ХвиП, передают работы художников Москвы,

Ленинграда, средней полосы России, Северного Кавказа, бывших республик Советского Союза. Сегодня это почти 2000 произведений.

Коллекция живописи XX в. условно начинается с 1920-х гг., отражает процессы, происходившие в отечественном искусстве: поиски 1920-х, «соцреализм» 1930 – 1950-х, «суровый стиль» 1960-х, искания в конце XX в.

1980 – 2000-е гг. Пополнялся фонд русского классического искусства (2 портрета), начала XX в. (работы 1915 – 1920-х, 1950-х гг. А.А. Лебедева-Шуйского).

С союзных и республиканских выставок передавались работы столичных мастеров, художников России, Северного Кавказа. У Г.Ф. Полковского (Ессентуки) приобретена коллекция экслибриса XX в. (1985 – 1986).

Сегодня в музее более 25 тыс. произведений искусства V в. до н. э. – нач. XXI в.

Атрибуция. В архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону ведутся исследования коллекции по направлениям:

- установление авторства и авторских названий;
- конкретизация изображенных мест и лиц;
- история бытования произведения, нахождение в конкретном интерьере;
- принадлежность к национальной школе.

Памятники связаны с музейными собраниями Императорского Эрмитажа, Русского музея Императора Александра III, Оружейной палаты, Английского клуба, Аничкова, Гатчинского, Павловского дворцов; частными – императоров Павла I, Александра III, императрицы Марии Федоровны; Московского Публичного и Румянцевского музеев.

Работы, находившиеся в Московском Публичном и Румянцевском музеях и в ГМФ, имели первоначальных владельцев: семейные коллекции Воронцовых, Шереметевых, Шуваловых, Лобановых-Ростовских, Солдатенковых, Мятлевых, Цветковых, Харитоненко, Высоцких, Егоровых, Свешниковых, Исаджановых.

С 1970-х гг. в отделе зарубежной живописи из 28 «безымянных» авторство возвращено 11 картинам, на 23 художника собран биографический материал, уточнены транскрипции фамилий, определена национальная принадлежность 50 картин. В отделе русской живописи из 26 «неизвестных» авторство получили 5 произведений, установлены изображенные места или конкретные лица на 8 полотнах, 10 картинам возвращены авторские названия, у 17 полотен выяснена история бытования. В отделе зарубежной графики осуществлен 21 перевод (французский, испанский, немецкий, английский), установлено 15 имен авторов.

Реставрация. Ведется последовательная реставрация памятников.

1970-1980-е гг. – 32 графики и иконописи, 2 живописи (ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря, Москва). В 1990-е гг. – 37 живописи, 1 икона, 1 графика (мастерские

ГЭ, ГРМ, КЖОИ, С.-Петербург). С 1994 г. – шпалера (ВХНРЦ, Москва); на месте реставрация предметов интерьера, ДПИ, мебели, скульптуры (20 предметов ДПИ, 10 скульптур). В 2002 г. – 3 памятника русского искусства (мастерские Ростова-на-Дону).

Всего за 12 лет отреставрировано более 100 музейных предметов.

Выставочная работа. Расширился круг выставок классического искусства: «Ожившие вновь», «Культура Ставрополя 2-й пол. XIX в. Купцы Алафузовы», «Забывтое искусство. Шпалера», «Традиции Древней Руси», др.

Одна из задач краевого музея – изучение художественной жизни края и региона, формирование коллекции современного искусства. Сложились партнерские связи с творческими союзами, национальными диаспорами. С привлечением общественности, специалистов региона и столиц прошли акция «Мастера изобразительного искусства Северного Кавказа – защитникам Отечества», 2 региональных фестиваля изобразительного и прикладного искусства – «Молодые художники Северного Кавказа. Искусство фотографии» и «Источник вдохновения» (2000-2002); обсуждались вопросы современного искусства и художественного образования, возрождения и сохранения наследия.

Комплектование. Проекты пополняют фонд работами последних десятилетий XX – начала XXI в. Участие в них таких видов искусства, как дизайн, фотография, инициировало создание в музее отдела фотоискусства.

За счет даров коллекция ДПИ увеличилась на 550 предметов; изоискусства – на 500 (ведущие художники Ростова, Краснодара, Северной Осетии, Калмыкии, Адыгеи). Помощь оказывает музейный центр РОСИЗО; МК РФ и края с выставок закуплено 50 работ художников Москвы и Северного Кавказа. За 10 лет фонд современного искусства увеличился на 1500 произведений.

В разделе «Художники Ставрополя» появился цикл выставок: «Возраст мастерства», «Памяти художника», «Новые имена», «Мастерская» и др. Итог: издания, поступление работ авторов, не принадлежавших ранее к официальному искусству (Е. Саврасов, А. Котов), работ молодых (А. Букингольц, Е. Складов, Д. Соколенко) и из наследия К. и З. Казанчан, П.С. Горбаня, А.Е. Соколенко.

Издательская деятельность. К выставкам изданы каталоги, буклеты: «С. Мягких. Мир светлого художника», «Художники Дона в Ставрополе», «Л. Попандопуло. Художники Ставрополя», «Творческий портрет художника А. Сухорукова», «Творческое объединение. Сарматы»; каталоги фестивалей «Молодые художники Северного Кавказа» и ДПИ «Источник вдохновения».

По «классической» коллекции изданы буклеты «Парадный портрет XVIII-XIX вв.», «А.П. Боголюбов», «Купцы Алафузовы и их художественная коллекция»; каталог «Русское искусство 2-й пол. XVIII – нач. XX вв.»; альбом-

каталог «Ставропольский краевой музей изобразительного искусства». По истории коллекции издан сборник материалов. В работе каталог зарубежной графики.

По современному искусству издан буклет «Искусство книжного знака», подготовлены каталоги по экслибрису и графике: «Пушкиниана», «Мастера отечественной графики», «Е. Голяховский», «Мастера отечественной карикатуры». В работе каталоги «Русская живопись 1920 – 1950-х гг.», «Живопись художников Ставрополя 1920 – 1950-х гг.», «В.Г. Кленов».

В докладах, публикациях обозначены темы: «Из истории формирования коллекции. Особенности развития художественного процесса в Ставрополе, влияние на комплектование фондов музея», «Из истории коллекции дореволюционного периода. Купцы Алафузовы. Музеи Северного Кавказа – источник поступления произведений. Художественная жизнь Ставрополя и Северного Кавказа», «Из истории формирования коллекции экслибриса», «О проблемах развития ДПИ на Ставрополье». Актуальна тема «Кавказ в творчестве русских художников XIX – XX вв.».

Краевые и региональные конференции, семинары также посвящены истории и развитию художественной жизни, профессиональному образованию в регионе – «История музейных коллекций и развитие художественного процесса» (1992), «К 55-летию Ставропольской организации СХ России» (1993), «Народное декоративно-прикладное искусство на Ставрополье» (1994), ежегодные региональные конференции (1996-1999); круглые столы по итогам работы культурных акций и фестивалей (2000-2004).

За последние 8 лет в печати опубликовано около 60 статей сотрудников музея, 5 вошло в двухтомник «Памятники Отечества» – «Земля Ставропольская».

Просветительская и образовательная деятельность музея. С 1993 года музей сотрудничает с центром музейной педагогики при ГРМ, ведется работа с учебными заведениями Ставрополя по внедрению в практику работы образовательных музейных программ: «Искусство и история», «Искусство и литература», «Искусство и экология», «Художественное краеведение», «Классическое наследие», направленных на изучение региональной культуры, создание системы интегрированных уроков на основе музейных коллекций: дидактические выставки подлинников и освоение материала через репродукции, слайды, видеофильмы, CD-диски, литературу. Комплекс музейно-эстетического образования, куда входят библиотека, методический кабинет, читальный и лекционный залы с возможностью проведения выставок, снабжен аудио- и видеотехникой, демонстрационным компьютером.

Итог – выставки, культурологические проекты с творческими союзами, кафедрами культурологии и филологии СГУ. По литературе: «А. Пушкин. К 200-

летию со дня рождения», «М. Лермонтов. К 190-летию со дня рождения», «Семья Цветаевых», «Л.Н. Толстой». По истории: «История и русский парадный портрет к. XVIII – I-й трети XIX вв.», «Петр I», «Эпизоды Кавказской войны», «XX век: «Революция», «Художники о войне», «Солдатская правда», «Трудовые ритмы пятилеток». «Художественное краеведение»: фестиваль «Достояние» – к 200-летию КМВ (Ставрополь – Пятигорск, 2003), I-й краевой фестиваль музеев (Ставрополь, 2004), акция «Голос памяти. Лауреаты премии имени Героя Советского Союза А. Скокова» (Ставрополь – Левокумское – Величаевка, 2005).

Циклы обеспечены выставками, методичками, тематикой музейных уроков. «Искусство и экология» – это ряд выставок, в т. ч. передвижных («Соавторы природы. Художники-анималисты», «Пейзаж передвижников», «Пейзаж Ставрополья» и выставки П.М. Гречишкина, В.Г. Кленова; «Цветы России» и пр.), сборник «Искусство и экология», к которому готовится издание музейных уроков.

Выпущены презентационные CD-диски: «Фарфор и керамика», «Искусство эмали», «Иконопись» и др. для работы в лекционном зале.

Музей – поле для сотрудничества. Изменения, произошедшие в стране, коснулись и музеев, сохранив статус хранилищ и научно-исследовательских учреждений, они становятся более открытыми и социально-направленными. Музей – информационно-культурное учреждение. Подлинность, качество информации, просветительская и образовательная деятельность, возможность «эстетического» досуга налагают особую ответственность на музейные службы: технические, маркетинговые, рекламно-информационные, хранения, работы со зрителем.

Используя весь потенциал подлинного произведения, музей, не прекращая традиционных направлений деятельности, становится информационно-культурным центром, открывающим возможности для сотрудничества во всех областях жизни современного общества.

Использованная литература и источники:

1. Сокровища русского искусства. Ставропольский краевой музей изобразительного искусства: сост. З.А. Белая, О.Б. Бендюк, Л.В. Волошенко. – М.: Белый город, 2004.
2. Ставропольский краевой музей изобразительного искусства. Сборник статей: сост. З.А. Белая, О.Б. Бендюк. – Ставрополь: СКММИ, 2004.
3. Научный архив музея:
Материалы научно- методических советов СКММИ. Дела №№ 60, 80/3, 85/4, 91, 92/1
Доклады, сообщения сотрудников СКММИ С.Д. Барер, З.А. Белой, О.Б. Бендюк, С.И. Валуевой, А.В. Варламовой, Л.В. Волошенко, В.Н. Соколова по истории коллекций. Дела №№ 5/2, 8, 16, 17, 25/4, 29, 38, 46, 47/2, 52/1, 92/1, 136.

**«Первый на Кавказе...»
(из истории Ставропольского драматического театра
им. М.Ю.Лермонтова)**

В этом году Ставропольский драматический театр отмечает свой 160-летний юбилей. Его история органично связана с «социокультурным» портретом города, своеобразие возникновения и развития которого постепенно проявилось и в облике театра.

С момента основания театра в Ставрополе в сознание горожанина вживается образ театра как второго, а иногда и первого, «университета», места обсуждения социальных и этических проблем, где публика вправе демонстрировать, обсуждать и апробировать свои взгляды, мнения, оценки, жизненные позиции. В современных условиях театр меняет свои приоритеты и функции. Его идеологические, познавательные, информационно-просветительные функции сегодня отходят на второй план. Но все же театр оказывает живое, возникающее непосредственно на спектакле эмоционально-психологическое взаимодействие, взаимовлияние, «взаимозаражение», творческое партнерство художника и аудитории, сцены и зала, актера и публики.

Театр всегда был и остается важнейшим компонентом социокультурной среды города. Знакомство с историей театра как культурного феномена провинции позволяет взглянуть на историю города сквозь призму одного из ее важных составляющих.

Первые попытки создать театр в городе Ставрополе относятся к 30-м годам XIX в., они были не совсем удачны, но не уменьшили стремлений общественности города создать свой, профессиональный и постоянный театр. Город рос, и культурные запросы населения тоже увеличивались. Спустя десять лет, в 1841 г., приезжий антрепренер, отставной губернский секретарь Григорий Яценко взялся сформировать для Ставрополя профессиональную труппу, а город обязан был построить театральное здание. Первые представления, по историческим данным, проходили в здании, построенном иностранным купцом Адольфом Блюмом. Помещение театра, по свидетельству современников, более походило на «лубочный балаган» (1, с. 524). И все-таки первые представления прошли успешно. Публика, давно мечтавшая о своем театре, с удовольствием шла

на представления. Поначалу, когда театр в г. Ставрополе был в диковинку, зрители охотно его посещали, и большинство из них с восторгом принимало спектакли. Но поскольку в число ставропольской публики входило достаточно много людей, прибывших на Кавказ из столицы и крупных российских городов, безусловно, имевших возможность сравнения столичных постановок со спектаклями ставропольского театра, слабые стороны ставропольских постановок очень быстро стали бросаться в глаза, и количество желающих посетить театр резко уменьшилось. Бесталанность труппы и антрепренера сделали свое дело, и Яценко стал еле-еле сводить концы с концами.

Все эти обстоятельства привели к плачевному положению как труппы, так и самого театра, помещение которого к тому же находилось в аварийном состоянии. Обследование здания театра Кавказской областной комиссией дало заключение: «нельзя принимать на себя ответственность за непременную его устойчивость, следовало бы быть таковому публичному зданию каменному» (2). В 1845 г. купцом I-ой гильдии И. Гониловским было достроено каменное здание театра «...по наружному и внутреннему устройству могущее поспорить с театрами лучших губернских городов» (1, с. 525).

После бегства антрепренера Яценко актер и режиссер театра И.Х. Дрейсинг совместно с Петровым организовали новую труппу из актеров бывшей труппы Яценко, которые еще не успели «разбрестись» по другим городам. В нее вошли актеры: Рязанцев, Громов, Наседкин, Фролов, Лихинский (ранее упоминавшийся как Ленский), Дрейсинг (3). Сам антрепренер выделялся не только талантливой игрой, но и старанием, все роли он доводил до совершенства. «Труппа находилась под ведением гражданского губернатора и под управлением избранных лиц, которым вменено в обязанность смотреть за театром, за актерами и вести все расходы» (4).

Открытие собственного театра в городе считалось тогда выражением высшего культурного престижа. Поэтому понятно стремление городских властей г. Тифлиса заполучить уже сложившуюся труппу, и И.Х. Дрейсинг прибыл со своей труппой в г. Тифлис для театральных представлений с 1 сентября по 8 января 1845 – 1846 гг. По заключенному договору, Дрейсинг и Петров намеревались после представлений в Тифлисе возвратиться в Ставрополь. Однако еще до окончания срока контракта с Дрейсингом И. Гониловский сдал в аренду здание театра по сниженной цене К. Зелинскому (5). С его труппой связана одна из самых славных страниц истории Ставропольского театра. «В первый раз Зелинский блеснул своими артистами, из числа которых действительно заслуживали внимания и уважения: комик Алексеев, трагик Рыбаков (женатый на дочери Зелинского) и г-жа Рыбакова. С 1846 г. по 1849 г., пока эти артисты

держались на ставропольской сцене, дано было довольно много дельных представлений. ...Даже пустые водевили было приятно смотреть» (1. с. 525).

Журнал «Московитянин» в статье о Ставропольском театре писал, что лучшими годами антрепризы Зелинского были годы работы в г. Ставрополе (6, с. 17). Но и Ставропольский театр завоевал славу одного из самых лучших в провинциальной России благодаря работе труппы Зелинского. Все пьесы театра перед началом спектаклей и объявлением в афишах предварительно просматривались в корпусе жандармов (7). В сравнении с репертуаром труппы Г. Яценко, который насчитывал 243 пьесы, репертуар труппы Зелинского, конечно же, был меньше. Он состоял из драматических произведений реалистического направления, но все же преобладали пьесы романтического характера, героико-патриотические. Например, «Жизнь за царя», «Дмитрий Донской», «Ермак», «Стенька Разин» (8). Все они отвечали духу своего времени: во второй половине 40-х гг. XIX в. произошли значительные события на Кавказском театре военных действий.

Театральные постановки как нельзя лучше помогали зрителям чувствовать себя гражданами великой державы, осознавать, что они причастны к событиям, от которых зависит судьба России, и могут гордиться своими мужественными соотечественниками.

За годы пребывания в г. Ставрополе труппы Зелинского, репертуар которой изобилдовал лучшими произведениями отечественной и зарубежной литературы, ставропольской публике был привит вкус к серьезному театру и талантливой игре актеров, выработалась ее взыскательность. С тех пор г. Ставрополь получил репутацию театрального города.

Использованная литература и источники:

1. Ставрополь в географическом, историческом, топографическом, статистическом отношении // Кавказский календарь. – Тифлис, 1855.
2. ГАСК.Ф.444.Оп.1.Д.2962.Л.5
3. ГАСК.Ф.444.Оп.1.Д.3266.Л.46-47
- 4.СГКМ.Ф.133Д.1.Л.12
5. ГАСК.Ф.444.Оп.1.Д.3751.Л.46
6. Поздняева З.М., Лычагин В.М. Театр и время: Очерки истории Ставропольского краевого драматического театра им. М.Ю.Лермонтова. (1845-1985гг.) – Ставрополь, 2002.
- 7.ГАСК. Ф.444. Оп.1. Д.3732. Л.1.
- 8.ГАСК. Ф.444. Оп.1. Д.3733.Л.1-1об.

Ориенталистская традиция в историческом дискурсе ставропольских историописателей (на примере творчества С.В. Фарфаровского)

На сегодняшний день в Российской историографии ширится интерес к изучению народов, которые вошли в состав Российской империи в течение XIX в. Современные историки особое внимание стали уделять письму историка о представителе иной культуры. Обнаружилось, что на него влияет евроцентристская идея. Под процессы, которые происходили среди неевропейских народов, подводились определенные универсалии. Их основы были заложены эпохой Просвещения, когда основным объяснением мировой истории стало понятие «прогресс». Само же развитие общества было представлено в качестве линейной прогрессии. Считалось, что все народы мира должны были пройти определенные ступени. Например, известный русский просветитель С.Е. Десницкий в 1775 г. выделил несколько таких ступеней, указывая, что города и гражданские общества появляются именно на третьей, «коммерческой, ступени» (1, с. 52-55).

В XVIII в. в Европе пробуждается интерес к Востоку. В России он был вызван перипетиями русско-турецких войн 1768-1774, 1787-1791 гг., присоединением Крыма и продвижением империи на Кавказ. В это время начал формироваться ориентализм, который, имея вполне научную основу, влиял на политические, социальные и культурные мероприятия европейских держав в Азии и на Кавказе. В начале XIX в. европейцы, в том числе русские, стали подчеркивать особую, так называемую «цивилизаторскую миссию» Европы по отношению к иным культурам. В исторических и идеологических представлениях Европы иные регионы обязаны были подтверждать представление о «примитивности Другого», оправдывать колониализм и «цивилизаторскую миссию» европейцев (2, с. 26). Одними из характеризующих черт «идеи Европы», пишет Стюарт Вульф, стали представления о *civilitas* – гражданственности, балансе сил идущих по пути прогресса европейских государств, светской культурной традиции (3, Р 31-36). Неудивительно, что Н.М. Карамзин в начале XIX в. мог написать: «Менее ли чудесна и смесь ее (России) жителей, разноплеменных, разнородных и столь удаленных друг от друга в степени образования?» И далее: «Подобно Америке Россия имеет своих Диких; подобно другим странам Европы являет плоды долговременной гражданской жизни» (4, с. 15).

Для европейцев к концу XIX в. «цивилизаторская миссия» превратилась в традиционную идеологию, она помогала рационально доминировать над

остальной частью человечества. Европейцы чувствовали внутреннее успокоение от того, что представляли свою миссию не просто как угнетение себе подобных, а привнесение мира и политического порядка «варварским и диким народам», «страдающим от непрерывной войны и деспотического правления», указывает Майкл Эдас. Им казалось, что они должны до своего уровня «поднять невежественные и отсталые народы» (5).

Настоящий евроцентристский гимн можно обнаружить у С.М. Соловьева, писавшего: «Всем племенам Европы завещано историей высылать поселения в другие части света, распространять в них христианство и гражданственность; западным европейцам суждено завершать это дело морским, восточному племени, славянскому – сухим путем» (6, с. 15-16).

Идея евроцентризма была воспринята не только русской профессионализирующейся историографией, она прочно проникла в историческое образование, в том числе в колонизируемых окраинах Империи. Например, на территории Северного Кавказа преподавание истории в учебных заведениях строилось на идее евроцентризма. Это касалось и горцев, которые начали рассуждать по-европейски. Эту тенденцию удалось проследить на примере Ставропольской мужской гимназии В.И. Стрелова (7, с. 286-287).

Неудивительно, что евроцентристская и ориенталистская практика наложили отпечаток и на непрофессиональных историков. Одним из них стал преподаватель истории начала XX в. С.В. Фарфаровский. Он подвел историю степных народов Ставропольской губернии под действие универсального закона развития, который строился на логической типологии – «кочевой быт», «полукочевой», «оседлый быт» (8, с. 187). Например, в историческом нарративе Фарфаровского мы находим: «До начала 60-х г. все инородцы Ставропольской губернии вели исключительно кочевой образ жизни». Далее он указывал, что эти народности переходят к оседлости: «Нужно спешить с этим (сбором сведений), т. к. эти народности уже оседают, уже кончают переходить ту ступень развития, какую другие народы давно, давно пережили» (9, с. 2).

Следуя европейской традиции, Фарфаровский стремился подчеркнуть «инаковость» и «дикость» степных народов. Описывая тухмен, он мог позволить себе: «И вот в массивах Кавказа мы видим осколки этих народностей, изолированные группы, сохранившие свои обычаи чуть ли не каменного и бронзового веков, говорящих на неисследованных языках седой древности». Так же он указывал на первобытность ногайцев: «Первобытное право ногайцев почти не исследовано» или «...очень сильно развиты у них инстинкты стадной общности. Жители одного юрта живут как одна семья» (9, с. 28).

При этом само понятие «первобытный» появляется в европейской историографии под влиянием социальной стадильной теории; оно становится научным синонимом слов «дикарь» или «варвар». Влияние стадильной теории проявляется во взглядах Фарфаровского и при рассмотрении духовной жизни ногайцев и туркмен. Так, он пишет, что «когда смотришь на типичного ногайца, чувствуется, что этот народ застывший, неподвижный, инертный, как будто отживший и очень старый. Он живет многовековыми традициями, тщательно отстраняясь от всего нового» (8, с. 25). Удивляясь отсталости восточного народа,

он восклицает: «Что это за жалкие и смешные кривляния – танцы ногойца». Не остаются без внимания быт и жилище ногойца, о которых он замечает: «У бедняка войлоки кибитки бывают дырявы и грязны до невозможности», «живущий в постоянных жилищах ногоец остается с замашками и привычками степняка» (8, с.25).

Однако в исторических нарративах Фарфаровского мы можем обнаружить и иные строки, которые не укладываются в механический тип позитивистских рассуждений. Так, о тех же ногойцах он мог заметить, «что у них богатый эпос. Они имеют своих эпических героев... Очень силен в песнях исторический элемент, много фактического материала. Эти песни проникнуты своеобразной прелестью туранской поэзии» (9, с. 27). В другом месте он написал, что женщина у ногойцев находится в порабощенном (состоянии) положении, но ниже пояснил: «Женщины – не рабыни, как у многих восточных народов, а полноправные члены, часто советницы своих мужей» (8, с.32).

Такой взгляд провинциального историописателя вполне соответствовал ориенталистской практике, которую Эдвард Сейм определяет как отражение европейского высокомерия и западного убеждения относительно «разлагающегося», «недоразвитого» Востока, подчиненного положения женщин в обществе, деспотизме (10). Фарфаровский искренне желал скорейшей интеграции этих обществ в европейско-русское тело Империи. Но при этом он мыслил теми категориями, с которыми нам сейчас приходится бороться и искоренять.

Использованная литература и источники:

1. Десницкий С.Е. Юридическое рассуждение о начале происхождения супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к какому оно приведенные быть кажется последовавшими народами просвещенными // Русская философия второй половины XVIII в. / Сост. Б.В. Емельянов, Свердловск, 1990
2. Маловичко С.И. Историография как «участок памяти» (lieu de memoire): евроцентристские конструкты и следы социальной памяти в исторических нарративах // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 5. Ставрополь, 2004
3. Woolf, Stuart. Europe and Its Historians // Contemporary European History 2003. Vol. 12. NO. 3. P 323-337.
4. Карамзин Н. История государства Российского. В 12 Т. Т1. М. 1989
5. Adas, Michael. Contested Hegemony: The Great War and Afro-Asian Assault on the Civilizing Mission Ideology // Journal of World History. 2004. Vol. 15. No. 1. March
6. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. // Соловьев С.М. Сочинения в 18 кн. Кн.1. М.: Голос, 1993
7. Стрелов В.И. Ставропольская мужская гимназия как этнокультурная контактная зона: опыт обучения горцев в русской школе середины XIX в.// Новая локальная история. Вып. 2. Ставрополь, 2004
8. Фарфаровский В.С. Народное образование у ногойцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом // Журнал Министерства Народного Просвещения 1909. № 12
9. Фарфаровский В.С. Трухмены. Казань, 1911
10. Said, Edward, Orientalism: Western Conceptions of the Orient. Penguin., 1995

Создание школьного военно-исторического музея села Московского

Перестройка системы школьного образования и связанная с этим активизация методов учебно-воспитательной работы с середины 70-х годов XX века потребовала воспитания у школьников интереса к самостоятельным исследованиям и общественно-полезной деятельности, встреч с интересными людьми, работы с архивными документами и реликвиями материальной и духовной культуры прошлого. Удовлетворить и развить этот интерес, совершенствуя методику патриотического воспитания, помог Школьный военно-исторический музей села Московского.

Школьный музей должен, во-первых, содержать и сохранять подлинные памятники развития общества; во-вторых, обеспечивать условия для проведения целенаправленной работы с учащимися по воспитанию их на боевых и трудовых традициях советского народа; в-третьих, приобщать учащихся к исследовательской работе, вооружать их навыками этой работы, обеспечивать материалом; в-четвертых, утверждать коллективные формы поисковой и пропагандистской работы.

Школьный музей села Московского был открыт 23 апреля 1977 года в небольшом помещении 6х3 м, позволявшем проводить экскурсии с 12-15 учащимися. Для музея был выбран краеведческий военно-исторический профиль, что определило основу, на которой прирастала его экспозиция, формировались и развивались направления деятельности.

История любого населенного пункта никогда не начинается с нуля. Она простирается в прошлое, так же, как и в будущее. Для подростка 5 лет – огромный срок, 10 лет – вечность, а если населенному пункту за двадцать, то это уже не поддающийся воображению возраст. Научить видеть и понимать людей может помочь как раз музей не глобального, а именно местного значения.

Сделав выбор профиля и территориальных границ музея, мы сразу ощутили необходимость подготовить и как можно быстрее выставить на всеобщее обозрение первые витрины и планшеты.

Наш музей начинался с 30 подлинных экспонатов, размещенных в двух витринах и на двух небольших стендах. Это были десяток гильз, пуль и других предметов Великой Отечественной войны, «чертов палец», окаменевшие позвонки и осколок ребра дельфина, кусочки слюды, рубель, безмен да несколько дореволюционных фотографий. Эта, по теперешним масштабам сверхскромная экспозиция, вызвала лавинообразный сбор и передачу в музей экспонатов. В создании и развитии музея с 1977 по 1985 год приняли участие 181 учащийся и 39 взрослых жителей села.

Затем, по мере накопления материала и оформления новых экспозиций, музей был переведен в большую классную комнату 10 x 6 м. Фонд музея составил более 1000 экспонатов, позволивших создать следующие разделы:

1. Доисторическое прошлое села.
2. Основание крепости и села Московского.
3. Жизнь и быт крестьян до Великой Октябрьской социалистической революции.
4. Жители села в годы гражданской и Великой Отечественной войн.
5. Становление и укрепление социалистического образа жизни.

23 января 1985 года музей посетил 20 000-ный экскурсант. Максимальная посещаемость пришлась на 1980 год, год празднования 200-летия села Московского. Минимальная – на годы ремонта и перемещения в новые помещения. Это с 1977 по 1985 год. Увеличение количества посетителей с 1985 по 1992 год объясняется появлением новых экспозиций о подводных лодках Щ-204 и К-2, а также возросшей популярностью музея. За это же время было проведено 168 двухчасовых экскурсий со сдвоенными классами, то есть с 40-50 учащимися одновременно.

Кроме учеников школы, музей посетили учащиеся ставропольских школ №№ 22, 28; СШ № 82 города Москвы; СПТУ-10 села Московского; отдыхающие пионерского лагеря «Лесные ключи»; туристы Красногвардейского района; 60 военруков всех союзных республик; родственники капитана ПЛ Щ-204; учащиеся средних школ поселка Рыздвяный, села Подлужного, поселка Солнечнодольский, многих школ города Изобильный и других населенных пунктов; ответственные работники крайкома и крайисполкома, РК КПСС и райисполкома, крайОНО и райОНО, заместитель министра просвещения РСФСР Балясная и заместитель министра сельского хозяйства РСФСР.

Материалы музея использовались:

а) для подготовки и проведения празднования 200-летия села Московского (1980 год),

б) при проведении всесоюзного слета передовиков ученических производственных бригад,

в) для ознакомления участников всесоюзного совещания преподавателей НВП с постановкой военно-патриотического воспитания в школе,

г) для организации 30-минутных передач по краевому телевидению и радио о капитане подводной лодки Щ-204 Иване Михайловиче Гриценко и многих других передач по истории села Московского и ветеранах Великой Отечественной войны.

Собранный материал и экспозиции позволяли проводить следующую работу, включаемую в общешкольный план военно-патриотического воспитания учащихся:

№№	Вид работы	Время	Классы	Охват
1.	Поисковая работа	июнь-август	2-9	400
2.	Экскурсии «Основание крепости и села Московского»	октябрь	4-10	300
3.	Экскурсия «Доисторическое прошлое села Московского»	сентябрь	1,4,7	150
4.	ВОСР и гражданская война	октябрь	2-10	400
5.	Подвиг экипажа подводной лодки Щ-204	ноябрь	1-10	450
6.	Чтение материалов о Куликовской битве	сентябрь	4,7-9	350
7.	Лекция «Битва за Кавказ»	январь	1-10	450
8.	Месячник мужества	февраль	1-10	450
9.	Экскурсия у стенда Н. Полушина, афганца, посмертно награжденного орденом Красной Звезды.	февраль	5-10	300
10.	Земляки, участники ВОв. Поиск, копирование и оформление материалов	апрель	8-10	120
11.	О победе советского народа в ВОв	апрель-май	1-10	450
12.	Свободное посещение музея	весь период	1-10	450
13.	Консультации для студентов, учащихся и	весь		

	населения	период		
--	-----------	--------	--	--

Кроме перечисленных видов, проводилась следующая работа: сбор материала о ветеранах войны и труда; подготовка фотоматериалов о Н.Полушине, капитане подводной лодки Щ-204, ПЛ К-2 для других школ и для зарубежных музеев Болгарии и Югославии; сбор, копирование, оформление и экспозиция поступающих материалов; научная обработка поступающих материалов; подготовка экскурсоводов, проведение кружковой работы.

На первом этапе создания и развития музея были оформлены следующие 3 раздела:

- доисторическое прошлое села,
- жизнь крестьян до Великой Октябрьской социалистической революции,
- оружие, снаряжение и документы времен Великой Отечественной войны.

Второй этап в жизни музея был связан с приближающимся 200-летием основания крепости и села Московского. Изучение подлинных документов в ЦТ АДА и ЦГВИА позволило установить не только даты начала и окончания работ по строительству крепости Московской, но и многие подробности этого строительства и даже о лицах, причастных к строительству. Собранный материал позволил написать работу «К вопросу о дате основания крепости Московской и Донской» и создать новый раздел. Одновременно были подготовлены и опубликованы в районной газете «Заря коммунизма» 20 статей по истории села, о ратных и трудовых подвигах некоторых земляков.

В библиотечке музея было собрано 140 оформленных в виде книжечек записей, а число экспонатов превысило 1000 единиц хранения, среди которых более половины уникальных: например, зуб и головка бедра южного слона; 10 фрагментов кремневых орудий 10-3 тысячелетий до н.э.; медные, бронзовые, стальные наконечники стрел, копий, мечи и кинжалы; череп, погребальный кувшинчик и 7 фрагментов меча из скифского захоронения 6-5 вв. до н.э.; кувшин так называемой кобанской культуры – 9 в. до н.э.

Более сотни экспонатов найдено о строительстве крепости Московской. Есть и другие материальные свидетельства о непрерывной жизни людей на территории села, с 10-го тысячелетия до н.э. и до конца 19 века нашей эры.

В подразделе о Великой Отечественной войне – более 200 экспонатов – фрагменты оружия, снаряжения, 150 уникальных фотографий, благодарностей и других документов 1941 – 1945 годов, полная казачья форма участника Парада Победы Дробязина Ивана Михайловича, более 80 подлинных фотографий о ПЛ

Щ-204 и ПЛ К-2, подлинные вещи и документы кавалера ордена Красной Звезды Николая Полушина, выпускника нашей школы, погибшего в Афганистане.

Для экспозиции экспонатов использовались неглубокие остекленные ящики, что обеспечивало относительную сохранность, и разнообразные стенды, из которых самыми информативными были те, которые имели размеры 1,5 x 0,75 м. К 1992 году в музее было 19 остекленных витрин, 20 стендов, 37 планшетов, 45 картин, схем и чертежей, более 2000 фотографий о жизни села в 10 больших альбомах.

Третий этап истории музея – это завершение создания экспозиций и углубленное изучение собранного материала. Выше упоминалось о работе, проделанной в преддверии празднования 200-летия села. Кроме того, была создана рукописная повесть о солдатах Горского егерского батальона (100 печатных страниц формата А-4), «Краткая история села Московского» (150 печатных страниц названного формата); собран богатейший материал об участии односельчан в Великой Отечественной войне. К научно-исследовательской работе, которую на первых порах мог осуществлять только учитель, были привлечены также учащиеся старших классов. Чечин Владимир по чертежам восстановил размеры кордегардии и в масштабе 1:300 сделал ее картонную копию. Другие учащиеся рассчитали и «построили» гауптвахту, три казармы, офицерские дома, дом артиллерийского офицера и мастерской избы, «занимаемой ложкарями, слесарями и кузницей». Бочарников Сергей обработал статистически «Именной список казачьей сотни есаула Найденова», что позволило сделать уникальные выводы о быте и службе казаков в крепости Московской с 1781 по 1826 годы. На таком уровне к 1992 году был разработан материал по всем выше перечисленным разделам музея.

Четвертый этап в жизни Школьного военно-исторического музея села Московского начался в 1992 году, тогда, когда музей был уже собран, разделы стабилизированы, оборудование установлено, экспозиции выверены, уточнены, научно обоснованы, закончена научная обработка материала. Это этап широкого привлечения учащихся к участию в его работе. По существу это была полная передача музея под их ответственность и инициативу. Для кого-то соблазнительно начать развитие музея с создания совета музея, организации работы актива, кружков, экскурсоводов и тому подобного, но это стало возможным только после 10-15 лет кропотливой работы.

Из всего вышесказанного можно предложить модель создания и развития безбюджетного школьного музея:

1. Музей должен быть историко-познавательным краеведческим музеем данного населенного пункта;

2. Выставку экспонатов по 1 - 2 разделам следует выставлять как можно раньше;

3. В процессе создания подобного музея следует выделять 4 этапа:

- первичный сбор и экспонирование собранного материала основного и вспомогательного фондов;
- создание экспозиций, начало лекционно-экскурсионной работы;
- интенсивная научно-исследовательская работа, завершение оформления экспозиций, интенсивная плановая лекционно-экскурсионная работа;
- передача всех вопросов, связанных с работой музея, совету музея, организация кружковой, классной и внеклассной работы в музее.

Музейная экспозиция как источник интеллектуальной истории локального сообщества (на примере СГКМ им Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве)

Очевидно, что среди элементов, составляющих пространство интеллектуальной жизни региона, краеведческий музей занимает определенное место. На характер связей, определяющих значение музея в местной интеллектуальной истории, влияют социокультурная ситуация, политические и экономические обстоятельства в определенный момент исторического времени. Это наглядно прослеживается при сравнении экспозиционных концепций одного и того же музея в различные исторические эпохи советского периода.

Особенностью музейной работы в Ставрополе 20-х годов было сохранение прежней структуры местных музеев в крайне тяжелых финансовых и материальных условиях. Как отмечал в «Кратком путеводителе по музею Северного Кавказа» основатель музея Г.Н. Прозрителев, главное достоинство музея Северного Кавказа – его местный характер. В 10-ти отделах музея были сосредоточены многочисленные свидетельства о естественной, материальной и духовной истории Ставрополя в контексте всего Северокавказского региона (1).

Казалось бы, до 1927 года экспозиция, оставаясь неизменной, представляла собой столь же неизменную концепцию местной истории в ее палеонтологических экспонатах, сельскохозяйственном, ветеринарном, кустарном, промышленном описании, этнографической, военной, историко-археологической экспозициях. Однако ситуация 1920-х годов не могла не сказаться на контексте жизни музея. Выделим три обстоятельства, которые меняли подходы к музейной экспозиции.

Во-первых, в условиях разрухи и голода государственное внимание музею было сведено до минимума, поэтому в значительной степени жизнь музея и его создателя в эти годы была наполнена борьбой за выживание. В ноябре 1920 года губернский отдел народного образования отпустил скудные средства для содержания заведующего и одного сотрудника. В здании музея, без того ветхом и маленьком для большого объема музейных экспонатов, располагалась военная команда, члены которой по невежеству портили экспонаты. В связи с бурными

событиями двух войн и революций в музее не проводились самые необходимые для сохранности экспонатов мероприятия. Так, с 1914 года не было дезинфекции, здание отапливалось от случая к случаю (2). Архивные фонды наполнены материалами об усилиях наладить музейное хозяйство.

Во-вторых, изменились организация посещений музея и контингент посетителей. Музей для посещений стал работать без выходных, превратившись в инструмент просветительской работы среди новых граждан советского общества. Прозрителев читал множество лекций по палеонтологии, археологии, этнографии для крестьян, красноармейцев, советских, партийных, комсомольских работников, проводил бесконечное множество экскурсий для учащихся различных школ с их учителями. Постепенно просветительский характер музея, особенно после ухода из жизни Прозрителева, стал преобладать над его научной направленностью.

Однако сам Г.Н. Прозрителев придавал огромное значение дальнейшей работе по сбору, обработке и хранению предметов старины и культуры. Еще в 1920 году он настаивал на том, чтобы признать музеи «ударными участками» и предоставить им льготы по топливу, а музейным работникам – пайки. Много сил потратил Прозрителев в борьбе за сохранение археологических находок, которые разграбляли доморощенные кладоискатели по всей губернии, за создание в регионе системы охраны памятников истории и культуры, за организацию заповедников истории природы и культуры, в частности, на территории древнего города Мажары.

В конце 20-х – начале 30-х годов XX в. можно отметить два обстоятельства, повлиявших на характер музейной экспозиции. В 1927 году произошло слияние музея Северного Кавказа с музеем учебных пособий Г.К. Пправе, в составе которого с 1918 года находился музей Самурского полка. По признанию самих работников музея, до 1937 года музей не занимался изучением истории и природы края, являясь только политико-просветительным учреждением (3). В музейной экспозиции того периода отсутствовал исторический отдел, что вполне соответствовало духу времени. Гуманитарные науки были признаны властью буржуазными и заменены общественными науками, которые в 1920-е гг. сводились к политической грамоте. Однако надо заметить, что экспозиция музея продолжала сохранять витрины с палеонтологическими, археологическими, этнографическими экспонатами, аннотированными Прозрителевым. Слушая политическую лекцию, посетители невольно обращались и к этим молчаливым рассказчикам о родном крае.

В 1936 году, в связи с территориальными изменениями, музей краеведения в г. Ворошиловске (Ставрополь) пополнился богатейшими экспонатами музея горских народов из Ростова-на-Дону. В 1937 году сюда же передали Пятигорский музей революции. С одной стороны, существенное укрупнение музея, а с другой,

новая партийная установка на восстановление исторического образования на всех ступенях обучения в стране стали толчком для воссоздания исторического отдела. Однако принципы его организации были иными, чем при создании музея.

Во-первых, экспозиция по истории строилась по схеме общероссийской истории, разработанной в «Истории ВКП (б). Краткий курс». Акценты делались на классовую борьбу, революционное движение. Во-вторых, в новой экспозиции по истории преобладал общероссийский материал, а местный был только дополнением. Т. о. менялась концепция музея, ядром которой при Прозрителеве был местный характер музейных коллекций. В-третьих, тематика экспозиции в основном была представлена графическим материалом – цитатами, диаграммами, фотографиями. Музей краеведения в те годы больше походил на музей учебно-наглядных пособий. В то же время заданная историческая тематика строилась в залах с постоянными витринами, в которых все так же были представлены предметы этнографии, археологии, палеонтологии. Примером этому может служить экспозиция 1941 года «Наш край в период развития капитализма в России и национальная политика царизма на Кавказе. С 1862 по 1903». В ней содержалось множество карт, диаграмм, цитаты Ленина, исторические справки, портреты Ленина и Сталина, картины о революционных событиях на Кавказе, 6-7 фотографий, часть из которых являются копиями картин и документов, бюст революционера Ума-Хаджи-Дуева. Весь этот материал был представлен вместе с 4 витринами, где экспонировались кустарные изделия, украшения, домашняя утварь, оружие горцев (4).

В это время сотрудники музея попытались возобновить исследовательскую работу, однако направления этой деятельности были политизированы. Были организованы экспедиции по пути следования 11-й и Таманской армий, для выявления героев гражданской войны, «замалчиваемых врагами народа», для выявления обстоятельств гибели 273 таманцев от рук Шкуро в Константиновском. Проведены экспедиции в Карачай, Черкесию, в Кизлярский округ для сбора материала о партизанах гражданской войны – «красно-зеленых камышинцах» (5). Идеологическая доминанта звучала как в историческом разделе музея, где во втором полугодии 1939 года был открыт отдел «Социалистического строительства», так и в природном разделе, где существовал отдел «Дарвинизма» (6).

В те годы началось формирование экспозиции по истории советского периода. В основном это были экспонаты в виде наглядных пособий. Так, в 1939 году была создана панорама взятия Ставрополя красными в феврале 1920 года, панорама завода «Красный металлист» с паспортом, макеты лучшего колхоза, совхоза, шерстомойной фабрики в Невинномысске. Были подготовлены фотопортреты местных стахановцев и прочее. В то же время такая экспозиция

была буквально насыщена политической информацией: цитаты Ленина, Сталина, Ворошилова, Кагановича, монтажи по разоблачению «троцкистско-зиновьевских вредителей», по разъяснению теории «обострения классовой борьбы» (7).

В начале 1940-х годов в рамках отдела «Социалистическое строительство» стали организовываться выставки на темы, злободневные для края. Несмотря на политизированность и скудость экспозиции, подобные шаги свидетельствовали о постепенном возвращении интереса музея к истории своего края. Примером может служить выставка 1940 года «Невинномысский канал – народная стройка». Наряду с текстами и макетом головного сооружения канала, в это время было собрано много фотографий участников стройки, плакаты о стройке, коллективные письма колхозников, участвовавших в сооружении канала, подшивки местных газет (8).

В контексте эволюции музейной экспозиции в послевоенный период интересно сравнить экспозицию 1940 года «20 лет освобождения Ставрополя и Терека от белогвардейских банд» (9) и 1950 года «30 лет освобождения Ставрополя от белых» (10). Обращает на себя внимание тот факт, что в 1940 году экспозиция начиналась с диаграмм и фотомонтажей о дореволюционном периоде Ставропольской губернии, в частности, о падении роста скота, сокращении посевных площадей. Этот сомнительный с точки зрения достоверности материал в 1950 году был убран. Не был представлен и материал о крестьянских выступлениях в Благодарном и Константиновском в 1906 году.

Экспозиция 1950 года открывалась барельефом с изображением Ленина-Сталина, который стал после войны обязательным знаком всего советского. Появилось много новых военных карт – окружение Ставрополя белыми, боевые действия по 4-м этапам. Дух недавно отгремевшей Великой Отечественной войны был еще жив. Появилась иерархия фотографий руководителей советской власти в регионе и участников гражданской войны. Вместо более чем 30 фотографий с аннотациями участников и мучеников гражданской войны в боях за советскую власть, выставленных в экспозиции в 1940 году, на первом месте оказались портреты М. Морозова, М. Акулова, Анджиевского, Войтик. Много материала появилось не только об Анджиевском, но и о Кочубее, Косенко, Ашихине, а вот сюжет с расстрелом северокавказского ЦИК в 1950 году отсутствовал.

Раздел об успехах советской власти в 1930-е годы был представлен различными показателями общего роста отраслей как в Орджоникидзевском крае, так и в Черкесии и Карачае. В 1950 году этот раздел выглядел скромнее и представлял отдельные хозяйства, среди которых отмечен колхоз «Коммунистический маяк» и его руководитель Чухно, чего не было в прежней экспозиции. Обращают на себя внимание и ссылки на успехи довоенного времени, в частности, в развитии тонкорунного овцеводства. Вместе с тем,

появился сюжет о курортах и развитии местной пищевой промышленности. Здесь очевидно влияние войны, которая разрушила народное хозяйство края. Кроме того, война вскрыла подлинную жизнеспособность отдельных хозяйств. Война же продемонстрировала стратегическое значение курортов Кавказских Минеральных Вод. Голод 1947 года подчеркнул приоритетность пищевой отрасли.

В экспозиции 1950 года нашли отражение и материалы о крае в годы Великой Отечественной войны. Был использован большой фонд фотографий защитников Ставрополя, но сюжета об И. Булкине нет. Приведена благодарность Сталина М.А. Сулову, представлена обширная статистика о награжденных ставропольцах, об экономической помощи Ставрополя другим регионам в годы войны. Здесь же были выставлены плакаты на тему обороны Кавказа, свидетельства о злодеяниях фашистов в Ставрополе и Пятигорске.

Из приведенных выше примеров становится ясным, что даже в условиях сталинской диктатуры на содержание экспозиции краеведческого музея влияли не только политический, но и социальный контекст, а также ожидания населения.

Использованная литература и источники:

1. СГКМ. Ф. 7. Ед. хр. 19
2. Там же
3. СГКМ. Ф. 4. Ед. хр. 178
4. СГКМ. Ф. 4. Ед. хр. 12
5. Там же
6. Там же
7. Там же
8. Там же
9. СГКМ. Ф. 4. Ед. хр. 179
10. Там же. Ед. хр. 178

Л.П. Семенов и его книжная коллекция в Государственном музее-заповеднике М.Ю. Лермонтова в Пятигорске

В 1951 году профессор Л.П. Семенов передал в музей «Домик Лермонтова» в Пятигорске основную часть своей книжной коллекции. Она состоит из книг, документов и изобразительных материалов. Ее содержание связано с научными интересами ученого: с литературоведением, историей, фольклором и этнографией Кавказа.

Самые значительные исследования Л.П. Семенова посвящены жизни и творчеству М.Ю. Лермонтова. Заслугой ученого в лермонтоведении является то, что опыт историка, фольклориста и этнографа позволил ему впервые дать обстоятельный комментарий кавказским произведениям поэта.

Исследовательская работа сопровождалась собирательской. В результате поисков источников сведений о Лермонтове были найдены и опубликованы извлечения из «Чернового журнала военных действий отряда на левом фланге Кавказской линии под начальством генерал-лейтенанта Галафеева в 1840 году» (1), «Правила о сооружении памятника поэту» 1875 года, выписка из церковной книги за 1832 год села Ново-Михайловского с упоминанием Ю.П. Лермонтова, отца поэта.

Л.П. Семеновым были разысканы рукописные альбомы I-й половины XIX века стихотворений и песен современников М.Ю. Лермонтова, списки известных произведений той поры, в том числе «Стихотворения русских писателей первой половины XIX века», рукописный альбом Павла А. (2), Козлова И. «Княжна Наталья Борисовна Долгорукая» (1828) (3).

Собрание Семенова систематически пополнялось изданиями произведений М.Ю. Лермонтова. Ученому удалось разыскать прижизненное издание романа «Герой нашего времени» (СПб., 1840), ценные посмертные издания: «Стихотворения» (СПб., 1842), «Сочинения», т.т. 1-2 (СПб., изд. А. Смирдина, 1847), издание под редакцией С.С. Дудышкина, первым предпринявшим попытку издать Лермонтова как классика.

История изданий произведений М.Ю. Лермонтова демонстрируется в собрании сочинений под редакцией П.А. Ефремова (СПб., 1873), которое было дополнено вновь найденными произведениями и письмами поэта. В примечаниях

редактором были даны библиографические, текстологические справки и новая биография Лермонтова, написанная А.Н. Пыпиным.

Последовавшие за этим «Сочинения М.Ю. Лермонтова», тт. 1-6 (М, 1889-1891 гг.) под редакцией П.А. Висковатова, «Сочинения М.Ю. Лермонтова» под редакцией А.И. Введенского, тт. 1-4 (СПб., 1891), Иллюстрированное издание (СПб., тт. 1-2, 1891) содержали иллюстрации М.В. Васнецова, В.А. Серова, М.А. Врубеля и первую наиболее полную биографию М.Ю. Лермонтова П.А. Висковатова. Издания под редакцией Д.И. Абрамовича, тт. 1-5 (СПб., 1910-1913), Б.М. Эйхенбаума, тт. 1-5 (Л., 1936-1940) академического характера и популярные издания хронологически завершают коллекцию М.Ю. Лермонтова и позволяют наглядно представить эволюцию публикаций произведений поэта.

Исследования творчества М.Ю. Лермонтова, собранные ученым, охватывают период с 1870 годов до 1959 года и содержат работы И.Л. Андроникова, С.А. Андреева-Кривича, Н.Л. Бродского, П.А. Висковатова, С.И. Дурылина, В.Л. Кирпотина, Н.А. Котляревского, К.Н. Ломунова, В.А. Мануйлова, Д.С. Мережковского, М.Ф. Николевой, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, Н.П. Огарева, Н.П. Пахомова, Н.К. Пиксанова, Г.В. Плеханова, С. Родзевича, В.В. Сиповского, У. Фохта, Л.В. Щербы, Б.М. Эйхенбаума. Они содержат все вопросы лермонтоведения указанного периода.

Ценной частью коллекции являются книги «круга чтения М.Ю. Лермонтова», ранние публикации воспоминаний о поэте, литература по истории Кавказа XIX века, воспоминания, дневники, записки, письма лермонтовских современников.

Изобразительный материал семеновского собрания представлен гравюрами, фотографиями лермонтовских мест России и Кавказа, фотокопиями графических и живописных сюжетов, иллюстраций к произведениям М.Ю. Лермонтова.

Научная и собирательская работа Л.П. Семенова послужила основой оригинальной идеи, которую ученый впервые изложил в письме В.А. Мануйлову 30 июня 1958 года:

«... Я знаю Вас давно как выдающегося знатока жизни и творчества Лермонтова, я знаю также, как хорошо налажены у Вас семинарские занятия со студентами и аспирантами по литературе, и я предполагаю, что если Вы одобрите мой проект, то дело будет в надежных руках». Далее в письме излагалась конкретная программа создания Лермонтовской энциклопедии. В представлении ученого это должен был быть солидный труд, подводящий итог лучшим достижениям лермонтоведения. Статьи энциклопедии должны быть краткими и четкими, сопровождаться справочным материалом и соответствовать научному уровню.

В целом эта энциклопедия будет сводом всесторонних сведений об эпохе, жизни и творчестве поэта, о его современниках, об источниках всех его произведений, о связях его литературного наследия с русской литературой, литературой народов СССР, зарубежной литературой, о ценности лучших трудов о нем за период XIX-XX вв., о научных изданиях его сочинений, об отражении его сюжетов и образов во всех областях искусства, о созвучии его идей и замыслов с нашей современностью и т.д.».

В этом письме, кроме характеристики содержания энциклопедии, Семенов указал многие источники сведений о поэте и его эпохе и даже составил примерный коллектив авторов будущего издания. Перспективу работы Семенов определял как период «счастливых находок и подлинных открытий». Ученый надеялся на осуществление замысла энциклопедии в течение 6 лет, к 150-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова, но понадобилось 17 лет, чтобы Лермонтовская энциклопедия была издана.

Среди авторов энциклопедии 13 сотрудников Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова в Пятигорске. Используя материалы коллекции Л.П.Семенова, изучая его собственные труды, они составили статьи для этого издания, где использовали такие работы самого Семенова, как «Ангел», «Очерк поэзии Лермонтова», «Лермонтов и Лев Толстой», «М.Ю. Лермонтов. Статьи и заметки», «Лермонтов на Кавказе», «Лермонтов и фольклор Кавказа», «Встречи Лермонтова на Кавказе», «Элементы разговорной речи в лирике Лермонтова» и др., а также редчайшие источники по лермонтоведению и кавказоведению из коллекции ученого (4).

Научный потенциал семеновской коллекции был использован при подготовке таких музейных изданий, как книги главного хранителя музея Н.В. Маркелова «В рассуждении завоевания Индии» (2001), «Все картины военной жизни, которых я был свидетелем» (2001), «Умереть с пулей в груди» (2003), старшего научного сотрудника Е.Л. Сосниной – «Черный алмаз», в комментариях к переводу книги лермонтовской современницы Адель Оммер де Гель «Путешествие по Прикаспийским степям и Югу России» (Париж, 1868) (5).

Книги коллекции Л.П.Семенова включены в экспозицию литературного отдела музея и являются ценнейшими ее экспонатами. Справочная литература постоянно используется для изучения других музейных коллекций. Объем тем для популярных публикаций и передач практически не ограничен: «Редакторы изданий М.Ю. Лермонтова», «Рукописные альбомы», «Литературное творчество Л.П.Семенова» и другие, – вот темы, которые ждут своих авторов.

Изучение и описание собрания Л.П.Семенова в Государственном музее-заповеднике М.Ю. Лермонтова дает опыт исследовательской, собирательской, методической и массовой работы.

Использованная литература и источники:

1. Новые документы о Лермонтове. – Горская мысль, 1922, № 3, с.39-40
2. ГМЗЛ, фонды, 0-1153/1027
3. ГМЗЛ, фонды, 0-1153/1028
4. Полная библиография печатных работ Л.П. Семенова в издании «Л.П. Семенов-историк и критик русской литературы». Орджоникидзе, 1986
5. ГМЗЛ, фонды, 0-1153/953

Бурков С. Б.
г. Назрань,
филиал СевКав ГТУ,
заместитель начальника НИСА

Хамхоева М. Б.
Назрань,
Ингушский государственный музей краеведения,
заведующий археологическими фондами

История создания и механизмы формирования археолого-этнографических фондов и коллекций Ингушского государственного музея краеведения» (1897-2005 гг.)

1. Начальный этап осознанного интереса к древностям Северного Кавказа относится к концу XVIII – началу XIX в. Его формирование происходило на основе практического изучения горных сообществ в их общественно-политическом, социальном, экономическом, военном и религиозном направлениях.

Наблюдения, в основном описательного характера, фиксировались в трудах как академических исследователей (П.С. Паллас, П.С. Бутков, И.А. Гюльденштедт, Ю.Г. Клапрот, С.М. Броневский, Ф. Паррот, М. Энгельгарт), так и военных инженеров, путешественников, дипломатов, церковнослужителей (И.Г. Гербер, И.Г. Георги, И. Бларамберг, Я. Рейнеггс, Л. Штедер). В то же время происходит сбор разрозненных предметов из склеповых могильников горной зоны, в том числе Ингушетии (предметы украшения, вооружения, быта, керамика, монеты). Однако целенаправленных и осознанных усилий по созданию научных коллекций эта работа пока не носит.

2. Во второй половине XIX в., особенно после завершения «Кавказской войны» и утверждения в регионе царской администрации, наступает новый этап в изучении древностей Кавказа. Формируются комплексные научные экспедиции, перед которыми ставятся задачи в том числе и по изучению археологических памятников, сбору коллекций этнографического характера. Появляются первые специальные сквозные научные работы по истории и культуре народов Северного Кавказа (Г. Вертепов, Н.Ф. Грабовский, Е.Н. Шиллинг, Н. Семенов, В.П. Христианович, Е. Максимов, Н.К. Зельдиц, А.П. Берже), формируются первые научные коллекции (П.С. Уварова), ведутся археологические работы (В. И. Долбежев, В.Б. Антонович, В.Л. Беренштам).

3. В конце XIX – начале XX вв. начинается плодотворная научная деятельность Б.В. Скитского, И.П. Щеблыкина, В.П. Христиановича, Ф.И. Горепекина, Л.П. Семенова, К. Мартиросиана, Ч. Ахриева, Ф.В. Миллера, А. Бобринского, происходит становление основ краеведческих, в том числе – археологических изысканий (Ф.С. Панкратов-Гребенец).

4. Некоторым итогом I этапа деятельности по изучению, сбору и представлению материальных свидетельств прошлого можно считать создание в 1897 г. в г. Владикавказ Терского областного музея (после 1918 г. – Дом науки и краеведения). В мае 1920 г. на его базе создается Северо-Кавказский институт краеведения, а сам музей стал называться государственным научным музеем (г. Владикавказ). До начала 1928 г. он был музеем одновременно двух автономных областей – Осетинской и Ингушской (образована в 1924 г.). В конце 1926 г. Северо-Кавказский институт краеведения реорганизовывают, и в январе 1928 г. накопленные за год работы фонда разделяют: часть отправляют в Ростов (Краевой музей горских народов Северного Кавказа), а археологические коллекции передают вновь создаваемому ингушскому НИИ (в основном предметы из средневековых склепов и святилищ).

5. Первые комплексные археолого-этнографические исследования в Ингушетии приходятся на 30-е гг. XX в. (И.П. Щеблыкин, В.В., А.А. Миллер, Т.К. Мартиросиан, Е.Н. Шиллинг, В.П. Христианович, И. Бороздин, Н.Ф. Яковлев, С.П. Семенов); работы последнего из исследователей были определяющими, в том числе и с точки зрения формирования археологических и этнографических коллекций XIII-XVII вв. (Ингушский НИИ краеведения, Ингушское литературное общество). Материалы более ранних работ (В.И. Долбежев, В.Б. Антонович, Ф.С. Панкратов) хранились и экспонировались в других музеях (ГИМ, г. Москва, Чеченский музей, г. Грозный, Тифлисский музей).

6. В последующем, в процессе работы с СКАЭ (Е.И. Крупнов), происходит дальнейшее накопление археологических коллекций, однако хранилища и фонды в Ингушетии практически не пополняются. На это время приходится и заметный спад собирательной работы самих региональных краеведческих учреждений (И.З. Пономарева, 1975). В ходе обзора состояния экспозиций Чеченского и Ингушского музеев (1933, 1936 гг.) было отмечено, что именно Ингушский областной музей краеведения в г. Орджоникидзе более всего отвечает своему названию и имеет тесную связь с Ингушским НИИ (В. Подгорнова, Е.И. Крупнов – 1933, Е.И. Крупнов – 1936).

7. В 1934 г. Чеченская и Ингушская области были объединены (с 1936 г. Чечено-Ингушская область превращается в ЧИАССР). С этого времени Ингушский областной музей краеведения в г. Орджоникидзе стал Ингушским районным музеем Пригородного района. Данные реорганизации не улучшили

дело с работой фондов, которые пополнялись в основном за счет случайных находок.

8. Несмотря на административные преобразования, Чечено-Ингушский областной (республиканский) и Ингушский районный музеи до 1940 г. продолжали существовать раздельно. Основные фонды последнего на тот период составляли более 4000 единиц хранения (И.З. Пономарева, 1975). После передачи фондовых материалов в Чечено-Ингушский объединенный музей краеведения в г. Грозный (1940) становление музейного дела в Ингушетии приостанавливается.

9. Новый этап в развитии музеев Ингушетии наступил в 1973 г., когда по инициативе Т.Х. Мальсагова был создан музей боевой и трудовой славы в г. Назрань, который в 1993 г. получил статус государственного (Ингушский государственный музей краеведения им. Т.Х. Мальсагова). Первые поступления археолого-этнографических материалов во вновь созданное хранилище приходится на 80-е гг. XX в., однако они были эпизодичны и разрозненны, плохо паспортизированы и хранились без историко-культурной характеристики. В 1993 г. в хранилище музея поступают материалы из фондов археологической лаборатории ЧГУ в составе коллекций Эгикальского, Шуанского, Самашкинского и Чернореченского могильников (С.Б. Бурков, М. Сагов, Д.И. Чахкиев).

10. Первичные паспортизированные материалы оказываются в хранилищах ИГМК лишь с 1994 г., когда авторскими работами была охвачена территория зоны предполагаемого строительства г. Магас (С.Б. Бурков, Т.А. Тайсумов). В дальнейшем, в ходе обследований территорий землеотводов и строительных работ, в музей поступают несколько археологических коллекций общей численностью более 600 единиц (С.Б. Бурков, 1995-1996). В это же время, в ходе работ по заданию министерства культуры РИ, производятся работы по обследованию состояния уже известных и обнаружению новых памятников истории культуры в Назрановском районе республики, значимым итогом которых стала коллекция археологических и этнографических предметов, пополнивших фонды ИГМК, а также исследований Ингушского Научно-исследовательского института по заданию Госстроя РИ. Соавтором данных работ выступает и ИГМК (С.Б. Бурков, М.Б. Хамхоева, Ф.Б. Хамхоева, Б. Актемиров, Н.Д. Кодзоев, Х.-А. Имагожев, И. Евлоев).

11. Основное количество археологических материалов в 1995-1996 гг. поступает в музей в результате работы вновь созданной археологической группы (инспекций по охране памятников) при МК РИ (С.Б. Бурков, Н.Д. Кодзоев, Х.-А. Имагожев, Е.В. Гусева, М.С. Султыгов, Р. Плиев), а также Ингушской экспедиции ИА АН РФ (К.В. Воронин, В.Ю. Малашев, А.Г. Атавин, Д.С. Коробов, О.В. Лопан, В.Е. Маслов).

12. За 1996 – 2002 гг. в качестве случайных находок в фонды музея поступило около 50 отдельных предметов археологии и этнографии, в основном с территории Джейрахского, Назрановского и Сунженского районов республики, а также керамические коллекции с ряда поселений и городищ общим числом более 500 единиц хранения. После создания в 2002 г. археологического центра при МК РИ, начиная с 2003 г., в фонды музея регулярно поступают новые материалы (146 предметов). На настоящий момент в ИГМК хранится 2025 предметов археологии и 325 единиц этнографического основного фонда.

Василенко Э.В.

с. Курсавка,

Андроповский районный краеведческий музей,

директор

Светошенко Н.И.

Методист

Страницы истории родного музея

1. Открытие музея села Курсавка в 1977 г.

Музей был открыт в здании ДОСААФ.

Газета "Призыв" №56 от 12 мая 1977 г. в статье «Открыт краеведческий музей» за подписью первого редактора В.А. Полякова писала: "В праздник 9 мая открыт музей. Присутствовали члены бюро райкома КПСС и исполкома Райсовета депутатов трудящихся, гости, участники освобождения села П.С. Королев, К.М. Рагозин, Н.Я. Рычков. С кратким приветственным словом выступил первый секретарь райкома КПСС И.М. Ситников. Экскурсию проводили ученики курсавской средней школы: Просало Лена, Бацуля Таня, Исаева Валя, Беленская Люда, Никифорова Света, Гринберг Витя.

17 мая 1977 г. в газете "Призыв" № 58 в статье «Районный краеведческий ...» В. Поляков – председатель оргкомитета по созданию районного краеведческого музея писал: "Предметы быта древних людей, живущих на территории Курсавского района, фотографии памятников истории и культуры, архитектуры представлены в районный краеведческий музей и вызывают большой интерес у посетителей. Нередко на курганах ставили изваяния (каменные бабы). Одна из таких баб, найденная трактористом колхоза "Родина" Жаворонковым недалеко от станицы Воровсколеская, экспонируется в краеведческом музее". В этой статье отмечено, что в одной из экспозиций показаны фронтовые будни Ставропольского кавалерийского добровольческого полка, который сформирован в 1942 году по инициативе крайкома ВКП(б).

Музей открыт к знаменательной дате 60-летия со дня основания социалистического государства. В его создании принимали участие: В.В. Мельников – житель города Ставрополя, семья Садовых из города Минеральные Воды, А.К. Филиппова из села Солуно-Дмитриевское, директор Куршавской средней школы И.Т. Кузнецов, В. Калашников – прораб СМУ-2 "Ставропольхимстрой", А. Жаворонков – тракторист бригады № 3 колхоза "Родина", работники районного управления бытового обслуживания населения,

типографии, объединения "Сельхозтехника", отдела коммунального хозяйства, райисполкома и другие.

II. Переезд музея в здание курсавской школы

Шли годы. Из здания ДОСААФ музей был переведен в помещение курсавской средней школы (из воспоминаний местных жителей). Со временем музей прекратил свое существование. И вновь началась работа по созданию музея.

III. Создание районного народного музея в 1987 г.

10 февраля 1987 г. исполком Андроповского райсовета народных депутатов принял специальное решение о создании народного общественного музея. В нем отмечалось, что наряду с государственными музеями, важное место в обеспечении сохранности, изучения и пропаганды памятников истории и культуры принадлежит общественным музеям.

Конкретные положения решения исполкома районного Совета народных депутатов следующие:

1. Создать на территории села Курсавка (старое здание районной библиотеки, банка) общественный музей, работающий под непосредственным руководством отдела культуры. Профиль музея – исторический.

2. Для организации работы музея создать оргкомитет (в его состав входило 19 человек – авт.).

3. Руководство районным музеем на общественных началах осуществляет Совет ветеранов (в его состав 20 человек – авт.).

4. Директором общественного музея назначить Синанова Владимира Ивановича.

5. Произвести капитальный ремонт помещения, отведенного под музей за счет долевого участия предприятий и хозяйств.

6. Хозяйственное содержание директора музея и помещения (отопление, освещение, уборка, охрана, ремонт), а также приобретение необходимого оборудования производить за счет средств совхоза "Заречный".

Решение вышло за подписью председателя райисполкома А.И. Давыденко и секретаря А.П. Крицкого.

В сентябре 1987 года была полностью изготовлена проектно-сметная документация на реконструкцию здания музея. Подрядчик – РСУ.

28 мая 1987 г. газета " Призыв" поместила статью "Времен таинственная связь" директора музея, председателя районного Совета ветеранов войны и труда Синанова Владимира Ивановича, который писал: "В районе ведется активная работа по созданию народного краеведческого музея. ... В распоряжение музея уже поступают материалы и экспонаты, представляющие историческую ценность. Некоторые из них прямо-таки уникальны. Героическую экспозицию будет венчать легендарная боевая тачанка с не менее легендарным пулеметом".

30 марта 1988 г. в решении Андроповского районного Совета ветеранов войны и труда читаем: "Широко развернуть работу по сбору материалов, представляющих исторический интерес по всем селам и станице района для создания и сельских музеев".

В период создания районного народного музея главенствующая роль отводится Синанову Владимиру Ивановичу, который вел переписку с участниками 84-й морской стрелковой дивизии, посылал запросы в те или иные инстанции. От него поступали письма секретарям парткомов колхозов и совхозов с просьбой прислать фотоснимки, чтобы подробно рассказать о богатстве, природной красоте района, а также показать людей разных профессий, чьим трудом венчался успех сельскохозяйственного производства. Его письма адресованы Андроповскому районному военному комиссариату – майору т. Мужикову С.М., по персональным потерям в годы войны, для создания районной книги "Памяти". В одном из писем В.И. Синанов отметил: "Пионеры 6-го класса курсавской средней школы – члены этнографической экспедиции по сбору исторических материалов и экспонатов для формирующегося музея проводили работу, обходя дворы села и объясняя цели и задачи экспозиции". Письма от Синанова В.И. поступали заведующей отделом культуры исполкома Андроповского райсовета народных депутатов Н. Толстой, в город Ставрополь, в плано-экономический отдел Ставропольского краевого управления культуры. Письма отправлялись в Ставропольский краеведческий музей им. Прозрителева и Праве, директору Охонько Н.А. В письмах Первому секретарю Андроповского РК КПСС т. Чабанову В.К., председателю исполкома Андроповского райсовета народных депутатов Куприянову В.А. звучали просьбы и надежды на положительный результат.

Большого труда и энергии потребовалось от ветерана Великой Отечественной, председателя районного Совета ветеранов войны Синанова В.И. в решении организационных вопросов по созданию районного народного музея.

IV. Начало музейной деятельности

В 1991 году я, Василенко Эмилия Васильевна, несколько раз приглашалась в районный комитет партии к Первому секретарю РК КПСС Василию Петровичу Жиренкину по вопросу моей работы в музее. Каждый раз я отвечала отказом, потому что я только что приехала из Западной Сибири в село Курсавка, а, не зная людей, уклада жизни, истории района и края, не имея поддержки и защиты, должна буду создавать то, о чем сама не знаю. На последней нашей встрече В.П. Жиренкин пожал руку и сказал: "Идите работайте". Т. о. я была оформлена зававтоklubом, но работала по созданию музея с мизерной зарплатой. Заведующая библиотекой Татьяна Васильевна Тюря и Елена Николаевна Амвросова (районо) открыли передо мной двери здания музея, впустили первой. Музей был после реконструкции, с большим количеством невывезенного строительного мусора (битого стекла, кирпича, бетона и т.д.). В одной из комнат в углу находилась кучка бумаг, фото без подписей, папки и десять горшков. Это содержимое представлял раздел экспозиции. 3 апреля 1991 г. по акту я приняла имущество музейное, в которое входили 2 стола, стулья, фанера, гвозди и мелочевка в виде рукавиц, кисти, щетки и т.д.

Так я приступила к работе. Первоначально необходимо было убрать и тщательно вычистить залы помещения от всего содержимого строительного мусора. В этом очень помог Носов Юрий – первый секретарь РК ВЛКСМ. Под его руководством проводились комсомольские субботники по очистке помещения и прилегающей территории. Учителя курсавской средней школы вместе с учениками оказывали большую помощь по уборке залов музея и территории. Сразу же ученики училища УПО "Каскад" сбили щиты и произвели их установку для выставочного материала.

Большая роль в создании музея принадлежит В. П. Жиренкину – 1-му секретарю РК КПСС. Многие вопросы по электроосвещению, сантехнической части, столярные и плотницкие работы – благоустройство и асфальтирование центрального входа, сигнализация, обивка дверей железными листами, установка решеток на дверях, уборка чердачного помещения, установка отопительной системы и многие другие разрешались в контакте с руководителями организаций и предприятий: это Макаренко И.И., Лапин, Должиков, Аксенов, Белозеров, Русанов, Мельников, Акименко, Мочалин, Носов и другие.

V. Документация Андроповского районного краеведческого музея в 1992 г.

25.03.1992 г. районный Совет народных депутатов принял разработанное положение о музее и рекомендовал главе администрации района т. Рогачеву В.Я. назначить директором районного музея Василенко Э.В. 01.04.1992 г. за № 191, вышло постановление главы администрации Андроповского района «О государственной регистрации Андроповского районного краеведческого музея».

26.06.1992 г. принято постановление главы администрации Курсавского сельсовета № 131 "О выделении земельного участка районному краеведческому музею" площадью 2360 кв.м.

Т. о., само здание музея, которое считается одним из старинных зданий райцентра, бывшем во владении купца второй гильдии Калины Петровича Ляшенко, здание, в котором в 1918 году несколько месяцев дислоцировался штаб войск легендарного героя гражданской войны Якова Филипповича Балахонова, а позднее размещались районный банк, отдел культуры, районная библиотека, здание, расположенное в парке и граничащее с мемориалом "Огонь вечной славы", получило статус государственного учреждения культуры "Андроповский районный краеведческий музей".

1992 год является годом начала деятельности данного учреждения.

VI. Открытие Андроповского районного краеведческого музея в 1992 г.

9 мая 1992 г. во время празднования Дня Победы, было первое массовое посещение музея. Это можно назвать открытием, только с той разницей, что никто из руководителей не выступал, не было красной ленточки и не было пожеланий о процветании музея. Но людей было очень много. С удовольствием и благодарностью рассматривали первую выставку картин местного художника Бодрова Сергея Михайловича, разложенные на полочке; фронтовые письма; привезенные накануне праздника чучела птиц из села Янкуль, выполненные учителем географии Янкульской средней школы Труфановым Сергеем Ивановичем. Собранные предметы военной тематики военруком училища СПТУ-45 Швыденко Владимиром Семеновичем рассматривались с большим интересом.

К этому празднику готовились дети и взрослые, которые приносили в музей свои предметы старины, коллекции значков, марок и игрушек.

Особенно запомнились Литюк Ю., Гераско Витя, братья Должиковы, братья Панкины, Катренко, Асадов И., Артюшенко И., братья Черноуховы, Осыко Ф.Г., Василенко М.Ф., Емельяненко Т. и многие другие, принявшие участие в празднике. Несмотря на полупустые, необхоженные залы, праздник прошел прекрасно, оставив хорошее впечатление.

Галаева В. Н.

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный краеведческий музей
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве,
заведующая отделом

Археологические изыскательские работы на III Татарском городище

В 2005 году экспедиция Ставропольского государственного краеведческого музея проводила археологические раскопки на территории могильника № 3 Третьего Татарского городища. Могильник был открыт в 2003 году в ходе разведывательных работ на Третьем Татарском городище. Он расположен на южной окраине мыса Третьего городища, на небольшом природном возвышении, занимает площадь около 1500 кв. м. В данный момент на могильнике визуально зафиксировано 5 погребальных объектов, каждый из которых представляет собой курганообразные сооружения из рваного камня, в центре трех из них находятся поставленные на ребро плиты, ориентированные по линии север – юг.

В июле – октябре 2005 года были произведены раскопки первого объекта на могильнике № 3. До начала исследований объект представлял собой курганообразную насыпь из камней, перекрытую тонким слоем грунта, из-под которого просматривались камни насыпи. В центре сооружения стояло две плиты, поставленные на ребро, ориентированные по линии север – юг. После расчистки первого уровня каменного панциря было установлено, что его диаметр с севера на юг – 14,20 м, с запада на восток – 10,40 м. Верхний панцирь насыпи кургана представлял собой беспорядочную наброску из камней мелких и средних размеров и нескольких крупных, расположенных на северной и южной периферии. Уже на первом уровне зачистки камней в центральной части конструкции просматривалось сооружение, по форме приближенное к кругу, которое было перекрыто верхним каменным панцирем. На первом уровне фиксации было найдено большое количество фрагментов средневековой керамики (VIII – X вв.(?)), фрагментов костей животных и несколько участков скоплений угля.

Диаметр насыпи второго уровня фиксации составлял: с севера на юг – 9,50 м, с запада на восток – 8,60 м. На этом уровне каменный круг в центре сооружения просматривался четче. Но он еще был перекрыт каменной наброской, границы которой находились за пределами круга. Разница в высотных отметках между кругом и периферией насыпи составляла от 0,10 м до 0,58 м. На втором и

третьем уровнях фиксации были обнаружены три железных трехлопастных втульчатых наконечника стрел, три железных ножа с горбатой спинкой (один во фрагменте), которые только в некоторой степени позволяют говорить о нижней дате памятника как о III – II вв. до н.э.

После удаления двухуровневой каменной наброски внутри круга и за его пределами была наиболее полно выявлена первоначальная конструкция круга. Она представляла собой сооружение из камней довольно крупных размеров (от 1,12 x 0,52 м до 0,30 x 0,25 м), положенных в виде кромлеха, охватывающего пространство диаметром: по линии север – юг 4,50 м, по линии запад – восток 5,40 м. Камни в круге лежали довольно плотно друг к другу, особенно в восточной его части. Внутри круга находилась вымостка из камней крупных и средних размеров (от 0,88 x 0,45 м до 0,18 x 0,15 м). Наиболее плотно была заполнена камнями восточная часть сооружения; в северной, западной и южной частях, возможно, насыпь была утрачена. Центром сооружения, по-видимому, являлся склеп. Об этом свидетельствуют две поставленные на ребро плиты, расположенные восточнее центра сооружения. В северной части центра находилась лежащая плашмя плита размерами 1,44 x 0,64 x 0,11 м, в западной части – плита размерами 1,32 x 0,72 x 0,13 м. В южной части центра сооружения в материковой породе было зачищено углубление удлиненной формы. Возможно, данное углубление служило пазом для установки плиты, ограничивающей погребальное сооружение с юга. Глубина пазы: от уровня поверхности материка – от 0,08 м до 0,13 м. Плита утрачена.

Исследование объекта № 1 позволило сделать вывод, что первоначальным сооружением являлся склеп подквадратной формы, ограниченный поставленными на ребро плоскими плитами. Предположительные размеры склепа: по линии север – юг около 0,80 м, по линии запад – восток около 0,70 м. Вокруг захоронения была сооружена вымостка круглой формы, по периметру обложенная кольцом из плотно положенных камней. Далее вымостка была перекрыта панцирем из мелких рваных камней, набросанных на круг и за его пределы. Дата сооружения склепа, по небольшому набору датирующих предметов, – III-II вв. до н.э.

В период раннего средневековья (VIII - X вв. н.э. (?)) захоронение было разграблено (возможно, в ритуальных целях), северная и западная плиты повалены, южная – уничтожена. Поверх уцелевшего сооружения насыпан новый плотный панцирь, больший по диаметру, чем предыдущий. В этот период сооружение использовалось как святилище.

О коллекции пистолетов в Ставропольском краеведческом музее

В коллекции оружия Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе 113 пистолетов. Это ручное огнестрельное оружие и сигнальные системы для стрельбы одной рукой, относящиеся к следующим группам.

1. Дульнозарядные пистолеты: а) кремневые (61 единица хранения), б) капсюльные (26 единиц хранения), в) самодельные (1 единица хранения).
2. Казнозарядные пистолеты (1 единица хранения).
3. Револьверные пистолеты (16 единиц хранения).
4. Самозарядные пистолеты (7 единиц хранения).
5. Ракетницы (1 единица хранения).

Коллекция основана в 1918 г., когда в музей поступило оружие из музея 83-го Самурского пехотного полка. В 1927 г. в фонды музея влилась основная масса имеющихся ныне пистолетов из Ставропольского губернского Музея Северного Кавказа. В 1936 г. зарегистрированы пистолеты из Ростовского краевого музея горских народов. Единичные пистолеты поступали из других источников, о которых остались зачастую очень скудные сведения: «дар Гурского, 1928 г.», «дар Ерыгина», «из угрозыска от уполномоченного Орлова, изъят у неизвестного подростка 22 февраля 1925 г.», «изъято из тайника, сделанного в декабре 1941 г. при выходе разведчиков из вражеского тыла из с. Тальное, 14 августа 1966 г.» и др. Мемориальные пистолеты – результат собирательской работы сотрудников музея по истории гражданской и Великой Отечественной войн.

Самое раннее оружие – кремневые пистолеты – датируется 2-ой половиной XVIII в. Период XIX - начала XX вв. представлен дульнозарядными, казнозарядными и револьверными системами. К 1910-1940 гг. относятся самозарядные пистолеты, отечественные револьверы и ракетница. Более половины коллекции составляет оружие, изготовленное на Кавказе. Меньшие по величине группы образуют европейские и российские (без кавказских) пистолеты.

53 кремневых пистолета имеют кавказские замки и кнопочный (в виде шарика) спуск без спусковой скобы. Такие пистолеты типичны для Кавказа. Э.Г. Аствацатурян (1) предложила систематизацию **кавказских кремневых пистолетов** по трем группам и описала вариативность образцов каждой из групп. В соответствии с этой системой музейная коллекция достаточно полно характеризует разнообразие этого типа оружия.

Для **западнокавказских** (черкесских) пистолетов (38 ед.хр.) типичны оклеенная черной кожей тонкая ложа, шарик на конце рукояти, отсутствие шомпола и прицела (лишь один пистолет целевой), узкие стальные ложевые кольца. Часто имеется ложный шомпол – зафиксированный в толще цевья декоративный элемент в виде стального стержня. Длина пистолетов варьирует от 33 до 56 см, длина стволов – от 19,5 до 41,8 см, калибр – от 10,5 до 18,5 мм. Среди шариков есть костяные, деревянные, или деревянные, оклеенные черной кожей. Поверхность стволов может быть: а) гладкой либо с планками, канавками вдоль ствола, поперечными гравированными кольцами, но без рисунка; б) гравирована рисунком с элементами, характерными для черкесских стволов: раковины, завитки, витые стебельки и линии, мелкие звездочки, трилистники, ромбики; в) гравирована рисунком из арок и пальметт, характерным для дагестанского оружия (1, с.130). Замки, как правило, черкесского типа, редко – дагестанского типа (1, с. 43, 128). На 9 стволах есть клейма, требующие дополнительного изучения. Пистолеты не украшены либо мало украшены. Один пистолет отличает эклектика черкесских и дагестанских элементов, нетипичная форма очень крупного, сильно уплощенного шарика, – богатое украшение в черкесских традициях (1, стр.50), что позволяет отнести его к декоративно-парадному оружию, изготовление которого характерно для рубежа XIX - XX вв.

У **дагестанских пистолетов** (8 ед. хр.) мы также наблюдаем определенное однообразие. Более массивная ложа из ореха в большинстве случаев имеет шомпольное или ложное шомпольное гнездо (шомпол деревянный, с металлическим наконечником) и гладкие ложевые кольца белого металла. Шарик из кости или дерева снизу сферический, вверху сужается и сопрягается с рукоятью. Дагестанские стволы с арками и пальметтами сочетаются с замками дагестанского же типа. На стволах клейма листовидной формы с надписью на арабском языке «имтихан» – «испробовано» (1, рис.200). На срезе хвостовика целик. Отклонения от этого стандарта единичны. Длина стволов варьирует от 27,3 до 35,6 см, калибр – от 12 до 16 мм. Некоторые пистолеты украшены золотой насечкой на металлических деталях и серебряными накладками с гравированным золоченым и черненым кубачинским орнаментом. В одном случае накладки прикреплены к ложе медными гвоздиками с полусферическими шляпками. Оригинальными чертами выделяется декоративно-парадный пистолет: на стволе

выгравированы маскарон, воин, стилизованные кусты, имеется мушка, костяное яблоко дагестанского типа орнаментировано, над верхней губкой курка вместо кольца рожки (1, рис.195).

Закавказские пистолеты объединяет характер украшений. Это прежде всего богатая инкрустация ореховых лож костью, медью, рогом, перламутром. Среди инкрустированных фигурок – ромбы, уголки, треугольники, кружки, полумесяцы, цветы, лепестки, птички, пальметты и др. Помимо инкрустации дерева различными материалами, использованы инкрустация рога костью и медью, кости медью, меди рогом. К другим украшениям следует отнести костяные наконечники цевья, серебряные кожухи на шариках, витую проволоку, серебряные обоймицы: широкие, со сквозными фигурными отверстиями, гладкие или сплошь гравированные, с черненым орнаментом. Собственно закавказскими оружейниками изготовлены 4 пистолета с ложами ружейного типа: 3 имеют рукоять в форме приклада кавказского ружья с костяной пятой, 1 – рукоять в форме приклада европейского ружья. Оригинальным ложам соответствуют оригинальные стволы: один гранен на всем протяжении, другой с мушкой, гравирован рисунком с маскаронами и стилизованными кустами; еще два имеют раструбы на конце дула и предназначены для стрельбы картечью, т.е. являются мушкетонами. Стволы мушкетонов украшены в подражание дагестанским стволам. К закавказским относят также западнокавказские и дагестанские пистолеты, которые закупались неукрашенными, затем украшались и бытовали в Закавказье. Пистолеты такого типа тоже представлены в коллекции музея.

В книгах поступлений отдельные кавказские кремневые пистолеты названы «кабардинский», «черкесский», «дагестанский», «турецкий», «кавказский», «из Бакинской губернии», «горцев Северного Кавказа и Дагестана», «мастеров восточного Кавказа», «туземной работы», «старинный» или «старой работы».

Восемь пистолетов из музейной коллекции имеют **европейские кремневые замки**, спуск в виде крючка, защищенный спусковой скобой. Российский солдатский кавалерийский пистолет военного образца – единственный в коллекции музея кремневый армейский пистолет. Изготовлен на Сестрорецком оружейном заводе в 1804 году. Из остальных пистолетов с европейскими замками шесть изготовлены в Западной Европе, один, по-видимому, кавказский. Они относятся к оружию произвольного образца, украшены гравировкой. В орнаментике европейских пистолетов использованы цветы, побеги, розетки, пальметты, листья аканта, раковины, головы змей, лучистые элементы («снежинки»), военная атрибутика: топоры, пушки и др. На балканском пистолете встречаем исламский символ – полумесяц. В дополнение к гравировке в украшении пистолетов использовались также чеканка, витая проволока, золотая и серебряная насечка. Детали замков большинства пистолетов имеют декоративную

форму, ложи украшены резьбой. Надписи «in Wien» и «Joh. Fruwerth» на одном из пистолетов позволили установить имя австрийского оружейника – Иоганн Фруверт, около 1770 года.

В коллекции музея имеется один **самодельный пистолет** без спускового механизма. Он состоит из ложи грубой работы и восьмигранного ствола (по-видимому, от оружия первой половины XIX в.). Их соединяют стальное кольцо и виток проволоки в тканевой изоляции. Последний элемент помогает датировать пистолет началом XX в. Ствол в казне имеет латунную заглушку, сделанную из задней части патронной гильзы, в которую вставлялся капсюль. Позади ствола в ложе сквозное отверстие для металлического стержня. Выстрел производился при помощи удара стержнем по капсюлю. Поступательное движение стержню обеспечивала резинка (? , не сохранилась).

Среди **капсюльных пистолетов** 6 являются отечественным армейским оружием. Это ударный переделочный офицерский образца 1844 г., 2 солдатских и кавалерийский солдатский образца 1854 г. Все калибра 7 линий (17,7 мм). На солдатских имеются клейма Ижевского оружейного завода 1857 г. К ним близки еще 2 пистолета Ижевского оружейного завода: 1858 г. выпуска со стволом солдатского образца 1854 г., но прибор и общая длина пистолета иные, и пистолет калибра 6 линий (15, 24 мм) 1859 г. выпуска (год введения в России 6-линейного оружия). Один российский капсюльный гладкоствольный шомпольный целевой пистолет со стволом длиной 312 мм и внешним курком является охотничьим. Остальные российские, в т.ч. кавказские, и европейские пистолеты – гражданские, произвольного образца. Внутри этой группы имеет место разнообразие конструктивных особенностей, материалов, украшений. Стволы бронзовые или стальные, иногда вороненые, круглые, граненые полностью или частично, с нарезами и без нарезов, литые с корпусом или ввинчивающиеся. Замки с внутренними и внешними курками. В одном случае спуск складной. Среди двуствольных есть пистолеты с горизонтальными и вертикальными стволами. Четырехствольный английский пистолет имеет один замок и относится к залповым. Некоторые пистолеты украшены гравировкой. По-видимому, все капсюльное оружие из музейной коллекции бытовало на Кавказе, а многие образцы и изготовлены или переделаны в местных оружейных мастерских. Кавказское происхождение ряда пистолетов «выдают» такие элементы, как кнопочный спуск, кавказский капсюльный замок (1, с.164), ложевые кольца и накладки на затыльнике из белого металла, костяная инкрустация замочных личинок, орнамента стволы и другие. 2 пистолета переделаны из сломанного европейского оружия (имеется капсюльный пистолет, сделанный из рамы револьвера системы Лефоше).

Известной страницей в истории оружия является переделка кремневых замков в капсюльные. В коллекции музея 2 пистолета с такими замками: западноевропейский с клеймом «Grabinski a. LISSA» и названный выше российский переделочный офицерский образца 1844 года.

С распространением **казнозарядного оружия под унитарный патрон** возникла необходимость в разработке конструкции затвора. В музее хранится пистолет системы Флобера (известной в России как «монтекристо»), в котором затвором служит лишь массивный курок (3).

К **револьверным системам** относят бундэльревольверы и револьверы. В коллекции музея 3 европейских бундюльревольвера (пепербокса) калибра 9 – 9,5 мм: четырехствольный, восьмиствольный и двенадцатиствольный (общая длина соответственно 17,5, 26, 35 см). У первых двух пепербоксов курок расположен внизу, впереди спуска, стволы навинчивающиеся, стержни с капсюлями открыты, у третьего – курок находится сверху, стволы неподвижно соединены с вращающимся казенником, стержни с капсюлями укрыты тонким наружным кожухом. Пистолеты орнаментированы в технике гравировки, украшены золотой и серебряной насечкой.

Слабое место музейной коллекции пистолетов – современное оружие. 13 **револьверов** и 7 **самозарядных** пистолетов, хранящихся в музее, не дают целостного представления о разнообразии этих систем, но все же позволяют проследить некоторые этапы их технического совершенствования (2). Наиболее ранний револьвер – капсюльный, системы Кольта, образца 1851 г. Украшением коллекции являются бельгийские и французские гражданские револьверы под шпильчатые патроны систем Лефоше и Шамело-Дельвинь, украшенные изящной гравировкой. Военная модель 1853 г. системы Лефоше была на вооружении армий многих стран, в том числе и Турции. На таком револьвере бельгийского производства находим кустарно гравированную надпись на арабском языке. К револьверам под унитарный патрон центрального воспламенения относятся только револьверы систем «Бульдог» и Наган. 2 миниатюрных гражданских «Бульдога» рубежа XIX - XX вв. предназначались для самозащиты, в частности, от собак. Что касается наганов, то вполне закономерно, что эти отечественные револьверы образца 1895 г. (в т.ч. модификация 1930 г.), бывшие на вооружении русской и Красной Армии, представлены несколькими экземплярами, имеющими мемориальную и историческую ценность. Наган 1924 г. выпуска принадлежал летчице 46-го Гвардейского Таманского ночного бомбардировочного (женского) авиаполка Клопковой Л.Н. Другой револьвер произведен в годы Великой Отечественной войны. Последнее поступление коллекции – наган, подаренный в 1997 г. президентом Республики Ингушетия Р. Аушевым П.С. Федосову – одному из организаторов возрождения казачества на Северном Кавказе.

Среди немногих **самозарядных пистолетов** имеются следующие модели: армейский пистолет ТТ (СССР) образца 1933 года, 1942 г. выпуска, принадлежал участнику гражданской и Великой Отечественной войн, работнику ОГПУ-НКВД Голеву А.Н.; Браунинги (Бельгия), модели 1910/1912 гг. и 1922 г.; Веблей-Скотт (Великобритания), модель 1910 г., принадлежал ветерану Великой Отечественной войны Дуренко П.В.; Маузер К-96 (Германия), модель 1912 г.; Маузер, модель 1910/1914 гг. и Вальтер ПП (полицайпистолет) (Германия, 1929 г.), принадлежавшие участнику первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн генерал-майору Давыдову П.М.

В коллекции музея одна **ракетница**, найденная школьниками при сносе старых домов, в значительной степени корродированная, место и дата выпуска не установлены.

Коллекция пистолетов интересна с точки зрения истории техники, этнографии, военной и политической истории региона, с которым связано производство и (или) бытование всех составляющих ее предметов.

Использованная литература и источники:

1. Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. М., Хоббикнига, 1995
2. Жук А.Б. Револьверы и пистолеты. М., Военное изд-во, 1990
3. Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. С.-Пб., Полигон, 1994

Годзевич Б.Л.

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
доцент, к. г-м. н.

Минералы, горные породы и окаменелости Ставропольского края

Минералы, горные породы и окаменелости – важнейшие источники информации о строении и истории Земли. Поэтому их коллекции должны быть в каждом краеведческом музее и особенно в школах, где они нужны как учебные пособия. Недра Ставрополья имеют разнообразное, а местами необычное строение, благодаря чему в крае можно собирать интересные геологические коллекции.

Наиболее привлекателен для коллекционеров регион КМВ, где имеются осадочные, магматические, метаморфические породы и скопления минералов гидротермального происхождения.

В системе Пастбищного хребта (хребты Дарьинский, Боргустан, Джинальский, Кабардинский) широко распространены толщи морских отложений мелового возраста, состоящие из известняков, мергелей, песчаников и глинистых пород с разнообразной окраской. Днища долин Аликоновки и Ольховки слагают кремевые валанжинские доломитовые известняки, образующие скалы – памятники природы Лермонтовскую, Замок, Броненосец и Миноносец. Выше залегают серые, желтые и красные глины и песчаники готеривского и барремского ярусов. 140-150 миллионов лет назад они отлагались в теплых морях, но затем часть их оказалась на поверхности обширного острова, где пески покрылись «пустынным загаром», содержащим бурый оксид железа гематит. Теперь эти породы слагают знаменитые скалы Красные камни, украшающие Кисловодский парк.

В нижних и средних частях склонов Кисловодской котловины залегает мощная толща зеленовато-серых песчаников аптского яруса. Зеленый цвет им придает водный силикат – глауконит, отлагавшийся в неглубоком теплом море. Песчаники неравномерно сцементированы кальцитом и фосфоритом. Стяжения, обогащенные этими минералами, имеют сферическую или неправильную форму, благодаря чему ветер и дождь отпрепарировали их в виде причудливых скал-останцов (Кольцо-гора, Красное Солнышко). В аптских песчаниках много раковин головоногих и пластинчатожаберных моллюсков-аммонитов, ауцелл,

пектенов, тригоний, устриц, грифей. Их скопления можно наблюдать на г. Малое Седло ниже обзорного павильона.

На аптских песчаниках залегают черные лагунные альбские глины. Они изобилуют необычными заостренными известковыми стерженьками, похожими на пули. Это остовы (ростры) раковин вымерших головоногих моллюсков – белемнитов. В народе их называют «чертовыми пальцами».

Вершины хребтов Боргустан, Дарьинского и Джинальского венчают белые, реже розоватые верхнемеловые известняки – идеальное сырье для получения извести. В них можно найти похожие на теннисные мячи окаменелые ядра морских ежей-микрастеров и ребристые отпечатки крупных двустворок-иноцерамусов.

В каньоне р. Аlikоновки, у границы края с КЧР, на земную поверхность выходят позднепалеозойские розовые граниты. Они образуют уступ, с которого падают Медовые водопады. Граниты перекрывает верхнеюрская кора выветривания, состоящая из гранитной крошки. Ее добывают для отсыпки дорожек в Кисловодском парке. Среди обломочного материала в ней легко найти выразительные образцы розового полевого шпата и серого кварца. Тщательный поиск может вознаграждаться находками жеод голубых кристаллов сернокислого стронция – целестина, собранных в красивые жеоды.

В трещинах и полостях среди осадочных пород Пастбищного хребта присутствуют жилы, линзы и желваки кальцита, халцедона, опала, реже щетки мелкого горного хрусталя, выпавшие из гидротермальных растворов.

К петрографическим достопримечательностям гор Пятигорья относятся прежде всего порфиновые риолиты и трахириолиты, называемые бештаунитами. Они слагают тела субвулканических интрузий – диапиров, находящихся в ядрах останцовых магматических гор, и возникли 8-10 миллионов лет назад. Бештауниты застыли на глубине 1-2 км и поэтому не полностью раскристаллизовались. Они состоят из серой или розовой скрытокристаллической основной массы и вкраплений белого щелочного полевого шпата, черной слюды-биотита, реже дымчатого кварца.

На горах Змейке и Бештау имеются остатки неогеновых вулканических покровов, сложенных пизолитовыми туфами, которые состоят из похожих на горошины слипшихся частиц пепла (пизолит в переводе с латинского – «гороховый камень»). Они выпадали в виде каменного града из грандиозных туч, клубившихся при взрывных извержениях над Бештау и Змейкой в бытность их вулканами (1).

Раскаленная магма, внедрившаяся в жерла Пятигорских вулканов, вместе с растворами и газами воздействовала на вмещающие осадочные породы. Поэтому вокруг тел бештаунитов образовались плотные, обожженные магмой глинистые

сланцы-роговики, метаморфизованные известняки – скарны, а также жилы и линзы новообразованных минералов. В этих породах распространены кварц, кальцит, полевые шпаты, слюды, амфиболы, пироксены, гранат, флюорит, а местами встречаются редкие минералы бора (датолит), урана (урановые слюдки, уранинит), редких земель (монацит, ортит) и другие. Среди них, в частности, обнаружен ранее неизвестный водный фосфат урана, церия и кальция, названный лермонтовитом.

Другой достопримечательностью гор Пятигорья являются травертины. Они представляют собой натёки углекислого кальция (кальцита, арагонита), выпавшего в осадок из углекислых минеральных вод. Наиболее мощные (до 50-70 м) покровы травертинов находятся на горах Машук, Юце и Железной. Небольшие натечные тела их имеются на Бештау, Лысой, Верблюде, Кокуртлы и возле источника «Нарзан» в Кисловодске. В верхних частях покровов травертины пористые, а в нижних – плотные, тонкослоистые. Цвет их белый, серый, желтый, а местами (например, на г. Железной) ржавый из-за примеси лимонита. На Машуке и Юце среди них встречаются жилы и кокардовые линзы прозрачного янтарно-желтого кальцита. В травертинах сохраняются окаменевшие листья, стволы и ветви деревьев, кости животных.

Формируясь несколько миллионов лет возле источников минеральных вод, травертины стали бесценной летописью развития органического мира на Северном Кавказе. В их самых древних неогеновых слоях найдены кости Южного слона, в нижнеплейстоценовых – Лесного и Трогонтериевого слонов, в среднеплейстоценовых – бизонов и оленей, в верхнеплейстоценовых – лошадей, оленей, кабанов, измельчавших бизонов (3).

Богатый материал для коллекционеров дает аллювий крупных горных рек – Кубани, Большого Зеленчука, Малки, Терека. В составе выносимых ими с гор валунов и галек встречаются горные породы и минералы всей центральной части Большого Кавказа. Это разнообразные гранитоиды, диориты, андезиты, серпентиниты, гнейсы, сланцы, амфиболиты, красноцветные брекчии и конгломераты, яшмы, кремний, мраморы, катаклазиты и милониты.

Из минералов в составе галек чаще всего присутствуют кварц, полевые шпаты, слюды, амфиболы, эпидот, лимонит. Среди жильного кварца можно найти вкрапления пирита, халькопирита, галенита, молибденита, а если повезет, то и мелкие пластинки золота.

Ставропольскую возвышенность слагает комплекс осадочных морских и континентальных пород. Из них наиболее своеобразны сарматские ракушечные известняки, покрывающие плоские вершины междуречий. Они отражают необычную вспышку жизненной активности моллюсков в теплых раннеогеновых морях, не имевшие аналогов в истории Земли и оставшуюся

загадкой для ученых. Особенно плодовитыми оказались пелециподы родов *Mastra* и *Cardium*, раковины которых доминируют в составе отложений.

На склонах возвышенности преобладают различные по составу и цветовой гамме глины – коричневые, желтые, серые, черные, зеленые, красные. Столь же разнообразны они и по применению – кирпичные, огнеупорные, керамзитовые, керамические. Черные лагунные чокракские глины по лечебным свойствам мало чем уступают тамбуканской грязи. В майкопских глинах распространены крупные конкреции карбоната железа – сферосидериты, а в сарматских при выветривании образуются знаменитые ставропольские гипсовые розы.

Сарматские пески состоят преимущественно из кварца. Наиболее ценные их разновидности вблизи с. Спасского, на Прикалаусских высотах, добываются как идеальное стекольное сырье. В прибрежно-морских песках, вблизи сел Бешпагир и Камбулат в промышленных концентрациях содержатся минералы циркония (циркон) и титана (рутил, ильменит, сфен). Их разработка сулит большие выгоды экономике края.

Морские и континентальные отложения на равнинах края представляют большой палеонтологический интерес. В отложениях неогеновых морей имеются остатки китов, дельфинов, тюленей, рыб. В слоях древней суши обнаружены кости хоботных (мастодонтов, динотериев, слонов, мамонтов), копытных (носорогов, жирафов, анхитериев, гиппарионов), хищников (амфициона и др.), остатки разнообразных насекомых (2;4).

Минеральные и палеонтологические богатства Ставрополя требуют дальнейшего изучения, а знания о них необходимо широко популяризировать, в том числе через сеть музеев.

Использованная литература и источники:

1. Годзевич Б.Л. Геологическое строение и история гор Пятигорья // Вестник СГУ. Вып. 31, 2002.
2. Гниловской В.Г. Занимательное краеведение. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1974.
3. Громов В.И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии четвертичных отложений СССР. – М.: Госгеолтехиздат, 1948.
4. Швырева А.К. Палеонтологические коллекции музея Северного Кавказа в начале XX века // Прозрителевские чтения. Вып. 1 – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 2005.

Гриднева Н. А.

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный краеведческий музей
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе,
ведущий методист

Музейная педагогика: идеи, эксперименты, инновации

В последние два десятилетия в среде музейных специалистов прочно укрепился термин – музейная педагогика. Проблемы музейной педагогики обсуждаются в статьях и диссертационных исследованиях, на семинарах и конференциях, этот термин встречается в названиях музейных секторов и отделов, появились специалисты – музейные педагоги.

Что же такое музейная педагогика? Почему этот термин так живо был воспринят в достаточно консервативной музейной среде?

Предпосылкой зарождения музейной педагогической мысли явилось осознание музея как института образования, что особенно заметно проявилось на рубеже XIX – XX вв. основополагающие идеи музейной педагогики связаны с именами немецких педагогов и музейных деятелей, которые первыми задумались об образовательном назначении музея и предложили новый подход к посетителю как участнику диалога.

Логичным следствием рассмотрения деятельности музея, с педагогической точки зрения, стало появление термина «музейная педагогика», который впервые употребил в своей книге «Музей – образование – школа» (1931 г.) Г. Фройденталь, занимавшийся проблемами взаимодействия музея и школы. Он разработал специальную методику работы со школьниками, которая включала подготовку детей к посещению музея и последующее закрепление почерпнутых там знаний и впечатлений на уроке. Центральное место в этой методике, естественно, отводилось школьному учителю, который стал рассматриваться как участник музейно-педагогического процесса. Т.о., еще в довоенной Германии были разработаны и внедрены в практику важнейшие музейно-педагогические идеи, а затем появился и сам термин, обозначающий особое направление деятельности музея: участие в учебно-воспитательном процессе школы, создание образовательных программ для детей.

Исторический опыт Германии является далеко не единственным, хотя, может быть, наиболее показательным. Аналогичные процессы наблюдаются и в других странах. Со 2-ой половины XIX в. в Европе и Америке происходит интенсивное «омузеивание» образования, выделение деятельности по

обслуживанию посетителей в особое направление, а затем и ее теоретический анализ.

Термин «музейная педагогика» в России начал утверждаться в 80-х – 90-х гг. XX в. Ученые-музеееды объясняют это тем, что именно тогда возникла потребность в смене образовательных парадигм и формировании теорий культурно-образовательной деятельности музея.

Итак, музейная педагогика – это научная дисциплина на стыке музееведения, педагогики и психологии, рассматривающая музей как образовательную систему. Областью музейной педагогики являются все виды контактов музея с аудиторией, самые различные способы обращения к человеку как участнику процесса музейной коммуникации. Музейная педагогика начинается тогда, когда возникает (или ожидается) эффект встречи музея с человеком. Исходя из этого, определим главные проблемы музейной педагогики.

Первой по значению является проблема образовательной специфики музея. Решить ее – это значит ответить на вопрос, зачем люди ходят в музей, в чем они видят смысл музейного посещения.

Следующая проблема – эффективность музейной коммуникации. Словацкий музеевед З. Странский отмечал более 10 лет назад, что вопрос о том, «что» и «как» воспринимает посетитель, остается наименее разработанным в музееведении.

Еще одна проблема, которой должна заниматься музейная педагогика – это изучение музейной аудитории. Едва ли возможно грамотно осуществлять свою деятельность без четкого представления о том, к кому обращается музей, каковы особенности, ожидания, интересы тех людей, которые приходят в музей или игнорируют его (почему?).

С учетом знаний о реальной (или потенциальной) аудитории музейная педагогика подходит к решению следующей проблемы, имеющей, быть может, наиболее практическое значение, – к созданию и апробации новых методик, программ, экспозиций для различных категорий посетителей.

Музей вступает в контакт не только с посетителями. Общностью решаемых проблем и непосредственными деловыми контактами он связан с самыми различными институтами культуры и образования. Поэтому к проблемам музейной педагогики относится установление оптимальных форм взаимодействия с партнерами по культурно-образовательной деятельности. Центральным здесь является вопрос о взаимодействии с учебными учреждениями, прежде всего со школой.

Все названные проблемы могут успешно решаться лишь в контексте знаний об опыте предшественников. Поэтому важнейшая проблема музейной педагогики

– изучение истории музейной педагогической мысли и культурно-образовательной деятельности музея.

Достижения современной отечественной музейной педагогики покоятся на прочном фундаменте идей и научных наработок наших предшественников, которых должны знать новые поколения музейных специалистов. Частью этой истории является опыт СГКМ, воззрения, идеи, эксперименты его научных сотрудников и методистов.

В свое время основатель Ставропольского городского музея наглядных пособий Г.К. Пправе своей главной целью ставил обслуживание школ и других учебных заведений Ставрополя. Ведь наглядное обучение, – говорил Г.К. Пправе, – путь к улучшению грамотности «темного населения».

В 1898 г. основателем Губернского музея истории Северного Кавказа Г.Н. Прозрителевым, при активном участии учителя И.П. Кувшинского, была организована выставка, на которой представили свои коллекции частные коллекционеры-любители старины и учебные заведения, сформировавшие собрание уникальных вещей и наглядных пособий. Цель мероприятия – содействие воспитанию детей.

Эта позиция породила термины «культурно-просветительная работа», «внешкольное образование», которые использовались для формирующегося направления – работы с аудиторией. Впервые начинают проводиться экскурсии, главным образом для учащихся и учащихся, а из среды музейных работников выделяется новый персонаж музейной деятельности – экскурсовод.

После установления Советской власти в нашей стране, вплоть до 50-х гг. XX в., музей начинает рассматриваться лишь как «проводник политического просвещения», «мощное оружие политической и просветительной деятельности». Новая образовательная концепция музея отразилась в новых терминах, которые начали употребляться для обозначения работы с аудиторией: политико-просветительная, массовая работа. Противоречие этого этапа заключается в том, что формы работы с музейной аудиторией расширялись, а содержание, напротив, сужалось и примитизировалось. В фондах СГКМ хранятся отчеты о самых разнообразных формах работы с посетителями с 1920 по 1950 год и, в том числе, учащимися и учителями. Это не только экскурсии и лекции, но и встречи с героями революции, войны и труда, тематические вечера, выезды сотрудников музея в село.

Начало 1960-х годов является очень важным периодом в жизни отечественного музея. Эти годы отмечены стремлением вернуть музею статус научного учреждения. Впервые к тому же формулируется идея о специфике образования в музее. Теперь музей рассматривают как средство распространения знаний, имеющих научный характер и предметную основу. Новый подход

находит отражение в терминологии, о чем, в частности, говорится в одной из работ этого времени: «Музеи призваны вести массовую работу с помощью средств, несущих научное знание». Отсюда исходит правильное наименование этой работы – «научно-просветительная», термин, который существует вплоть до настоящего времени.

В 1964 году директор Ставропольского краеведческого музея Г. Краснов пишет в газете «Ставропольская правда»: «Залы музеев бывают учебными аудиториями. Здесь – школьные уроки, занятия со студентами, слушателями народных университетов».

Отстаивая свою образовательную специфику, которая заключается в распространении научных знаний, заложенных в первоисточнике, СГКМ продолжает искать новые методы работы с посетителями.

В марте 1977 г. в той же газете «Ставропольская правда» директор музея В.В. Госданкер в статье «Самой истории дыхание» пишет: «В арсенале средств массовой работы музеев нашего края – занятия политсети, краеведческие лектории, литературные и музыкальные субботы, клубы интересных встреч, уроки мужества и т.д.».

В конце 1980-х годов начинается процесс постепенного отхода от информативной модели музея в пользу модели, которую можно определить как коммуникативную. Меняется представление о сущности музейно-образовательного процесса и характера взаимодействия между музеем и посетителем.

Образовательскую специфику музея в этот период специалисты определяют следующим образом: «Музей способен дать человеку то, чего не может обеспечить ни школа, ни книга, ни другие новейшие достижения цивилизации, – опыт личного соприкосновения с реальностью истории и культуры, опыт переживания времени через пространство, содержащее зримые, соразмерные человеку и человеком порожденные ценности».

Такой подход к содержанию образовательной деятельности музея заставляет пересмотреть представления об отношении музея и его аудитории. Большая роль придается апелляции к внутреннему миру человека, чувственно-эмоциональной сфере, творческому воображению. Приходя в музей, посетитель получает право окунуться в особую атмосферу, где, как отмечает Кеннет Хадсон, он находит «кратковременное убежище от агрессии, безобразия и шума внешнего мира».(1, с.14). Попадая в это «убежище», в это царство свободы, он менее всего хочет стать «объектом», который обучают и воспитывают. Но он, как правило, жаждет получить стимул к размышлению или переживанию, который становится более осязаемым и действенным, если знания или эмоции не забываются в

мучительной борьбе с музейной скукой. Переход к новому образовательному процессу стимулирует употребление нового термина – «музейная педагогика».

По статистике, более 60% посетителей музея – школьники. Традиционно приводит их в музей, как правило, учитель-предметник или классный руководитель. В 2002 году методистами краевого музея была составлена анкета для учителей города Ставрополя и края с просьбой высказать свои пожелания и предложения по улучшению нашей работы со школой. Анализируя результаты опроса, сотрудники краеведческого музея пришли к выводу, что учителя не всегда согласны работать с музеем по принципу: пришел, послушал экскурсовода, который что-то рассказал. Им бы хотелось приходить в музей для работы, выбирая определенные объекты, и попытаться вытащить из них всю необходимую информацию. Для этого надо, чтобы экскурсовод был в очень тесном контакте со школой или чтобы педагог мог сам проводить занятия в музее. Еще точнее, здесь нужен человек, который даст посетителям не информацию с иллюстрациями, а способы, с помощью которых они сами смогут получать информацию от музея. Таким человеком должен стать музейный педагог.

Начиная с 2002 года работа по созданию новых форм сотрудничества с общеобразовательными учреждениями оформилась в творческий проект «Нетрадиционные приемы активизации учебно-познавательной деятельности учащихся на уроках истории». Партнерами музея по педагогическому эксперименту стали кафедра общественных дисциплин лицея № 5 г. Ставрополя и Лаборатория социокультурных проблем при Северо-Кавказском государственном техническом университете. В соответствии со школьными программами были разработаны планы-конспекты первых авторских уроков по истории и краеведению. Уроки проводились в экспозиционных залах, с привлечением материалов из фондов музея.

В 2003-2004 учебном году учителя на музейных уроках в качестве наглядных пособий как средства обучения использовали 117 подлинников – уникальных и редких свидетельств истории Ставрополя.

К новому учебному году в краеведческом музее появилась специальная программа, рассчитанная на сотрудничество музейного педагога с учителем, целью которой является создание системы работы музея со школой и обогащение методики преподавания на уроках краеведения.

Использованная литература и источники:

1. Вестник Ассоциации «Открытый музей», 1999

Гриценко О.В.

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный краеведческий музей
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве,
младший научный сотрудник.

Влияние административно-территориальных преобразований Северного Кавказа на процесс развития и становления Ростовской области как составной части региона

Современная территория Ростовской области является в основном частью территории бывшей Области войска Донского. После установления Советской власти на Дону (1920 г.) Область войска Донского была переименована в Донскую область, а ее территория подверглась значительным изменениям.

Из состава Донской области, занимавшей территорию в 144586 кв. верст и насчитывавшей 10 округов, два округа целиком и значительная часть других округов отошли к соседним губерниям. При этом территория бывших 2-го Донского, Усть-Медведицкого, Хоперского и часть территории Сальского и 1-го Донского округов Области войска Донского отошли к Царицынской губернии; территория Таганрогского округа, часть Донецкого и Черкасского округов – к Донецкой губернии УССР (1). В результате Донская область стала занимать территорию в 69537 кв. верст. Одновременно с изменениями территории области произошло и перераспределение ее окружных границ. К 1920 г. Донская область делилась на округа, округа – на станицы и волости, в состав которых входили хутора и поселки. Донская область, вошедшая в состав Юго-Востока России, состояла из 6 округов: Верхнедонского, Донецкого, 1-го Донского, Ростовского, Сальского, Черкасского (2, с.13).

Декретом ВЦИК от 7 марта 1923 г. было утверждено новое административное деление Донской области, по которому область объединяла следующие округа: Донецкий, Морозовский, 1-й Донской, Ростовский, Сальский и Черкасский (3, с.224).

13 февраля 1924 г. ВЦИК издал декрет «О районировании Юго-Восточной области». В течение 1924 г. декретом определялся состав Юго-Восточной области с центром в Ростове-на-Дону: Донская и Кубанская области, Терская и Ставропольская губернии, город Грозный, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Адыге-Черкесская и Чеченская автономные области (4, с.227).

На основании постановления Президиума ВЦИК от 2 июня 1924 г. Крайэкономсовет Юго-Востока России 4 июля 1924 г. вынес постановление о переходе на окружную систему. Донская область как административно-территориальная единица была упразднена, а ее территория разделена на 4 округа: Донецкий, Морозовский, Ростовский (вскоре переименованный в Донской), Сальский – с непосредственным подчинением краю.

Реформу районирования Юго-Восточной области планировалось начать с организации районов и ликвидации уездов, а затем приступить к созданию округов. Непосредственное руководство работой по районированию было возложено на Краевой экономический совет Юго-Востока России. На основании постановления Президиума ВЦИК от 16 октября 1924 г. и постановлением крайисполкома от 16 ноября 1924 г. Юго-Восток России был переименован в Северо-Кавказский край (5).

Декретом ВЦИК от 26 января 1925 г. было утверждено «Положение о Северо-Кавказском крае» с центром в Ростове-на-Дону (6, с.76). Край делился на 10 округов: Армавирский, Донской, Донецкий, Кубанский, Морозовский, Майкопский, Сальский, Ставропольский, Терский, Черноморский, г. Грозный (на правах округа) и 4 автономные области: Адыгейская, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чеченская. Каждый округ делился на районы. Несколько раньше, в 1924 г., Северо-Кавказскому краю были переданы Таганрогский и Шахтинский округа, входившие с 1920 г. в состав УССР.

Декретом ВЦИК от 16 июня 1925 г. Морозовский округ был упразднен, а его территория присоединена к Шахтинскому округу (7, с.326). 5 октября 1925 г. декретом ВЦИК Шахтинский округ был переименован в Шахтинско-Донецкий округ (8, с.563).

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 5 июля 1926 г. Северо-Кавказский край был разделен на 15 округов: Армавирский, Донецкий, Донской, Кубанский, Майкопский, Сальский, Ставропольский, Сунженский, Таганрогский, Терский, Черноморский, Шахтинско-Донецкий, г. Владикавказ (на правах округа), г. Грозный (на правах округа), Черкесский национальный округ и 6 автономных национальных областей: Адыгейскую, Ингушскую, Кабардино-Балкарскую, Карачаевскую, Северо-Осетинскую и Чеченскую. 4 марта 1929 г. постановлением Президиума ВЦИК территория Таганрогского и Донского округов была объединена в один Донской округ с центром в Таганроге. Такое административное деление с небольшими изменениями просуществовало до 1930 г.

В августе 1930 г. постановлением президиума Северо-Кавказского крайисполкома округа были упразднены. С этого времени в Северо-Кавказский край входили 87 районов, 7 национальных автономных областей и 10

автономных городов. На территории бывшей Донской области были расположены следующие районы: Азовский, Верхнедонской, Вешенский, Гигантовский (б. Зап.-Коннозаводский), Дубовский, Зимовниковский, Заветинский, Каменский, Калмыцкий, Кашарский, Константиновский, Леоно-Калитвенский, Миллеровский, Мечетинский, Морозовский, Мясниковский, Новочеркасский, Обливский, Пролетарский, Романовский, Сулинский, Ремонтненский, Сальский (б. Воронцово-Николаевский), Тацинский, Таганрогский, Тарасовский, Усть-Белокалитвенский, Цимлянский и Шахтинский.

Постановлением ВЦИК от 20 августа 1931 г. Сулинский и Белокалитвенский (в решениях крайисполкома он – Усть-Белокалитвенский) районы были упразднены (9, с.373). Территория упраздненных районов присоединилась к Шахтинскому району, часть – к Каменскому и Таганрогскому районам.

На основании постановления Президиума ВЦИК от 15 октября 1933 г. был ликвидирован Таганрогский район, его территория передана Мясниковскому району и Таганрогскому горсовету (10, с.268). 20 ноября 1933 г. Президиум ВЦИК постановил образовать в пределах Северо-Кавказского края Северную область с центром в г. Миллерово, состоящую из Верхнедонского, Вешенского, Каменского, Леоново-Калитвенского (он же Леоно-Калитвенский), Миллеровского, Морозовского, Обливского, Тарасовского и Тацинского районов (11, с.282).

Однако уже 10 января 1934 г. Северо-Кавказский край был разделен на Азово-Черноморский край с центром в Ростове-на-Дону и Северо-Кавказский край с центром в Пятигорске. В состав Азово-Черноморского края входили: Северо-Донской округ с 26 районами, Адыгейская автономная область с 5 районами и 110 самостоятельных районов, непосредственно подчиненных Северо-Кавказскому крайисполкому (12).

В Северо-Донской округ входили районы: Алексеево-Лозовский, Базковский, Белокалитвенский, Боковский, Верхнедонской, Вешенский, Волошинский, Глубокинский, Зверевский, Каменский, Кашарский, Киевский, Колушкинский, Криворожский, Литвиновский, Мальчевский, Мигулинский, Милютинский, Морозовский, Обливский, Селивановский, Скосырский, Тарасовский, Тацинский, Чернышевский, Чертковский. В 1936 г. в Азово-Черноморском крае был образован Аксайский район (13, с.104).

Постановлением ЦИК СССР от 13 сентября 1937 г. Азово-Черноморский край был разделен на Ростовскую область с центром в Ростове-на-Дону и Краснодарский край с центром в Краснодаре (14). В состав Ростовской области вошли 7 городов и 61 район. Такое административно-территориальное деление без существенных изменений границ сохранилось до 1952 г.

В 1950-1952 гг., в связи со строительством Волго-Донского судоходного канала, многие населенные пункты были перенесены из зоны затопления, что также повлекло за собой изменения в административно-территориальном делении Ростовской области.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 января 1954 г. из Ростовской области была выделена Каменская область с центром в г. Каменск-Шахтинском (15). К Каменской области отошли 32 района и 7 городов, в составе Ростовской области осталось 32 района и 6 городов.

В состав Каменской области также были включены Богучарский, Кантемировский, Михайловский, Писаревский и Радченский районы Воронежской области; Нижне-Чирский, Перелазовский, Серафимовичский и Чернышовский районы Сталинградской области.

В период существования Каменской области произошли значительные изменения в ее административно-территориальном делении. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 июня 1954 г. было объединено около 270 сельских Советов. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июня 1954 г. Перелазовский и Серафимовичский районы были возвращены Сталинградской области (16).

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 2 ноября 1956 г. Радченский район Каменской области был упразднен, его территория передана в состав Богучарского района Каменской области (17).

19 ноября 1957 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Каменская область была упразднена, ее территория возвращена Ростовской, Воронежской и Сталинградской областям (18).

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 июня 1959 г. были упразднены Анастасиевский, Алексеево-Лозовский, Литвиновский и Песчанокопский районы. Территория Анастасиевского присоединена к Матвеево-Курганскому, Алексеево-Лозовского – к Чертковскому, Литвиновского – к Белокалитвенскому, Песчанокопского – к Равиленскому районам (19). В 1958-1962 гг. в области происходят незначительные административно-территориальные преобразования. В основном они относятся к изменениям внутри районов (преобразование, объединение, переименование, присвоение наименований и т. д.).

Указами Президиума Верховного Совета РСФСР были переименованы: Криворожский район – в Миллеровский (Указ от 23 марта 1959 г.), Мечетинский – в Зерноградский (Указ от 8 сентября 1960 г.) и Развиленский – в Песчанокопский (Указ от 22 марта 1960 г.) (20).

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 апреля 1962 г. были упразднены Александровский, Красносулинский, Мигулинский и Таганрогский районы (21). Их территории присоединены к другим районам.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 февраля 1963 г. было проведено укрупнение некоторых районов Ростовской области, вместо существующих 48 их было образовано 20. В 1963-1964 гг. решениями облисполкома было проведено объединение мелких населенных пунктов в более крупные единицы. Указами Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 июня и 26 декабря 1963 г. многие населенные пункты были переименованы.

В последующие годы, в связи с образованием новых районов, произошли изменения в административно-территориальном делении большинства районов области. Указами Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 января и 3 ноября 1965 г. дополнительно были образованы новые районы: Аксайский, Белокалитвенский, Дубовский, Заветинский, Красносулинский, Мартыновский, Милютинский, Мясниковский, Песчанокопский, Родионово-Несветайский, Орловский, Тарасовский, Усть-Донецкий, Целинский, Чертковский (22). Этим же Указом от 12 января был упразднен Мальчевский район, его территория передана Чертовскому и Миллеровскому районам.

В период 1965-1968 гг. вновь образуются и упраздняются сельские Советы, объединяются как фактически слившиеся между собой и ликвидируются населенные пункты (в связи с расселением жителей из мелких населенных пунктов в более крупные); появившимся населенным пунктам присваиваются новые наименования и т.д. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 декабря 1970 г. был образован Боковский район (23).

После 1970 г. в связи с этим произошли и другие изменения. На карте области появились Куйбышевский (декабрь 1973 г.), Веселовский (апрель 1978 г.), Кагальницкий (октябрь 1980 г.), Волгоградской (май 1983 г.), Советский (октябрь 1990 г.) районы. В июне 1984 г. Вешенский район был переименован в Шолоховский.

В настоящее время площадь Ростовской области составляет 100,8 тыс. кв. км, а административно-территориальные единицы состоят из 16 городов областного и 7 районного подчинения, 25 поселков городского типа, 43 сельских районов, 2276 сельских населенных пунктов. Таков основной итог административно-территориальных преобразований на территории Ростовской области в XX веке.

Использованная литература и источники:

¹ Постановления СНК от 23 марта 1920 г. и ВЦИК от 26 мая 1920 г.

² Административное районирование РСФСР. Изд. ВЦИК. М., 1922

³ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства (СУ), 1923, № 20

⁴ СУ, 1924, № 23

⁵ Ф. Р-1485, оп. 1, д. 15, л. 58

⁶ СУ, 1925, № 11

⁷ СУ, 1925, № 44

⁸ СУ, 1925, № 71

⁹ СУ, 1933, № 50

¹⁰ СУ, 1933, № 57

¹¹ СУ, 1933, № 60

¹² Районы Азово-Черноморского края, Ростов-на-Дону, 1934

¹³ СУ РСФСР, 1936, № 15

¹⁴ Газ. «Молот», 14 сентября 1937 г.

¹⁵ Ведомости Верховного Совета СССР, №1 (795), 20 января 1954 г.

¹⁶ Ведомости Верховного Совета РСФСР, №13(807), 22 июля 1954 г.

¹⁷ Ф. Р-4358, оп. 1, д. 226, л. 10.

¹⁸ Газ. «Молот», 20 ноября 1957 г.

¹⁹ Ведомости Верховного Совета РСФСР, № 23(46), 1959

²⁰ Ведомости Верховного Совета РСФСР, № 12 (35), 26 марта 1959 г., №11 (82) 28 марта, №33 (104) 15 сентября 1960

²¹ Ведомости Верховного Совета РСФСР, №1 8, 4 марта 1962 г.

²² Ведомости Верховного Совета РСФСР, № 3, 18 января 1965 г.; №45, 11 ноября 1965 г.

²³ Ведомости Верховного Совета РСФСР, № 50 (636), 17 декабря 1970 г.

Гудалин В.В.

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный краеведческий музей
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе,
лаборант-исследователь.

Предметы вооружения раннего железного века из фондов Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе

В Ставропольском государственном краеведческом музее в коллекции «случайные находки» хранится ряд предметов вооружения раннего железного века.

1. Меч. Номер основного фонда музея 3024. Найден в городе Ставрополе в районе реки Мамайка (юго-восточная окраина города). Поступил в музей в 1927 г. Целиком изготовлен из железа. Общая длина - 51,3 см (конец обломан). Длина клинка, ромбического в сечении, – 38,1 см. По центру проходит продольное ребро. Ширина лезвия в верхней части – 3,6 см., толщина – 0,8 см. Длина подпрямоугольной рукояти с навершием и перекрестьем – 14,9 см. Плоская часть рукояти имеет длину 7,3 см, ширину – 2,3 см, толщину – 0,8 см. Перекрестье почковидное, состоящее из двух сваренных пластин, его ширина составляет 5,6 см, длина – 2,9 см. Меч имеет простое антенное навершие, волюты сильно загнуты вовнутрь. Длина навершия 2,1 см, ширина – 5,4 см, толщина – 1,1 см.

По классификации, разработанной А.И. Мелюковой, данный меч относится к II отделу, I подотделу, 1 типу мечей с почковидным перекрестьем и простым антенным навершием и датируется VI-V вв. до н.э. (1, с.53-54). В Предкавказье аналогии данному мечу известны в Белореченском (погр. № 4) (2, с.106, 338) и Нестеровском (погр. № 1) (3) могильниках. Данные мечи довольно редко встречаются на территории Предкавказья. К настоящему времени известно не более 5 экз. этого типа мечей.

2. Меч. Номер основного фонда музея 13954. Найден в районе города Минеральные Воды. В музей поступил в 1967 г. Целиком изготовлен из железа. Общая длина (конец обломан) – 59,1 см. Длина клинка ромбического в сечении – 44,9 см., ширина в верхней части – 3,4 см, толщина – 0,5 см. Длина рукояти с навершием и перекрестьем – 13,7 см. Рукоять подпрямоугольная, плоская, имеет длину 7,5 см, ширину – 2,3 см, толщину – 0,9 см. Вполне возможно, рукоять имеет желобок, который разделяет ее на две равные части, чего нельзя однозначно утверждать по причине сильной корродированности и

непрофессиональной реставрации предмета. Перекрестье бабочковидной формы и состоит из двух одинаковых пластин, соединенных двумя заклепками. Длина перекрестья 2,3 см, ширина – 5,8 см. Меч имеет простое антенное навершие, высотой до 3,7 см, длиной – 6,3 см.

По классификации А.И. Мелюковой, данный меч относится к II отделу, I подотделу, 2 типу мечей с бабочковидным перекрестьем и простым антенным навершием, и датируется VI - первой половиной V вв. до н.э. (1, с.53-54). В Предкавказье аналогии данному мечу известны в Новогрозненском могильнике (4, с.31). Навершие меча можно считать переходным от простого антенного навершия, бытовавшего в Предкавказье в скифское время, к кольцевидному, получившему распространение в сарматское время.

3. Наконечник копья. Номер основного фонда музея 3423. Найден в городе Ставрополе, в районе реки Мамайка. В музей поступил в 1927 г. Полностью изготовлен из железа. Кованый лавролистный наконечник с острым продольным ребром посередине, не переходящим во втулку. Общая длина наконечника – 36,2 см. Ширина пера – 5,2 см. Длина наконечника без втулки – 26,5 см. По всей втулке продольная щель.

По классификации А.И. Мелюковой, данный наконечник копья относится к I отделу, 2 типу лавролистных наконечников копий (1, с. 36-40). Ближайшими аналогиями этому наконечнику служат наконечники копий из кургана №1 Келермесского могильника (5, с.102, табл.12) и кургана №7 Краснознаменского могильника (6, с.47, табл. I, 49). Хотя наконечник копья из Краснознаменского могильника датируется третьей четвертью VII в. до н.э. (5, с.102). А.И. Мелюкова датирует данный тип наконечников VI - первой половиной V вв. до н.э. (1, с.36-40).

4. Наконечник копья. Номер основного фонда музея 28950. Найден на правом берегу реки Мамайка, в городе Ставрополе Д.С. Корольковым. В музей поступил в 1991 г. Полностью изготовлен из железа. Кованый остролистный наконечник с широким продольным ребром по середине, не переходящим во втулку. Перо имеет прямые, сходящиеся к острию грани. От острия перо плавно расширяется к втулке. Общая длина наконечника – 36,2 см. Ширина пера – 6,3 см. Длина наконечника без втулки – 26,8 см. Длина втулки – 9,6 см. Диаметр втулки – 3,3 см. Во внутренней части втулки сохранились остатки дерева. По всей втулке продольная щель.

По классификации А.И. Мелюковой, данный наконечник относится к II отделу, 1 типу остролистных наконечников и датируется VI – III вв. до н.э. (1, с.40-44). Точные аналогии данному наконечнику неизвестны. Наиболее близкий по типу наконечник происходит из погребения № 24 Нартановского могильника (7, с.44, табл.53,19).

Использованная литература и источники:

1. Мелюкова А.И. Вооружение скифов. Археология СССР. САИ. Вып. Д 1-4. М., 1964
2. Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972
3. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960
4. Махортых. С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев: Наукова Думка, 1991
5. Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. Степные народы Евразии. Том I. М., 1997
6. Петренко В.Г. Скифская культура на Северном Кавказе. Археологический сборник Государственного Эрмитажа № 23. Л., 1983. с. 47, табл. I, 49
7. Батчаев В.М. Курганы скифского времени у селения Нартан. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Том II. Нальчик: Эльбрус, 1985

Данилевич В.Г.

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный краеведческий музей
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве,
научный сотрудник, к. б. н.

Кавказский гербарий А.П. Нормана в коллекции Ставропольского краеведческого музея

Интерес к еще не до конца разработанному гербарии «Флора Кавказа Н.Я. Динника» возник в связи с параллельным изучением коллекции А.П. Нормана по Ставропольской губернии. Полевые этикетки в обоих гербариях написаны в основном одним и тем же почерком, хотя по книгам поступлений они принадлежат разным коллекторам. Книги поступлений (КП) разных лет в фондах Ставропольского государственного краеведческого музея гласят: «Гербарий Нормана по Северному Кавказу» (сборы по Ставропольской губернии – 19 папок), «Флора Кавказа Н.Я. Динника» (7 папок) или «Гербарные сборы исследователя Кавказа Н.Я. Динника» (6 папок). Он принес в дар основателю музея этот гербарий в 1908 г. Предыдущей записью во всех КП стоит сдача коллекции Нормана также в 1908 г. (те самые 19 папок). Ведение же КП началось только в 1915 г., что, возможно, и повлекло за собой досадные неточности. Так, запись утверждает, что сборы Нормана по губернии совершались с 1870 по 1907 гг., а Динника по Кавказу – с 1882 по 1917 гг., что не соответствует действительности. После смерти Нормана 16.12.1907 г. его гербарий приобрел основатель музея у сестры Нормана в 1908 г. (Праве, рукопись 1925). Последние сборы Норман производил в 1898 г. Динник был сотрудником музея с 1904 г., и зоологическая коллекция носила его имя. Он ушел из жизни в 1917 г. Последние сборы датированы 1906 годом. С.М. Федоров (1954) указывает, что гербарий Динника был отправлен в Киев, а небольшая коллекция отдана Норману и осталась неописанной. Были обнаружены гербарные листы с Кавказа, где значилось: «Собрал и определил данное растение А.П. Норман». При распределении гербарных листов из Ставропольской губернии по годам, месяцам, дням и местам сбора выяснилось, что Норман не мог быть одновременно в разных местах Ставрополья. Видимо, основную часть гербария ему привозили сборщики. Проезд на лошадях стоил довольно дорого, что было не по карману провизору. Но даже если случалась бесплатная оказия, физически сборщику порой было не успеть проехать из одной стороны губернии в другой за один день. При этом производился сбор, в основном, всего одного-двух видов растений (обычно

ботаники проводят более обширные сборы). Попытки найти в архивах сведения о возможных сборщиках: аптекарях, учениках аптекаря, фельдшерах, провизорах вольных аптек по губернии, лесничих, врачах, немецких колонистах – возможных знакомых А.П. Нормана – пока не дали положительного результата. Лишь известно, что один гербарный лист привез Норману из восточных районов губернии сам Г.К. Пправе. Таким образом, провизор А.П. Норман, работая с 1874 г. в Ставрополе, в аптеке Б.И. Лилиенкампа, многие годы собирал сам и был коллектором гербария флоры Ставропольской губернии многих сборщиков из разных мест Ставрополя.

Некоторые уточнения выявились в ходе дальнейших исследований. Г.К. Пправе в воспоминаниях-рукописях 1925 г. пишет, что М.В. Бржезицкий и П.Н. Нагорный («самый аккуратный работник») обработали почти исчерпывающий гербарий Ставропольской губернии покойного местного собирателя А.П. Нормана. Этот гербарий послужил материалом покойному украинскому ботанику И.И. Шмальгаузену при обработке флоры юго-западной России, Крыма и Кавказа. Те гербарные листы, которые Норман затруднялся определить точно, он отсылал в Киев, ботанику В.И. Липскому. Отправляя специалисту гербарий, коллектор в награду за эту работу предлагал ему воспользоваться дублетными экземплярами. В.И. Липский (1899-1902) пишет, что А.П. Норман очень охотно делился многочисленными дублетами. Если экземпляр был единственным, то коллектор Норман прилагал этикетку-клише, выполненную с его почерка, с надписью на немецком языке: «*Bitte, zurückzuschicken*» (Пожалуйста, верните). В.И. Липский указывает также, что в 1885 г., с 2 по 25 сентября Норман собирал для Шмальгаузена растения в восточных районах губернии. Гербарий всех дублетов обширной коллекции хранился в Киевском университете и в Ботаническом саду Санкт-Петербурга.

В.И. Липский при посещении Предкавказья с 1899 по 1913 гг. изучал гербарий Нормана, оставляя «*teste*» (от лат. – определил, освидетельствовал) с замечаниями. Если в гербарии Нормана не встречалась полевая этикетка, Липский аккуратно указывал, что данный сбор провел Норман, а определил Липский. Свой же гербарий в количестве 33 листов он предоставил нашим ботаникам с типографскими этикетками, где напечатано: «Флора Кавказа В.И. Липского». Числа и месяцы в них встречаются очень редко. Указываются только год и место сбора.

П.И. Нагорный (1912) пишет, что кавказский гербарий Нормана (значит, таковой имеется) не вполне самостоятельный труд: половина материала была доставлена Н.Я. Динником, В.И. Липским и другими сборщиками. Тщательность, усердие и аккуратность – черты, присущие Норману. Немецкая педантичность просматривается в полевом этикетаже его гербария. Свои сборы автор всегда

снабжал полными датами, но свое имя не ставил никогда. Этикетки на гербарных листах с фамилиями Динник, Гюмель, Шульц имеют только год и место сбора. Следовательно, эти сборщики привозили гербарий не по просьбе Нормана, который щепетильно относился к датам, а по просьбе Динника. Это и привело к мнению, что гербарий флоры Северного Кавказа, как он раньше назывался, принадлежит лишь Диннику, имя которого в большинстве случаев добросовестно упоминается в разнообразных клише с почерком Нормана при сборе из одной географической точки. Клише Нормана есть в гербарных листах Шульца (Черек), Гюмеля (Кубанская область, Эльбрус, Баталпашинск и др.), Динника (Нальчик, Уруп, Рион, Цеце). Клише заказывает частный владелец гербария, его коллектор, в случае повтора этикеток.

Юлий Шульц, доктор медицины, врач Ставропольской тюремной больницы, проживал по соседству с Норманом на ул. Театральной, 7, тогда как сам Норман жил в аптеке Лилиенкампа, на углу в доме купца Чувалова, на ул. Театральной, 9, или на Вельяминовской 1. Динник Н.Я. – друг и родственник Шульца – проживал в Воробьевском предместье по ул. Воробьевской 19 и 21. Видимо, Шульц привез гербарий по его просьбе. Август Гюмель, статский советник, проживающий на углу пер. Интендантского, 4 и Полицейского, 2, видимо, также выполнял просьбу Динника. Помимо, 18 гербарных листов оказались без фамилий, но сборы известны, из Ведено, Воздвиженской, Кодора, Пшавии, с Эльбруса.

В связи с тем, что в конце XIX в. служащие не получали ежегодный отпуск, для отъезда надо было иметь особое разрешение. В краевом архиве, в деле провизора Нормана (ф. 68, оп. I, е.х. 7622), в его послужном списке от 13 августа 1879 г. отмечено, что он вынужден был уволиться из аптеки с 10 августа 1879 г. ровно на месяц, а затем вновь туда вернуться. На этот срок выпадает первая экспедиция Нормана на Кавказ. Путь лежал к Казбеку через Терек, Ларс и обратно до Кисловодска, Железноводска, Пятигорска.

Также в деле имеется свидетельство:

«Дано сіе из Врачебного отделения Ставропольского губернского Правления состоящему на службе во 2-й Ставропольской вольной аптеке провизору Августу Петровичу Норману в том, что он согласно просьбы уволен в отпуск в разные места Кавказа и Закавказья для сбора растений сроком от нижеподписанного числа на один месяц, в чем подписан и приложением казенной печати удостоверяется. Причитающийся гербовый сбор оплачен.

1 июня 1882 г. Губернский г. Ставрополь.

Исполняющий дела Губернского правления Тирютин».

Эти документы подтверждают, что гербарий, датированный Норманом в эти сроки, имеющий полевые этикетки, написанные его почерком без фамилии

сборщика, является гербарием Нормана. П. Нагорный (1912) в предисловии ко второму изданию трудов Нормана пишет, что коллекция провизора состоит из двух частей: 1) флора Ставропольской губернии; 2) гербарий Кавказа и Закавказья (Абас-Туман, Боржом и т.д.). (Последний указан в количестве 654 г.л., что соответствует количеству листов гербария с Кавказа Динника). Вторая экспедиция Нормана проходила примерно так: Коби-Гудаур, Владикавказ, Казбек, Балта, Ларс, Ананури, Военно-Грузинская дорога, Душет, Цилкани, Тифлис, Боржом, Батум, Ахалцих, Страшный окоп, Ахалкалаки, Тифлис, Коджори, Абас-Туман. В данной работе были использованы карты из фондов Ставропольского государственного краеведческого музея: Статистическая карта Ставропольской губернии Бентковского (1874); карта Кавказского края (1870); дорожная карта Кавказского края (1858); карта Ставропольской губернии (1886).

В итоге: из 654 гербарных листов (г. л.) А.П. Норман собрал больше половины, Н.Я. Динник – шестую часть, Липский – 33 г.л., Шульц – 13 г.л., Гюмель – 33. Есть также сборы Нормана в другие годы: 1885 – Железноводск, 1880 г., 20 августа, – Николаевская хоперская караулка (Кубанская область), относимая ошибочно к гербарии флоры Ставропольской губернии, как и гербарий из Кара-Мурзинской караулки (Терская обл.). Гербарий военного врача Гусакова, собранный им для Динника (февраль-май 1880) из Дус-Олума (Северная Персия – Копетдаг по междуречью р. Сандыр (Чандир) и р. Зумбар), отнесенного по ошибке к Дагестану, также лежит в кавказском гербарии Динника, но не учтен в книге поступлений. Он требует особого внимания и обработки, имея клише с рукой Нормана и определения растений, написанные его почерком. Значит, соответственно, и этот гербарий был передан Норману Динником.

Таким образом, кавказский гербарий коллектора Нормана можно было бы переименовать более точно: «*Гербарные сборы с Кавказа и Закавказья Нормана, Динника, Липского и др.*», что и было принято в настоящее время на фондово-закупочной комиссии музея.

Гербарий требует дальнейшей доработки и публикации как продолжение издания трудов Нормана. Кроме этого, по гербарным этикеткам можно установить места экспедиций по годам, не отмеченным в статьях Динника, не только на Кавказе, но и в Туркестане. Большой интерес для ботаников также будут представлять публикации гербария Гусакова из Туркестана и гербарий Липского по Предкавказью.

Использованная литература и источники:

1. Липский В.И. Флора Кавказа. Свод сведений о флоре Кавказа за 200-летний период исследований, начиная от Турнефора и кончая XIX в. / Тр. Тифл. Бот. сада, вып. IV, СПб, 1899, с. 100, 585; вып. VI, СПб, 1902

2. Нагорный П.И., Бржезицкий М.В. Список собранных А.П. Норманом растений, хранящихся в гербарии Ставропольского городского музея // Труды Ставропольского общества для изучения Сев.-Кав. края, вып. II, 1912, СПб, 72 с.
3. Федоров С.М. Выдающийся исследователь Кавказа Н.Я. Динник // МИСК, вып. 6. 1954. – С. 309-324
4. ГАСК: ф. 68, оп. I, е.х. 7622
5. СГКМ: о.ф. 18, д. 2, д. 10; о.ф. 426, д. 8; о.ф. 6, е.х. 1007; о.ф. 1, оп. 1, е.х. 3, 4; о.ф. 2, оп. 1, е.х. 33, д. 177
6. Карты: 5507/14714, 5510/14717, 55341/14715, 5537/14748

Демьянова Е.А.

г. Буденновск,
Буденновский городской краеведческий музей,
научный сотрудник

История создания Буденновского городского краеведческого музея

*«... Стоит Буденновск на виду времен
Он весь – как историческая повесть,
И в то же время в завтра устремлен... »*

Г. Фатеев.

Удивительно складывалась судьба города Святого Креста, про него говорили и говорят: «На Куме родился и пять раз крестился». Первое имя при рождении города дал император Павел I 28 октября 1799 года. Отвечая на просьбу армян, бежавших от турок, император в «Жалованной грамоте» указал: «Тем из них, кто по способности к ремеслам и торговле пожелают водвориться в городе, Всемилостивейше дозволяем основать оный на месте Старого Маджара и наименовать городом Святого Креста». С первым именем город жил 122 года – до 1921 года, когда постановлением ВЦИК от 28 декабря 1921 года город Святой Крест был переименован в город Прикумск – это было второе «крещение» города. Третье «крещение» состоялось через 14 лет, в 1935 году. В апреле-мае 1935 г. Ставрополье праздновало пятнадцатилетие окончания гражданской войны. В мае Семена Михайловича Буденного ждали в нашем городе, к приезду легендарного вождя красной конницы было принято постановление ЦИК СССР от 29 апреля 1935 г., в котором сказано: «В целях увековечения памяти героев и организаторов борьбы за освобождение Ставрополья: переименовать Прикумск в город Буденновск». Так наш город получил свое нынешнее имя – Буденновск. В 1957 году Буденновск вновь становится Прикумском – это было четвертое «крещение» города. В 1973 году, после смерти С. М. Буденного, в целях увековечения памяти маршала постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 ноября 1973 г. город Прикумск вновь был переименован в Буденновск.

Буденновцы с гордостью и некоторым преувеличением называют свой город «столицей» Восточного Ставрополья. Прикумье богато историческими событиями. Поэтому перед общественностью города, увлеченной краеведением, встал нелегкий вопрос – как сохранить главные исторические этапы жизни города?

28 апреля 1987 г. городским Советом народных депутатов было принято решение за № 202 «О создании в городе Буденновске общественного музея», «...

с целью улучшения коммунистического воспитания молодежи города, пропаганды революционных, боевых и трудовых традиций Коммунистической партии, рабочего класса Прикумья, всего советского народа, формирования у молодежи коммунистического мировоззрения, идейной убежденности, патриотизма, любви к родному городу и району...». Официальное открытие краеведческого музея в городе Буденновске состоялось 9 мая 1992 года.

Но старожилы Буденновска помнят, что был в нашем городе краеведческий музей, который состоял на учете не только в крае, но и в Российской Федерации. Музей имел свой паспорт, зарегистрированный по всей форме, в нем значилось: Прикумский народный музей имени Ивана Антоновича Кочубея. Основан этот музей еще в 1958 г. «экспедиционным отрядом № 149 имени Ивана Антоновича Кочубея Прикумского Дома пионеров (исторический кружок) по инициативе преподавателя истории Владимира Яковлевича Сербиеенко, руководителя отряда». Это событие было встречено с энтузиазмом всеми жителями нашего тихого провинциального городка. Главными помощниками при создании музея были учащиеся школ города. В.Я. Сербиеенко, директор музея, рассказывал, как создавался музей: «...учителя городских школ развернули среди учащихся работу по сбору экспонатов. Ребята живо откликнулись на призыв...»

Располагался музей в клубе райпотребсоюза, занимал три комнаты общей площадью 60 кв. метров. На день открытия насчитывал в своих фондах 998 экспонатов, в числе которых 50 – по природе края, 308 – по дореволюционному периоду, 180 – по советскому и 10 – по художественному отделу.

Особой гордостью музея в 1958 году была большая коллекция экспонатов XIII – XIV вв., собранная в 1950-х годах школьниками города на городище Маджар. В фонды музея были сданы: формочки для литья, осколок бронзового зеркала и множество монет XIII – XIV веков. В музее можно было увидеть печать города Святой Крест, сданную Виктором Мартыновским, кинжал XIII века, подаренный музею Беднамином Мурдуговым, а также статую Будды, огромные олени рога, найденные на берегу реки Кумы, кремниевый наконечник стрелы семитысячелетней давности и много других ценных экспонатов.

Богат интересными экспонатами был наш предшественник, но в 1970-х гг. прикумским кооператорам стало тесно в своей конторе и они вытеснили музей в старое здание Дома пионеров, где его стали потихоньку «раскулачивать». Много экспонатов было утеряно при переходе Дома пионеров в новое здание райкома компартии. А 15 апреля 1973 г. все имущество бывшего музея передали средней школе №2. Здесь экспонаты «временно поселились» в школьной кладовой. Хранение это затянулось почти на 15 лет. 6 октября 1987 г. средняя школа №2 передала вновь организованному музею то, что осталось. А осталось немного...

Музей «умер», и не вдруг, не в одночасье. Умирал он долго и мучительно, и так же долго и мучительно рождался Буденновский краеведческий музей.

Решение о создании музея было уже принято, но легче было принять решение, чем его выполнить. Под музей решено было выделить старое здание Госбанка, расположенное на главной улице города – Октябрьской. Само здание является памятником архитектуры и градостроительства. Построено оно было в 1911 году по специальному проекту для уездного казначейства. Это – красивое здание из красного кирпича с мощными стенами. Его проект предусматривал все необходимое, чтобы исключить проникновение в здание злоумышленников. Оно было построено в рекордные сроки по проекту талантливого архитектора А.А.Шрейбера. После революции и до 1987 г. в здании размещался Госбанк, а экспонаты для нового музея приносили в Дом пионеров (комната №10).

Дата 13 мая 1988 года в жизни городского музея особая. В этот день энтузиасты перенесли вещи из Дома пионеров в музей, так они стали музейными экспонатами. При открытии музей напоминал выставку экспонатов, которые сюда несли жители города и района. Под каждым экспонатом была надпись, где сообщалось имя дарителя. Первым дарителем музея стал бывший партийный работник Иван Михайлович Ананко, он подарил музею тематическую подборку фотографий «Гражданская война на Прикумье».

Директором музея на общественных началах по рекомендации городского совета ветеранов горисполком утвердил Шакуна Ивана Гавриловича. Он стал подбирать группу энтузиастов для работы в музее. Был утвержден оргкомитет из 11 человек.

Для оформления музея были приглашены специалисты Ставропольского художественного фонда. Они оформили 3 выставочных зала. Первый был посвящен природе. Здесь были выставлены образцы минералов и многих горных пород, подаренных музеем коллективом Буденновского управления буровых работ; чучела птиц и зверей, изготовленные сотрудниками противочумного отделения под руководством зоолога В.С. Шафароста. Во втором зале были представлены предметы быта татаро-монгольского периода, собранные школьниками Буденновска еще в 1950-е годы на берегах реки Кумы, где в XIII в. существовал город Маджар. Здесь выставлены были и домашняя утварь, старинные орудия труда, образцы оружия и одежда периода Великой Отечественной войны. В третьем зале можно было увидеть художественные изделия народных умельцев Валентина и Галины Пономаренко: резьбу и выжигание по дереву, поделки из соломки, корней и веток.

Выставить все экспонаты, подаренные музею, не было возможности, из 52-х образцов горных пород и минералов было выставлено лишь 18, из 7 самоваров на выставке был 1. В планы развития музея входило открытие тематических залов:

«Древний город Маджар», «Население Прикумья», «Гражданская война на Прикумье», «Первые пятилетки».

Самая большая экспозиция была посвящена Великой Отечественной войне. Экспонаты для залов музея собирали не только энтузиасты и совет музея. Директор музея И.Г.Шакун через печать обращался к жителям города и района: «...возможно, у кого из горожан и сельских жителей сохранились свидетельства об окончании дореволюционных школ, старые учебники или старые пособия, школьные принадлежности. Как и теперь, в старину фотографировались классами в дни окончания школ. Не сохранились ли у кого такие фотографии? Если сохранились, подарите их музею...».

В мае 2002 г. музей отметил десятилетие со дня своего официального открытия. Эту дату музей встретил обновленным, был сделан косметический ремонт, и в 2000 г. старые экспозиции были расформированы и составлены новые. Новые экспозиции расположены в шести залах. Первый зал посвящен истории древнего золотоордынского города Маджар и русскому князю Михаилу Ярославовичу Тверскому, замученному в ставке Золотой Орды. Второй – становлению города Святой Крест, жизни и быту его жителей. Третий зал отражает гражданскую войну на Прикумье, в четвертом зале представлены предметы, грамоты, награды, фотографии и документы периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., подаренные музею участниками ВОВ и их родственниками. В пятом зале собраны предметы быта и одежды, которые были повреждены пулеметами чеченских боевиков, когда в июне 1995 года они захватили наш город; выставлены фотографии прикумчан, погибших в трагические июньские дни 95-го.

В здании музея сохранилась сейфовая комната, которая не перестраивалась с 1911 года. Здесь установлены сейфы, изготовленные еще для казначейства – это шестой зал.

В январе 2005 г. Буденновский городской краеведческий музей стал филиалом Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н.Прозрителева и Г.К.Праве.

Основными направлениями работы музея являются краеведение, военно-патриотическое воспитание, духовно-нравственное воспитание. Иллюстрацией к этому являются наши выставки и мероприятия.

Так как в здании музея с января 2005 г. располагается еще одно учреждение культуры – МУКЦД «Радуга», пришлось расформировать зал природы, в котором была выставлена коллекция чучел птиц, выполненная таксидермистом М.Брюхановым. Была расформирована коллекция «Черный июнь 95-го».

В перспективных планах музея – проект «Город замечательных людей», туда войдут выставочная деятельность, лекции и экскурсионное обслуживание. При передаче музею зала, занимаемого сегодня МУКЦД «Радуга» будет оформлен зал природы, в основу которого войдет коллекция чучел животного мира Прикумья и Ставропольского края, выполненная Михаилом Брюхановым.

Использованная литература и источники:

1. Р.Е.Аджимамедов – «Страницы истории Прикумья с древних времен» г. Буденновск , 1992
2. Ю.К.Студенников – «Сказание о земле Прикумской» Москва, «Воскресенье» , 1999
3. И.Г.Шакун – «История создания музея в Буденновске». Буденновск, «Буденновская типография». 2000
4. «Советское Прикумье» №71 от 6.05.89г. «Зову на поиски» И.Г. Шакун
5. «Советское Прикумье»№180 от 13.11.87г. «Возродим и приумножим» - И.Г. Шакун
6. «Советское Прикумье»№3 от 4.01.89г. «Пожалуйста, приходите, смотрите...» - И.Г. Шакун
7. «Буденновск сегодня»№38 от 17.05.03г. «Хранители памяти» - Е. Лапина

Дзыбов Д.С.
г. Ставрополь,
Ставропольский научно-исследовательский
институт сельского хозяйства,
заведующий отделом, д. б. н., профессор

Курганы – древнейшие экотопы генофонда фрагментов флоры и экосистем юга России

Курган (от тюркского *kurgan* – «крепость», производное от *kurgamak* – «укрепление») – искусственная надмогильная насыпь из почво-грунта или камня. Этим способом на всех континентах (за исключением Австралии) отмечали и закрепляли на местности – в микро- и мезорельефе захоронения своих сородичей в течение более 6 тысяч лет истории. Курганы на обширных просторах степей устраивались древними народами в определенной системе: вдоль караванных путей, в местах перегибов рельефа («на горизонте»). Это обеспечивало обзор пространства между двумя или большим числом курганов. Вспомним строки знаменитого поэта «...и окликались на курганах сторожевые казаки». Вполне допустимо, что далекие наши предки мистически полагали, что их прародитель или предводитель, покоящийся под курганом, продолжает служить на пользу своим потомкам. Древнейшие из курганов известны с IV-III тысячелетия до н.э., более молодые – позднейшие принадлежат степным кочевникам XIV-XVII вв.н.э. (1.2). Размеры их зависят от степени знатности погребенных. Курганы внушительных размеров часто и сейчас называются «царскими». Таковы скифские курганы в Северном Причерноморье и на степном Юге России. Высота их варьирует от 10-12 до 20 и более метров при диаметре 60-100 м. Более мелкие курганы многочисленны. Их размеры в наше время равны: 0,3-5 м высоты и 2-60 м – в диаметре. Многие мелкие насыпи безвозвратно стерты эрозионными процессами – ветром и дождями. В агрикультурный период тысячи невысоких курганов стали жертвами плуга в агроландшафте.

Курганы нередко путают с холмами (от древнеанглийского *holm* – «высота», перешедшего в общеславянский язык) – естественное возвышение в мезорельефе, высотой не более 200 м. Это, как правило, своеобразные ядра горных (материнских) пород разного генезиса и возраста среди отложений (часто морских) того же возраста, но с преобладанием веществ, менее поддающихся процессам климатического или физического разрушения. Таковы, например, холмы разной площади и размера, образованные кремнистыми известняками среди более мягких карбонатных пород (например, «пиленый камень») на

Ставрополье. Эти холмы-останцы в народе известны нередко под разными названиями: «Два брата», «Семистожки», «Мшанковые бугры» – в Шпаковском, Изобильненском, Андроповском и других районах Ставропольского края и других регионах России.

С приближением к предгорьям и горам Северного Кавказа роль курганов в ландшафте падает. Любопытно при этом, что южно-периферийные курганы – в северном Приэльбрусье (плато Бечасын) – сооружались из мелко- и среднеобломочного камня – осадочных (мезозой) и кристаллических пород (того же возраста или более древних – палеозойских). Это было обусловлено дефицитом почвы и грунтов, известных в данном районе своей маломощностью (10-15 см). К тому же кочевники-завоеватели из равнинных пространств чувствовали себя в горном рельефе неуютно и не задерживались в нем. Этим, в частности, объясняется малочисленность курганных захоронений в этом районе.

В 70-80-е годы XX в. автор обращал уже внимание на то, что «остатки доагрикультурной целины сохранились лишь на больших, высоких курганах и холмах среди пашни... да внутри огороженных кладбищ» (3, с.28-36). При этом отмечалось также резкое отличие флоры близлежащих перегруженных пастбищ в худшую сторону от состава целинной сухой степи, фрагментом представленной на курганах. В то время как на выпасаемом угодье господствовали пасквальные сорняки, «курганное сообщество» большей частью состояло из зональных целинных видов: *Agropyron pectinatum*, *Festuca valesiaca*, *Astragalus dolichophyllus*, *Koeleria cristata*, *Iris pumila*, *Goniolimon tataricum*, *Phlomooides tuberosa* и др. (4, с.109-121).

Последующие исследования касались вопросов более четкого представления об особенностях экологии курганов и холмов, правомочности идентификации современной флоры и растительности этих антрополандшафтных образований с растительным покровом окружающих пространств той далекой поры и современными степными с учетом разнорегимности их функционирования. Важными вопросами оставались также возможности использования остатков целины на курганах и холмах для экологической реставрации эродированных земель, охрана самих биогеоценозов – экосистем «островного» типа в агроландшафте. Своеобразным открытием при этом явился факт самоподдерживающегося функционирования сообществ на ограниченных площадях курганов в течение тысячелетий. Рассмотрим некоторые новые данные по этим экосистемам, полученные в последние годы.

Своеобразие курганных экотопов не требует особых доказательств. Будучи рукотворными, экотопы курганов являют собой смесь почво-грунтов (плодородный слой + материнские породы из рвов вокруг кургана – грунтосмесь). Эта схема присуща всем курганам, различия касаются лишь

зональных особенностей самих почв и грунтов. Так, например, в центральной части Ставропольской возвышенности грунты – обломочный материал сарматского известняка в смеси с глиной и песком, а почвы – выщелоченный или карбонатный черноземы. На восточной же периферии Возвышенности грунты представлены лессом или лессовидными суглинками, почвы – от светло-каштановых до каштановых. Внушительные по продолжительности сроки вторичной восстановительной сукцессии позволяют считать, что прошедшие многие сотни и тысячи лет флора и растительность курганов качественно и количественно сравнивались с зональными (поясными) моделями экосистем. Вместе с тем в ряде случаев этот процесс мог так и не привести к показателям нетронутых земледелием и другими антропогенными факторами экосистем. Так, до сих пор некоторые половецкие курганы (насыпи в возрасте до 1,5 тыс. лет) остаются занятыми бородачевыми (*Bothriochloa ischaetum*) сообществами бедного флористического состава (5). Вероятно, в доагрикультурный (пастбищный) период окружающее пространство было занято этими злаковниками.

В сравнительных анализах флоры и растительности курганов «островного» типа и близлежащих «непашей», бывших столетия в режиме плотного выпаса овец, КРС и других видов животных, мы, скорее всего, не гарантированы от некоторых допущений и даже прямых ошибок. Но арсенал фактов и возможностей современной фитоценологии таков, что приходится оперировать как прямыми данными об экосистемах, так и косвенно – аналогиями.

С другой стороны, явно высокое флористическое сходство многих ценозов обоих типов побуждает к использованию «островного» генофонда флоры в целях экологической реставрации опустыненных земель: вторично засоленной пашни, деградированных пастбищ, техногенных территорий, создания в агроландшафте самоподдерживающихся степных полос, функционально противозерозионных аналогов полезащитных лесонасаждений или замены сорных покровов таких лесополос экологически комфортными агростепями – станциями полезной энтомофауны, что в конечном итоге повысит степень биологизации и уровень биоразнообразия современного аграрного ландшафта. Иными словами, генофонд «островных» целин на курганах, вместо ежегодной их гибели, может и должен быть использован для активного воспроизводства (тиражирования) популяций растений и частично животных – изолятов.

В качестве примера рассматривается курганный биогеоценоз в полупустыне Западного Прикаспия на границе Буденновского и Левокумского районов Ставропольского края. Цепочка курганов тянется здесь вдоль левобережья р. Кумы. Один из них находится среди долголетней пашни к западу от с. Бургун-Маджары. Вокруг кургана посева зерновых по сокращенной ротационной схеме.

Целины рядом не остались, и флора кургана – единственное свидетельство ее былых особенностей. Обращает на себя внимание более высокое экологическое разнообразие местообитаний в пределах кургана, по сравнению с ровными участками степи: возвышенное положение кургана в окружающем ровном рельефе, наличие четырех склонов различной крутизны, экспозиции и протяженности от основания до его вершины. Эти факторы – основа, обуславливающая различия в мощности вторичного (посткурганного) плодородного слоя почвы, степени динамизма эрозионных процессов на склонах разных румбов и, как интегрированное выражение этих абиотических факторов, – различия в показателях биогеоценозов: флоры, растительных группировок и даже зоокомпонентов.

Исследуя курганы разной величины, фитоценолог может установить пределы абиотических показателей, различия которых на разных элементах этих антропогенных образований начинают влиять на состав, характер сложения и пространственного размещения популяций флоры, фауны и в целом сообществ, образованных ими в настоящее время. Можно констатировать наличие эффекта биотической дифференциации, обусловленной высотой кургана: чем выше курган, тем более контрастны экосистемные показатели его четырех склонов. Низкие пологие курганы, даже при значительных диаметрах, покрыты более однообразной по составу флорой и растительностью. Другой эффект – наличие континуума – плавного перехода растительности на границах экспозиций, отчетливо отмечаемого на многих скифских курганах в Центральном Предкавказье.

Отметим также, что многие редкие и исчезающие виды растений аридной зоны веками сохраняются на курганах. Это – *Stipa pennata*, *S.pulcherrima*, *S.ucrainica*, *S.caspia*, *Tulipa gesneriana*, *T.biebersteinii*, *Colchicum laetum* и другие. Важность такой ситуации существенно возрастает, когда «курганная» экосистема оказывается окруженной пашней – агроценозами, на месте которых 200-300 лет тому назад господствовала лишь степь в границах ее естественного ареала. Современная растительность кургана близ с. Бургун-Маджары была описана нами на его четырех склонах в пределах учетных площадок 100 кв.м. В общем списке флоры оказалось 46 видов высших растений. Видовая насыщенность площадок на склонах колебалась в пределах 20-23 и была максимальной на северном, теневом склоне. Из былой целинной растительности зоны полупустыни – некогда единого ценоареала, – на кургане отмечены такие виды трав:

Безвременник прекрасный	<i>Colchicum laetum</i>	<i>Sp</i> ₃
Веснянка	<i>Erophyla verna</i>	<i>Sol</i>
Житняк пустынный	<i>Agropyron desertorum</i>	<i>Cop</i> ₃
Зопник колючий	<i>Phlomis pungens</i>	<i>Sp</i> ₁
Кохия простертая	<i>Kochia prostrata</i>	<i>Sp</i> ₂

Овсяница валлисская	<i>Festuca valesiaca</i>	Sp ₃
Осока узколистная	<i>Carex stenophylla</i>	Sp ₃ -Sp ₂
Пижма тысячелистниковая	<i>Tanacetum achillefolium</i>	Sp ₃ -Cp ₁
Полынь Лерха	<i>Artemisia lerchiana</i>	Sp ₂
Тысячелистник Биберштейна	<i>Achillea biebersteinii</i>	Sp ₁ -Sp ₂

Отмеченные целинные виды доминируют на склонах кургана, исключая южный, покрытый большей частью сорной флорой однолетников, двулетников и изредка – многолетников, в том числе и компонентов поздних стадий сукцессии. В целом же на долю пасквальных (пастбищных) и сегетальных сорных трав приходится от 50 до 70% состава флоры кургана (табл.1), что свидетельствует о продолжающемся интенсивном влиянии на «островную» экосистему антропогенных факторов – степных пожаров, пастьбы овец по жнивью вокруг кургана и т.д.

Таблица 1

Показатели особенностей флоры и растительности половецкого кургана к западу от с. Бургун-Маджары

Склоны кургана	Крутизна склона, град.	Проект. покрытие, %	Состав флоры, %					
			злаки+осоки	бобовые	разнотравье	однолетники	двулетники	многолетники
Северный	15	50	26.1	0.0	73.9	52.2	4.3	43.5
Южный	8	40	25.0	0.0	75.0	65.0	5.0	30.0
Восточный	12	50	22.2	0.0	77.8	55.5	0.0	44.5
Западный	10	50	31.8	0.0	68.2	54.5	0.0	45.5

Представители ряда классов животного мира, так или иначе связанные с абиотическими и биотическими факторами среды их обитания, предпочитают большей частью более теплые южные склоны курганов, что убедительно иллюстрируется густотой норок мышевидных грызунов и пресмыкающихся, которые устремляются с возделываемых полей к курганам – «островкам спокойствия»

Общая закономерность: остатки флоры и растительности прежней, доагрикультурной степи на курганах практически не оказывают влияния своим распространением на окружающий агроландшафт, тогда как полевые сорняки, наоборот, экспансивно осваивают локально нарушенные человеком и роющими животными участки курганов. При этом, как уже отмечалось, чем меньших размеров площадь кургана, тем слабее позиции видов целинной растительности. Из сорных трав на курганах чаще естественных встречаются:

Белена черная	<i>Hiasciamnus niger</i>	Sol
Бурачок туркестанский	<i>Alyssum turkestanicum</i>	Sol-Sp ₁
Бурачок чашечный	<i>Alyssum calycinum</i>	Sp ₂ -Sp ₃
Василек спутанный	<i>Centaurea diffusa</i>	Sp ₁
Горец птичий	<i>Polygonum aviculare</i>	Sp ₁ -Sp ₂

Дескурейния Софии	<i>Descurainia sophia</i>	Sp ₂ -Sp ₃
Железница горная	<i>Sideritis montana</i>	Sp ₂
Живучка хиосская	<i>Ajuga chia</i>	Sp ₂ -Sp ₃
Костер японский	<i>Bromus japonicus</i>	Sp ₁ -Sp ₂
Латук солончаковый	<i>Lactuca saligna</i>	Sol
Липучка пониклая	<i>Lappula patula</i>	Sp ₁ -Sp ₂
Молочай приземистый	<i>Euphorbia humifusa</i>	Sp ₁
Мятлик луковичный	<i>Poa bulbosa</i>	Sp ₃ -Cop ₃
Мятлик узколистный	<i>Poa angustifolia</i>	Sp ₁ -Sp ₂
Росичка малая	<i>Eragrostis minor</i>	Sp ₁ -Sp ₃
Солянка чумная	<i>Salsola australis</i>	Sp ₂ -Sp ₃
Эбелек песчаный	<i>Ceratocarpus arenarius</i>	Sol-Sp ₁
Якорцы стелющиеся	<i>Tribulus terrestris</i>	Sp ₁

Число общих видов для аровых (100 кв.м) площадок учета, т.е. четырех склонов всего 7 – свидетельство заметной дифференциации флоры по конкретным экспозициям. Их, в данном случае, можно называть «экокосмополитами» (*Agropyron desertorum*, *Ajuga chia*, *Bromus japonicus*, *Salsola australis* и некоторые другие). Общие трем и двум склонам видов растений больше, соответственно, 8 и 10. То есть, очевиден «намек» на дифференциацию осей экониш, создаваемую несходством экспозиций склонов кургана. И в этом отношении эти археологические попутчики – фактор, селективно определяющий уровень биоразнообразия флоры – в нашем случае для зоны полупустыни.

Примером хорошей сохранности целинной флоры и группировок растительности является курган к западу от с. Мирное Благодарненского района Ставропольского края, описанный в первой декаде июня. Высота кургана 15 м, диаметр по основанию – 35 м. Первый ярус травостоя имел высоту 60 см, второй (основной) – 35-45, третий (приземный) – 10-15 см, проективное покрытие поверхности почвы травостоем – 60-70%. На северном склоне кургана произрастает 30 видов на 100 кв. м и в их числе – до 80% целинных, из которых отметим:

Гониолимон татарский	<i>Goniolimon tataricum</i>	Sol
Житняк ширококолосый	<i>Agropyron pectinatum</i>	Cop ₁
Ирис низкий	<i>Iris pumila</i>	Sp ₂
Келерия стройная	<i>Koeleria cristata</i>	Sp ₃
Ковыль Лессинга	<i>Stipa lessingiana</i>	Sp ₁
Кохия простертая	<i>Kochia prostrata</i>	Sp ₂
Люцерна румынская	<i>Medicago romanica</i>	Sp ₁
Пижда тысячелистник-я	<i>Tanacetum achilleifolium</i>	Sp ₂
Серпуха сушеницевид-я	<i>Serratula xeranthemoides</i>	Sp ₂
Типчак валлисский	<i>Festuca valesiaca</i>	Cop ₃

Таблица 2

Особенности флоры и растительности кургана и окружающего сухостепного пастбища близ с. Мирное Благодарненского района

Курган	%	Целинное пастбище	Хозяйственно значимые растения на кургане
Флористические группы:			
злаки+осоки	20.0	12.0	Кормовые: Овсяница валлисская, Житняк ширококолось, Кохия простертая, Мятлик луковичный, Келерия стройная, Ковыль Лессинга, Полынь Лерха, Люцерна румынская, Л.Хмелевидная, Кострец береговой Редкие: Ирис низкий
бобовые	10.0	4.0	
разнотравье	70.0	84.0	Сорные: Чертополох поникающий, Эбелек песчаный, Дурнишник калифорнийский, Бурачок туркестанский, Василек
Жизненные циклы:			
многолетники	70.0	12.0	
двулетники	10.0	8.0	
однолетники	20.0	80.0	

Обращает на себя внимание низкое флористическое сходство между ценозами кургана и окружающим пастбищем, равное 18%. Заметим, что курганные экосистемы (табл.2) существуют самоподдерживаясь около 2000 тысяч и более лет, т.е. этот банк генофонда, несомненно, полупустынно-сухостепной флоры весьма стабилен во времени. Это дает основание рекомендовать смесь таких банков семян для экологической реставрации опустыненных земель, тем более что они практически полностью теряются ежегодно (погибают, поедаются и т.д.). При этом можно лишь вообразить масштабы упущенных за столетия возможностей тиражирования фрагментов зональной растительности в геометрической прогрессии (6).

Еще раз подчеркнем, что чисто с физической точки зрения, курганы – не только первые древнейшие, пусть стихийные в этой роли – ООПТ. В то же время они показывают возможность увеличения фиторазнообразия в условиях аридных равнин, за счет различий на склонах разных экспозиций и крутизны. Благодаря этой природоохранной роли курганов повышается степень актуальности их охраны как эколого-археологических памятников. Реальной представляется возможность включения на кластерной основе курганных экосистем в охраняемую сеть ботанических (или комплексных) заказников Ставрополя. Список ботанических (целинных) резерватов края, рекомендованных природоохранным органам к 2005 году, включает 61 урочище (7, с.161-169).

Использованная литература и источники:

1. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т.1, Ставроп. кн. изд-во, 1967. 600 с.
2. Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971. 248 с.
3. Дзыбов Д.С. К стратегии охраны редких видов растений и растительных сообществ в районах развитого земледелия и животноводства // Охрана генофонда природной флоры. Новосибирск. 1983

4. Дзыбов Д.С. Очерк пастбищной истории Северного Кавказа и охрана растительного покрова археологических и ландшафтных памятников // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь. Вып. 15-16
5. Дзыбов Д.С., Лапенко Н.Г. Зональные и вторичные бородачевые степи Ставрополя (монография). Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во. 2003. 236 с.
6. Дзыбов Д.С. Метод агростепей. Ускоренное восстановление природной растительности. Саратов, 2001. 40 с.
7. Дзыбов Д.С. Каркасы естественных и восстановленных экосистем - основа «Зеленой книги» Ставрополя // Научные основы земледелия и влагосберегающих технологий для засушливых регионов Юга России. Матер. Международной научно-практической конференции, ч. 2 «Проблемы растениеводства». Ставрополь, 2003

Национальный музей Кабардино-Балкарской республики: история основания и деятельности (1921-1939 гг.)

Кабардино-Балкарский областной краеведческий музей основан в Нальчике в апреле 1921 г. Первым директором музея был известный в области краевед М.И. Ермоленко, направленный для работы в Нальчик Северо-Кавказским институтом краеведения.

Музей расположился в здании церковно-приходской школы. Здесь же находились квартиры его сотрудников. Несмотря на ограниченный бюджет в год его создания и маленький штат, состоявший из 2-х единиц, директора и сторожа, музей развернул оживленную краеведческую работу. Идущего с сумой через плечо М.И. Ермоленко часто можно было видеть в окрестностях Нальчика, у разливов рек. По отчетным данным музея, к январю 1922 г. было собрано 1197 экспонатов, свыше 100 человек посетило музей.

Организация музея сопровождалась преодолением многочисленных бюрократических трудностей. «Большинство моих хлопот по разным вопросам остаются простым гласом вопиющего в пустыне. Я встречаю новое равнодушие и замаскированный отказ в просьбе», – пишет в одном из писем М.И. Ермоленко.

Много раз приходилось ездить директору по области с целью учета и осмотра памятников. Он побывал почти во всех уголках Кабардино-Балкарии, привлекая к краеведческой работе учителей, молодежь, работников культуры. Основное внимание директор музея уделял пополнению фондовых коллекций за счет археологических раскопок. В январе 1923 г. ЦИК КБАО на имя М.И. Ермоленко был выписан мандат, в котором отмечалось, что он «командирован по области для археологических разведок и раскопок, а также для сбора предметов этнографии». Всем учреждениям предписывалось оказывать предьявителю мандата помощь и содействие. Осмотренная местность и исторические памятники (древние городища, стоянки, курганы) заносились в черновую археологическую карту. Умело пользуясь широкими связями, установленными на местах, М.И. Ермоленко за короткий срок удалось сосредоточить в музее значительные археологические коллекции. Раскопки приходилось вести самому, вручную, изредка привлекая к работе студентов Ленинского учебного городка и различные комсомольские ячейки.

К сожалению, раскопки тех лет велись не на достаточно высоком профессиональном уровне и плохо документированы. В основном в музейных книгах поступлений имеются сведения лишь о месте и времени проведения раскопок. Но, несмотря на неполноту сведений, собранный М.И. Ермоленко материал не теряет своей значимости, и коллекция, по определению археологов, является ценной и значительной. Известный археолог и выдающийся кавказовед Е.И. Крупнов в одной из своих работ отмечает: «Даже случайный материал, часто очень выразительный, собранный М.И. Ермоленко, представлял особую ценность тем, что сигнализировал о наличии ряда выдающихся памятников, огромное значение которых не вызывало никаких сомнений».

При проведении разведочных работ М.И. Ермоленко были открыты ставшие вскоре знаменитыми древние поселения – Долинское и Агубековское и не менее известный Нальчикский могильник. Позже, начатые музеем работы были продолжены Северо-Кавказской экспедицией ГАИМК. Учеными были изучены и археологические собрания музея, получившие восторженную оценку специалистов. Поступали в музей и случайные находки от частных лиц. Большая часть ранее расхोдившихся по рукам и частным коллекциям предметов стала сосредотачиваться в музее.

В 1923 г. при музее создается краеведческое общество, помогавшее ему средствами и доставкой экспонатов. Осенью 1925 г. музей переехал в одноэтажное здание в садике Свободы, а в 1927 г. под музей было отведено еще одно здание рядом. К этому времени значительно возросли фондовые собрания музея, увеличилась его посещаемость, особенно за счет групповых экскурсий из соседних областей и городов. Музей получил статус – научно-краеведческий, а существующие отделы (археологии, этнографии, истории и др.) определили основные направления его работы.

Несмотря на содействие местных властей и помощь широких слоев населения, бюджет, выделяемый на нужды музея, оставался крайне мизерным. Так, в отчете за 1925г. М.И. Ермоленко отмечает: «Впереди работы еще много, но, судя по тому ходу отпуска средств, какой все время производится, по тому порядку, какой сопровождает эти виды в финотделе, по тем умышленным и неумышленным затyajкам, какие сейчас наблюдаются при выдаче авансов из назначенного отдела, достижение успеха работ сомнительно».

Помимо археологического собрания, комплектуются и другие музейные коллекции. Большая часть уникального собрания музея, коллекция оружия, была сформирована до войны. Образцы холодного и огнестрельного оружия были переданы музею Северо-Кавказским институтом краеведения, архивным управлением и другими учреждениями. Фондовые собрания пополнили приобретенные в балкарских селах натруски, пороховницы и прочие предметы.

Покупались музейные экспонаты и на местной толкучке. В 1920-е годы уникальные коллекции были переданы из центральных музеев страны. Среди поступивших экспонатов – редкие образцы холодного и огнестрельного оружия, оборонительных доспехов. Пополнились фондовые собрания и художественными произведениями. Среди них картины Брюллова, Шишкина, Айвазовского, Горшельта, а также скульптура и художественный фарфор. Эти коллекции были переданы благодаря содействию и личному участию Н. Катханова, работавшего в 1923-1925 гг. представителем КБАО при Президиуме ВЦИК, в 1926-1928 гг. – уполномоченным представителя в ВСНХ СССР от Северо-Кавказских областей. Они стали основой для создания в 1961 г. музея изобразительных искусств.

Формировалась и этнографическая коллекция музея, характеризующая традиционную культуру кабардинцев и балкарцев. Предметы быта и этнографии покупались на рынке, приобретались в селах, передавались музею отдельными учреждениями. Домашняя утварь и предметы для обработки продуктов земледелия были переданы земельным отделом.

Поступали экспонаты и из мастерской магазина «Национальные изделия». Среди них костюмы мужской и женский, кинжал, гармонь и др.

В 1925 г. формируется музейная библиотека. Ее основу составили ценные издания по археологии, этнографии, истории, различные словари и энциклопедии, книги по философии и пр.

Ермоленко собирал также с декабря 1921 г. «по сие число» экземпляры приказов, объявлений, воззваний и других видов печатных материалов времен революции. В музей поступали снятые со стен учреждений г. Нальчика плакаты, телеграммы, открытки, марки, старинные литографии. Некоторые документы были переданы из областного архива. В 1927 г. в музей поступили альбомы с фотографиями конференций, заседаний, собраний и митингов от Кабардино-Балкарского обкома партии. Коллекция фотографий была передана из отдела по дорожно-мостовому строительству.

В 1932 г. коллекция пополнилась «видами социалистического строительства», альбомами по просвещению и культурному строительству, видами ущелий Кабардино-Балкарии. В 1939 г. поступила коллекция фотографий по этнографии и быту балкарцев. В годы сталинских репрессий предметы, представляющие художественную или историческую ценность, конфискованные органами НКВД и ГПУ у граждан, передавались в музей.

Помимо научной и собирательской деятельности, музей, ежедневно открытый с 8-9 часов утра до 5-6 часов вечера, проводил оживленную работу с посетителями. В одном из отчетов М.И.Ермоленко сообщает, что больший процент посещаемости падает на май, лето и начало осени.

Музей вел оживленную переписку и поддерживал тесные творческие связи с музеями соседних областей и городов.

Говоря о работе музея в довоенный период, нельзя не отметить, что музей еще с начала 1920-х годов принимает активное участие в охране исторических памятников, ведет борьбу с самовольными раскопками, документирует случаи порчи памятников. В 1923 г. в с. Старый Лескен были зафиксированы случаи самовольных раскопок курганов и хищение могильного инвентаря. Аналогичные случаи были отмечены в ряде населенных пунктов – у селений Кызбурун-II, Кенделен и Нартан. Почти полностью был разрушен древний могильник с башнями у с. Кенделен.

За годы работы в музее М.И. Ермоленко были опубликованы следующие книги и брошюры: «Археология Кабарды и Балкарии», «Былое», «Путеводитель по Кабарде и Балкарии» и много других работ. Заметки и статьи регулярно помещались в газете «Карахалк». В 1939 г. М.И. Ермоленко присвоено звание заслуженного деятеля науки КБ АССР.

Т. о., музей в предвоенный период внес огромный вклад в развитие исторической науки и этнографии кабардинцев и балкарцев.

Использованная литература и источники:

1. Депенева А.Б. М.И.Ермоленко – организатор краеведческого музея в Кабардино-Балкарии. Историческое регионоведение Северного Кавказа вузу и школе. Армавир, 2001, с. 50-53
2. Додохова Е.М. Наш музей краеведения. Краеведческие записки. Вып.1, Нальчик, 1961, с. 5-9
3. Иессен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, М-л, 1941, с. 12-13
4. Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, с. 16
5. Лавров Л.И. Этнография Кавказа. Л., 1982, с. 35-36
6. Мусукаев А.И. Об обычаях и законах горцев. Нальчик, 1986, с. 20-24
7. Шаханов Т.Б. Депенева А.Б., Гукемух И.Х. Составление и комментарии. Записки краеведа. Нальчик, 2004, с. 13
8. Культурное строительство в Кабардино-Балкарии (1918-1941гг.), Т.2, с. 30-31, 41-44, 63, 73
9. Пеннер В.Я., Пеннер Н.В. Нальчик глазами современников. Нальчик, 1993, с. 66-68
10. Книги поступлений 1921-1939 гг. НМ КБР
11. Автобиография М.И.Ермоленко НМ КБР, нкс. 6541
12. ЦГА КБР Р-16, оп.1, д. 7 л. 1-31
13. ЦГА КБР ф.777, оп.1, ед. хр. 10, л. 1-26
14. ЦГА КБР ф.777, оп.1, ед. хр.11, л.1-12, 36
15. ЦГА КБР ф.777, оп.1, ед. хр.4, л.1-4
16. ЦГА КБР ф.777, оп.1, ед. хр.7, л.3-4
17. ЦГА КБР ф.777, оп.1, ед. хр.8, л.5-9, 11-15, 33
18. ЦГА КБР Р-16, оп.1, ед. хр.100, т. 2, л. 625
19. ЦГА КБР ф.1,оп.1, ед. хр. 1, л. 1-3

Доронин И.В.

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный краеведческий музей
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе,
лаборант-исследователь

История формирования и состав герпетологической коллекции Ставропольского государственного краеведческого музея. Сообщение 1

В 1902 г. Г. К. Пправе «... в лавке Москвы» (вероятно, в лавке Шеера) были куплены 5 экз. обыкновенной саламандры (*Salamandra salamandra*) и 1 экз. европейского протeya (*Proteus anguinus*). Данные приобретения стали первыми экспонатами в герпетологической коллекции музея, остававшейся до последнего времени наименее изученной из зоологических собраний. В 1910 г. Пправе приобретает у московского купца Шеера новую серию наглядных пособий: «Скелет лягушки с резонаторами», «Внутреннее строение прудовой лягушки», «Внутреннее строение ящерицы», «Внутреннее строение змеи», «Развитие лягушки», «Развитие ужа» и др.

В связи с разработкой новой экспозиции, в основу которой был положен эколого-ландшафтный принцип, фонды отдела природы в 1970-х гг. пополнились новыми экспонатами – биогруппами «Обитатели полупустыни» (использованы ушастая круглоголовка, песчаный удавчик, узорчатый полоз), «Уж обыкновенный», «Гадюка обыкновенная» (использована степная гадюка), выполненными под руководством таксидермиста Зоологического музея АН СССР М.А. Заславского. Сборы материала для биогрупп производились в Приманычье (урочище Мадык), на востоке края (окр. аула Махмуд-Мектеб) и в районе пос. Теберда (в сборах значатся 2 экз. кавказской агамы, чей ареал находится значительно южнее).

Упоминание о герпетологической коллекции музея мы находим в статьях Л.Д. Морица, где он пишет о 46 экз. 8 видов змей из Ставропольского Земско-городского музея им. М.В. Пправе, собранных на территории Ставропольской губернии (1, с.1-21; 2, с.243-251). Кроме того, в 1922 г. в Трудах Ставропольского сельско-хозяйственного института Мориц публикует список рептилий, привезенных из Закаспийской области, Туркестана и северной Персии (3, с.35-47), часть из которых была передана в краеведческий музей. Н.Я. Динник, делая обзор фауны змей Северного Кавказа, сообщает об экземплярах желтобрюхого,

четырёхполосого и узорчатого полозов, хранящихся в Ставропольском городском музее (4). Позже М.Ф. Тертышников в работе, посвященной скальным ящерицам Ставропольского края, приводит сведения о 2 экз. *Lacerta* (= *Darevskia*) *s. saxicola* из зоологического собрания Краеведческого музея им. Г. К. Праве, пойманных в 27 км по дороге Карачаевск - Кисловодск (5, с.186-194).

В настоящее время (ноябрь 2005 г.) герпетологическая коллекция Ставропольского государственного краеведческого музея насчитывает 178 экз. 13 видов земноводных и 567 экз. 64 видов пресмыкающихся. Большинство экспонатов собрано на территории Кавказа и Средней Азии, в период с 1913 по 2005 г.г. Н.Я. Динником, Л.Д. Морицем, Е.Р. Хадариным, М.Ф. Тертышниковым.

Как известно, критерием значимости зоологической коллекции служит возможность ее использования в фаунистических исследованиях (6, с.1027-1047). Так, многолетние сборы редких и исчезающих видов земноводных и пресмыкающихся (кавказский тритон – *Triturus vulgaris lantzi*, малоазиатская лягушка – *Rana macrocnemis* и ломкая веретеница – *Anguis fragilis fragilis* из окрестностей и территории г. Ставрополя, 1913-1998 г.г., кавказская жаба – *Bufo verrucosissimus* с горы Стрижамент, 1913 г. и др.) могут являться основой для мониторинга их популяций в регионе.

Экземпляры *T. vulgaris lantzi*, добытые в 7 км ю. пос. Теберда Карачаево-Черкесской республики в июле 1987 г., подтвердили факт обитания вида на территории Тебердинского государственного природного биосферного заповедника (7, с.85-101; 8, с.8-12).

В апреле 1925 г. сотрудником Ставропольского центрального народного музея им. М.В. Праве Е. Р. Хадариным совместно с сотрудником Ставропольской станции защиты растений Ю.М. Гриневым производились сборы в окрестностях г. Кисловодска, в ходе которых была отловлена половозрелая самка гадюки, определенная как «*Vipera renardi Christoph*». Однако коллекторами в первичной этикетке данное определение ставилось под сомнение: «*Есть сходства с Vipera kaznakovi Nikolsky*». Изучение щиткования и метрии позволили нам поставить новый диагноз – гадюка Динника (*Vipera dinniki*), что подтверждает предположение герпетологов А.Г. Высотина и М.Ф. Тертышникова об обитании этого вида-эндемика высокогорий Большого Кавказа на территории Ставропольского края (9; 10).

При изучении сборов Михаила Федоровича Тертышникова нами был обнаружен экземпляр половозрелой самки одного из самых малоизученных представителей герпетофауны Предкавказья – ящеричной змеи (*Malpolon monspessulanus*), отловленной в июле 1976 г. на территории Курского р-на. В 2005 г. коллекция пополнилась самцом *M. monspessulanus* (Ставропольский край, Левокумский р-н, хутор Арбали, нора золотистой щурки, 31. VII 2005, В.

Мосейкин). Данные находки значительно расширяют область распространения ящеричной змеи в регионе, а с учетом материалов по фауне змей Дагестана (11) и Чечни (12, с.39-53) ставят под сомнение существование изоляции ареала вида в Предкавказье (13).

Заслуживают внимания и сборы агамовых ящериц (*Trapelus sanguinolentus*, *Laudakia caucasia*, *L. lehmanni*, *Phrynocephalus guttatus*, *Ph. mystaceus*, *Ph. raddei*, *Ph. interscapularis*, *Ph. helioscopus*) с территории Ставропольского края (1911-1989 гг.), Туркмении (1913-1921 гг.) и Узбекистана (1921 г.).

Ниже приводится каталог систематической коллекции амфибий музея, где дается информация об объеме выборки, месте и времени отлова, коллекторе. В некоторых случаях на этикетках отсутствуют дата и (или) фамилия сборщика. Систематический порядок принят по работам Н.Б. Ананьевой, Л.Я. Боркина, И.С. Даревского, Н.Л. Орлова (13) и М.Ф. Тертышникова (14). Приводимый список синонимов состоит из названий, употреблявшихся в первичных этикетках. Большинство географических названий приводится в современном их значении. Пункты отлова в Ставропольском крае и Карачаево-Черкесской республике даются по административному делению на 26 августа 2000 г.

Отряд Хвостатые – *Caudata*

1. Протей европейский – *Proteus anguinus* Laurenti, 1768

Словения (1 экз.), приобретен Г. Праве в 1902 г.

2. Саламандра пятнистая – *Salamandra salamandra* (Linnaeus, 1758)

5 экз. – приобретены Г. Праве, 1902г.; 3 экз. - А. Рублева (местом сбора ошибочно указан остров Сахалин).

3. Тритон кавказский, или Лантца – *Triturus vulgaris lantzi* Wolterstorff, 1914

Карачаево-Черкесская республика (2 экз.), Карачаевский р-н: 2 экз. - 7 км ю. пос. Теберда, VII 1987.

Краснодарский край (1 экз.), г. Екатеринодар (Краснодар), 1919.

Ставропольский край (24 экз.), г. Ставрополь: 1 экз. - Архиерейский лес, IV 1921, В. Лучник; 9 экз. - 1922, В. Лучник; 6 экз. - пруд на усадьбе Динника, 15. V 1924; 2 экз. - Мамайский лес, урочище Корыта, 28. IV 1998.

4. Тритон Карелина – *Triturus karelinii* (Strauch, 1870)

Triton cristatus Laurenti, 1768

Республика Азербайджан (1 экз.), г. Ленкорань, VI 1923, Е. Хадарин.

Краснодарский край (1 экз.), г. Екатеринодар (Краснодар), 1919.

5. Тритон малоазиатский – *Triturus vittatus ophryticus* (Berthold, 1846)

Карачаево-Черкесская республика (3 экз.), Зеленчукский р-н: 1 экз. – окр. пос. Нижний Архыз, берег р. Б. Зеленчук, 8. V 1988, С. Каршин; 2 экз. – пос. Буково, район Буковской обсерватории, 12. IV 2003, В. Мозгов.

Отряд Бесхвостые – *Anura*

6. Жерлянка краснобрюхая – *Bombina bombina* (Linnaeus, 1761)

Ставропольский край (3 экз.), г. Ставрополь: 1 экз. - Архиерейский лес, IV 1921, В. Лучник; 2 экз. - 1977, М. Тертышников.

7. Чесночница обыкновенная – *Pelobates fuscus fuscus* (Laurenti, 1768)

Ставропольский край (5 экз.), г. Ставрополь: 3 экз. - 28. V 1926; 2 экз. - 1977, М. Тертышников.

8. Жаба кавказская – *Bufo verrucosissimus* (Pallas, 1814)

Bufo bufo (Linnaeus, 1761)

Bufo caucasicus Menetries, 1832

Краснодарский край (1 экз.), окр. пос. Джубга, Пож(?)чарова щель, VII 1915.
Ставропольский край (3 экз.), Шпаковский р-н, окр. г. Ставрополь (гора Стрижамент), 1913, А. Рублева.

9. Жаба зеленая – *Bufo viridis viridis* Laurenti, 1768

Республика Азербайджан (1 экз.), г. Ленкорань, III 1928, Е. Хадарин.

Карачаево-Черкесская республика (5 экз.), Карачаевский р-н: 1 экз. - ущелье Джалпакол, 20. VII 1988; 2 экз. - Тебердинский биосферный заповедник, низовья р. Теберда, 8. VI 2005, И. Доронин; 2 экз. - Тебердинский биосферный заповедник, кордон «Женьшень», 9. VI 2005, И. Доронин.

Краснодарский край (2 экз.), 1 экз. - окр. пос. Джубга, Пожчарова щель, VII 1915; 1 экз. - окр. пос. Джубга, 16. VIII 2005, Н. Шевченко.

Ставропольский край (56 экз.), Александровский р-н: 7 экз. - верховья р. Томузловка, 4. IX 2005, И. Доронин. Апанасенковский р-н: 1 экз. - с. Апанасенковское, 15. IV 2005, И. Доронин. Георгиевский р-н: 2 экз. - с. Обильное, 8. V 2005, И. Доронин; 21 экз. - с. Краснокумское, 2. VII 2005, И. Доронин. Петровский р-н: 7 экз. - с. Гофицкое, гора Алпатка, 9. VII 2005, И. Доронин. г. Ставрополь: 11 экз. – 1926; 1 экз. - Мамайский лес, урочище Корята, 28. IV 1998. Туркменский р-н: 4 экз. - Совхоз №1, 2-4. VI 1928, Е. Хадарин. Шпаковский р-н: 2 экз. - окр. г. Ставрополь, 1913, А. Рублева.

10. Квакша Шелковникова – *Hula arborea schelkownikowi* Cernov, 1926

Hula arborea arborea (Linnaeus, 1758)

Карачаево-Черкесская республика (2 экз.), Карачаевский р-н: 1 экз. - Тебердинский биосферный заповедник, усадьба заповедника, 7. VI 2005, И. Доронин; 1 экз. - Тебердинский биосферный заповедник, урочище Муху, 8. VI 2005, И. Доронин.

Ставропольский край (2 экз.), г. Ставрополь, 1977, М. Тертышников.

11. Лягушка озерная – *Rana ridibunda* Pallas, 1771

Карачаево-Черкесская республика (8 экз.), Карачаевский р-н: 6 экз. - Тебердинский биосферный заповедник, озера усадьбы, 7-9. VI 2005, И. Доронин; 2 экз. - низовья р. Теберда, 8. VI 2005, И. Доронин.

Ставропольский край (18 экз.), Александровский р-н: 2 экз. - верховья р. Томузловка, Томузловский лес, 4. IX 2005, И. Доронин. Кочубеевский р-н: 1 экз. - р. Кубань, окр. станицы Барсуковская, 26. V 1913, Н. Динник. Петровский р-н: 1 экз. - гора села Петровского (гора Куцай, г. Светлоград), 28. VII 1927, Л. Мориц; 2 экз. - с. Гофицкое, Медведский лес, 9. VII 2005, И. Доронин. г. Ставрополь: 9 экз. - 1922; 3 экз. - 1926, В. Иванченко.

12. Лягушка малоазиатская – *Rana macrocnemis* Boulenger, 1885

Rana camerani Boulenger, 1882

Карачаево-Черкесская республика (23 экз.), Карачаевский р-н: 1 экз. - ущелье р. Махар, Грузинская поляна, VI 1985, А. Серов; 1 экз. - пос. Теберда, VII 1987; 1 экз. - 7 км ю. пос. Теберда, VII 1987; 5 экз. - урочище Махар, 17 км ю. аула Учкулан, 22-26. VII 1987; 3 экз. - ущелье Джалпокол, 19-20. VII 1988, С. Каршин; 1 экз. - ущелье р. Махар, Грузинская поляна, 16. VII 1989, А. Серов; 6 экз. - Тебердинский биосферный заповедник, озера усадьбы, 7-9. VI 2005, И. Доронин; 4 экз. - низовья р. Теберда, 8. VI 2005, И. Доронин. г. Карачаевск: 1 экз. - 6. IV 1980.

Краснодарский край (1 экз.), плато Лаго-Наки, Партизанская поляна, 9. VII 2005.

Ставропольский край (6 экз.), г. Ставрополь: 1 экз. - 1916; 2 экз. - 28. V 1926; 3 экз. - Русский лес, 21. IV 1926, Е. Хадарин.

Использованная литература и источники:

1. Мориц Л.Д. О змеях Северного Кавказа // Любитель природы. 1916 а. №1-2
2. Мориц Л.Д. Степной удав *Eryx miliaris* subsp. *negajorum* Nik. в Ставропольской губернии // Любитель природы. 1916 б. № 9-10
3. Мориц Л.Д. К фауне Reptilia России и сопредельных стран. Список пресмыкающихся собранных в 1921 г. в Закаспийской области, Туркестане и северной Персии // Труды Ставропольского сельскохозяйственного института. 1922. Т. 1, вып. 11
4. Динник Н.Я. Змеи Северного Кавказа: Ученые записки Северо-Кавказского института краеведения. - Владикавказ, 1926. - 21 с.
5. Тертышников М.Ф. Скальные ящерицы Ставропольского края (систематика, география и экология) // Материалы по изучению Ставропольского края. 1988. вып. 15-16
6. Алимов А.Ф., Танасийчук В.Н., С.Д. Степаньянц С.Д. Коллекции зоологического института – основа для изучения видового разнообразия // Зоологический журнал. 1999. Т. 78, вып. 9
7. Даревский И.С. Охрана амфибий и рептилий в заповедниках Кавказа // Амфибии и рептилии заповедных территорий. М., 1987
8. Поливанов В.М. Морозова О.В. Земноводные и пресмыкающиеся // Позвоночные животные Тебердинского заповедника. М., 2002
9. Хохлов А.Н. Ильюх М.П. Позвоночные животные Ставрополя и их охрана. Ставрополь, 1997. 103 с.

10. Тертышников М.Ф. Пресмыкающиеся Центрального Предкавказья. Ставрополь, 2002. 240 с.
11. Красная книга Республики Дагестан. Редкие, находящиеся под угрозой исчезновения виды животных и растений. Махачкала, 1998. 338 с.
12. Боркин Л.Я., Кревер В.Г. Охрана амфибий и рептилий в заповедниках РСФСР // Амфибии и рептилии заповедных территорий. М., 1987
13. Анањева Н.Б., Боркин Л.Я., Даревский И.С., Орлов Н.Л. Земноводные и пресмыкающиеся: Энциклопедия природы России. М., 1998. 574 с.
14. Тертышников М.Ф. Земноводные Ставрополя. Ставрополь, 1999. 86 с.

Штрихи к портрету Г.Н. Прозрителева на фоне смены эпох

В развитии современного краеведения во многом видится парадоксальное повторение ситуации конца 1920-х – начала 1930-х годов: переоценка ценностей и определение критериев воплощения исторического знания. Объединение местного интеллектуального сообщества вокруг яркой личности Григория Николаевича Прозрителева, изучение его обширного наследия для «нужд современности» позволяет консолидировать всеобщие усилия в федоровском понимании «общего дела», «долге воскрешения» былого, которое по мысли А.И. Герцена, «не утрачивается в настоящем, не заменяется им, а исполняется в нем» (1, с.35).

Становление личности Григория Николаевича неразрывно связано с его общественной и просветительской деятельностью, как основой, средством и решающим условием развития. По этому поводу психолог А.Н.Леонтьев писал: «Личность человека создается объективными обстоятельствами, но не иначе, как через целокупность его деятельности, осуществляющей его отношение к миру» (2, с.104).

Поражает, прежде всего, кипучая энергия Г.Н. Прозрителева, этого «борца за право» на поприще общественной деятельности. С 1880-х годов по приезду в Ставрополь он принимал активное участие в создании и деятельности многих общественно-благотворительных организаций (3).

По «горячим следам» после поездок по делам службы в окружном суде создавались его газетные очерки на страницах газеты «Северный Кавказ». В статьях он откликается на текущие события в жизни губернии и страны, социально-политические проблемы, четко обозначает свою гражданскую позицию. Когда 6 апреля 1903 г. в Кишиневе произошел крупный еврейский погром, Григорий Николаевич выступает с анализом причин бесчинств толпы и упрекает в бездействии русскую интеллигенцию. Корни трагедии он видит не только в подстрекательстве Крушевана и его газеты «Бессарабец», непосредственных исполнителей «орудующих в пасхальные дни Яшек, Савок и Чубарей». Прозрителев отмечает отчуждение интеллигенции, «полное бессилие не только предотвратить это ужасное явление, но даже и знать о возможности его возникновения. Все возникает на почве тех или других осложнений и

общественных болячек, а потому знать их – значит быть хозяином положения и руководителем данного момента»(4).

Знакомство с кавказоведом И.В. Бентковским и историком казачества И.Д. Попко обращает интересы Прозрителева к краеведению. К абсолютному большинству работ Григория Николаевича, написанных на основе изучения архивных документов, относится позиция, высказанная известным кавказским археографом А.П. Берже о том, что «исторические материалы должны удерживать в печати свой первобытный характер, ибо они лишь под таким условием представляют фактическое значение» (5,с.9).

Трудно объяснить отношение Прозрителева к немецкому вопросу в годы Первой мировой войны. В это время краевед работал над рукописью «Из истории землевладения на Северном Кавказе». Он упрекал власти, что они «швырялись кавказской землей, раздавали «целые тысячи десятин» земли иностранным колонистам, «не думали о русском пахаре». По мнению Г.Н. Прозрителева, немцы «хищнически относились к земле и не всегда занимались земледелием», а в целом «носители остзейской культуры» не могли оказывать влияния на русского пахаря (6).

Личным примером Григорий Николаевич сумел привлечь к надзору за памятниками старины и просветительской работе на местах простых крестьян, учителей, священников, чиновников. Со многими он постоянно поддерживал личные контакты, вел многолетнюю переписку, в тяжелые времена участвовал в их судьбе. В 1911 году СУАК избрала своим сотрудником любителя старины, крестьянина села Благодарного Тараса Щеголькова (7). В 1928 году бесплатный сотрудник и активист уже Ставропольской этнолого-археологической комиссии Щегольков был лишен избирательных прав как «чуждый классовый элемент». В письме от 30 мая 1928 г. в Ставропольский окружной исполнительный комитет Г.Н. Прозрителев характеризует его «с самой лучшей стороны, как полезного работника для музея, комиссии. Он, будучи бедным, простым трудящимся крестьянином, уделяет свое время и свой труд на разыскание остатков старины, ценных для науки, сопряженных для него даже с некоторыми расходами. Прошу принять к делу его заслуги перед научными учреждениями» (8).

Григорий Николаевич принадлежал к поколению русской интеллигенции, которое испытало сильное влияние идей народничества. Отдавая дань увлечению молодости, он писал в записках об этом явлении: «...трудно найти другой пример такого подвижничества, самопожертвования ради блага обездоленных и ради искупления грехов отцов и предшествующих поколений»(9). В зрелые годы его своеобразным политическим кредо становится неприятие насилия, радикальных революционных идей, глубокое убеждение, что «эпоха, которая считает

выработанные ей формы жизни незыблемыми и приносит им в жертву счастье отдельных лиц, такая эпоха не будет иметь исторического будущего» (10,с.22).

С воодушевлением Г.Н. Прозрителев встретил свержение монархии и Февральскую революцию 1917 года. Он приветствовал «полученную народную свободу», «амнистию и отмену смертной казни», «победный пир общего братства», однако предупреждал, что «великий успех русской революции не должен кружить головы и затемнять сознание: надо помнить, что в один день нельзя сделать того, на что требуются десятки лет» (11).

Кровавая междоусобица гражданской войны поставила перед борющимися силами бескомпромиссный вопрос: жизнь или смерть? В эти кошмарные дни он пишет в очерке «Кто виноват?»: «Присмотритесь, прежде всего, к себе. Все мы, прежде всего и выше всего, любим себя. А в этом-то и весь грех наш и причина наших несчастий. Если мы оглянемся кругом и взглянемся в самих себя и хоть на один день все забудем себя для другого, на один день полюбим нашу Родину – эту величайшую и богатейшую страну в мире, пойдем величавую историю нашего могучего и великого народа и скажем: – да, это наше, что нам дорого, и мы надругания не допустим, – то никакие силы ни извне, ни внутри не смогут устоять и отлетят, как от стены горох, и беды наши прекратятся» (12).

Свои взгляды Г.Н. Прозрителев пронес до конца жизни. В 1920-е годы он занимается просветительской деятельностью, читает лекции по истории Северного Кавказа красноармейцам, советским и партийным работникам. Несмотря на то, что в 1919 г. Г.Н. Прозрителев работал при «кровавом белом режиме» в юридическом отделе губернского правления и по происхождению был дворянином, карательные органы во время классовых «чисток» его не тронули. Здесь бесспорно сыграл колоссальный авторитет Г.Н. Прозрителева среди широких слоев населения. 8 августа 1921 г. ему даже было выдано охранное удостоверение об освобождении от реквизиции и конфискации имущества. Он болезненно переживает реорганизацию в 1927 г. своего любимого «детища» – Музея Северного Кавказа, ставшего как бы частицей его самого. В концепции единственного в нашем крае музея краеведческого профиля, для многих жителей своеобразного «народного университета», на его глазах происходили кардинальные изменения. Главным ударом было не столько объединение с музеем наглядных учебных пособий, имевшим другое направление деятельности, а переход от показа вещей к показу «идей» и как результат – «распыление» уникальных коллекций.

Заканчивалось «золотое» десятилетие краеведения – замечательного явления общественной жизни страны. Творцы тогдашней политики, взявшие курс на тотальный разрыв с «проклятым» прошлым, провозгласили лозунг «С историей мы Истории не сделаем». Весной 1928 г. в адрес Г.Н. Прозрителева поступили всевозможные силы нет...» (14).

В кризисный период мы вновь обращаемся к прошлому, стремимся более четко представить и осмыслить наши исходные рубежи. Оно и понятно: из минувшего, как бы далеко оно ни отстояло, должны извлекаться уроки. Но как здесь ни вспомнить пушкинское нежелание иметь иную историю, кроме родной, какой бы она ни была! Закончить свои скромные заметки хочется знаменитыми словами, принадлежащими академику, руководителю краеведческого движения в 20-е годы XX века Сергею Федоровичу Ольденбургу: «Без краеведения мы бессильны».

Использованная литература и источники:

1. Герцен А.И. Собрание сочинений. М., 1955. Т.2
2. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977
3. Северокавказский край. 1916. 1 мая
4. Северный Кавказ. 1903. 3 мая
5. АКАК. - Тифлис, 1866. Т.1
6. СГКМ. Ф.2. ед.хр. 60. Л.24-28
7. ГАСК. Ф.198. Оп.1. Д.11 Л.1
8. СГКМ. Ф.2. ед.хр.24. № 420. Л.41
9. СГКМ. Ф.2. ед.хр. 51. Л. 214
10. Прозрителев Г.Н. Дело крестьян селения Маслов Кут Ставропольской губернии 1853 года // Сборник сведений о Северном Кавказе. Ставрополь, 1909. Т.3
11. Северокавказское слово. 1917. 12 апреля
12. Ставропольские губернские ведомости. 1919. 11 мая.
13. СГКМ. Ф.2. ед.хр. 132. Л. 64
14. Там же. Л. 69

Еремеева Н.Н.

г. Ставрополь,
СГКМ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе,
младший научный сотрудник

Творческое наследие В.Д. Беневского в музейных фондах Ставропольского краеведческого музея

В конце XIX – начале XX вв. Ставрополь был одним из культурных центров Северного Кавказа. Его гордостью, наряду с такими выдающимися людьми, как В.И. Смирнов, К.Л. Хетагуров, Г.К. Пправе, Г.Н. Прозрителев, был известный композитор, хоровой дирижер, музыкальный просветитель и общественный деятель В.Д. Беневский, являвшийся вдохновителем и организатором всех важнейших начинаний в музыкальной жизни города.

В фонды краеведческого музея материалы из архива Василия Дмитриевича начали поступать в 1980-х гг. от его правнучки Е.Л. Розиной, проживающей в Санкт-Петербурге. Некоторая часть материалов о Беневском хранится в ее личном архиве, другая передана в Государственный Центральный музей музыкальной культуры им. Глинки в Москве, где собраны материалы по истории русской и зарубежной музыки. Большую роль в возрождении имени Беневского сыграла его дочь Ольга Васильевна Беневская – доктор медицинских наук, профессор Ставропольского государственного педагогического института, по инициативе которой в 1966 г. на ул. Авиационной был открыт Народный музей музыкальной культуры, основное место в экспозиции которого заняли материалы ее отца.

Творческое наследие, оставленное Беневским, велико и разнообразно и дает объемное представление о жизни и деятельности композитора. Приехав в 1890 г. в Ставрополь, Беневский В.Д. более 40 лет посвятил работе в целом ряде учебных заведений города, отдавая своим ученикам все свои силы, знания и многолетний опыт. Одновременно являлся и регентом церковных хоров Казанского кафедрального собора и церкви Святого Андрея Первозванного. Беневский внес огромный вклад в развитие школьной музыки, тем более, что до него редко кто из русских композиторов касался этой темы. По характеру своего замысла музыкально-педагогическое творчество в этом направлении распадается на несколько групп:

1) **Сборники детских подвижных игр с пением**, источником для которых послужили русские народные песни, частью слышанные композитором в детстве непосредственно из уст народа, а частью заимствованные им из сборников

русских народных песен в переложении Балакирева, Лядова и мн. др. Этот материал лег в основу сборника детских подвижных игр с пением и хороводом для двух-, трех- и четырехголосного детского или женского хора с фортепиано, изданного под названием «Школьный друг» в 1901 г. литографией Гроссе в Москве. Сборник пользовался огромной популярностью и неоднократно переиздавался. 2) **Сборники хоровых песен для однородного и смешанного хоров I и II ступени.** В 1906 г. из печати вышла серия сборников народных песен под общим названием «Русский народный хор», а также «Семь двухголосных хоров», «15 двухголосных хоров для женского и детского голосов».

3) **Музыкально-сценические произведения и музыкально-методические сочинения.** Отсутствие в печати руководства по преподаванию пения и нотной грамоты в школе заставило В.Д. Беневского пробовать свое педагогическое мастерство в области методических изысканий. Результатом этой работы явился солидный и оригинальный по замыслу труд «Методическое руководство по обучению пению и нотной грамоте в начальной школе», весьма простой по усвоению материала, но очень действенный по своим результатам. Через обучение нотной грамоте Беневский побуждал своих учеников практически использовать полученные ими знания. Для осуществления этой цели в 1908 г. он пишет I детскую оперу «Красный цветочек» на слова К. Лукашевич. Опера стала весьма популярной не только в Ставрополе, но и во многих крупных городах России – Киеве, Москве. Тогда же Всемирный Почтовый Союз выпустил почтовую открытку, посвященную первой в России детской опере и ее композитору. В 1913 г. на сюжет сербской народной легенды была написана II детская опера «Сказание о граде Леденце».

Особое место в музыкальном творчестве Беневского занимают произведения патриотического характера, самое известное из которых – песня-гимн «Варяг» на слова Н. Репнинского, посвященная мужеству моряков героического крейсера «Варяг». Это сочинение, изданное 5 июля 1904 г., было популярно в течение долгих лет и удостоено Высочайшей Государя императора благодарности. В 1912 г. из печати вышел сборник «1812 год в народной песне для смешанного и детского хоров». В.Д. Беневский является автором музыки к «Гимну Великой России» на сл. Ф. Сологуба.

Много своих произведений композитор посвятил Царственному Дому и Русской Православной церкви («Песнь Богородице», «Родина»), разработал уроки церковного пения, объединенные в церковно-певческую хрестоматию для начальной школы «Церковник».

Яркой страницей творчества Беневского являются песни и романсы, отличавшиеся по воспоминаниям современников, лиризмом и изяществом.

Большая часть этих произведений была издана до революции под псевдонимом Хорошевич-Терницкий.

Являясь страстным энтузиастом музыкального просвещения на Северном Кавказе, Беневский обращался также и к фольклорным источникам других народов. Так, в 1921 г., проникшись беспокойством за судьбу калмыцкого музыкального наследия, Беневский предпринимает далекое по тем временам путешествие, оказавшееся, тем не менее, очень удачным. Им было собрано около 80-ти калмыцких народных песен, обработанных впоследствии на фортепьяно. В фондах краеведческого музея хранятся рукописные ноты музыкального сочинения «Песня калмыцкой молодежи» на слова В.М. Мосина, в котором композитор использовал характерные калмыцкие мелодии.

Значительный интерес представляет библиотека В.Д. Беневского с редкими дореволюционными изданиями музыкальных сочинений русских и зарубежных композиторов: Глинки, Римского-Корсакова, Чайковского, Шумана, Керубини, Цезаря Кюи, чьи произведения часто звучали в доме Беневских. Некоторые из этих произведений были подарены композитору учителями пения г. Ставрополя, преподнесены обществом Майкопского резервного батальона, в собрании которого Беневский давал свой концерт.

Беневский вел обширную общественную и просветительскую деятельность, являлся почетным членом Ставропольского художественного кружка, его имя не сходило с городских афиш и музыкальных программ, которые в большом количестве хранятся в фондах краеведческого музея. Это афиши к постановкам детских опер и детских подвижных игр, программы показательных и тематических вечеров, духовных и благотворительных концертов, программы концертов кружка любителей изящных искусств, представлявшего собой своеобразный культурный центр, где собиралась и работала творческая интеллигенция города. Активным деятелем кружка был известный осетинский поэт, художник, этнограф К.Л. Хетагуров, отбывавший в Ставрополе ссылку. С Беневским их связывала большая дружба. К.Л. Хетагуров был непременным участником спектаклей, постановок, проходивших, как правило, под руководством В.Д. Беневского. Узы дружбы и одновременно преподавательская деятельность связывали Беневского с И.И. Понятовским – ставропольским поэтом, издававшим свои произведения под псевдонимом «Делавар». В фондах краеведческого музея хранится сборник стихотворений И.И. Понятовского «Думы» с дарственной надписью композитору.

Официальных документов, касающихся трудовой и общественной деятельности композитора, практически не сохранилось, кроме удостоверения личности (охранная грамота), членского билета Профсоюза работников просвещения СССР. В отдельную группу входят всевозможные рецензии,

объяснительные записки, характеристики музыкальных произведений Беневского, составленные преподавателями Ставропольского музыкального техникума, Тифлисского Александровского учительского института и музыкальной секцией Государственной академии художественных наук.

27 ноября 1927 г. В.Д. Беневский отпраздновал 40-летие своей музыкально-педагогической и композиторской деятельности. В зале музыкального техникума состоялось торжественное чествование юбиляра ставропольской общественностью во главе с представителями государственных, школьных и общественных организаций. Имя Беневского было известно далеко за пределами г. Ставрополя, о чем свидетельствуют многочисленные поздравительные адреса, письма, телеграммы, открытки, присланные ему по случаю юбилея из всех уголков страны: Москвы, Ленинграда, Киева, Новороссийска, Воронежа, Краснодара и т.д.

В архиве В.Д. Беневского имеются материалы, связанные с деятельностью его учеников, ставших впоследствии известными хоровыми дирижерами. Среди них К.К. Пигров – заведующий хоровым отделением Одесской консерватории, крупнейший хормейстер, заслуженный деятель искусств Украины; Б.В. Боголепов, долгие годы руководивший ансамблем песни и пляски Черноморского флота; А.А. Кошиц – профессор Киевской консерватории, всемирно известный дирижер-хоровик, внесший огромный вклад в развитие украинской музыки, эмигрировавший в годы гражданской войны в США. В числе учеников Беневского такие известные имена, как Д.Д. Головин, В.М. Корсунский, также начинавший свой путь в искусстве в нашем городе. Сохранились рукописные и печатные нотные произведения, афиши и программы концертных выступлений с дарственными надписями Беневскому от его учеников. Ценным источником сведений о музыкальной жизни 1920-х годов, композиторской деятельности и личности самого В.Д. Беневского являются воспоминания Б.В. Боголепова, который с теплотой отзывался о годах пребывания в стенах Ставропольской музыкальной школы, где под руководством Беневского он впервые познакомился с зачатками музыкальной жизни и искусства хорового пения. По воспоминаниям Б.В. Боголепова, в Беневском сочетались «тончайшая исполнительская деликатность, т. н. мануальная техника, дар художника и артиста». Занимаясь со своими учениками, Беневский показывал пример высокой требовательности и в то же время проявлял отеческую заботу, за что ученики уважительно называли его «дедом».

Особую ценность представляет фотографический фонд Беневского, в котором сохранились подлинные семейные фотографии, фотографии его учеников, сцен и декораций из детских опер и мн. др. В конце XIX - начале XX вв. Ставрополь был наполнен многочисленными концертными выступлениями

русских и зарубежных знаменитостей: в архиве композитора хранится подлинная фотография с дарственной надписью сыну Беневского – Владимиру – от профессора Пражской консерватории Ярослава Гонса.

Обширные познания в области хоровой музыки, отточенное мастерство управления хором, многогранная композиторская и общественная деятельность ставят В.Д. Беневского в ряд лучших представителей музыкального искусства, прославивших не только Ставрополье, но и всю Россию.

Исторический нарратив Г.Н. Прозрителева в контексте российского провинциального историописания

В данной работе нам предстоит обратиться к специфике исторической операции Г.Н. Прозрителева, используемой им при описании своих работ. Историческая операция – это непосредственная работа историка, и она включает: документальную фазу, фазу объяснения/понимания и нарративную литературную фазу. Свое изучение мы проводим в исследовательском поле интеллектуальной истории российской провинции – одного из кросс-исторических направлений научно-образовательного центра «Новая локальная история» Ставропольского государственного университета и остановимся на такой стороне историографической деятельности Прозрителева, как изучение им истории города Ставрополя.

Григорий Николаевич Прозрителев был видным общественным деятелем, неутомимым исследователем Северного Кавказа, просветителем, архивистом, музейным работником, археологом, публицистом. Его отличала многогранная благотворительность. Это был человек высокодуховный, с четко обозначенной гражданской позицией, светлой, чистой и отзывчивой душой, предельно чистый и искренний. Это была яркая, глубокая, цельная и самобытная личность, во многом, к сожалению, не понятая ни современниками, ни потомками.

Статья «К 125-летию г. Ставрополя (на Кавказе)» в «Трудах Ставропольской ученой архивной комиссии» за 1910 год включает несколько проблем, поставленных автором. Первая проблема – установление времени возникновения Ставрополя-города. В этой работе, бесспорно, проявились его профессиональные качества как археолога и краеведа. Нас интересует прием, используемый автором. Прозрителев начинает работу словами: «Точных данных о времени возникновения поселения на месте, где ныне стоит город Ставрополь со своими окрестностями, нет. Но ...» (1, с.1). Т. о., с загадки, риторического «зацепляющего крючка», маскирующего раскрытие тайны возникновения города, начинается его исследование.

Это характерная черта эрудитского типа провинциальной историографии. Конечно, после – «Но...», начинается самое главное – открытие тайны (2, с.5). Этот прием призван заинтересовать читателя, показать сложность вопроса,

поставленного автором. Далее в тексте Прозрителева находим: «Когда возник Ставрополь – точно неизвестно, но...» (1, с.3). Такой нарративной стратегией Прозрителев манифестирует проблему – почему возник Ставрополь и каково его функциональное значение. Следует заметить, что такой риторический прием использовали провинциальные исследователи, писавшие о древнерусских городах. Это свидетельствует не только о желании провинциальных историописателей подвести читателя к своему выводу, но и о сильном желании предоставить ему как можно больше «фактического» материала, при довольно поверхностном знании национальной истории.

Подобный риторический прием можно найти и у провинциальных историописателей Северного Кавказа, где древнерусские города просто отсутствовали. Например, сочинение Короленко П.П., посвященное истории черкесов, начинается так: «Происхождение черкесских народов, в сущности говоря, покрыто мраком неизвестности» (3, с.5). Этот прием встречается и в современных краеведческих текстах: «Основание Воронежа донныне остается неразъясненным вопросом для наших историков» (4, с.28), пишет воронежский автор.

Прозрителев основательно доказывает, что место, где позднее возник город, имеет свою историю, в древности оно было заселено и освоено. Он пишет: «... здесь кишела жизнь, жил какой-то культурный народ...» (1, с.1). Нам представляется важным такой подход ставропольского историописателя начала XX столетия. Потому, что даже сегодня можно встретить обратное. Так, современный ставропольский краевед Г.А. Беликов историю города, основанного на колонизируемой территории, подобно русским историкам XIX в., начинает не с истории местных северокавказских народов, а поиском славяно-русской идентичности: «Когда впервые славяне оставили свой след на нетронутых ковыльных степях Предкавказья?» (5, с.10).

Вернемся к тексту Прозрителева. Доказывая свои слова, он приводит данные археологии, говорит о сохранившихся развалинах построек, остатках жилищ, укрепленных пунктов, могильников: «... свидетельством далеко минувших лет являются развалины большой постройки в урочище Валик, в казенном лесу, городок на спуске к с. Татарка. Целый ряд курганов по речкам Ташла и Мамайка с постройками древних жительство» (1, с.1).

Говоря о причинах освоения города, Прозрителев указывает, что Ставрополь возник первоначально как военный пункт в серии крепостей, которые должны были составить общую линию крепостей-укреплений, «чтобы обеспечить границу государства от Турции». Именно оборона границ от набегов соседних народов, от посягательств со стороны других государств и постоянное расширение границ России на юг – есть главное стратегическое значение, которое

должен был выполнять один из пунктов укреплений – «крепость № 8, которая и основана именно на нынешней Соборной горе...». По указу Екатерины II в 1777 г. началось строительство линии крепостей от Азова до Моздока, и Прозрителев имеет по этому поводу: «... в 1777 полковник Ладыженский приступил к устройству крепости, расположившись здесь с Владимирским драгунским полком» (1, с.6).

Другим важным вопросом, которым задается Прозрителев, является определение даты основания Ставрополя как города. Прозрителев не анализирует условия появления крепости в 1777 г., а выбирает из «Полного собрания законов Российской империи» даты о «наименовании города Ставрополя уездным, а затем и областным», т.е. больше внимания обращает на факты, нежели на их анализ. В данном случае видна еще и традиция историко-юридического направления в российской историографии, основы которого были заложены в середине XIX в. К.Д. Кавелиным, Н.С. Соловьевым и Б.М. Чичериным. Таким образом, Прозрителев, опираясь на данные актовых материалов, делает вывод, что дату 5 мая 1785 г. надо считать началом существования Ставрополя как города.

Вообще, провинциальная историография и традиционное историографическое краеведение отличаются от нормативной историографии своей тягой к эмпирическому знанию. Это знание побуждает местных исследователей обращать внимание на сбор любых «фактов». Сам «сбор» – экстенсивная модель исследования, в которой присутствует комментирование всего, что есть в нарративных источниках, исторической литературе, легендах, устной истории, и чаще всего она связана с некритическим отношением к ним (6, с.22).

Историографическая операция Прозрителева как представителя провинциальной российской историографии начала XX в. несомненно, несла на себе печать как в целом европейского эрудитского историописания (тяга к фактическому материалу), так и некоторых особенностей, которые были присущи отечественной литературе (зацепляющий крючок – выяснение времени возникновения города) и профессиональной историографии второй половины XIX века (опора на законодательные документы).

Использованная литература и источники:

1. Прозрителев Г.Н. К 125-летию Ставрополя (на Кавказе). Ставрополь: Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. 1910. Вып. 2
2. Маловичко С.И. Эрудитский тип исторического знания в русской провинциальной историографии XIX в. // Новая локальная история. Вып.1. Ставрополь, 2003
3. Короленко П.П. Записки о Черкесах: материалы по истории Кубанской области. Екатеринбург, 1908

4. Воронеж // Воронежские краеведческий вестник. Вып.1. Воронеж , 2001

5. Беликов Г.А.Ставрополь – врата Кавказа. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство. 1997

6. Маловичко С.И. Тип исторического знания в провинциальном историописании и историческом краеведении.// Ставропольский альманах русского общества интеллектуальной истории. Вып. 7. Ставрополь. 2005

Проблемы музеефикации памятников археологии Ставропольского края

Проблемы охраны и актуализации археологического наследия характерны для многих регионов России, в том числе и для Ставропольского края. В силу своего географического положения Ставропольская возвышенность играла особую роль в исторических процессах Предкавказья и Северного Кавказа в прошлом. Северный Кавказ в целом – интересный и богатый в археологическом отношении регион.

Рассмотрение проблем охраны историко-культурного наследия невозможно без понимания, чем был и остается памятник археологии для общества.

В XVIII-XIX вв. население России по-разному относилось к памятникам археологии. Памятники археологии воспринимались и как наследие предков, требующее почитания и сбережения, и как «проклятое» либо «волшебное место», связанное с «нечистой и неведомой силой». Они могли быть и функциональным элементом (межевым знаком, ориентиром), местом добывания ценных вещей, любопытным раритетом. Как правило, с памятником связывалось существование в его недрах несметных сокровищ. О том, что археологические памятники становились местом добычи ценностей, существует большое количество свидетельств. Формирование бережного отношения к памятникам археологии как к части культурного наследия в России прошло довольно долгий путь, от разрушения до постепенного внутреннего осознания необходимости сохранения этих памятников.

Одной из форм сохранения памятников археологии является создание археологических музеев под открытым небом. Еще с 1950-х гг. археологические памятники воспринимаются как часть культурного наследия, требующая охраны. Во многом благодаря такой "культурной подготовленности" стала возможной успешная деятельность первых археологических музеев, в состав которых вошли экспозиции под открытым небом (прежде всего на Юге России). Такие музеи позволяют сохранить памятник, т.к. в силу существующих современных методов проведения археологических раскопок памятник в ходе последних исчезает. О нем остаются сведения в научных отчетах экспедиций, исследований. Но полученная информация отражает лишь современный взгляд науки на данный

памятник, а получить больше информации уже не представляется возможным. Сохранение археологических памятников, их консервация после изучения в музеях «открытого типа» позволит сохранить для потомков археологические объекты, из которых они смогут сами получить уже новую информацию.

Татарское городище – крупнейший археологический памятник Предкавказья, в котором сосредоточены наиболее интересные объекты археологического комплекса (насыщенный культурный слой, остатки фортификационных сооружений, цитадель, могильники, древние дороги), памятники природы, уникальные растения и редкие виды животных. Общая площадь заповедника – 200 га. В 1992 г. на базе городища создан музей-заповедник, вошедший в структуру Ставропольского государственного краеведческого музея имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. В 1995 г. Татарское городище Указом Президента РФ объявлено памятником федерального значения.

В деятельность музея-заповедника входят охрана природно-археологического комплекса, научно-исследовательская и культурно-образовательная деятельность. С созданием музея-заповедника началось комплексное научное изучение Татарского городища археологами с привлечением студентов исторического факультета Ставропольского государственного университета. Уникальность памятника в том, что на его территории можно изучать материальную и духовную культуру разных эпох и народов, проследить развитие во времени различных исторически сложившихся традиций. Т. о., музеефикация (то есть превращение какого-либо памятника в объект музейного показа), на наш взгляд, является наиболее оптимальным средством сохранения объекта наследия для будущего.

Музеефикация памятника археологии имеет свою специфику, напрямую связанную с особенностями этой группы памятников. Эта специфика складывается из двух составляющих: "технологического" и "социального" аспектов.

К "технологическому" аспекту относятся, прежде всего, методы обеспечения физической сохранности памятника после раскопок и его консервации. Существующие методики проведения археологических исследований не всегда способствуют сохранности исследуемого памятника. Нельзя не упомянуть и о различиях в подходах к археологическому памятнику у археологов и музейных работников. Для первых главное – выявление и максимальное исследование памятника. Причем, чаще всего эти исследования завершаются его разрушением. И это разрушение изначально заложено в методике проведения раскопок. Задача музейных работников – сохранение, популяризация и исследование выявленного памятника. В литературе уже

подчеркивалась необходимость создания комплексных экспедиций, куда входили бы не только археологи, но и специалисты-музеологи, реставраторы (1, с.81).

К сожалению, до сих пор не учитывается социальный аспект музеефикации. Он проявляется в том, что некоторые археологические памятники и до сих пор являются для определенной части населения России (например, русских, татар) живым напоминанием о прошлом своего народа (а в ряде случаев – и местом поклонения). Вместе с тем, в некоторых регионах России местное население относится к археологическим памятникам в «лучшем» случае равнодушно. Как правило, это относится к местам, где отсутствует культурная преемственность. Т. о., как представляется, процесс сохранения и экспонирования археологических комплексов не должен ограничиваться решением лишь технологических проблем, являясь частью культурной политики и, если угодно, средством межкультурного взаимодействия.

Археологический заповедник (музеефицированный объект) является прежде всего образовательным и научным учреждением. Он может стать источником для изучения, например, истории строительной техники, древних технологий, принципов планировки древних поселений. Кроме того, популяризация памятников может изменить отношение к ним со стороны местного населения. Новой для российского музееведения проблемой становится "оживление" деятельности музея-заповедника путем реализации на его базе различных образовательных программ, проведения исторических экспериментов и т.п. (2, с.3-6; 3, с.12-15).

Какие же перспективы? Как археологический памятник может обрести "вторую жизнь", стать активным элементом процесса познания нашего прошлого? На наш взгляд, это возможно только при соблюдении приоритета консервации с максимальным сохранением внешнего вида объекта на момент раскопок перед реставрацией. Необходимо более тесное взаимодействие археологов, музейных работников, реставраторов и общественности при создании музеев нового типа.

Использованная литература и источники:

- 1.Альтшуллер Б.Л., Кроленко И.И., Постникова О.Н. Проблемы сохранения археологических памятников // Проблемы охраны памятников археологии в населенных местах (материалы Всесоюзной конференции). Ереван, 1980 С. 38; Булатов Н.М. Принципы организации археологических музеев-заповедников // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. Вып. 3. НИИК. Труды 28. М., 1975
2. Томашевич-Бук Т. Римский город и его показ публике // Museum. 1985. № 147. С. 3-6
3. Султанов Б. Археологический заповедник близ Павликени, Болгария // Museum. 1985. № 147

Органы следствия и суда Российской империи на страже общественной безопасности в начале XX в. (на примере Ставропольской губернии)

Сегодня, когда мы вынуждены констатировать, что криминогенная обстановка в стране в целом и Ставропольском крае в частности далека от идеала, если вообще правомерно говорить о нем в отношении уровня преступности, считаем полезным обратиться не столько к опыту, сколько к истории функционирования отдельных правоохранительных институтов на территории Ставропольской губернии с целью показа преемственности с современными органами следствия и суда. Рассмотрим деятельность института судебных следователей и работу Ставропольского окружного суда по решению уголовных дел в начале XX в.

В советской историографии, изучающей историко-правовое наследие нашей Родины, при рассмотрении вопросов, связанных с практикой судов, было общепринятым акцентирование внимания на их борьбе с революционно настроенными народными массами, с революционерами. При этом зачастую из поля зрения исследователей выпадало значительное количество уголовных дел иного порядка, что само по себе обедняло характеристику работы российских судов (полную картину о движении уголовных дел в судебных округах Европейской России см. в табл. 1, а в Ставропольском окружном суде – в табл. 2).

Напомним, что к началу XX столетия в России действовала судебная система, в основе которой лежали Уставы 20 ноября 1864 г., одобренные императором Александром II. В ходе судебной реформы были введены окружные и мировые суды, которые должны были распространить сферу своего влияния на все слои населения страны. После отмены крепостного права суд в России стал бессловесным. Несмотря на целый ряд изменений, которые претерпели судебные уставы в ходе контрреформ 80-90-х гг. XIX в., они сохранили основные нормы и принципы в деятельности судебных следователей при коронных окружных судах империи.

Таблица 1

*Движение уголовных дел в судебных округах
Европейской России в начале XX века*

Год	Оставалось	Вступило	Решено	Осталось
1901	37438	273885	265415	45908
1902	45908	285800	282832	48876
1903	48876	297994	294296	52574
1904	52574	316101	317623	51052
1905	51052	317989	309786	59255
1906	59255	332950	347025	45180
1907	45180	371967	357751	59396
1908	59396	368411	360502	67305
1909	68109	399633	389994	77748
1910	77798	449243	446283	80758

В отношении вопросов уголовного судопроизводства действовал соответствующий устав, регламентировавший деятельность окружных судов в соответствии с особенностями уголовно-процессуального права в общих судах. Подсудность уголовных дел различалась по роду преступлений (ст.200-207 Устава уголовного судопроизводства), по месту их совершения (ст.208-217 Устава уголовного судопроизводства) и по принадлежности обвиняемых к особым ведомствам (ст.218-230 Устава уголовного судопроизводства). Теория и судебная практика разработали понятие стадий процесса, которые позволили конкретизировать действия его участников на каждом из этапов.

Первой стадией уголовного судопроизводства были дознание и предварительное следствие (ст.249-509 Устава уголовного судопроизводства). Она начиналась после заявления граждан и должностных лиц или выявления признаков преступления органами прокуратуры и полиции. После производства дознания, осуществляемого полицией, к производству предварительного расследования приступали судебные следователи, которым полицией оказывалось содействие.

Таблица 2

*Движение уголовных дел
в Ставропольском окружном суде в начале XX века*

Год	Оставалось	Вступило	Решено	Осталось
1901	114	2375	2331	158
1902	158	2578	2540	196
1903	196	2840	2850	186
1904	186	3122	3056	252
1905	252	3016	2962	306
1906	306	3247	3371	182
1907	182	4032	3807	407
1908	407	3106	3015	498
1909	498	4044	3915	627

1910	627	4724	4847	504
------	-----	------	------	-----

Следователь должен был поставить в известность о начале расследования прокурора, в ведение которого входило осуществление контроля над всем ходом расследования: он проверял материалы дела после завершения следствия и передавал его в суд, составив обвинительный акт.

Составители судебных уставов предполагали при их обсуждении, что обвинительный акт поможет суду не только ознакомиться с содержанием дела, но и даст возможность обвиняемому подготовиться к защите. «Если подсудимый не знает заблаговременно и положительно, в каких действиях он обвиняется и на основании каких действий и улик, – говорилось в объяснительной записке к проекту Устава уголовного судопроизводства, – то ему трудно подготовиться к основательному опровержению обвинения даже несправедливого, между тем, как по началу равенства обвинения и защиты обвиняемому необходимо дать полную возможность сообразиться с средствами к оправданию». Уголовный процесс отличался определенной долей демократизма. Она заключалась, в частности, в том, что на этапе предварительного следствия исключалась возможность давления на обвиняемого в целях его признания в совершении преступления (ст. 405-406 Устава уголовного судопроизводства), судебный следователь обязан был привести как сведения, уличающие обвиняемого, так и оправдывающие его (ст. 265 Устава уголовного судопроизводства).

Обвинительный акт или заключение о прекращении дела передавались прокурору, в зависимости от тяжести преступления, либо окружному суду, либо прокурору судебной палаты. При этом принимались во внимание жалобы и заявления сторон о порядке судопроизводства. Как известно, часть дел могли быть рассмотрены окружным судом с участием присяжных заседателей. Однако практика рассмотрения дел судом присяжных в Ставропольской губернии получила свое начало лишь с конца 1906 г.

Деятельность судебных следователей в округах Европейской России в целом и Ставропольской губернии в частности характеризуют статистические показатели из сведений Министерства юстиции (см. табл. 3 и 4).

Таблица 3

Движение дел у судебных следователей окружных судов по округам Европейской России в начале XX века

Год	Оставалось	Вступило	Решено	Осталось
-----	------------	----------	--------	----------

1901	36064	281015	278737	38342
1902	31396	275449	270823	36018
1903	38337	303765	297696	44406
1904	44400	313283	305510	52173
1905	52064	366249	321823	96490
1906	96503	382657	369807	109350
1907	109448	361472	370251	100669
1908	100313	349059	368296	81070
1909	79690	372045	191722	60260
1910	67069	399323	203098	54768

И это притом, что число судебных следователей явно не отвечало росту преступности в губернии. Достаточно сказать, что на протяжении второй половины XIX - начала XX вв., после увеличения штатных единиц участковых судебных следователей с 7 – при открытии окружного суда в 1868 г. до 12 в первое десятилетие его работы, их число оставалось неизменным в течение более 20 лет.

Таблица 4

*Движение дел у судебных следователей
Ставропольского окружного суда в начале XX века*

Год	Оставалось	Вступило	Решено	Осталось
1905	644	2832	2427	1049
1906	1049	3059	2835	1273
1907	1273	2944	2727	1490
1908	1490	2964	2766	1688
1909	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
1910	1542	4113	4829	826

Подводя итог, отметим, что, несмотря на все возникающие трудности в работе, как судебных следователей, так и в целом Ставропольского окружного суда, служащие судебного ведомства Министерства юстиции Российской империи выполняли возложенные на них обязанности в деле обеспечения общественной безопасности, являясь в определенной степени превентивными органами на местах, пресекающими преступность в регионе.

Использованная литература и источники:

1. Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. – Саратов, 1969
2. Устав уголовного судопроизводства // Свод законов Российской империи. Т.16. Ч.1. Судебные уставы. – СПб., 1892
3. Высочайше утвержденный 9 декабря 1867 г. штат Ставропольского окружного суда.// ПСЗ Российской империи. Собрание второе. Т. XLII. Отделение 2-е. 1867. – С.-Петербург: Типография II-го отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1871. – С. 798
4. Отчеты Министерства юстиции за 1901-1910 гг.
5. Материалы фондов Ставропольского государственного архива (ГАСК)

Кемпинский Э.В.

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
доцент, к. и. н.

Зозуля И.В.

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
доцент, к. и. н., к. ю. н.

Общество и суд в период революции 1905-1907 гг. (на примере Ставропольской губернии)

Принимая во внимание интерес к вопросам истории революции и участию в ней в качестве органов ее подавления полиции и судов Российской империи, предлагаем анализ сложившейся ситуации в области правосудия в период первой российской революции на примере Ставропольской губернии.

Несмотря на принятый императором в феврале 1905 г. Манифест «О настроениях и смутах», правительству не удалось остановить нарастание революции. Не имея возможности подавить революционные выступления силой, царское правительство пошло на некоторые уступки. Этим, в основном, и было вызвано появление Манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» (1, с.41). Но ни этот документ, ни целый ряд других мер царского правительства, направленных на снижение политической напряженности в стране, не удовлетворили основные массы населения.

В стране значительно возросло количество преступлений против порядка управления. Только по Европейской России число такого рода дел по сравнению с 1904 г. увеличилось в 1905 г. почти вдвое, что же касается Ставропольской губернии, то здесь ситуация хотя и изменилась, но не приняла значительного размаха. При этом надо учитывать и то, что часть антиправительственных выступлений рассматривались в судах и по другим статьям уголовного уложения, поэтому их число было гораздо больше тех цифр, которые характеризовали активность революционно настроенных народных масс (см. табл. 1 и 2). Особой, отличительной чертой губернии от центральных районов страны было то, что представители местной революционной интеллигенции вплоть до конца 1905 г. практически не привлекались к уголовной ответственности.

Отчасти это объяснялось как либеральностью самого руководства Министерства юстиции в лице С.С. Манухина, так и местными особенностями развития общественно-политического движения и правоохранительной системы в

Ставропольской губернии. Из-за незначительности штатов полиция и жандармерия губернии объективно не обладали возможностями для эффективного выполнения своих предупредительных и карающих функций.

Политическая полиция в лице Терского жандармского управления, охватывавшего своей деятельностью и губернию, была немногочисленна. На столь обширную территорию, сложную в социальном отношении, приходилось всего 26 чиновников, в том числе в г. Ставрополе имелось 7 жандармов во главе с ротмистром В. К. Фридриховым. Не лучше обстояло дело и с обыкновенной полицией. В губернском городе Ставрополе с численностью населения до 50 тыс. чел. имелось всего 72 чиновника, в том числе 62 городских, 4 пристава и 4 их помощника, полицмейстер и его помощник (2). В заштатном городе Святого Креста (ныне – г. Буденновск) насчитывалось и того меньше полицейских.

Таблица 1

Распределение возникших по Европейской России дел по некоторым родам преступлений и проступков за 1904-1908 гг. (3)

Род преступлений и проступков	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.
1. против порядка управления	8567	15465	18182	9735	7673
2. против печати	124	289	767	428	468
3. убийство	19760	26359	31541	30284	28206
4. против телесной неприкосновенности	73792	84965	54575	45235	41708
5. против женской чести	8740	8655	9436	9296	10126
6. истребление имущества	20431	26044	31373	32002	27862
7. насильственное похищение чужого имущества	24502	36186	51261	47056	41596
8. кража	86400	95339	104645	100031	98587
9. мошенничество	1933	1746	2031	2316	2675
10. присвоение и растрата чужого имущества	2957	2879	3616	3501	3952

Значительную роль в правоприменительной практике играл субъективный фактор. Наиболее отчетливо данную ситуацию можно проследить на примере Ставрополя, где в наиболее чистом виде общественно-политическое движение представляли интеллигентские слои населения.

«Отцы» зачастую оказывали поддержку своим детям как в их борьбе со школой, так и в опыте политической борьбы. В ноябре 1902 г. ставропольским гимназистам в очередной раз сошло с рук учинение бесчинств, хотя виновность ряда из них для школьной администрации не вызывала сомнений. Руководителями являлись Анатолий и Вячеслав Рыковские, Георгий Руднев, Всеволод Пышненко, Пресняков и другие. В последующем из их числа сформировались революционные лидеры. Почему же их «не выявили» в 1902 г.? В этом видится противодействие отцов и прочих родственников, облеченных властью и зани-

мающих видное общественное положение: прокурор В.И. Рыковский, пристав Пресняков, купец А. Руднев, земский начальник К. Пышненко. Именно на ряд из них обратил внимание министр народного просвещения Зенгер в «доверительном отношении» к министру внутренних дел (4).

Таблица 2

Распределение возникших в Ставропольском окружном суде дел по некоторым родам преступлений и проступков за 1904-1908 гг. (5)

Род преступлений и проступков	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.
1. против порядка управления	83	104	136	65	58
2. против печати	-	2	3	6	-
3. убийство	155	176	179	257	218
4. против телесной неприкосновенности	805	890	776	560	452
5. против женской чести	69	100	73	93	85
6. истребление имущества	110	133	162	184	166
7. насильственное похищение чужого имущества	188	220	299	287	297
8. кража	602	602	730	709	847
9. мошенничество	11	17	24	11	14
10. присвоение и растрата чужого имущества	22	20	28	35	39

Естественным образом эта поддержка сказывалась и в обстоятельствах политического дела. Так, по словам активного участника революционных событий в губернии учителя В.Т. Зароченцева, дочь ставропольского пристава Ф. Труфанова Людмила, являясь членом революционной организации, «сумела... воздействовать на своего отца с лучшей гуманной воспитательной стороны и получить от него... необходимые исчерпывающие сведения о предстоящих обысках у политических деятелей – интеллигенции г. Ставрополя.... Если производит обыск Труфанов, можно не особенно волноваться» (6). В 1905 г. следователем по особо важным делам стал М.А. Любомудров. Как отмечал прокурор ставропольского окружного суда В.И. Рыковский, у Любомудрова оба сына являлись воспитанниками старших классов местной гимназии, в силу чего на объективность его расследований особенно надеяться не приходилось» (7). У самого прокурора родственники принимали активное участие в революционном движении. Из десяти членов ставропольского окружного суда, в силу своей гражданской позиции, родственных и общественных связей, примыкали к оппозиционному движению четверо, а именно: заместитель председателя суда действительный статский советник С.А. Дадьянц, надворный советник Н.С. Петров, действительный статский советник Г.В. Раевский-Буданов, Л.К. Прокофьев (8).

В городе Ставрополе юристы Д.И. Евсеев и С.А. Дадьянц доказывали несостоятельность идеи об эффективности наказания организаторов и активных участников беспорядков (9). При этом следует отметить, что С.А. Дадьянц в течение 1905 года исполнял обязанности председателя ставропольского окружного

суда. Из материалов жандармерии явствует, что он «является сторонником и оправдывает всякие безобразные действия воспитанников гимназии, говоря всегда, что причина этих беспорядков лежит в политическом строе государства» (10). С.А. Дадьянц разрабатывал теорию общих причин правонарушений, согласно которой совершившие противоправные действия лица являются невиновными, так как действуют под влиянием общей ситуации в стране и, таким образом, освобождаются от наказаний. Соответственно, руководитель окружного суда руководствовался этим принципом и в своей профессиональной деятельности. Не трудно себе представить, как подобное сказывалось на правоприменительной практике в Ставропольской губернии. По утверждению жандармерии, «исправляя временно должность председателя суда, Дадьянц при каждом случае осуждал всякого рода мероприятия правительства, клонящиеся к подавлению революционного движения». Мощнейшая поддержка противоправительственным силам оказывалась со стороны ставропольской адвокатуры: из 16 присяжных поверенных и их помощников свою солидарность с политическим движением в России выражали 15 человек! (11).

Проявив в первые месяцы революции нерешительность в борьбе с революционными массами, правительство лишь к концу года пошло на самые жесткие меры, а 20 августа 1906 г. ввело систему военно-полевых судов (12). В то же время осложнением социально-экономической ситуации в стране не замедлили воспользоваться местные административные власти, которые не спешили расстаться с полученными ими в годы революции широкими правами, включающими и ряд судебных функций. Так, введенная в Ставропольской губернии на полгода 9 августа 1906 г. (13) чрезвычайная и усиленная охрана неоднократно продлевалась в связи с исключительностью положения, занимаемого городом, являвшимся единственным крупным центром губернии, в который стекались «вся сила агитации и особенно... уцелевшие остатки революционных организаций» (14).

Однако было бы неверно оценивать действия судебных органов только с позиции их борьбы с революционерами и им сочувствующими. Как и в предыдущие годы, и в период первой Российской революции, в губернии, как, впрочем, и во всей России, продолжала расти преступность, с которой необходимо было вести, по мнению местных властей, не менее острую и серьезную борьбу, чем с преступлениями против порядка управления.

Вместе с тем правительство показало свою неспособность реально взглянуть на сложившуюся ситуацию в стране и действительно повлиять на ее нормализацию, что привело к сведению основных правительственных мер лишь к борьбе с революционерами и им сочувствующими, а не с преступниками, от которых, собственно, и страдало население губернии. Причем правительство с переменным

для себя успехом целенаправленно продолжало проводить именно эту линию, как в работе органов внутренних дел, так и в деятельности лиц судебного ведомства.

Использованная литература и источники:

1. Манифест об усовершенствовании государственного порядка 17 октября 1905 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т.9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994
2. ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 331. Л. 43
3. Таблица составлена на основании Сборников статистических сведений Министерства Юстиции. Выпуски 20-24. Ч.1. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской России за 1904-1908 гг. С.-Петербург, 1906-1910
4. ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 2809. Л. 9 – 9 об.
5. Таблица составлена на основании Сборников статистических сведений Министерства Юстиции. Выпуски 20-24. Ч.1. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской России за 1904-1908 гг. С.-Петербург, 1906-1910
6. ГАСК. ФР. 3817. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 52, 55
7. ГАСК. Ф. 852. Оп. 1. Д. 195. Л. 30 об.
8. ГАСК. Ф. 1008. Оп. 1. Д. 70. Л. 29 - 30; ГАСК. Копии... Т. 1. Л. 7
9. ГАСК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 1221. Л. 31-34 об.
10. ГАСК. Ф. 1008. Оп. 1. Д. 70. Л. 30
11. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 102. 1905 г. Д. 1. Ч. 13 «А». Л. 5 об. - 6
12. ПСЗ Российской империи. Собр. 3-е. Т. 26. Отделение первое. 1906. СПб., 1909. С. 815, 816
13. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 62. Д. 74. Ч. 50. Л. 15
14. ГАСК. Ф. 101. Оп. 5. Д. 379. Л. 37, 44, 46, 53, 63, 72

Из истории минералогической коллекции Ставропольского краеведческого музея

Камни издавна привлекали внимание человека. Недаром определенный период развития человеческого общества называется каменным веком (т.е. временем, когда камни использовались во всех областях жизни). Вероятно, уже тогда красивые, блестящие и цветные камни доставляли людям эстетическое удовольствие. И вот с тех времен и появились первые коллекционеры – любители камней.

В истории формирования коллекции минералов и горных пород, как и в истории музея, прослеживаются две линии. Первая берет начало с 1904 (1905) года, когда был образован Стационарный музей, основателем которого был Г.К. Пправе. (СГКМ, фонд 1, ед. хр. 3). Стационарный музей подразделялся на несколько отделов, минералы и горные породы были включены в отдел естествознания с подотделом «земля как планета». В состав этого подотдела был включен отдел почвоведения (физический состав почвы, процесс почвообразования, борьба с оврагами и песками) и коллекции, а также рисунки по каменноугольной, нефтяной и гончарной промышленности, по добыванию меди, железа и других металлов; соли, цемента и прочего (СГКМ, фонд 1, ед. хр. 4).

Вторым коллекционером был Г.Н. Прозрителев. В своем «Перечне палеонтологических образцов, минералов и металлов, а также дендриты» дает полный список всех имевшихся в 1911 г. образцов минералов и горных пород, их место сбора и стоимостную оценку. Все образцы располагались на полках. На I полке располагались палеонтологические образцы. На II полке было представлено разнообразие минералов – амазонит, лиственит, флюорит, каменная соль, кристаллы гипса и др., всего на полке располагалось 42 образца общей стоимостью 13 руб. 25 коп. (цена на 1911 г.). На III полке образцы были расположены согласно геологической классификации, принятой для начала XX в.

1. Силикаты (полевые шпаты, турмалины, раухтопазы, альбит, ортоклаз)
2. Кремнеземы (кварц, авантюрин, кохалонг, горный хрусталь (друзы, отдельные кристаллы), аметист, разноокрашенные агаты)

- группа берилла (изумруд)
- группа граната (пироп, альмадин)
- группа эпидота (эпидот, пушкинит)
- группа турмалина (розовый шерл)
- группа топаза (кианит-дистен, топаз)
- группа корунда (сапфир)

На полке хранилось 123 образца стоимостью 78 руб. 15 коп., но в последующем было добавлено 32 представителя этих групп на сумму 59 руб. 50 коп.

На IV полке согласно классификации хранились:

3. Скрыто-кристаллические, плотные видоизменения кварца

- группа яшм – екатеринбургские, орские, сибирские, кавказские (разного цвета, шлифованные и нешлифованные)

4. Группа минералов, деятельно участвующих в образовании горных пород:

- группа талька (тальк, актинолит, клинохлор)
- группа каолина (пирофиллит)
- группа слюд (мусковит, лепидолит, черная слюда)
- амфиболы и пироксены (роговая обманка, родонит)
- асбест (горный лен)

Всего на полке хранилось 99 образцов стоимостью 57 руб. 40 коп.

На V полке хранились в основном коллекции разных минералов из Закавказья, а также коллекция образцов руд и отдельные образцы минералов группы железа, – всего на полке было 157 образцов стоимостью 52 руб. 10 коп.

На VI полке располагались минералы органического происхождения (янтарь, гешир), ящик с предметами из Каспийского моря и ученическая коллекция из 180 разновидностей уральских минералов, собранная на Урале в период с 1876 по 1887 г. В коллекции были много дубликатов и слабое описание. Стоимость полки была 2 руб. 25 коп. Общая же стоимость коллекции в 1911 г. составляла 262 руб. 65 коп.

Имелась и коллекция дендритов в количестве 71 образца стоимостью 65 руб. 60 коп. (СГКМ, фонд 2, ед. хр. 6, л. 187).

Коллекция минералов пополнялась и за счет частных лиц. Так, А. С. Собринский сообщает, что в Ставропольский музей Северного Кавказа была пожертвована Харичковым коллекция нефтяного производства и руд Грозненского района, Омаровым – образцы горных пород обследованных рудников. (СГКМ, фонд 7, ед. хр. 1, л. 2).

После 1907 г. все образцы минералов и горных пород хранились в белых вертикальных витринах. Затем устраивают шкафы-горки для минералов и

палеонтологических находок, для тех же экспонатов, которые не помещались, приобретали ящики-наличники (СГКМ, фонд 7, ед. хр. 1, л. 6).

После объединения музеев объединены были и коллекции. Коллекция минералов и горных пород продолжала пополняться за счет передачи в дар частными лицами, но информации о дарителях в фондах музея не обнаружено.

Во время Великой Отечественной войны минералы и горные породы, как и другие коллекции, находившиеся в музее, были частично разграблены.

Систематическое пополнение коллекции началось в 50-х гг. XX в. Начало положил В.Г. Гниловской, руководивший в 1954 г. экспедицией краевого музея, в ходе которой было собрано большое количество образцов горных пород, в основном осадочного происхождения. Вторая экспедиция краевого музея, проходившая в КЧАО в 1955 г. под руководством В. Г. Гниловского,полнила коллекцию образцами руд из рудника «Эльбрус» и горных пород магматического происхождения, которые в настоящее время находятся в экспозиции СГКМ.

В 1970-х гг. прошлого века неоценимый вклад в увеличение коллекции внесла А. К. Швырева, пополнив ее образцами минералов и горных пород осадочного происхождения, найденных в районе КМВ и Боргустанского хребта.

В это же время в дар музею Л. Б. Долечком были переданы образцы натечных образований кальция – сталактиты, сталагмиты, макаронины, гелектиты. В 1975 г. у А.Ф. Деряжецевой была приобретена коллекция минералов и горных пород в количестве 33 образцов, собранных в окрестностях станиц Исправной и Преградной КЧАО, а у М. М. Гоглазиной были приобретены образцы сталактитов в количестве 6 штук.

В 1976 г. сотрудник отдела природы музея И. Михайлов пополнил коллекцию своими сборами образцов магматических горных пород, сделанных в КЧАО.

В 1980-х гг. коллекция минералов и горных пород пополнялась образцами, переданными в дар музею. Были подарены образцы магматических горных пород и руд Урупского медноколчеданного месторождения (В.И. Жуган), натечные образования кальцита (В.В. Серебряков), образцы флюорита (Б. И. Самсоненко). В 1988 г. Музею была передана коллекция минералов и горных пород, собранных в районе КЧАО туристическим клубом СШ №14 г. Ставрополя «Романтики» под руководством В. Л. Гаазова.

Самое массовое пополнение коллекции характерно для 1990-х гг. В 1992 г. у Н. В. Сухарева была приобретена коллекция минералов и горных пород, изготовленная уральским производственным объединением «Уралкварцсамоцветы» стоимостью 300 руб. (на 1992 г.). В этом же году у Н. В. Карманова была приобретена коллекция минералов в основном группы кварца на сумму 140 тыс. руб., а в 1993 г. была приобретена ювелирная коллекция (серьги,

броши, кулоны) стоимостью 30 тыс. руб. В 1994 г. д. м. н., профессор И. М. Деревянко передал музею камни, извлеченные в результате операций на мочевом пузыре и почках, а у Н. В. Федорова приобретена коллекция минералов стоимостью 30 тыс. руб. (на 1994 г.). В 1995 г. у Н. В. Карманова была приобретена еще одна коллекция минералов, собранных на Чукотке, Урале и в Магаданской области, стоимостью 300 тыс. руб. (на 1995 г.).

Активно пополнили коллекцию и сотрудники музея – А. К. Швырева, А. П. Акопьян, Ю. П. Смирнов, которые вместе с сотрудниками кафедры физической географии СГУ передали коллекцию образцов горных пород и минералов, собранных в высокогорьях Большого Кавказа и других регионах России.

Отдел природы СГКМ и кафедру физической географии СГУ связывают давние отношения, что не могло не отразиться на коллекциях отдела природы, в частности, минералов и горных пород. В 1998-1999 гг. в музей были переданы коллекция горных пород осадочного происхождения, коллекция минералов, а в день открытия экспозиции «Минералы. Горные породы. Полезные ископаемые» В.В. Савельева передала в дар другу гипса.

Коллекцию минералов и горных пород пополняли не только работники музея и преподаватели вузов. В 1999 г. во время гастролей артист цирка А. Н. Старухин передал в дар музею коллекцию уральских самоцветов, а в день открытия зала минералогии (31.03.2000 г.) губернатор Ставропольского края А. Л. Черногооров преподнес в дар музею часы, сделанные из черного пироксен-сланца с прожилками кальцита. Циферблат выполнен в виде карты Мурманской области из карельского мрамора.

На сегодняшний день коллекция насчитывает свыше 2000 экспонатов, среди них есть драгоценные камни (алмаз, изумруд, сапфир), полудрагоценные (минералы группы кварца, лазурит и др.) и поделочные (мрамор, родонит, яшмы). Основная часть минералов собрана на Урале, Чукотке, в Магаданской области, привезена из Закавказья, Алжира и лишь несколько образцов найдены в районе КМВ. Практически все образцы осадочных горных пород найдены на территории Ставропольского края, а магматические и метаморфические – в КЧР, КБР, а также в районе КМВ.

Большая часть коллекции выставлена в экспозиционном зале «Минералы. Горные породы. Полезные ископаемые», остальная же ее часть хранится на стеллажах в запаснике. Эта часть разложена по номерам основного фонда, но планируется разложить образцы коллекции согласно современной геологической классификации минералов и горных пород.

Книжные коллекции Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова

Государственный музей-заповедник М.Ю. Лермонтова в Пятигорске, как, впрочем, и все музеи, славен своими разнообразными коллекциями. В 2004 году была издана замечательная книга о живописных его шедеврах. Не меньшую значимость имеет и книжная коллекция музея, хранящаяся в фондах и в библиотеке.

Музейная научная библиотека размещается в «старом» доме В.И. Чилаева, рядом с «Домиком Лермонтова». Ее рождение относится к тем временам, когда в 1912 г. Пятигорская городская Дума сделала все возможное, чтобы выкупить усадьбу у ее хозяев и сохранить таким образом последнее жилище поэта М.Ю. Лермонтова.

Правление Кавказского Горного Общества, в ведение которого она передавалась, внесло свои предложения: предлагалось в самом домике выделить кабинет М.Ю. Лермонтова, который по возможности представить в таком виде, в каком он был при жизни поэта. В остальных комнатах надлежало устроить лермонтовскую библиотеку-читальню. Книжное собрание Горного Общества должно было послужить ее зародышем. Правление Общества предполагало отчислять некоторые суммы денег на покупку книг и решило также обратиться с предложением к различным фирмам и редакциям пожертвовать сюда книги, журналы, газеты.

«Нет сомнения, – говорилось в протоколе Думы, – что эта просьба Общества встретит полное сочувствие, так как в настоящее время Общество благодаря обмену бесплатно получает книги и другие издания более чем от 50 различных русских и заграничных обществ и редакций».

Не сразу удалось осуществить столь благородный замысел. Примерно через год после создания Лермонтовского музея, в апреле 1913 года, Дума вновь обсуждала этот вопрос. О пользе общественной библиотеки не могло быть двух мнений. В это время в Пятигорске имелась только одна удовлетворительная библиотека – при Управлении Кавказских Минеральных вод. Книжные собрания были у Кавказского Горного Общества, Общества пособия бедным, в самой Думе да у частных лиц. Но они не удовлетворяли потребность пятигорчан в общении с

книгой, которая возростала в годы подъема культурной жизни города. Было ясно, что городская общественная библиотека нужна точно так же, как и Лермонтовский музей.

В этом думском протоколе отмечалось также, что «открытием этих просветительных учреждений действительно будет увековечено в Пятигорске имя великого русского поэта, и для самой Думы они послужат лучшим памятником ее посильной четырехлетней работы».

Дума постановила: открыть первого января 1914 года в доме Лермонтова городскую библиотеку и музей имени Лермонтова, ассигновать единовременно на приобретение книг шесть тысяч рублей и ежегодно – по четыре с половиной тысячи на содержание этих учреждений и внести эти суммы в сметы будущего года, а также избрать особую комиссию в составе шести лиц для организации и ближайшего заведывания домиком Лермонтова с библиотекой и музеем имени поэта.

Общеизвестно, что музей «Домик Лермонтова» открыт в 1912 году. Зачем же Думе нужно было принимать столь странное решение? Дело в том, что первоначально в самом Домике были размещены не только предметы, связанные с именем Лермонтова, но и экспонаты музея Кавказского Горного Общества. В старом же доме Чилаева находилась контора КГО.

Новый этап в жизни усадьбы наступил в 1915 году, с выборами на должность попечителя Лермонтовского Кавказского музея Д.М. Павлова. Преподаватель Пятигорской мужской гимназии, он был одновременно и членом Правления Кавказского Горного Общества. Музейное дело, как, впрочем, и любое творчество, удивительно тем, что им можно заниматься всю жизнь и не оставить после себя ничего. Просто ходить на работу и получать жалованье. А можно отдать ему короткую часть своей жизни и навсегда оставить в музее свое имя. Так случилось с Павловым.

Он пробыл на этой, тогда общественной работе, всего около года. Сразу же обратился с воззванием «К гражданам России» – с просьбой помочь в развитии музея. В разные уголки страны отправлял письма с просьбой присылать в Пятигорск экспонаты и книги. Результаты этой деятельности не замедлили сказаться. Не только музей, но и библиотека стали быстро пополняться. Академия наук прислала в Пятигорск академическое издание собрания сочинений поэта. Помогала комплектовать книжную коллекцию и общественность. Газета «Пятигорское эхо» постоянно публиковала имена дарителей. Среди них был и сам Дмитрий Михайлович. Он подарил 15 книг, в том числе собственное сочинение «Прототипы княжны Мери» с дарственной надписью. Делали подобные подарки и другие энтузиасты. В «Домике Лермонтова» хранится выписка из журнала Пятигорской Думы от 16 марта 1916 года. Здесь сказано, что

городское самоуправление решило передать Горному Обществу книги беллетристического содержания из библиотеки Городской Управы и ассигновать триста рублей на дальнейшее пополнение его книжного фонда.

Другой не менее ценный экспонат – первая музейная книга поступлений, куда записано около 60 книг – издания Лермонтова и о нем. Эти записи говорят о том, что уже тогда начали формироваться основные направления книжной коллекции.

К сожалению, в годы гражданской войны книжный фонд музейной библиотеки был частично утрачен. В 1923 году в нем значилось около ста двадцати наименований. Куда делась художественная литература, подаренная Городской Управой, неизвестно. По всей вероятности, эти книги влились в созданную в 1920 году Пятигорскую центральную библиотеку имени А.М. Горького.

Когда в 1937 году директором «Домика Лермонтова» стала Е.И. Яковкина, она не обошла вниманием и книжную коллекцию, продолжив работу по ее пополнению. В это время ряд необходимых изданий поступил из Государственной Книжной Палаты. Очень помогла Н.К. Крупская, дав распоряжение Пензенской Центральной городской библиотеке прислать в Пятигорск необходимые книги. Так стал формироваться еще один раздел – круг чтения М.Ю. Лермонтова. Всего же за 1938 год музейная библиотека пополнилась двумястами изданиями. Предполагалось приобрести еще семьсот.

Великая Отечественная война лишь на время прервала собирательскую работу, которая после ее окончания возобновилась вновь. Постепенно начал формироваться еще один фонд «М.Ю. Лермонтов на языках народов СССР и мира». Пополнялся он, как правило, за счет подарков. Музей посещало все больше посетителей из разных республик страны и из-за рубежа. В знак признательности за теплый прием они присылали в музей лермонтовские книги.

Стала накапливаться также литература по литературоведению, кавказоведению, искусству, архитектуре. В 1957 г. здесь уже значилось около семи тысяч наименований.

К сожалению, в начале 1970-х гг. из-за малых площадей хранилища музея пришлось расстаться с частью книг. В Пятигорскую центральную библиотеку им. А.М. Горького передали накопившуюся беллетристику, которая не соответствовала направлению коллекции, а чуть позже – дубликаты дореволюционных периодических изданий. Зато из Московской библиотеки иностранной литературы поступил ценнейший дар – музейная коллекция пополнилась комплектами журналов «Русская старина», «Русский архив», «Исторический вестник», «Отечественные записки» и рядом других дореволюционных изданий.

И по сей день научная библиотека музея «Домик Лермонтова» продолжает комплектоваться по основным разделам.

Книги музею дарили всегда, начиная с первых моментов его существования и по сей день. Одним из таких дарителей был профессор Северо-Осетинского университета Л.П.Семенов. Лермонтовед, инициатор издания «Лермонтовской энциклопедии», он впервые побывал в Лермонтовском музее в Пятигорске в 1914 году, высказал о нем свои впечатления. Спустя два года Леонид Петрович сделал первый дар – книги с автографами, которые хранятся в библиотеке и по сей день. Все последующие годы Семенов поддерживал отношения с «Домиком Лермонтова». В конце 1951 г. профессор вместе с хранителем музея С.И. Недумовым составил опись своей «лермонтовской» библиотеки, которую собирал в течение почти пятидесяти лет. Он передал в музей безвозмездно более четырех с половиной тысяч книг, журналов, иллюстраций, фотографий, подлинных документов и газетных вырезок. Как драгоценные реликвии хранятся теперь в «Домике Лермонтова» подаренные Семеновым прижизненное издание «Героя нашего времени», статьи и монографии о поэте. Через несколько лет музей купил у Леонида Петровича еще сто восемнадцать книг. Без них невозможно изучение истории Кавказа и Кавказской войны.

К моменту поступления коллекции Семенова в музей закончилось строительство нового двухэтажного служебного помещения. Вначале оно предназначалось для музейной библиотеки, которой стало уже тесно в старом доме Чилаева. Но затем в нем решили разместить фонды музея, где должны были храниться экспонаты, не выставленные для обозрения посетителей. Здесь специально для коллекции профессора Семенова установили объемистый шкаф, в котором она теперь и хранится, став единицами основного музейного фонда.

В том же шкафу нашлось место для небольшой, но не менее ценной книжной коллекции. На протяжении тринадцати лет в «Домик Лермонтова» поступали подарки из Москвы от профессора медицины И.М. Саркизова-Серазини. Его биограф писал: «Еще в 1951 году, находясь в расцвете сил, «далекий мыслями от неизбежного заката», он начал передавать в музейные фонды свои редчайшие собрания и отдельные находки... Так было положено начало широкой по своим масштабам и высокой по своему благородству деятельности И.М. Саркизова-Серазини. Он буквально вылавливал, выуживал из частных рук книги и документы, имеющие историко-литературную значимость, и немедленно передавал их в музей и библиотеки».

Но дружба с пятигорским лермонтовским музеем началась еще раньше, чем об этом говорит биограф. Уже в 1949 г. Яковкина благодарила профессора за «новый дар ценнейший» – дореволюционные издания лермонтовских сочинений. Зачастую Саркизов-Серазини приобретал у букинистов книги специально для

Пятигорска. А когда в пятьдесят шестом году Иван Михайлович был в командировке в Италии, то очень сожалел, что в Риме, Венеции, Падуе не смог найти нужных для «Домика Лермонтова» книг.

В коллекции Саркизова-Серазини редчайшие гравюры, литографии. Но, конечно же, центральное место занимают 66 уникальных изданий по истории Кавказа и Кавказских Минеральных Вод. В 1962 г. из Москвы, от Ивана Михайловича, пришла последняя посылка: двухтомник профессора А.Нелюбина «Полное историческое, медико-топографическое, химико-физическое врачебное описание Кавказских Минеральных вод», изданное в двадцатые годы прошлого века. Естественно, что и эти раритеты были внесены в список основных экспонатов музея. Но не лежат они мертвым грузом в хранилище, а постоянно в работе. Ими пользуются ученые, краеведы и просто любители истории.

620 редких изданий – это посмертный дар музею его бывшего главного хранителя – С.И. Недумова. Он проработал в «Домике Лермонтова» с 1939 по шестидесятые годы. Широко образованный и высококультурный человек, он оставил нам богатое наследство. Имя его хорошо известно лермонтоведам и краеведам, так же, как и его книга «Лермонтовский Пятигорск».

К 1979 году в библиотеке музея насчитывалось уже более 14 тысяч книг. Больше половины – это редкие издания, которые нуждались в специальном учете и охране. Было решено перевести ценные книги в основной фонд. Но и после этого в библиотеке осталось пять с половиной тысяч наименований. В последующие годы их количество увеличилось более чем в два раза, полностью заняв старый дом Чилаева.

Музейной библиотекой, как правило, заведовали эрудированные специалисты. История сохранила для нас имя первого ее библиотекаря. Это Г.Я. Абозин, надворный советник, секретарь Пятигорской Городовой управы, член Кавказского Горного Общества. Тогда это была должность «на общественных началах». Он занял ее в 1916 году. Архивные документы поведали, с какой горячностью Григорий Яковлевич отстаивал в 1913 году в Городской Думе идею создания лермонтовской библиотеки-читальни в домике Лермонтова. Такое трепетное отношение к книге стало для музейных сотрудников нормой и в последующие десятилетия. Каждый музейщик старался пополнить библиотеку нужным изданием. Книги для музея покупали в городах и в сельских книготоргах, будучи в командировках. Их выписывали по почте, просили иногородних друзей достать то или иное редкое издание. Вот почему, наверное, становится уже традицией, что уходя на пенсию, музейщики передают нужные для библиотеки книги.

Мы еще не сказали о ценнейшей коллекции газетных вырезок, которая начала формироваться еще при Д.М. Павлове в 1916 г. Никто не считал, сколько

их накопилось за девяносто лет. Десятки тысяч? Более 60 объемистых папок с газетными публикациями только по лермонтоведению. А еще здесь хранятся собрания об А.С. Пушкине, Л.Н. Толстом, других писателях, по истории Кавказа и Кавказских Минеральных Вод. Они очень разные – целые полосы и крошечные кусочки газет с ценнейшими сведениями – свидетели эпохи. Хранение у них особое и особый учет.

Давно уже стало тесно научной библиотеке музея в «старом» доме Чилаева. Часть ее фонда теперь помещается в другой старинной постройке лермонтовского времени на музейной территории. Но все равно, если вы придете поработать над нужным вам изданием в «Домик Лермонтова», то непременно попадете в крошечный читальный зал с двумя окошками, глядящими в музейный дворик. Пусть этот дом небольшой, но все же – храм. Храм поклонения Ее Величеству Книге.

Источники по истории музейного дела на Ставрополье

В 2005 г. отмечается 100-летие Ставропольского государственного краеведческого музея имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве, одного из старейших культурных учреждений Северного Кавказа. История музея – это по сути интеллектуальная история Ставрополья, целый мир «страстей и вдохновения», о чем справедливо пишет в своей книге, посвященной истории музея, старейший музейный работник, краевед и просветитель В.В. Госданкер (1). О музее написано немало, а вот о его истории и истории музейного дела в крае значительно меньше (2, с.267-270; 3, с.267-271; 4, с.37-41; 5;6;7, с.16-18; 8;9; 10, с.73-79). История музейного дела на Ставрополье – тема, которая еще ждет своих исследователей. Важным в связи с этим представляется разработка источниковой базы, определение типа и вида источников по истории музейной деятельности.

Источники по данной теме многообразны как по содержанию, так и по форме. Они взаимодополняют друг друга, ведь каждый из них уникален. Все существующие классификации исторических источников условны. Исследователю важно систематизировать источники по конкретной теме, установить взаимосвязь между ними, их видом и той социальной средой, которая их породила. Особое внимание следует обратить на неиспользованные ранее или слабо привлекаемые виды источников. Усилия исследователей и краеведов десятилетиями были сосредоточены на разработке и введении в научный оборот источников, посвященных политической и социально-экономической истории края. В меньшей степени анализировались источники по общественной и культурной жизни, интеллектуальной истории. Здесь необходимы источники другого типа – документы личного происхождения, прежде всего, воспоминания, мемуары, дневники, записки, письма и т.д. Они насыщены фактами, яркими зарисовками повседневной жизни, быта и позволяют не только заполнить «белые пятна» в истории края, но и добавить штрихи к общероссийским событиям. Эти источники позволяют реконструировать историю во всем ее многообразии, лучше других воссоздать то, что называется укладом российской провинции.

Важным направлением исследований является и изучение того, как сама провинция понимала и осознавала себя в разные периоды своей истории. И здесь источником выступают исторические тексты, как опубликованные, так и

хранящиеся в виде рукописей в архивах и музеях края. Изучение научного наследия провинциальных исследователей, краеведов тесно связано не только с рассмотрением их творческих биографий и их научного наследия, но и с изучением той среды, в которой они жили и творили. Одним из приоритетных направлений развития исторической науки становится историография источниковедения как одна из отраслей историографической науки, которая в числе прочего изучает и историю развития источниковедческой методики.

Источником выступают и публикации историков-краеведов, комплексное изучение которых позволяет выявлять тематику и методы исследований, характер их развития, проанализировать, как и с каких позиций изучалась та или иная проблема. Все это позволяет сделать срез социокультурной среды русской провинции, проанализировать развитие и существование научного сообщества в тот или иной период истории.

Довольно значимую группу источников представляют разнообразные по своему характеру архивные документы, о которых и пойдет речь в данной работе. Большая часть их хранится в крупнейших архивах Северного Кавказа – Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК) и Государственном архиве новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК), фонды которых по ценности, полноте и объему информации не уступают центральным архивохранилищам страны, где также содержится значительный пласт материалов по истории музейного дела на Ставрополье. Это и Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Российский государственный исторический архив (РГИА), Архив Института истории материальной культуры РАН (Архив ИИМК РАН).

Источники в них представлены: 1) официальными правительственными документами директивного характера, предписаниями, указами, инструкциями, рапортами и донесениями чиновников и военных, отражающими процесс освоения и изучения региона в дореволюционный период; декретами, распоряжениями и приказами в советский период истории; 2) комплексом законодательных актов, посредством которых регулировалось музейное строительство и проведение историко-краеведческих изысканий в стране и регионе; 3) официальными и неофициальными документами, освещающими деятельность музеев, научных центров, комиссий и краеведческих обществ; 4) материалами, отражающими процесс музейного строительства и изучения истории музейного дела в крае.

Большой фактический материал содержится в фондах ГАСК – Ставропольского губернского статистического комитета, Ставропольской ученой архивной комиссии, Музея Северного Кавказа, Кавказского горного общества

(11). Документы дают представление о создании комитетов и комиссий, одной из сфер деятельности которых были музейная работа и охрана памятников старины на Ставрополье. Одним из наиболее информативных источников являются журналы заседаний архивной комиссии и губернского статкомитета. Эта самая распространенная категория массовой управленческой документации. Преимущество ее перед другими видами источников в том, что она наиболее полно передает смысл всех рассмотренных в ходе заседаний вопросов и проблем, содержание и результаты обсуждения. Ценными являются фонд, хранящий дела Ставропольского краевого краеведческого музея и личные фонды местных исследователей – И.В. Бентковского и Г.К. Пправе (12). Здесь находятся материалы практически по всем вопросам музейного строительства и развития краеведения в крае.

Значительно дополнить представление об истории музейного дела и краеведения помогут архивные документы, находящиеся в таких фондах, как Ставропольская городская управа, Канцелярия ставропольского губернатора, Городские ставропольские полицейские управления, Канцелярия управляющего гражданской частью в Ставропольской губернии, Ставропольский губернский архив, Общее управление Кавказской области, Канцелярия гражданского губернатора Кавказской области, Ставропольское губернское правление, Ставропольская духовная Консистория, Ставропольский епархиальный миссионерский совет, Ставропольская Духовная семинария, Северо-Кавказский краевой музей горских народов, Ставропольское губернское по земским и городским делам присутствие, Совет ставропольского краевого отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, документы о жизни и деятельности замечательных людей на Ставрополье ставропольского губернского союза народного образования, Кавказского областного статистического комитета, Ставропольского губернского архивного управления (13).

Среди материалов РГАДА интерес представляют фонды Российской Академии наук, Московского археологического общества, Кавказских дел, Общества истории и древностей российских, личный фонд барона М.А. фон-дер Остен-Сакена (14). Хранящиеся в них отчеты научных экспедиций, уставы обществ, рапорты и донесения с мест о наличии памятников древности, указы, инструкции, переписка, связанная с исследованием археологических памятников, дают возможность рассмотреть особенности процесса исторического изучения региона в конце XVIII - XIX вв., проследить, как менялся исследовательский интерес к отдельным памятникам и историческим проблемам.

Ценные материалы, позволяющие судить о музейной деятельности в регионе после Февральской революции 1917 года, о законодательстве в области

музейного строительства и культуроохранительной деятельности в первые годы советской власти, о создании государственных органов охраны в центре и на местах, об истории развития краеведческого движения на Ставрополье, находятся в ГАРФ. Это фонды Комиссариата имуществ Республики, Совета по делам имуществ при Временном правительстве над бывшим Министерством Двора и уделов, Особого Совещания по делам искусства при Комиссаре Временного правительства над бывшим Министерством Двора и уделов, Государственного Ученого Совета при Наркомпросе РСФСР (15). Большая часть документов отложилась в фонде Главного Управления научными и научно-художественными учреждениями Наркомпроса (Главнаука) (16).

Источники в них представлены разнообразными приказами, распоряжениями, инструкциями, протоколами, стенограммами, докладами, отчетами, перепиской Главнауки и ее отделов с краеведческими организациями и музеями, Открытыми листами на право производства археологических раскопок, Охранными грамотами, которые позволят проанализировать основные направления в организации изучения края в первые десятилетия Советской власти, музейную и культуроохранительную деятельность.

Значительный по объему комплекс источников находится в фондах РГИА. Это материалы, относящиеся к истории создания и деятельности Центрального статистического комитета, губернских статистических комитетов и губернских ученых архивных комиссий, одним из направлений деятельности которых было музейное. Эти документы хранятся в фондах Центрального статистического комитета МВД и Департамента общих дел МВД (17). Интересный источник представляет собой переписка Епископа Ставропольского и Екатеринодарского Агафодора со Святейшим Правительствующим Синодом по вопросам открытия Ставропольского Церковно-археологического общества, находящаяся в фонде Канцелярии Синода (18). При обществе существовал музей церковной археологии.

Нельзя обойти вниманием и фонд, содержащий дела по административному, военному и культурному устройству на Кавказе – фонд Кавказского комитета, материалы которого отражают сбор статистических сведений в Кавказской области, учреждение Кавказских статистических комитетов и их всестороннюю деятельность по изучению родных мест (19). Источники по культурному развитию края, по истории его изучения имеются в делах фондов Комитета министров, Департамента исполнительной полиции МВД, Главного Управления по делам печати МВД, Союза деятелей искусств (20).

Интересны и материалы, содержащиеся в фондах Архива ИИМК РАН – Археологической комиссии, Московского археологического общества и в фонде Дел производящихся при г. С.Г. Строганове до учреждения Археологической

комиссии, которые дают возможность проследить деятельность столичных научных обществ и учреждений по изучению Ставрополя, созданию провинциальных научно-исследовательских и просветительских обществ (21). Декреты СНК об образовании РАИМК, ее организационной работе в первые годы существования, переписка с различными научными учреждениями, в том числе и с музеями, их отчеты и планы работ сосредоточены в значительном по объему источниках фонде Российской Академии истории материальной культуры (22). Ряд дел этого фонда отражают историю создания Ставропольской этнолого-археологической комиссии и музейное направление ее деятельности.

В отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) и фондах Ставропольского государственного краеведческого музея имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе (СГКМ) хранятся документы по различным проблемам изучения Ставрополя, истории музейного дела. Это личные фонды основателей музея, дела, планы, фотографии, карты, коллекционные описи, полевые дневники, отчеты археологических экспедиций, материалы по истории создания музея и т.д. (23).

Это лишь незначительная часть уже выявленных источников по истории музейного дела Ставрополя.

Использованная литература и источники:

1. Госданкер В.В. Непрошедшее время (субъективные записки старого музейщика). Ставрополь, 2004
2. Городецкий Б.М. Ставропольский городской музей на Кавказе // Екатеринодар, 1909. № 2
3. Лучник В.Н. Ставропольский городской музей // Любитель природы. № 5. 1910
4. Лучник В.Н. К истории Ставропольского на Кавказе городского музея им. Пправе // Школьные экскурсии и школьный музей. № 5-6. 1915
5. Лучник В.Н. О краеведческих музеях // Краеведение. № 10. 1929
6. Прозрителев Г.Н. Музей Северного Кавказа (в Ставрополе Кавказском). Владикавказ, 1924
7. Колесникова М.Е. Музей Северного Кавказа и охрана археологических памятников Ставрополя (1905 – 1920 гг.) // Из истории земли Ставропольской. Ставрополь, 1996
8. Прозрителевские чтения: Сборник материалов научно-практической конференции. Выпуск 1. Ставрополь, 2005
9. Госданкер В.В. От прошлого нельзя отряхнуться (музейные поиски, находки, встречи). – Ставрополь, 2005
10. Охонько Н.А. Ставропольский государственный краеведческий музей – 100 лет в истории // Ставропольский хронограф на 2005 год. – Ставрополь, 2005
11. ГАСК. Ф. 80, 198, Р-1076, 1262
12. ГАСК. Ф. Р-645, 332, 372
13. ГАСК. Ф. 96, 101, 188, 70, 304, 79, 444, 68, 135, 439, 91, 1077, 67, Р-3849, 3816, 164, 773, Р-154
14. РГАДА. Ф. 17, 1628, 23, 1627, 1385
15. ГАРФ. Ф. 410, 1907, 6834, А-298
16. ГАРФ. Ф. А-2307
17. РГИА. Ф. 1290, 1284
18. РГИА. Ф. 796
19. РГИА. Ф. 1268
20. РГИА. Ф. 1263, 1286, 776, 794

21. Архив ИИМК РАН. Ф. 1, 4, 14
22. Архив ИИМК РАН. Ф. 2
23. ОПИ ГИМ. Ф.17, 54, 104, 163, 431; СГКМ. Ф. 2, 4

Корнеева С.Н.

с. Гофицкое,
Историко-краеведческий музей села Гофицкое им. Ю.И. Бельгарова
– филиал СГКМ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве,
научный сотрудник

«Душа и сердце мое здесь!»

У входа в Гофицкий музей стоит скульптура: легкая фигурка девушки, которая держит венок памяти на вытянутых руках, а на постаменте высечены слова:

«Мы ушли из этой школы
Прямо в вихри грозовые.
Помните о нас, живые,
Будьте счастливы, живые».

Создатель музея, талантливый организатор Юрий Иванович Бельгаров был истинно предан своему делу. Бывший военный летчик, ветеран Великой Отечественной войны, он родился в Днепропетровске 17 июня 1923 г. Еще в школе впитал здоровый дух патриотизма, готовность пожертвовать своей жизнью ради Отчизны. Человек он судьбы непростой, а порой неожиданной. Сколько себя помнит, всегда рисовал, в детстве мечтал стать архитектором, а пришлось покорять воздушный океан. Учился по ускоренному курсу в Кременчугском авиационном училище. Сразу после училища вступил в бой. Свыше трехсот вылетов совершил Ю.И. Бельгаров. Награжден орденом Великой Отечественной войны первой и второй степени, орденом «Красной Звезды», «За боевые заслуги», «За отвагу» и другими. Демобилизовавшись, приехал Бельгаров в Гофицкое, тогда еще районный центр. Природа щедро одарила Юрия Ивановича, рисовал всегда, везде, хотя нигде этому не учился. Подрастал сын, который очень увлекался изучением истории, заинтересовал и отца. Бельгаров говорил: «У меня получилось наоборот, не от отца к сыну перешло увлечение, а от сына к отцу. Очень уж он увлекался историей в 6-м классе, стал интересоваться прошлым села. И я вместе с ним втянулся. Ломали у нас здание, а там нашлась старая интересная икона. Выбросить ее не только жалко – преступно, ведь второй такой в селе не найти. С нее все и началось. Возникла мысль о сборе старых вещей, предметов быта, документов для сельского музея. Были долгие семь лет, в течение которых искали, копили по крупицам факты, документы, уточняли и сопоставляли». Вместе со следопытами, учащимися местной школы, он собрал экспонаты, своими руками оформил все 10 залов. Ему помогал колхозник Николай Михайлович Катасонов. Большую помощь в создании музея оказали партком,

правление колхоза «Большевик», Гофицкий сельский Совет, жители села. Кто думает, что создать музей дело простое, ошибается. Необходимо не только желание, терпение, любовь, но и средства на оформление, а главное – помещение. Это главное оказалось непреодолимым барьером на пути создания музея. Добиваться разрешения на выделение помещения под музей пришлось 8 лет. И все же долгожданный момент открытия музея наступил 9 мая 1979 года. С какой-то особой остротой и гордостью понимаешь, что все материалы музея собраны в родном селе и рассказывают о людях, родных и близких, кто трудится и живет рядом, не один год зная друг друга. Первый зал, первые стенды рассказывают о происхождении села Медведское. Второй зал начинается с обзора диорамы села: как на ладони живописное Гофицкое (бывшее Медведское), основанное в 1784 году. Зал этнографический, экспонаты уникальны. Древнейшие гончарные изделия. Домашняя утварь и сельскохозяйственные орудия, которыми пользовались люди, жившие сто лет назад и закладывавшие село в XVIII в. Третий зал – гражданской войны. Тачанка с «максимом». Богатейший материал о тех, кто стоял у истоков советской власти. Карта села, выполненная Лежебоковым Александром Петровичем, жителем села, который нарисовал ее акварельными красками и обычной шариковой ручкой синего цвета. Все события, которые он нанес на карту, отображают жизнь сельчан с 1913 по 1967 год. Вот интересная запись, сделанная им: «На ярмарке 6 августа 1913 г., речь оратора на митинге: Нужно свергнуть царя и его прихвостней, которые угнетают наш трудовой народ веками и угнетению не видно конца». В течение 28 лет, из года в год, А. П. Лежебоков вел летопись своего села. Затем передал ее на хранение в музей.

Четвертый, пятый и шестой залы посвящены Великой Отечественной войне. Особое внимание здесь уделяется собранию бесценных реликвий военного времени: письма с фронта – зачастую последние весточки, множество фотографий тех, кто остался лежать на поле брани, и тех, кому посчастливилось вернуться. Хранятся в музее и реликвии 271 стрелковой дивизии, которая освободила село от фашистов 15 января 1943 г. Вместе с ее командиром, прошедшим войну и оставшимся в живых, наши следопыты проехали по местам боевой славы и привезли землю с тех мест, где сложили головы солдаты. Седьмой зал – зал памяти. Многим из фронтовиков не довелось вернуться в родные места после победы. В зале торжественно-траурно, на видном месте написаны слова:

Верные сыны Отчизны.

Помните их имена!

А ниже поименно все гофитчане, павшие смертью храбрых в боях с фашистскими поработителями. Над ними приспущены знамена.

В следующих залах показана работа по восстановлению и развитию хозяйства. Широко отражено в музее послевоенное развитие села, показаны его

передовые люди, делегаты съездов КПСС и ВЛКСМ, ударники труда, лучшие чабаны, механизаторы, виноградари, доярки. Юрий Иванович очень беспокоился о своем детище и в последние годы жизни говорил: «Больше всего меня сейчас заботит вопрос преемственности начатого мною дела. Жизнь проходит, многое сделано, а сколько еще предстоит сделать. Музей должен расширяться. Жизнь не стоит на месте, и то, что сделано вчера, сегодня становится историей, и люди должны ощущать и понимать это. Благословенно дело человека, по крупицам собирающего и ревностно берегущего память о славных сынах и дочерях – гофитчанах, об их человеческом, добром пути».

О Ю. И. Бельгарове написано много как о создателе музея. Кроме публикаций в районной газете, о нем рассказывала «Ставропольская правда», «Красная Звезда», «Советский патриот». Многими грамотами и наградами награжден Юрий Иванович. В 1982 г. был избран делегатом 4-го съезда Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Съезд проходил в городе Новгороде. В 1985 г. музей получил звание народного. В 1986 г. – участник ВДНХ. Награжден вымпелом Центрального Совета Всесоюзного общества ветеранов войны и труда, заслуженный работник культуры РСФСР. Его детище является гордостью нашего села.

Косьянов Н.Ф.

с. Гофицкое,
Историко-краеведческий музей села Гофицкое им. Ю.И. Бельгарова
– филиал СГКМ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве,

Шведун С.А.

г. Ставрополь,
Московский государственный открытый
педагогический университет им. М.А. Шолохова,
студент

Новые археологические находки в районе с. Гофицком

Находки каменного века

В июне 2005 г. в районе Кавминвод петербургским археологом профессором Любиным В. П. проводились поиски следов человека древнекаменного века на г. Кинжал. Были найдены каменные орудия **Homo erectus** – человека прямоходящего, жившего предположительно 400 – 450 тысяч лет назад – нижний палеолит. Но и нашему музею посчастливилось увеличить срок древности человека, проживавшего в степях и предгорьях Ставрополья. В том же июне в с. Гофицком и ближних районах работала комплексная экспедиция Ставропольского краеведческого музея имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве, под руководством С. С. Сачук. Вопросы экспедиции решались разные: этнография, ботаника, история, энтомология, минералогия. Был собран богатый материал. В области ботаники, например, расширился ареал некоторых краснокнижных растений. В частности, были обнаружены орхидейные, ранее не отмеченные в данном районе.

Было открыто новое место присутствия человека верхнего палеолита – **Homo sapiens**, вероятно, финального этапа позднего палеолита, жившего, возможно, около 40 тыс. лет назад.

Грубые галечные орудия и заготовки из кремния – нуклевидные обломки, скребловидные орудия, острия, отщепы, крупная ножевидная пластина с ретушью и т. п. (всего около 44 предметов, явно произведенных человеком). Орудия были обнаружены ботаником, кандидатом наук Верой Геннадьевной Данилевич и сотрудником Гофицкого краеведческого музея Косьяновым Н. Ф. в районе х. Жуковского Александровского района, в галечном карьере и его склонах. Эти орудия будут выставлены в экспозиции археологического отдела Гофицкого музея после камеральных исследований. Там же были обнаружены кости

антилопы и китообразного (по определению палеонтолога отдела природы Ставропольского краеведческого музея Швыревой А.К.). Подобные кремневые орудия и стоянка в 1,5 км восточнее карьера были собраны в 1976 г. Х. А. Амирхановым. А в 1986 г. в районе с. Гофицкого Косьяновым Н. Ф. обнаружена стоянка каменного века. Орудия, найденные там, были переданы в ГУП «Наследие», где археологом Захариковым А. П. была подтверждена принадлежность каменных орудий к эпохе мезолита (возраст около 10 тыс. лет). Значительная часть находок со стоянки Гофицкое 1 находится в экспозиции того же музея. Таким образом наука получает новые доказательства того, что человек осваивал эти места намного ранее, чем считалось до конца XX в.

Находки эпохи бронзы

Осенью 2004 г. в районе песчаного карьера «Буруны» (северо-западная окраина села Гофицкого), у северного обреза (борта) карьера, на обнаженной песчаниковой кроющей плите 2-го яруса обнаружено несколько фрагментов глиняного горшка и многочисленные фрагменты минерализованных человеческих костей. Шлейф грунтового оползня шириной около 2-х м тянулся к верхнему обрезу карьера на 6-7 м. В осыпи же находились две сползшие плиты из песчаника и вперемешку с песком кусочки охры от 0,5-1 см и в крупинках. На поверхности карьера не было замечено курганной насыпи, и создавалось впечатление, что это грунтовое погребение. Под 15-см слоем дерна на глубине 50 см – 1 м, залегал слой песчано-известнякового галечника-скатыша, ниже которого было заметно прямоугольное пятно из грунта серо-каштанового цвета 70 на 50 см. В середине пятна выступали торцы 2-х обломанных трубчатых костей. В течение зимнего периода погребение окончательно сползло к подножию борта карьера. С весны 2005 г. выше карьера ГУП «Наследие» вело раскопки курганов в связи со строительством дороги севернее села Гофицкого. Сотрудники экспедиции при осмотре места оползня посчитали погребение окончательно разрушенным и бесперспективным, у них же был огромный объем запланированных работ, к тому же вручную. А в 6–7 м от подножия оползшего погребения стоял экскаватор, грузивший песок, и погребение могло быть окончательно разрушено. В августе 2005 г. в результате просева песка и галечника из оползня нами извлечены фрагменты керамики обнаруженного ранее горшка, кусочки охры. Расчистка велась послойно от поверхности плиты по оползнию, но песчано-глинистый стерильный слой желтого цвета и серо-голубоватых кусков сцементированного песка с известковым галечником-окатышем белого цвета был беспорядочно перемешан с серовато-каштановым грунтом заполнения ямы. Делать какие-либо точные замеры было бесполезно, т. к. погребение было полностью нарушено, анатомического положения костей не наблюдалось. Под сползшей плитой песчаника (45-44x25x3,5см) обнаружено большое количество охры в кусках и

порошке темно-вишневого цвета и несколько фрагментов ранее обнаруженного горшка. В 1-м от верха обнажения в стенке карьера проявился торец погребальной камеры с закругленными границами. Глубина этой оставшейся ниши была около 30 см. Она позволила определить ориентировку камеры по длинной оси с запада на восток. Стенка ниши повреждена сурчиной норой, заполненной сиреневато-серым грунтом. Дно ямы в нише оползло незначительно, что позволило определить ориентировку костяка. На дне ямы вперемешку с гравийно-песчаным заполнением лежали фрагменты черепа. Расположение его фрагментов, а особенно верхней челюсти с сохранившимися зубами показало, что скелет лежит на левом боку головой на северо-восток, лицевой частью – на юг. Вокруг черепа находится синеватое песчано-цементированное заполнение вперемешку с галечным окатышем и карбонатными конкрециями верхнего слоя стенки карьера. Под раздавленным черепом лежали 3 кусочка плитчатого мела размером 2,5-3 см. На теменных фрагментах черепа и в 10 см выше него находился раздавленный черно-глиняный горшок с черной, жирной мажущейся копотью, пропитавшей песок заполнения камеры. Горшок раздавлен вкруговую по тулову и на множество фрагментов по вертикали. Заполнен он был еще в древности слоем обрушившегося галечника, затеком. Это позволяет предположить, что погребение было совершено в каменном ящике. Однако отсутствие на поверхности признаков насыпи наводит на мысль о грунтовом захоронении или впускном в снесенную насыпь кургана уже в наше время; подстилающая плита карьера залегает на 6-10 м ниже уровня залегания плиты в курганах, раскопанных «Наследием» в 150-300 метрах северо-западнее данного погребения и по своей конструкции отличных от него. По характеру завернутых внутрь полости горшка крупных фрагментов венчика, по наличию всех деталей на месте напрашивается вывод, что камера изначально была пустотелой, не заполненной грунтом, а впоследствии свод камеры обрушился.

Рядом с горшком в заполнении находилась галька овальная с перехватом, которую очень удобно держать большим и указательным пальцем. Подобную гальку находили и ранее. Они напоминают гладилки-утюжки, ложила.

Погребальный инвентарь:

1). Керамика. а). Черноглиняный горшок с красноглиняным ангобом. Лепной, хорошо выполненный, с правильным профилем (ленточный способ, праздничный?). В наличии имеются отдельные фрагменты: 6 доньшка, 9 тулова, 7 плечика, 4 горла, с бортиком. На горле под бортиком декоративная ручка-налеп прямоугольно-трапецевидной формы. От горла на плечики нанесен геометрический орнамент, разбитый на вертикальные и горизонтальные зоны. По горизонтали весь орнамент разделен на 2 пояса-фрiza. Верхняя граница отделена от горла тройной «веревочкой» шириной 0,3 см. Ниже поле в 1 см шириной

украшено взаимно-обратными чередующимися треугольниками 0,6x0,5x0,6 см. Ниже снова идет поясок тройной «веревочки». Затем поле шириной в 12 см, по низу отделено аналогичным пояском-«веревочкой». Поле по зонам: треугольники 0,9x0,4x0,6 см, косые и горизонтальные ногтевые вдавления, кружочки – вдавления палочкой. Ниже по вертикали поверхность плечиков разделена крестообразно и наклонно на зоны в 1,5-2 см шириной той же «веревочкой». Все детали орнамента выполнены штамповкой. Дношко плоское, диаметром 8 см, высота горла 1,5 см, венчика – 0,5 см, общая высота сосуда примерно 13 см, толщина стенок 0,5-1 см.

В 2004 г. фрагмент праздничного сосуда был показан в Ставропольском краеведческом музее, где было сделано заключение, что, погребение относится к эпохе бронзы.

б). Черноглиняный горшок с раздутыми плечиками, коническим туловом и сужающимся горлом. Общей формой напоминает современный чугунок. Украшен небрежно лепкой. Тесто средней плотности, с редкими включениями толченой ракушки. До горловины покрыт слоем черной мажущейся копоти. Горло снаружи и внутренние стенки горшка покрыты серым налетом окислов.

в). Плиты песчаника. Ко времени расчистки сохранилось 2 плиты: – 45-44x25x3,5 см; 40x12x31x32x36x5 см.

г). Охра. Большое количество в кусках, крупинках, крошке темно-вишневого цвета. Находилась, видимо, в одном большом куске.

д). Мел. 3 кусочка под фрагментами черепа.

е). Костный материал. Кости в шлейфе осыпи, сильно фрагментированы, трубчатые минерализованы; череп и челюсти в очень плохой сохранности. По внешнему виду зубов и сохранности эмали можно предположить, что индивид был по возрасту не старым, возможно, женщина. Однако отсутствие полного костяка не дало возможность определить половую принадлежность.

Кравцова С.Л.

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный краеведческий музей
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве,
старший научный сотрудник

О коллекции «Мощевая Балка» из фондов Ставропольского краеведческого музея

Уникальная коллекция археологических предметов ««Мощевая Балка (VIII – IX вв.)» 1965 – 1979 гг. В.Н. Каминский; 1980 – 1982 гг. И.С. Каменецкий и Е.И. Савченко» хранится в фондах отдела археологии Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве. Коллекция состоит из материалов, полученных в результате археологических исследований и полевых сборов на средневековом могильнике Мощевая Балка (VIII – IX вв.) в Урупском районе Карачаево-Черкесской Республики в разные годы изучения, с перерывами, с 1965 по 1982 год.

Эталонный памятник Северо-Западного Кавказа – скальный могильник Мощевая Балка (VIII – IX вв.) – находится в Карачаево-Черкесской Республике. Расположен на мысе, образованном склоном р. Большая Лаба и правым берегом балки Мощевой, в 5 км юго-восточнее пос. Курджиново и в 700 м севернее х. Азиатский, на территории Бескесского заповедника.

Начало изучения памятника «Мощевая Балка» относится к 1908 г., когда археолог Н.И. Веселовский и краевед Н.И. Воробьев вскрыли несколько погребений и собрали обширный подъемный материал из разрушенных и разграбленных погребений. При этом полевые дневники не велись, отчеты не писались. После Н.И. Веселовского в течение полувека о памятнике забыли, вплоть до 1951 г., когда им заинтересовался и осмотрел А.А. Иессен. Оба исследователя, упомянутые выше, пришли к выводу, «что некрополь полностью разграблен ... и дальнейшие исследования могильника бесперспективны» (4, с. 126).

С 1965 г., с перерывами до 1972 г., спасательные работы на памятнике проводил директор Курджиновской средней школы Е. А. Милованов вместе с учениками этой школы и участниками археологического кружка, организованного Евгением Андреевичем.

Событием в изучении памятника явилась публикация в журнале «Советская археология» № 2 за 1967 год статьи А.А. Иерусалимской «О Северокавказском «Шелковом пути» в раннем средневековье». В 1978 и 1979 гг. могильник Мощевая Балка осмотрели И.С. Каменецкий и Ю.Н. Воронов, признав, что

«памятник находится в удручающем состоянии. Практически весь перекопан любителями». (Из полевого дневника И.С. Каменецкого)» (4, с. 127).

С 1980 по 1983 г., Лабинский отряд Северокавказской экспедиции института археологии АН СССР (РАН) под руководством И.С. Каменецкого, Е.И. Савченко и А.Н. Гея проводил свои научно-исследовательские археологические работы скального могильника «Мощевая Балка VIII – IX вв. н.э.». Всего было исследовано 568 погребений, из них лишь 36 оказались не ограбленными. (4, с. 128)

Нами было уже сказано, что коллекция археологических предметов «Мощевая Балка VIII – IX вв.» уникальна. Уникальность ее связана с особенностями географического и ландшафтного расположения памятника. Скальный могильник «Мощевая Балка VIII – IX вв.» находится на высоте около 100 м от уровня реки Большая Лаба и 938 м над уровнем моря. Захоронения могильника защищены от проникновения влаги скальным навесом «мощностью 8-12 м, ... козырек навеса располагается на высоте от 1 до 9 м от уровня площадки. Естественная сухость воздуха, отсутствие микроорганизмов создали предпосылки для удивительной сохранности археологического материала, особенно органики (дерево, кожа, ткани), что редко встречается в археологической практике. В подобных условиях сами погребенные часто оказывались естественным образом мумифицированными (что и дало название могильнику «мощевая» - от «мощи»)» (4, с. 126-128).

В результате первой ступени учета и переучета (сверки) коллекции ««Мощевая Балка (VIII – IX вв.)» 1965 – 1979 гг. В.Н. Каминский; 1980 – 1982 гг. И.С. Каменецкий и Е.И. Савченко» она была разделена на две части:

- 1) ««Мощевая Балка VIII – IX вв. н.э.» 1965 – 1979 гг. В.Н. Каминский»;
- 2) ««Мощевая Балка VIII – IX вв. н.э.» 1980 – 1982 гг. И.С. Каменецкий и Е.И. Савченко». Коллекция также разделена на комплексы по половой принадлежности.

В данной работе речь пойдет о первой части коллекции, которая собрана в результате полевых спасательных работ и сборов Е. А. Милованова и В. Н. Каминского.

В 1992 г., после гибели В. Н. Каминского, коллекция поступила в фонды Ставропольского государственного краеведческого музея. Она насчитывает 2273 единицы хранения основного фонда (о.ф.) СГКМ и представлена уникальными предметами, имеющими научное и экспозиционное значение. Среди них – артефакты, характеризующие мужские погребальные комплексы:

– орудия труда – тесла-мотыжки с рукоятями или только рукояти (о.ф.31240/45, 56); шила;

– вооружение – ножи с железными лезвиями и деревянными или костяными рукоятями (о.ф.31240/46,59); топоры с рукоятями или только их рукояти; древки стрел (о.ф. 29727/15; 31240/76) с сохранившимся окрашенным опереньем и их наконечники; фрагменты лезвий мечей (о.ф.31240/51-52); фрагменты кольчужных рубах (о.ф. 29727/35); ножны деревянные двустворчатые, соединенные кожаным шнуром (о.ф.31240/54-55); гориты кожаные или их фрагменты (о.ф. 30683/1,7,11); фрагменты колчанов и археологически удовлетворительной сохранности колчан (о.ф. 30651; 30683/11), изготовленный из хорошо обработанной и отшлифованной древесины и обтянутый окрашенной кожей;

– культовые предметы – деревянные пеналы или их фрагменты. Пеналы часто резные или украшенные расписным цветным геометрическим орнаментом.

Женские погребальные комплексы представлены так же, как и мужские:

– орудиями труда – тесла-мотыжки (о.ф.29727/4-7), ножи или заменяющие их деревянные ножны, лопатки из древесины для обмазки погребений (о.ф.31240/64, 67-69);

– бытовыми предметами – шкатулки для рукоделия деревянные и плетеные (о.ф.31240/82-83);

– предметами женского туалета – копоушки бронзовые (о.ф.29727/32), ногтечистки (о.ф.29727/31), пинцеты, ложки с отверстием на рабочей поверхности, значение которых до конца не выяснено, туалетные кисточки (о.ф. 29727/26-27), как правило, во фрагментах, деревянные гребни и бронзовые зеркала – целые и во фрагментах;

– украшениями – кольца, серьги, браслеты, разнообразные бусы, раковины-каури, фибулы бронзовые о.ф.29727/8,20,22,37-39,41-44,46-57);

– культовыми предметами – деревянные пеналы (о.ф.31240/53,58,62), амулеты из зубов и костей животных, ветки таволги, мешочки для реликвий (амулетницы) из шелка, кожи с шелковыми пуговицами и петельками для них (о.ф. 29727/29).

Среди предметов коллекции можно выделить общие для мужских и женских комплексов:

– холщовые погребальные подушки (о.ф.29494/9,18) подпрямоугольной формы, заполненные сухими растениями, уголки некоторых подушек украшены раковинами-каури. По мнению исследователей, «часто под головой погребенных находилась погребальная подушка в льняной или шелковой наволочке с сухой растительностью внутри или каменная плитка, заменяющая подушку» (4, с.132), «...подголовные валики и подушки» украшали шелком (1, с. 58);

– большое количество тканей – холщовых, льняных, шелковых – также является особенностью коллекции. Среди них (о.ф. 31240/1,3-4) фрагменты

изделий из шелковой нити, выполненные в сочетании сложных техник плетения кружева таких, как игольчатое кружево, фриволите и т.д. Кроме того, коллекция тканей «Мощевая Балка» предлагает множество холщовых тканей во фрагментах швейных изделий со швами: чулки (о.ф.29494/6), мешочки, амулетницы, фрагменты рукавов детского и взрослого платьев с остатками шелковой ткани, во внутреннем шве – мешочек-амулетница (о.ф. — 29494/5,6,7,11), пояски и их фрагменты, ремни, детали кафтанов (о.ф. 29494/15,16,28), фрагменты диадем (о.ф. 29494/47,63,69), фрагменты швейных изделий с подрубленным краем (о.ф. 29494/43,51), с лицевой стороны которых разнообразной формы нашивные украшения из шелка «орбикулы» и «таблионы» (о.ф. 29727/70);

– множество предметов из кожи разного качества выделки – обувь (о.ф. 30683/2); чулки во фрагментах, детали сшитых лоскутов кожи тонкой выделки разного цвета, и разного размера; амулетницы (о.ф. 29727/29); пояса (ремни) (о.ф. 29727/36,40,65); футляры для гребней и зеркал и т.д.

Таковы первые итоги фондовой работы с коллекцией «Мощевая Балка (VIII – IX вв.)» 1965 – 1979 гг. В.Н. Каминский; 1980 – 1982 гг. И.С. Каменецкий и Е.И. Савченко» из фондов Ставропольского государственного краеведческого музея, подготовившие вторую ступень учета музейных предметов. Т.о. археологическая коллекция была подготовлена для работы по второй ступени учета музейных предметов.

Использованная литература и источники:

1. Иерусалимская А. А. О Северокавказском «Шелковом пути» в раннем средневековье. // Советская археология. - 1967, - № 2
2. Гей А. Н., Каменецкий И. С. Северо-Кавказская экспедиция в 1979 – 1983 гг.// КСИА, 1976
3. Архив В. Н. Каминского. СГКМ н-вф. № 8507/1-3482, - п. 218, 219, 220, 223, 241, 247, 249, 254, 259, 260-263, 277, 278, 287, 288, 308, 312-316, 338, 344, 346
4. Е. И. Савченко. Мощевая Балка – узловой пункт Великого шелкового пути на Северном Кавказе.// РА. 1999. № 1
5. Коллекция археологических предметов «Мощевая Балка (VIII – IX вв.)» 1965 – 1979 гг. В.Н. Каминский; 1980 – 1982 гг. И.С. Каменецкий и Е.И. Савченко»

НАЙТИ ◆ СОХРАНИТЬ

Крючков И.В.

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
д. и. н., профессор

Военнопленные Австро-Венгрии и Германии в городском хозяйстве Ставрополя в конце 1915 – начале 1917 гг.

(статья была выполнена при поддержке гранта президента РФ)

Первая мировая война обострила в Ставропольской губернии проблему с обеспечением народного хозяйства рабочими руками. Острый дефицит рабочей силы грозил в любой момент привести экономику губернии к краху, особенно это было характерно для сельской местности. В условиях слабой механизации труда в ставропольском селе и его экстенсивного характера развития до крайней степени актуализировалась необходимость использования труда военнопленных германской армии и ее союзниц.

С июня 1915 г. на Ставрополье прибывают первые крупные партии пленных, подлежащих распределению среди хозяйствующих субъектов губернии. К августу 1916 г. в Ставропольской губернии оказалось 16064 военнопленных (1).

Большинство военнопленных направлялось на сельскохозяйственные работы. Однако городские власти Ставрополя и его деловые круги требовали своей доли при распределении военнопленных. Аргументы в качестве обоснования своей позиции выдвигались примерно те же, что и сельхозпроизводителями – нехватка рабочих рук в условиях мобилизации населения в действующую армию. Поэтому Ставрополь также стал получать группы пленных для собственных хозяйственных нужд. Правда, использование их труда вначале было весьма оригинально. В частности, в начале августа 1915 года городские власти Ставрополя направили 9 человек на дорожные работы в городе, венгерского архитектора и чеха-чертежника задействовали по их профилю, а одного из русин (украинцев), хорошо знавшего несколько языков, направили на должность писаря (2). Такие примеры нерационального использования труда военнопленных в России приобрели массовый характер, к большому недовольству МВД России и военного ведомства страны. Они не раз присылали на места грозные увещевания с требованием рационализировать труд пленных, не допуская случаев их нецелевого использования (3). Власти грозились даже в случае необходимости отнимать военнопленных у нерадивых работодателей. Однако в большинстве случаев эти предписания игнорировались в регионах.

Летом 1916 г., кроме сельхозпроизводителей, на нехватку рабочих рук стали жаловаться и требовать военнопленных практически все предприниматели и учреждения. Производители теплых вещей потребовали для себя 15 военнопленных, городской музей им. М.В. Праве просил выделить двух «австрийцев» в качестве сторожей, которых музей не мог нанять из местного населения, акционерное общество «Ата-Бата-Гулиев» для мельниц также просило выделить пленных и т.д. Правда, большинство таких заявок оставались без внимания властей, так как приоритет отдавался передаче военнопленных крестьянам (4).

И все же губернские власти не могли полностью игнорировать интересы Ставрополя, выделив для нужд города строго ограниченное количество пленных. К октябрю 1916 г. в распоряжении Ставропольской городской управы находилось 209 чел. (5). Учтя «неудачный опыт» использования труда первых военнопленных и последовавшие за этим строгие предписания властей, ставропольская управа нашла соответствующее применение военнопленным. В отличие от сельской местности, где было практически невозможно проследить характер использования труда пленных, город рисковал очень многим. В городе пленные были сконцентрированы на относительно небольшом пространстве, что позволяло строже отслеживать труд и поведение пленных. К тому же по сравнению с сельской местностью Ставрополь был перенасыщен всякого рода проверяющими и контролирующими органами, будучи губернским центром.

Поэтому большинство пленных (109 чел.) было направлено на заготовку и разгрузку дров, угля, продовольствия для городских нужд. На строительство и ремонт мостовых было направлено 24 чел., их главная задача заключалась в завершении строительства Старомарьевского шоссе и прокладки мостовой к скотобойне. На строительство в Ставрополе новой хлебопекарни было откомандировано еще 20 чел., на скотобойню 9 чел., на дровяной склад 8 чел., на городскую электростанцию 8 чел., в госпиталь в качестве санитаров 6 чел. Но больше всех не повезло 26 пленным, отправленным в городской «ассенизационный обоз» (6). Таким образом, пленные в Ставрополе выполняли «грязную», неквалифицированную работу. Кроме отмеченных 209 чел., на территории Ставрополя оказалось еще 20 военнопленных, переданных горожанам для сельскохозяйственных работ. Итого в Ставрополе в начале октября 1916 г. находилось 229 военнопленных стран Тройственного союза, не считая пленных, находившихся на промышленных предприятиях города.

Городская управа отчиталась на этот раз перед губернатором за каждого пленного. И вся аргументация сводилась к необходимости укрепления обороноспособности страны и внесения Ставрополем своего вклада в разгром врага. Снабжение города топливом и продовольствием относилось к стратегическим задачам, т.к. в Ставрополе возник дефицит рабочих в данных

секторах хозяйства. Это же относилось и к строительству пекарни. Скотобойня, электростанция, госпиталь работали на оборону. От состояния мостовых зависели благополучие горожан и успешная экономическая деятельность в городе. Даже «ассенизационный обоз» был отнесен к разряду стратегических задач. «Городской ассенизационный обоз обслуживает не только городские учреждения, но и военные учреждения, госпитали и прочие», – отмечалось в отчете городской управы от 19 октября 1916 г. (7).

При всем при этом были и исключения в распределении военнопленных на работу. С 1916 г. в Российской империи действовало строгое правило – лиц с высшим образованием на тяжелую физическую работу не отправлять. Не стал в этом плане исключением и Ставрополь. Волей судеб в Ставрополе оказалась группа граждан из Венгрии с высшим образованием. Доктор права Титтем А.А. был отправлен в статистический отдел Ставропольской губернской управы, художник и архитектор Фишер М.Ю. – в губернский Комитет помощи больным и раненым воинам, скульптор Руфф А.Я. и архитектор Надь-Седер В.С. – в дорожно-технический отдел Ставропольской губернской управы, сотрудник Коммерческой академии в Сатмар-Немати Ковачий А.И. – на книжный склад губернского земства, студент медицинского факультета Будапештского университета Сапанош Г.П. – в гидрологический отдел Ставропольской губернской управы (8).

После некоторых проволочек в 1916 г. пленные поступают и на промышленные объекты Ставрополя, в том числе на завод Шмидта, завод Груби, мельницу Бр. Израильских, мельницу «Ата-Бата-Гулиевых».

Пленные, распределенные на хозяйственных объектах Ставрополя, переходили в ведение работодателей, на которых возлагалось содержание пленным и выплата им соответствующей заработной платы. Размер заработной платы пленным по городу сильно колебался. В начале 1917 г. на заводе Шмидта пленные получали 80 и более руб. в месяц (сюда входили и деньги, выдаваемые на питание), на заводе А. Груби пленные получали по 30 руб. в месяц, но помимо этого они обеспечивались бесплатным питанием, на мельнице Бр. Израильских до 40 руб. плюс питание, на городской электростанции от 15 до 40 руб. плюс питание (9). За собственную зарплату пленные должны были покупать себе одежду, обувь и предметы личной гигиены. В принципе по российским меркам это были небольшие деньги, но, если учесть, что это были военнопленные, то суммы получаемых ими средств были не так уж и малы.

По национальному принципу значительная часть военнопленных в Ставрополе являлись славянами (чехи, словаки, поляки, русины, хорваты), гражданами Австро-Венгрии, кроме этого встречались граждане Германии, австронемцы, венгры.

В Ставрополе военнопленные имели определенную свободу действий. Они могли находиться в городе до 7-8 часов вечера, посещать большинство общественных мест, свободно общаться с местными жителями. Особое внимание российскими властями отводилось созданию военнопленным нормальных условий для исполнения религиозных обрядов. Православные без препятствий посещали церкви Ставрополя, католики – городской костел, евреи – синагогу Ставрополя. Представители других вероисповеданий обеспечивались местом для совершения религиозных обрядов. На крупные религиозные праздники своей религии пленные освобождались от работы (10). Пленные имели право на переписку со своими родными и близкими и на получение посылок через Красный Крест.

При этом пленные должны были выполнять ряд неперемных условий: 1) качественное выполнение работ; 2) информирование властей обо всех передвижениях по городу; 3) строгое соблюдение расписания работ и нахождения в местах постоянной дислокации; 4) опрятный вид; 5) отдача чести российским офицерам. В целом положение военнопленных в Ставрополе было очень благоприятно по сравнению с другими городами России.

Использованная литература и источники:

1. ГАСК Ф.311. Оп.1. Д.606. Л.50
2. Северокавказский край. 1915. №159. С. 3
3. ГАСК Ф.101. Оп.1. Д.583. Л.26
4. Северокавказский край. 1916. №172. С. 2
5. ГАСК Ф.311. Оп.1. Д.602. Л.32
6. Там же
7. Там же
8. ГАСК Ф.311. Оп.1. Д.262. Л.9
9. ГАСК Ф.311. Оп.1. Д.250. Л.10
10. ГАСК Ф.311. Оп.1. Д.503. Л.43

Благоустройство города Ставрополя в середине XIX века

В 1844 году Ставрополь состоял из 38 улиц и переулков, 3 площадей. Из них только 6 улиц было мощено камнем, площади были не мощены. В городе было 567 зданий, принадлежащих городу и городским обывателям. В середине XIX в. город был почти весь деревянным, только 121 здание было построено из кирпича. В основном это были постройки, принадлежащие правительству, церквям, дворянам и купцам. Основная же часть жителей строила себе деревянные дома. Строительство каменного дома было очень дорогим: только за заготовку камня на городских каменоломнях городская казна брала с обывателей по 30 копеек серебром за каждую сотню (1).

Проживание в губернском городе обязывало горожан украшать город внешним видом своих домовладений. Постройка домовладения была не просто личным делом обывателя, это была еще одна повинность, налагаемая на него государством, которую ему следовало неукоснительно выполнять. В «Положении об устройстве областного г. Ставрополя» был следующий пункт: «постройка новых деревянных обывательских строений и перемена фасадов старых незначительных строений не иначе производится как по Высочайше одобренным чертежам. Каждый из обывателей города Ставрополя, желающий произвести постройку дома, объявляет об оном (строительному) Комитету письменно и ожидает от него разрешения» (2). Жители не могли строить себе дом, исходя из финансовых возможностей, потребности семьи в жилом пространстве. Такое положение в строительстве личных домовладений привело в 60-х гг. XIX в. к тому, что многие из горожан, обремененные еще и постоянной повинностью, не имели средств, а главное желания благоустраивать свои дома. Городские власти начинали бить тревогу и указывать на тот факт, что горожане, крайне стесненные постояльцами, не только помещений для семьи не имеют, но также не могут заниматься ремеслом, зарабатывать себе на пропитание и, следовательно, не имеют средств к улучшению своего жилья.

Низкий материальный достаток большей части городских жителей создавал более зримую проблему обустройства городских улиц. Устанавливалось, что «... поддержание устроенных по улицам мостовых и шоссе должно уже лежать на

обязанности обывателей каждого противу своего дома» (3). Тротуары и дороги перед домами горожан должны быть одинаковыми по качеству работ и по использованному материалу. Оба условия были обременительны для горожан, и с этой обязанностью горожане справлялись весьма редко. Причин для этого было немало, как объективного, так и субъективного характера. Прежде всего, обустройство тротуаров требовало от городских обывателей затрат денежных. Необходимо было для постройки или исправления тротуара приобрести камень на городских каменоломнях, заплатить за его выломку, доставку и нанять человека, который мог бы уложить тротуар перед домом с оплатой за его труд. Горожане низкого материального положения часть таких работ старались выполнить сами, чтобы сэкономить свой и без того скудный бюджет. Но таких добросовестных обывателей было мало.

Как правило, городские жители не спешили откликнуться на законные требования властей о наведении порядка на улицах. Многие горожане, получая повестку от городских властей, стараясь избежать нареканий, писали в расписках о своем желании и согласии приступить к выполнению работ. На самом деле это было элементарное желание оттянуть во времени исполнение этой повинности в надежде на то, что власти попросту забудут об этом. Некоторые из горожан напрямую заявляли, что приступить к ремонту тротуара не могут, основной причиной указывая отсутствие для этого средств. Наиболее образованные из горожан: чиновники, военные чины, – указывали на промахи со стороны властей, говоря о том, что необходимо прежде всего пригласить землемера, который в течение двух лет не может провести границу тротуара, без которой нет смысла начинать работы.

Видя и понимая, что городские жители, особенно их беднейшая часть, не в состоянии самостоятельно выполнять эту повинность, городские власти старались пойти на уступки, предлагая жителям делать каменным «край тротуара и канаву, остальная часть к постройке может быть засыпана битым камнем и тирсом» (4), т. о., сократив расходы. Но и эта уступка не решала проблемы. Улицы города оставались непроходимыми после дождя, в выбоинах скапливалась дождевая вода. Многие из горожан откровенно выбрасывали мусор на улицы города. Особенно яростные препирательства городских властей были с жителями центральной улицы, «которые отказывались от починки мостовой, считая это весьма отяготительным для себя против прочих жителей, тем более, что в Ставрополе улица вымощена только одна и в ненастное время по оной пользуются и другие домохозяева» (5). В 1837 г. выход из этого положения нашли следующий: была открыта подписка между горожанами всех сословий, где предоставлялось каждому «на волю» выбрать, что пожертвовать на обустройство

центральной улицы: «деньги, камень или песок» (6). В результате этой подписки улица была приведена в надлежащий вид.

В 1842 г. жители города, «видя невозможность соблюдать сами, как бы следовало чистоту и опрятность» (7), ходатайствовали перед городскими властями о том, чтобы «очистка канав, тротуаров и улиц по линии домов их была производима арестантами арестантской роты Гражданского ведомства, с платою в год от каждого дома... денег» (8). Начальством арестантской роты была определена плата за «очистку канав, тротуаров и улиц с каждого дома в год по 10 рублей ассигнациями» (9). А беднейшим из жителей, живущих на центральных улицах, устройство тротуаров сделать без всякой платы.

Арестантская рота в Ставрополе была создана в 1838 году «по примеру таковых учрежденных в Новгороде и Пскове... согласно Высочайшему Его Императорскому Величеству повелению...» (10). Она являлась ярким примером организации работы, ее оплаты и условий, которые устанавливало государство. В роту поступали «... способные к работе беглые и бродяги... имевшие от 35 до 40 лет; или к заключению в рабочие дома; люди дурного поведения, отдаваемые по приговору общества или по воле помещика для исправления» (11). Основной контингент роты состоял из физически сильных мужчин, попадавших в роту под категорией бродяг. Чаще всего такими на Кавказе оказывались те, кто самовольно шел на переселение, или не причисленные к сельским обществам отставные солдаты. В 1838 году в арестантской роте находилось 83 человека (12). Многие из них обладали определенными трудовыми навыками, знали ремесло. Сама рота была сформирована как замкнутая структура, которая обеспечивала свой быт и существование самостоятельно. Среди арестантов были свои «кошевар, хлебопек, артельщик и парашник», сапожники и портные для шитья нижним чинам и арестантам сапог и амуниции (12). В ведомостях оплаты труда работа этой категории арестантов выделялась отдельной строкой. Плата за работу арестантов поступала в артель арестантской роты для улучшения пищи и исправления одежды (13).

Были строго оговорены рабочие дни для арестантов. В Ставрополе арестанты работали с понедельника по субботу, крупные религиозные праздники для них становились выходными днями. На начальство возлагалась обязанность организовывать и следить в праздничные дни за посещением храма. Вторая половина субботнего дня отводилась на посещение бани. Воскресный день считался для всех арестантов выходным. Рабочие получали определенную плату, «полагая по 14 копеек на человека в каждый рабочий день» (14). Плата эта была стандартной для арестантских рот Российской империи. В Ставрополе для арестантской роты в 1838 году была установлена следующая плата за работу:

Рабочему   1 руб. 80 к.

простому	
Каменщику	2 руб. 50 коп.
Штукатуру	3 руб. 50 коп.
Кровельщику	3 руб. 50 коп.
Стекольщику	3 руб. 50 коп.
Маляру	3 руб. 50 коп.
Печнику	3 руб. 50 коп.
Столяру	4 руб.
Плотнику	2 руб. 50 коп.
	(15).

Плата арестантам основывалась на плате, которая существовала в Ставропольском уезде для ремесленников, но, следует предполагать, что арестанты не получали за свой труд такой высокой оплаты. Тем более, как отмечал заведующий арестантской ротой капитан Христофоров, арестанты, «не будучи опытны к работам, весьма медленно производят оные» (16).

В городе арестантская рота привлекалась на работы, связанные с поддержанием чистоты улиц и благоустройством дорог и тротуаров. Для этого арестанты самостоятельно заготавливали камень на городских каменоломнях, ломали и обделывали плиты по заказу городского населения. Чаще всего заказчиками на такие работы выступали зажиточные горожане: купцы, военные чины. В связи с тем, что горожане приглашали арестантов выполнять работы по благоустройству своих частных домов и заведений, в ведомостях появилась отдельная строка – частные работы. И если казенные работы выполнялись по минимальным расценкам, то за частные работы с владельцев брали плату серебром (17). В то же время нередки случаи, когда произведенные арестантами частные работы горожанами не оплачивались. Этот факт заставлял обращаться заведующего арестантской ротой к городским властям (18). Чаще всего такие обращения оставались без последствий.

Работы, которые выполняли арестанты, зависели от сезона. Зимой рабочие арестантской роты занимались выломкой камня, обтесыванием каменных плит, подвозом ротного сена, чисткой на центральных улицах города тротуаров и канав, исправлением мостовых и улиц (19). Летом, помимо вышеперечисленных работ, появлялись новые виды: поправляли пруд в Бабином саду, поливали молодые деревья на Большой улице, занимались отстрелом бродячих собак, работали плотниками, столярами в казенном губернаторском доме, на строительстве колодца на бульваре, выполняли разнообразные заказы от частных лиц: пошив костюма, укладка камней в подвале, переделка тротуара у дома купца, изготовление склепа и т.д.

Ежемесячно к городским властям отправлялась ведомость с перечислением произведенных работ, количеством занятых на работах арестантов и суммой денег за произведенные работы, которую следует выплатить. Максимальное количество арестантов было задействовано обычно на работах, где требовался физический труд. Так, например, на переделке тротуаров ежедневно участвовало от 10 до 18 человек, на открытии лавы для ломки камня от 12 до 36 человек, на ломке камня – 40 человек, при бульваре – 94 человека (20). Тут же отмечалось, что «по неимению амуниции и инструмента оставались праздными в течение месяца 491 человек» (21).

В отличие от Ставрополя благоустройство населенных пунктов на Кавказских Минеральных Водах имело несколько иной характер. Правительство было заинтересовано прежде всего в развитии этого региона как лечебного края и курорта, поэтому большое внимание уделялось устройству казенных зданий. На первых этапах поселения и расположения вблизи регулярных войск задачу строительства казенных зданий выполняли воинские части, из-за недостатка мастеровых и рабочих (22).

Использованная литература и источники:

1. ГАСК Ф. 71, оп. 1, д. 989, Л. 67
2. ГАСК Ф. 444, оп. 1, д. 1942, Л. 25-25 об.
3. ГАСК Ф. 444, оп. 1, д. 1942, Л. 32-33 об.
4. ГАСК Ф. 188, оп. 2, д. 40, Л. 67
5. ГАСК Ф. 444, оп.1, д. 1139, Л. 8
6. ГАСК Ф. 444, оп.1, д. 1139, Л. 9-9 об.
7. ГАСК Ф. 71, оп. 1, д. 1345, Л. 7об.- 8
8. ГАСК Ф. 71, оп. 1, д. 1345, Л. 7об.- 8
9. Там же
10. ГАСК Ф. 444, оп.1, д. 1942, Л.5
11. ГАСК Ф. 444, оп.1, д. 1942, Л. 59
12. ГАСК Ф. 444, оп.1, д. 1942, Л.166
13. ГАСК Ф. 71, оп.1, д. 41, Л. 14
14. ГАСК Ф. 444, оп.1, д. 1942, Л. 64
15. ГАСК Ф. 444, оп.1, д. 1942, Л 46 об.
16. ГАСК Ф. 444, оп.1, д. 1942, Л. 98-98 об.
17. ГАСК Ф. 444, оп. 1, д. 1942, Л. 330
18. ГАСК Ф. 71, оп. 1, д. 41, Л. 14
19. ГАСК Ф. 71, оп. 1, д. 923, Л. 29
20. ГАСК Ф. 71, оп. 1, д. 41, Л. 14
21. ГАСК Ф. 71, оп. 1, д. 923, Л. 8-8 об., 15, 15 об., 16
22. ГАСК Ф.71, оп. 1, д. 923, Л. 8-8 об.

Лазарчева З. В.

г. Изобильный,
Музей истории Изобильненского района,
старший научный сотрудник

Легендарная личность – Василий Леонтьевич Шатов

В музее истории Изобильненского района бережно хранятся документальные фонды славных сынов и дочерей Ставрополья. В биографиях этих людей, как в капле воды, отразилась история нашей страны. Нелегким и сложным был жизненный путь нашего земляка Василия Леонтьевича Шатова. Подробности его жизни стали известны благодаря тому, что он оставил свои воспоминания.

В.Л. Шатов родился в 1899 г. в с. Терновка Ставропольского уезда в семье крестьянина-середняка. Ныне это село Труновское Ставропольского края. С 1907 по 1911 гг. учился в сельской школе с. Терновского. Окончил 3 класса. До 1915 г. работал с отцом в своем хозяйстве, а потом по найму у местных кулаков. В 1917 г. Василий Леонтьевич вместе с отцом выехал в город Владикавказ, где отец служил в армии. В 1918 г. Шатов вступил в отряд Трунова, в составе которого участвовал в боях в селах Терновском, Донском и их районах.

Трунов Константин Архипович также родился в с. Терновка в 1886 г. в бедной крестьянской семье. В 1912 г. был призван на действительную военную службу рядовым 83-го пехотного Самурского полка в г. Ставрополе. Горячий по натуре, он не мог терпеть несправедливости и через 2 года был осужден военно-полевым судом за выступление против расправы над солдатами. Во время I-ой мировой войны неоднократно проявлял чудеса героизма и стал полным Георгиевским кавалером, получив чин прапорщика. Постепенно, осмысливая политику самодержавия, осознал необходимость повернуть штыки против царизма. Он горячо приветствовал установление советской власти и для ее защиты организовал в начале 1918 г. в родном селе крупный партизанский отряд, первый на Ставрополье. Отряд Трунова часто обращал белогвардейцев в бегство. Многие солдаты из белой армии добровольно вступали в этот отряд.

С приходом Красной Армии в с. Терновское в 1920 г. В.Л. Шатов вступил добровольцем в 4-й Таманский кавалерийский полк, а затем был зачислен в состав 14-й дивизии им. Степина. Сражался в Дагестане, Армении, на границе с Персией, в районе г. Ленкоран. Демобилизовался из рядов Красной Армии в декабре 1922 г. и вернулся в родное село. Общим собранием селян был избран председателем крестьянского комитета. В 1923 г. вступил в кандидаты ВКП(б), а в 1926 г. стал

большевиком. В 1924 г. В.Л. Шатов был послан в годичную совпартшколу г. Ворошиловска, ныне Ставрополь. По окончании партшколы в 1925 г. работал заведующим опорной избой-читальней в с. Московском.

В 1926 г. В. Л. Шатов вошел в члены правления крестьянского комитета с. Терновское наряду с другими большевиками, демобилизованными из рядов Красной Армии. Задача комитета была помогать бедноте села, батракам, заключать договора с кулаками, объединяя их с беднотой по вспашке и уборке хлебов, выдавать единовременную безвозвратную помощь продовольствием за счет кулаков.

Тяжелое было время, когда сосед доносил на соседа, когда в одной семье были и большевики, и эсеры, и меньшевики. Село Терновское до революции слыло богатым, и богатая часть селян не желала делить свои земельные наделы с беднотой-голытьбой. И, как повсюду в России, хлебозаготовки, или как называли это мероприятие официально, продразверстка, как и раскулачивание проходили очень жестко. Много жертв было с обеих сторон. Начинали со споров, а заканчивали нередко убийствами. Встречали обозы с хлебом, жестоко расправлялись с представителями советской власти, поджигали дома активистов. Много крови было в многострадальной России.

С 1927 г. по 1930 г. В.А. Шатов работал пропагандистом РК ВКП(б) Изобильненского района. В этот период он принимал активное участие в коллективизации сельского хозяйства, в хлебозаготовках по уезду. Как пропагандист участвовал в раскулачивании местных кулаков в с. Безопасном.

В 1930 г. Изобильненским РК ВКП(б) был направлен на учебу в комвуз г. Ростова-на-Дону. В 1933 г. несколько месяцев работал в аппарате райкома, после чего работал в МТС с. Московского, председателем колхоза им. ЦИК в с. Подлужном, председателем колхоза им. Димитрова в с. Птичьем, где проработал до 1937 г.

Страшные события 1937 года не миновали и наш край. За время существования тоталитарного режима было репрессировано только в Ставропольском крае 25 тысяч семей крестьян. В Изобильненском районе от несправедливых репрессий пострадало более 500 человек – в основном руководящих работников. Работать было трудно, все подозревали друг друга, доносы в НКВД, как ласточки черные, слетались со всех хозяйств, сел и городов. Появилось новое определение людей: «враги народа» и «не враги». Каждый самый мелкий проступок мог стать последним. Бывшие друзья стали опасаться друг друга.

К октябрю 1937 г. колхоз им. Димитрова успешно справился со всеми сельскохозяйственными работами: и по сдаче хлеба государству, и по заготовке кормов для скота. Осталось распределить хлеб и полученные деньги по

трудодням колхозникам. При проверке пшеницы агроном М. И. Горяной обнаружил клеща. Были приняты все меры по его уничтожению. Пшеница была рассыпана на току для проветривания и просушки. Но...15-16 октября выпал снег, засыпав зерно. В течение нескольких часов зерно было спасено, но, к несчастью В. Л. Шатова, в это время на току был председатель РК ВКП(б), он же редактор районной газеты «Колхозный путь» Гуцин. Естественно, в этот же день об этом «преступлении» было доложено секретарю райкома Л. Я. Борохову. Судьба Василия Леонтьевича была решена на следующий день. Арестованный ранее председатель райисполкома И. А. Мирославский на допросе рассказал о существовании, якобы, в районе антисоветской группы из 73 человек – весь партактив района. В числе 73-х оказался и В. Л. Шатов. Шатов был арестован 20-го октября 1937 г. В течение двух дней были арестованы все 73 человека, в их числе и прокурор района Колесников.

К 1 ноября 1937 г. всех арестованных привезли в краевой центр, и начались допросы, выбивание признаний. Просидел Василий Леонтьевич в краевом центре до 8 марта 1938 года, а затем всю группу осужденных отправили по этапу в Архангельскую губернию на лесозаготовки. Срок был назначен 10 лет без права переписки. Так, в тяжелейших условиях: 700 гр. хлеба в день, баланда, вода – прошло 6 месяцев. После полугода положение улучшилось, стали приходить письма из дома. В лагере В.Л. Шатову добавили еще 10 лет за чтение газеты «Правда». Из газеты узнали, что Ежова сняли с должности и расстреляли. Неожиданно, после 1 года 6 месяцев лагерей, В.Л.Шатов был освобожден и вернулся домой в с. Птичьё. В скором времени в газете «Колхозный путь» появилась статья о реабилитации В.Л. Шатова.

По возвращении В. Л. Шатова домой общее собрание колхозников решило компенсировать полтора года его заключения деньгами и продовольствием. Ему вернули все документы, в том числе и партбилет. С 1939 по 1940 г. В. Л. Шатов работал председателем Изобильненского сельпо. В 1940 г. для усиления колхоза им. Сталина ст. Рождественской направляют его председателем.

В 1942 г. немецкие оккупанты заняли наш край. Василию Леонтьевичу Шатову, Федору Трофимовичу Горбунову поручено принять участие в создании партизанской группы в количестве 50 человек и отправиться на фронт. Отряд вливается в 511 добровольческий кавалерийский полк. В. Л. Шатов участвовал в разгроме фашистов в составе дивизии Льва Михайловича Доватора. Затем 2-й и 3-й Белорусские фронты, 3-й кавалерийский корпус генерала Н. Осликовского. Василий Леонтьевич Шатов был парторгом эскадрона и батальона. В 1942 г. был тяжело ранен, затем в 1944 г. – второе ранение. За мужество и героизм, проявленные в годы Великой Отечественной войны, В. Л. Шатов был награжден орденом Красной Звезды, медалями и благодарностями от Верховного

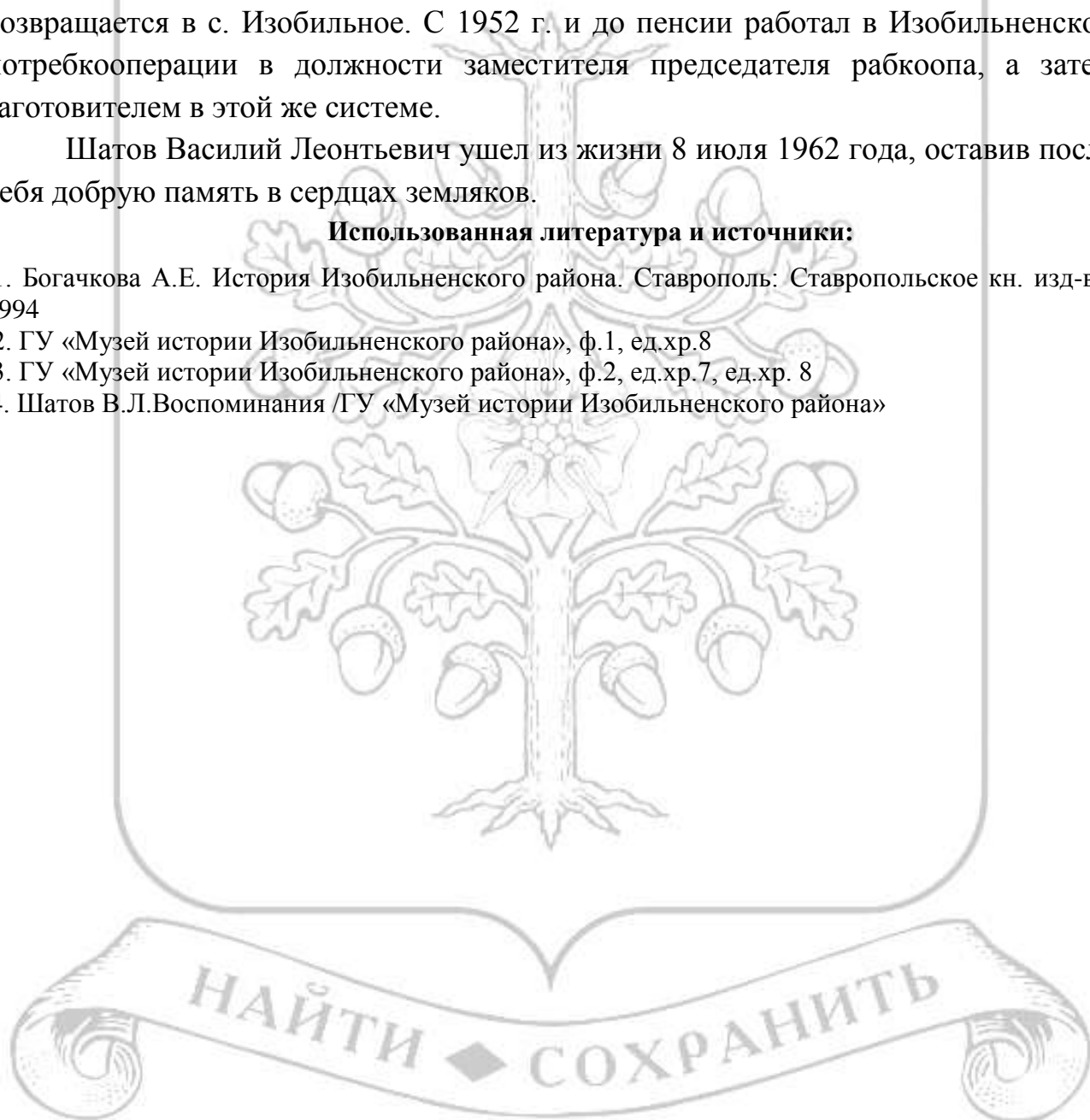
Главнокомандующего. С боями прошел от Ставрополя до Германии, освобождал Польшу, был участником встречи на Эльбе.

После окончания Великой Отечественной войны был направлен председателем в колхоз им. Кагановича (ст. Староизобильная). В 1946-1947 г. работал управляющим пункта заготконторы с. Изобильного. В 1947 г. Василий Леонтьевич уезжает в Южно-Сахалинск, где работает начальником транспорта в леспромхозе и председателем колхоза «Победа». В 1951 г. В. Л. Шатов возвращается в с. Изобильное. С 1952 г. и до пенсии работал в Изобильненской потребкооперации в должности заместителя председателя рабкоопа, а затем заготовителем в этой же системе.

Шатов Василий Леонтьевич ушел из жизни 8 июля 1962 года, оставив после себя добрую память в сердцах земляков.

Использованная литература и источники:

1. Богачкова А.Е. История Изобильненского района. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1994
2. ГУ «Музей истории Изобильненского района», ф.1, ед.хр.8
3. ГУ «Музей истории Изобильненского района», ф.2, ед.хр.7, ед.хр. 8
4. Шатов В.Л. Воспоминания /ГУ «Музей истории Изобильненского района»

Научно-просветительная деятельность музея

(К 40-летию Кисловодского историко-краеведческого музея «Крепость»)

Кисловодский историко-краеведческий музей «Крепость» был открыт к 20-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 9 мая 1965 года (1, с.273). Этому важному событию в культурной жизни Кисловодска предшествовала многолетняя подготовительная работа местных краеведов, энтузиастов музейного дела и любителей старины – братьев Б.С. и Е.С. Виноградовых, Н.Н. Михайлова, супругов И.Т. и Я.М. Тулиновых, Г.А. Кожухаря, В.С. Брансбурга, А.Н. Вардзигулова, П.Т. Юшкина, Н.Л. Коваленко, В.П. Соколова, И.Г. Наумчика, А.Е. Евтихина (2, с.124-133). Особенно следует подчеркнуть участие в создании музея известного среднеазиатского археолога академика М.Е. Масона (г. Ташкент), докторов наук Г.А. Пугаченковой и В.В. Бобина, кандидатов исторических наук Е.П. Алексеевой, П.Г. Аркритаса и других, которые положили начало научно-исследовательской и просветительской работе музея (3, с.4-11).

Созданный в начале как народный музей, в 1971 году он стал филиалом Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе, внося таким образом свой вклад в 100-летнюю историю ведущего музея нашего края. В 1998 году музей получил статус самостоятельного учреждения культуры, но его тесные научно-методические связи с краевым музеем постоянно продолжали укрепляться (4, с.8-9).

Цель данного исследования – проследить становление и развитие научно-просветительской деятельности музея «Крепость», которой придавалось большое значение буквально с первых дней его работы (5).

Начальные шаги в этом направлении были сделаны при участии одного из основателей музея Николая Николаевича Михайлова (1902-1971 г.г.) (6, С.170-173). С момента открытия музея и до конца жизни он был внештатным заведующим археологическим отделом музея. Вместе с членами археологической секции Кисловодского краеведческого общества и местными краеведами он открыл и частично обследовал более 150 памятников V - IV тыс. до н.э. – XVIII в. н.э. Он подготовил ряд материалов в научных изданиях и около 50 публикаций в

периодической печати о многих интересных археологических находках в Кисловодске и его окрестностях (7, с.10).

Краевед, археолог-любитель (по специальности инженер-строитель), Андрей Петрович Рунич (1911-1986 г.г.) с 1957 года вел самостоятельные раскопки в Кисловодской котловине. На археологических картах КМВ, составленных А.П. Руничем, отмечен 271 памятник археологии, из них свыше 80-ти процентов обнаружено им и его учениками. По результатам исследований он опубликовал более 200 материалов в научных изданиях и периодической печати. В 1996 году директор музея к.и.н. С.Н. Савенко и научный сотрудник Я.Б. Березин в серии «Северокавказские историки и краеведы» опубликовали биобиблиографический очерк о А.П. Руниче (8).

В 1978 г. к 175-летию Кисловодска музей выпустил два проспекта об истории города, в которых предпринята попытка дать хронологию и краткое изложение важнейших событий в его истории (11).

С начала 1980-х гг. публикуются первые научные исследования научного сотрудника музея, профессионального археолога Я.Б. Березина, посвященные памятникам Кисловодской котловины и других районов Центрального Предкавказья (10, с.113-118; 11, с.43-48 и другие).

Большую помощь в организации научно-исследовательской работы музея оказал известный кавказовед, доктор исторических наук, профессор Чечено-Ингушского госуниверситета В.Б. Виноградов (ныне профессор Армавирского госпединститута, заведующий кафедрой регионоведения и специальных исторических дисциплин, академик Международной академии информатизации) (12). Плодотворное сотрудничество музея с академиком В.Б. Виноградовым продолжается и в настоящее время (13).

Музей с 1992 г. стал местом проведения научных конференций, круглых столов, тематических вечеров и встреч не только регионального, но и российского и международного уровней. Так, в 1992-93 годах здесь были проведены два международных семинара по линии Российского национального комитета ЮНЕСКО в плане реализации программы «Великий шелковый путь – путь диалога культур» (14, с.5-8). В Кисловодске неоднократно проводились международные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа, посвященные памяти выдающегося кавказоведа, лауреата Ленинской премии, доктора исторических наук, профессора Евгения Игнатьевича Крупнова (1904-1970 гг.), в которых приняли участие наряду с известными учеными-археологами и сотрудники музея. Материалы этих конференций были изданы и востребованы в научных кругах России (15). В этом же ряду стоит и состоявшаяся в музее в октябре 1992 г. первая на КМВ региональная научная археологическая

конференция, посвященная 90-летию со дня рождения археолога-любителя Н. Н. Михайлова (16).

Уже с начала 1970-х гг. музей и его сотрудники участвуют в совместных с центральными (ГИМ, ИА РАН), региональными и местными научными и образовательными учреждениями археологических экспедициях. И в 1990-е гг. подобная деятельность значительно активизировалась. С 1995 г. экспедиция московских археологов под руководством к. и. н. И. А. Аржанцевой (Институт этнологии и антропологии РАН) совместно с местными археологами проводит регулярные археологические раскопки на городище «Горное эхо» в районе Кисловодска. За это время выявлены остатки раннесредневекового укрепления – аланской крепости VI - IX вв. Накопленный материал об уникальном памятнике военного зодчества позволил поставить вопрос о музеефикации данного объекта. Ведущим методистом музея С.Н. Савенко разработана и опубликована научная концепция создания на базе городища «Горное эхо» музея под открытым небом (17). С 1996 г. проводятся масштабные разведочные и локальные раскопочные работы в Кисловодске и окрестностях научным отрядом ИА РАН под руководством научного сотрудника Института к. и. н. Д. С. Коробова. Результаты этих исследований, а также обобщенные данные о более 800 древних и средневековых памятниках района, выявленных за более чем 200-летний период их изучения, представлены в совместной монографии Г.Е.Афанасьева, С.Н.Савенко и Д.С.Коробова (18).

В 2003 году в музее совместно с Центральным Советом ВООПИК и Ставропольским государственным университетом проведена Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 200-летию КМВ и Кисловодска, на которой было заслушано 38 докладов, в том числе 3 доклада сотрудников музея (19, с. 47-53, 101-106, 114-119).

В 2004 году на базе музея были проведены научные конференции: «Русская общественная мысль и православная церковь в XIX в.», посвященная 200-летию со дня рождения философа-славянофила А.С. Хомякова и 160-летию Ставропольской и Владикавказской епархии (20), а также «История и перспективы развития туристско-экскурсионной деятельности на Ставрополье», посвященная 70-летию со дня рождения краеведа В.М. Апанасевич. Плодотворным оказалось заседание международного круглого стола «Проблемы сохранения археологического наследия» (21).

10-летию регулярных археологических исследований на городище «Горное эхо» было посвящено заседание круглого стола 16 августа 2005 года, в котором приняли участие ученые-археологи из Москвы, Ставрополя и местные краеведы.

Своеобразным подведением итогов научно-исследовательской работы музея за четыре десятилетия стало открытие в 2004 г. лапидария – выставки крупных

каменных предметов – памятников археологии и этнографии под открытым небом, начиная с III тыс. д.н.э. и до начала XX в.(22). Была проделана большая работа по научной атрибуции памятников, а собранные материалы были представлены в 2005 г. на краевой конкурс профессионального мастерства «Лучший музейный работник года» и отмечены Грамотой Министерства культуры Ставропольского края.

Важным событием в изучении истории Кисловодска стал выход в свет сборников документов: «Кисловодск в исторических документах. 1803-1917 гг.» и «Самоуправление Кисловодска. Нормотворческая работа Совета г. Кисловодска в 1996-1999 гг.». Оба издания подготовлены при участии ведущего методиста музея к. и. н. С. Н. Савенко (23; 24).

Сотрудники музея принимают участие в научных конференциях различного уровня, проводимых в научных учреждениях, музеях и учебных заведениях. Ими были представлены сообщения на международную научно-практическую конференцию «Человек в пространстве культуры» (Ростов н/Д, апрель 1998 г.) (25, с.177-178), 2-е Толстовские чтения на Кавминводах (Пятигорск, ноябрь 2001 г.) (26, с.53-57), 1-е Прозрителевские чтения (Ставрополь, ноябрь 2004 г.) (27, с.114-121), заседание круглого стола, посвященное 120-летию со дня рождения Дмитрия Михайловича Павлова (1884-1931 г.г.) (Пятигорск, ноябрь 2004) (28), региональную научно-практическую конференцию, посвященную 60-летию Великой Победы (Ставрополь, апрель 2005 г.) (29, с.64-68).

В 1970 - 1990-е годы прошлого века научными сотрудниками и членами общественного совета музея была проделана большая работа по увековечению памяти кисловодчан, павших в боях с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. В начале имена погибших (более 5,5 тыс. человек) были внесены в рукописную Книгу памяти (турникеты). Благодаря многолетней кропотливой поисковой работе научных сотрудников Э.Н. Казьминой, Е.И. Зайцевой, при поддержке администрации города, в 1995 году тиражом в 200 экземпляров была издана кисловодская городская «Книга Памяти» (30). В последующие годы, при участии сотрудников музея и общественности, в том числе руководителя детского краеведческого объединения Корнетовой С.П., продолжалось выявление и уточнение имен погибших защитников Отечества. К 60-летию Великой Победы 8 мая 2005 года у мемориала «Журавли» была открыта Стена Памяти, на которой в мраморе высечены имена кисловодчан, погибших в годы Великой Отечественной войны (31).

В 1996-1997 гг. при участии и поддержке директора музея С. Н. Савенко и главного хранителя Е. И. Зайцевой были изданы книги одного из создателей музей, участника Великой Отечественной войны, краеведа и писателя Евгения Сергеевича Виноградова (1912-2000 гг.) (32, с.141-146) об истории Кисловодска.

Они по сей день являются ценным научно-популярным пособием для школьников, студентов и всех интересующихся прошлым и настоящим родного края (33; 34).

В 1974 г. в Кисловодске был открыт музей истории космонавтики в память выдающегося советского ученого, одного из создателей отечественной ракетной техники Фридриха Артуровича Цандера (1887-1933 гг.) (35). В 1933 году Ф. А. Цандер, руководивший тогда группой по изучению реактивного движения в Москве (ГИРД), приехал на отдых в Кисловодск. Но по пути на курорт он заболел, скончался здесь и был похоронен на Братском кладбище (36). В конце 50-х годов прошлого века было принято правительственное постановление об увековечении памяти пионера советского ракетостроения в г. Кисловодске.

С 1993 года музей имеет статус отдела историко-краеведческого музея «Крепость» (37). За 30 лет существования музея истории космонавтики его сотрудники подготовили более 40 публикаций в периодической печати и статей в научных сборниках по вопросам истории космонавтики, деятельности выдающихся ученых и космонавтов, представили ряд сообщений на научные конференции (38, с.94-97).

Большое внимание в повседневной деятельности музея уделяется популяризации богатейшего историко-культурного наследия Кавказских Минеральных Вод. За последние 10 лет в периодической печати, научных сборниках и краеведческих альманахах опубликовано свыше 200 материалов сотрудников музея по историко-краеведческой тематике, подготовлено более 120-ти передач по радио и телевидению (39). Краеведческий диапазон научных и популярных материалов довольно широк. Это памятники природы, истории, культуры, архитектуры и археологии Кавказских Минеральных Вод, история Кисловодска, выдающиеся государственные деятели, светила отечественной культуры, знаменитые люди КМВ и др. С 2003 г. историко-краеведческий музей «Крепость» совместно с городским еженедельником «Кисловодская газета» осуществляет интересный научно-краеведческий проект «Старый Кисловодск» – четырехполосное приложение к еженедельнику, посвященное важнейшим событиям в истории города и региона (опубликовано 11 выпусков) (40).

К 200-летию Кавказских Минеральных Вод и Кисловодска сотрудниками музея (Р.К. Гочияева, Е.И. Зайцева, И.А. Лачинов, С.С. Лузин, С.Н. Савенко) подготовлен ряд очерков по истории Кисловодска, опубликованных в различных изданиях (41). Научно-просветительная работа сотрудников музея продолжается.

Использованная литература и источники:

1. Российская музейная энциклопедия. Том 1. М., Прогресс, «Ринол-классик», 2001
2. Зайцева Е.И. Страницы музейной летописи. //Ставропольский хронограф на 2005 год. Краеведческий сборник. – Ставрополь, 2005

3. Савенко С.Н. Из истории Кисловодского краеведческого музея. //Апрельские культурные чтения. Часть 1. Проблемы сохранения и использования культурного наследия Кавминвод. Материалы конференции в Кисловодском институте экономики и права в апреле 1997 г. Кисловодск, 1997
4. Лузин С., Зайцева Е. Музей «Крепость». //Волшебный Кисловодск. К 200-летию юбилею КМВ. М.: «Наследие народов Российской Федерации», 2003
5. Кисловодский филиал Ставропольского краевого краеведческого музея имени Г.К.Праве. Отв. ред. Л.М. Мерцалов. Кисловодск, 1975
6. Савенко С.Н. Николай Николаевич Михайлов (К 100-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 2002 год. Краеведческий сборник. Ставрополь, 2002
7. Археология и краеведение Кавминвод. Материалы 1-ой региональной конференции. Ред. Савенко С.Н. Кисловодск: ККМ, КНИФСЦ, 1992
8. Березин Я.Б., Савенко С.Н. Рунич Андрей Петрович. Био-библиографический очерк. Вып. 1. Под ред. В.Б.Виноградова. Армавир-Кисловодск, 1966. 12 с.
9. «Кисловодск в прошлом и настоящем»; «Кисловодск. 1803-1978». Проспект. – Кисловодск, 1978
10. Виноградов В.Б., Березин Я.Б., Савенко С.Н. О чем рассказывают монеты...// «Ставрополье». Альманах, № 4. Ставрополь, 1983
11. Березин Я.Б. К вопросу о кочевничестве сарматских племен в Центральном Предкавказье // Археология и вопросу социальной истории Северного Кавказа. Грозный: ЧИГУ, 1984
12. Виноградов В. Горы, столетия, люди. //«Кавказская здравница», 1968 г., 10 сентября.
- Виталий Борисович Виноградов. Био-библиографические сведения. Под ред. академика РАН В.Л.Янина. – Армавир, 1998. – 104 с.
13. Лачинов И. Встречи с ученым. // «Кавказская здравница», 1997 г., 5 мая
14. Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья. Сборник тезисов докладов. Отв. ред. к.и.н. С.Н.Савенко. Кисловодск, 1994
15. XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Кисловодск, 1994 70 с.; XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Кисловодск, 2000 160 с.;XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Ессентуки-Кисловодск, 2002 144 с.
16. Археология и краеведение Кавминвод. Материалы 1-ой региональной конференции. Ред. к.и.н. С.Н.Савенко. – Кисловодск, 1992 61 с.
17. Аржанцева И.А., Савенко С.Н., Сычев А.А. Кисловодский археологический музей под открытым небом «Горное эхо». Основы концепции. Кисловодск, 2003. 44 с.
18. Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. Древности кисловодской котловины. М.: Научный мир, 2004
19. Гочияева Р.К. Развитие законодательства Российской империи в области проблем охраны минеральных источников во второй половине XIX в.; Лачинов И.А. Краевед Валерия Михайловна Апанасевич; Лузин С.С. Евгений Сергеевич Виноградов и его роль в сохранении историко-культурного наследия города Кисловодска. // Историко-культурное наследие Кавказских Минеральных Вод и преемственность поколений. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 21-22 мая 2003 г., г. Кисловодск. Ставрополь, 2003.
20. Русская общественная мысль и православная церковь на Северном Кавказе. Материалы научно-практической конференции (23.04.2004 г. – Кисловодск). Кисловодск, 2004. 52 с.
21. - Федотов А. Как бороться с «черными археологами»? // «Меридиан КМВ», 2004 г., 2 ноября, № 44;
- Беловицкая О. Прошлое становится ближе. // «На Водах», 2004г., 2 ноября, № 44;
- Лузина Н. Воскрешая сокровища. // «Кавказская здравница», 2004 г., 12 ноября, № 198
- 22.- Пересыпкина В. Каменные бабы – стражи музея «Крепость». // «Ставропольские губернские ведомости». 2004 г., 26 августа. № 152-253

- Куксов В. «Каменные гости» Кисловодской крепости. // «Кавказская здравница», 2004 г., 14 сентября. № 160
23. Кисловодск в исторических документах. 1803-1917 г.г. Сборник документов. Составитель сб. С.И.Несмачная. Вступит. статья «Страницы истории Кисловодска» С.Н.Савенко. Ставрополь, 1997. 191 с.
24. Самоуправление Кисловодска. Нормативно-правовая деятельность Совета города Кисловодска в 1996-1999 гг. Автор и сост. С.Н.Савенко. Кисловодск, 1999. 72 с.
25. Гочияева Р.К. Культура народов Северного Кавказа и России в XIX в. // Материалы Международной научно-практической конференции «Человек в пространстве культуры». Ростов-на-Дону, 1998
26. Гочияева Р.К. История одной фотографии. // Л.Н.Толстой: жизнь, судьба, творчество. Кавказский контекст. 2-е Толстовские чтения на КМВ. Научный ред. А.В.Очман. Пятигорск, 2001.
27. Савенко С.Н., Лачинов И.А. Лapidарий Кисловодского музея. // Прозрителевские чтения. Выпуск 1. Сб. материалов научно-практической конференции. Ставрополь, 2005
28. Служа Отечеству. Материалы к круглому столу, посвященному 120-летию со дня рождения Д.М.Павлова. Научный редактор Л.И. Краснокутская. Пятигорск, 2004. 28 с.
29. Лачинов И.А. Госпитальная база Кисловодска в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 г.г.). // Исторический опыт Великой Победы и современность. Материалы региональной научно-практической конференции. Ставрополь, 2005
30. Книга Памяти. Кисловодск. Ред. проф. В.К. Товкань. Минеральные Воды, изд-во «Кавказская здравница», 1995 г. 365 с.
31. Гуцал А. Неугасимой памяти огни. // «Кисловодская газета», 2005 г., 11 мая, № 19
32. Никитина А.В. Пути-дороги Евгения Виноградова (к 90-летию со дня рождения). В соавторстве с С.С.Лузиным. // Ставропольский хронограф на 2002 г. Краеведческий сб. – Ставрополь, 2002
33. Виноградов Е.С. Семь чудес у Кислого Колодца. (Исторические заметки. Легенды и сказания). Кисловодск, 1996
34. Виноградов Е.С. Кисловодск и кисловодчане в Великой Отечественной войне. - Кисловодск, 1997. 99 с.
35. Зильманович Д.Я. Пионер советского ракетостроения Ф.А.Цандер. М.: Воениздат, 1966. 192 с.
36. Лачинова Л. Звезда Цандера. // «Кавказская здравница», 2002 г. 31 августа, № 136
37. Российская музейная энциклопедия. Том 1. - М., Прогресс, «Риол-классик», 2001, - с.290
38. Лачинова Л.А. Роль музея космического профиля в патриотическом воспитании учащейся молодежи. // «Российский научно-технический музей: проблемы и перспективы». VIII научно-практическая конференция. Москва, 16-18 декабря 2002 г. – М., «Новая школа», 2003
39. Лузин С.С. Властелины минувших эпох. // «Кавказская здравница», 2005 г., 30 июля, № 94
40. См.: «Кисловодская газета», Спецвыпуск «Старый Кисловодск». 2002 г.:
- выпуск № 1 (20 ноября, № 47) – Архитектура Кисловодска. Курортный парк;
  - выпуск № 2 (18 декабря, № 51) – Лермонтовские места Кисловодска. Нарзанная галерея. Плато Бермамыт;
  - выпуск № 3 (2003 г., 21 мая, № 21) – Страницы истории Кисловодска. К 200-летию основания города;
  - выпуск № 4 (2004 г., 24 марта, № 12) – Художник Н.А. Ярошенко;
  - выпуск № 5 (2004 г., 5 мая, № 18) – Замечательные люди на КМВ: Ф.А.Цандер, А.И. Солженицын, Е.А. Смирнов-Каменский;
  - выпуск № 6 (2004 г., 7 июля, № 27) – Достопримечательности Кисловодска;
  - выпуск № 7 (2004 г., 17 ноября, № 46) - Ф.И.Шалапин;
  - выпуск № 8 (2004 г., 15 декабря, № 50) – М.Ю.Лермонтов. К 190-летию со дня рождения;
  - выпуск № 9 (2005 г., 2 марта, № 9) – театр-музей «Благодать»;

- выпуск № 10 (2005 г., 4 мая, № 18) – Курорт работал на победу. (К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне);
- выпуск № 11 (2005 г., 13 июля, № 28) – К 40-летию Кисловодского историко-краеведческого музея «Крепость»

41. - Памятники Отечества. Краеведческий альманах. № 49. Кавказские Минеральные Воды. М., 2001

- История городов и сел Ставрополя: Краткие очерки // научные редакторы проф. Д.В.Кочура и проф. А.А.Кудрявцев. Ставрополь, Кн. изд-во, 2002. 702 с.

- Кисловодск. Путеводитель Карты города и парка. Достопримечательности. История курорта. Автор проекта В.И.Пилипенко. Консультанты С.С.Лузин, С.Н.Савенко. Пятигорск: Картиформ, 2003

- Кавказские Минеральные Воды – благословенная земля курортов и туризма. Юбилейный путеводитель. Гл. ред. С.Г.Сафарова, К.И.Овечкин. Ессентуки: Изд-во «Россы». 2005. 344 с.

О роли краеведческого музея в организации экологического туризма в Ставропольском крае

В настоящее время во многих странах мира экологическому туризму уделяется все большее внимание. И это не случайно. Экотуризм обладает огромным экопросветительским и рекреационным потенциалом.

В Ставропольском государственном университете, где имеются достаточно квалифицированные кадры, а также специальность «экология и природопользование», создан молодежный туристический центр «Alcedo» (Зимородок).

Центр предлагает широкий спектр деятельности:

- научные и познавательные туры (орнитологические, ботанические, ландшафтно - географические, археологические, этнографические);
- организация и проведение летней студенческой практики;
- организация маршрутов выходного дня.

Как показывает зарубежный опыт, основную долю в экотуризме составляют туристы-орнитологи. Поэтому в перспективе целью работы туристического центра будет развитие экотуризма на основе формирования устойчивого существования редких видов птиц и оптимизации их взаимоотношений с человеком.

Какие же задачи ставит центр?

Прежде всего это:

- осуществление ежегодного мониторинга численности, состава и распределения птиц и выработка рекомендаций по их сохранению;
- выявление интересных мест с точки зрения организации наблюдений за птицами;
- формирование урбанизированных популяций редких видов птиц таких как сапсан, стервятник, белоголовый сип, бородач, и др.;
- сооружение искусственных гнездовий для хищных птиц;
- разработка технологии организации подкормки хищных птиц в курортных зонах городов Кавказских Минеральных Вод и организация экскурсий к местам кормления и гнездования хищников;

- организация демонстраций туристам свободного полета крупных хищных птиц с одновременной природоохранной программой оптимизации взаимоотношений крупных пернатых птиц и человека;
- подготовка и издание буклетов, посвященных пропаганде сохранения урбанизированных популяций редких видов птиц;
- развитие экологического туризма и экологическая заинтересованность местных жителей в сохранении поселений редких видов птиц.

Следует заметить, что Ставрополье имеет возможности для развития орнитологического туризма в различных уголках и в разные сезоны года. Наиболее интересными для туристов-орнитологов в нашем регионе является курортная зона Кавказских Минеральных Вод и Кумо-Манычская впадина.

Рельеф КМВ представлен куэстами Пастбищного хребта, который разделен речными долинами на ряд хребтов: Боргустан, Дарьинский, Джинальский, Кабардинский с наивысшей отметкой 1603 м. Эти хребты имеют обрывистые южные склоны, переходящие в платообразные участки с каньонообразными долинами. В животном населении достаточное место занимают виды, распространенные в основном в горах Кавказа. Из птиц на данной территории находятся колонии сипов, поселения стервятников, бородачей, сапанов, змеяядов, малых подорликов. Здесь чаще, чем в других районах, встречаются ворон, филин, беркут, а также много лесных птиц. Привлекательно и то, что в Кисловодске большую часть года стоит солнечная погода. Это способствует развитию туризма круглый год.

Кумо-Манычская впадина представляет большой интерес своим биоразнообразием. Когда-то давно это озеро было морским проливом, соединяющим древнее Каспийское море с океаном. В настоящее же время это всего лишь узкая полоска соленой воды с каскадом искусственно созданных водохранилищ, протянувшихся вдоль границ Калмыкии и Ставрополья. Это удивительное место сегодня хорошо известно всем орнитологам. Здесь, на сравнительно небольшом водном пространстве, ежегодно собираются для гнездования сотни тысяч(!) самых разных птиц, в числе которых можно встретить и очень редкие виды. По количеству видов и общей численности особей это одна из самых богатых территорий на юге Европейской России. Здесь встречается более 200 видов птиц, из которых около 150 – гнездящихся. Кумо-Манычская впадина является одним из самых крупных мест длительных остановок мигрирующих птиц в пределах России. Здесь можно встретить сотни тысяч гусеобразных и околководных птиц. В настоящее время через долину Маныча мигрирует практически вся мировая популяция краснозобых казарок и большая часть савок. В степях и у соленых озер можно встретить стрепетов, дроф,

степных тиркушек, авдоток и многих других видов! Шум «птичьих базаров» не утихает на островах Маныча не только весной, но и на протяжении всего лета.

Еще большее количество птиц здесь можно наблюдать осенью, когда несметные стаи самых разных пернатых прибывают сюда из далекого Севера для того, чтобы отдохнуть и набраться сил перед последующим дальним и трудным перелетом через горы и пустыни. Многие орнитологи, экологи, фотографы дикой природы и просто любители птиц – бердвочеры – ежегодно приезжают сюда для того, чтобы наблюдать и изучать птиц.

В 2003 году центр молодежного экологического туризма СГУ приступил к работам по изучению уникального биологического разнообразия Кумо-Манычской впадины. Мониторинговые исследования водных и наземных экосистем Кумо-Манычской впадины проводятся с 2000 г. в период прохождения студентами полевых практик. Теперь в этой работе студенты принимают участие не только в период учебной практики, но и в течение всего года. На основе современных ГИС-технологий и имеющихся спутниковых изображений ученые рассчитывают не только регулярно оценивать современную численность и распределение птиц Манычской котловины, но и прогнозировать ее возможные изменения. Это позволит специалистам по охране дикой природы своевременно осуществлять мероприятия, способные поддерживать устойчивое существование уникального биологического разнообразия озера Маныч и развивать здесь управляемый экологический туризм так, как это сегодня осуществляется в большинстве развитых стран мира.

В формировании экологически грамотного туриста и защитника природы родного края решающую роль играет правильно поставленное образование. В решении этой и многих иных проблем заметную роль может играть Краеведческий музей. Сотрудничество ученых, педагогов, музейных работников должно быть направлено на оптимизацию взаимодействия музейного и общего образования. Одной из составляющих такой работы может быть спецкурс для аспирантов, студентов и школьников: занятий и экскурсий на экспозициях и выставках музея. Его экспозиции и фонды в течение всего года могут использоваться при проведении лекционных и практических занятий со студентами и школьниками. Для развития экологического туризма и, в частности, орнитологического, важно уметь различать виды птиц в природе. Для достижения этой цели начинать работу лучше всего с музея. Творческо-поисковые задания ставят перед студентами и школьниками проблему, которую они должны решить в процессе выполнения. Такие задания студенты получают тогда, когда усвоили элементарный фактический материал, просмотрена коллекция, когда они способны, используя запас знаний, самостоятельно определять виды в природе. Одно из направлений такой работы базируется на экспозициях. Музейный

работник (или преподаватель) должен проводить закрепление пройденного при помощи тех экспонатов, которые представлены в экспозиции или на выставках музея. Этот прием помогает решить две равнозначные задачи: привлекать студентов к изучению природы в музее и закреплять пройденный материал через музейные экспонаты. Такие экскурсии возможны и в конечном результате изменяют представление студентов и учащихся о музее. У них возникает желание повторного посещения экспозиции и продолжения занятий по экологии в музее, а потом – в природе.

Сотрудничество с музеем может оказывать помощь студентам в написании курсовых и дипломных работ, подготовке научных докладов, а фонды музея могут пополняться экспонатами, собранными студентами в процессе полевых практик и научных экспедиций.

Можно в перспективе привлекать студентов и аспирантов работать внештатными экскурсоводами и проводить занятия по экологии с детьми младшего и среднего возраста.

Таким образом, с точки зрения маркетинговой политики Краеведческого музея, участие в образовательных мероприятиях является очень перспективным. С одной стороны, работа в рамках этих мероприятий служит своеобразной копилкой новых методов и форм работы, которые в конечном счете меняют представление людей о музее, и мы можем проследить такие изменения. С другой стороны, в процессе такой работы можно выяснить особенности и интересы аудитории, что позволит совершенствовать подходы к посетителю с учетом его потребностей. Сотрудничество Молодежного туристического центра и Краеведческого музея может способствовать продвижению внутреннего и въездного туризма, рекламе отечественного продукта и туристических ресурсов края.

В целом природа нашего края предоставляет немалые потенциальные возможности развития экологического туризма, и Молодежный туристический центр «Alcedo» предлагает совершить увлекательные экскурсии по разработанным нами маршрутам. А роль краеведческого музея – сбор и распространение экологической информации для повышения роли общественности в решении экологических проблем.

Идея цивилизаторской миссии России в северокавказском историописании второй половины XIX – начала XX в.

Сегодня мы являемся свидетелями не только заканчивающейся модернистской эпохи с ее прогрессистским мышлением, но нам уже становится тесно в постмодернистском, расколоте на локусы деконструированном мире. Конечно, для понимания ситуации, в которой находится историческая наука, много сделали философы и историки постмодерна, они, в частности, указали на кризис евроцентричной исторической теории. Процессы деколонизации и мультикультурализации в неевропейских странах и регионах заставили современных историков задуматься о сути европейской истории, представляющей из себя доминирующий, но не единственный тип (по)знания прошлого, кроме которого еще есть восточноазиатский, арабо-исламский и др.

Некогда европейская философия истории и историческая наука манифестировали прогресс как диахроническое культурное развитие, но подразумевали синхроническую шкалу для разных культур, т.е. приписывали в зависимости от степени «развитости» то или иное социальное время человеческим обществам. Как справедливо замечает Ю.В. Павленко, «идея стадильности исторического процесса, уходящая своими корнями в ветхозаветно-древнехристианскую линейную (с эсхатологической перспективой) парадигму восприятия времени, явилась для новоевропейской философии традиционной и широко представленной в различных концепциях» (1, с.215). Поэтому отнюдь не на пустом месте в пост-современной европейской науке стало постулироваться понятие «*колониальное знание*».

Это знание, в том числе ориентализм, позволяло европейским обществам доминировать над всем миром, экспортируя ему свою научную систему или регулируя ее с «туземными системами знания» (2, Р. 783-814). Если последнее явление относится к историческим знаниям Китая, Японии и в некоторой степени Индии, то в Америке, Австралии, Африке, на Северном Кавказе и т.д. модернистская *однолинейная европейская историческая система* была экспортирована и привита развивавшимся под контролем научной европейской историографической практики местным (не знавшим европейского прогресса) историческим занятиям. Однако вызов со стороны Запада для большинства традиционных обществ Востока оказался роковым. Только в исключительных

случаях (Япония, Южная Корея и пр.) мы наблюдаем успешную «вестернизацию», адаптацию передовых технологий Запада к местным ценностям и социокультурным традициям. Но чаще, пишет Павленко, отмечается сперва «шок», а затем «реакция отторжения» (1, с.121). На это особое внимание следует обращать нашей политической культуре, в которой, несмотря на эпоху «после империи», — сохраняются — реваншистско-имперские — амбиции. — Новейшие исследователи обращают пристальное внимание на следы, оставленные европейской наукой о Востоке. Под влиянием Мишеля Фуко Эдвард Сэйд еще в последней четверти XX в. не просто исследовал, а деконструировал европейский ориентализм и пришел к выводу, что он отражает европейское высокомерие и западные предрассудки относительно «загнивания Востока». Ориентализм предоставил Европе чувство ее собственного культурного и интеллектуального превосходства, что в конечном итоге обеспечило Западу в лице Британии, Франции, России (в последующем СССР), Португалии, Испании, Голландии и Германии объяснение западного империализма не как формы завоевания, а как «спасения вырождающегося мира» (3).

Российский классический ориентализм, как замечает Сара Дикинсон, стал складываться с конца XVIII в. (после путешествия Екатерины II в татарский Крым), тогда же в России стали появляться стереотипы «инаковости» и образ «Другого» как онтологически отличного от норм доминирующей европейской культуры (4, Р. 3-25). В этой связи актуальным является выявление в историческом знании и в текстах провинциальных историков и краеведов Поволжья, Урала, Сибири, а также Северного Кавказа черт ориентализма, которые были присущи всей европейской исторической мысли модернистской эпохи.

Современные историки уже усомнились в однолинейности исторической эволюции. Х.Дж.М. Классен замечает, что еще недавно было принято определять эволюцию в категориях нарастания степени сложности и однолинейного развития, но эволюция не однолинейна, а многонаправленна. Такие категории, как «общая», или «универсальная» эволюция, кажется, уже не имеют большого объяснительного значения. Сегодня можно говорить об особом пути развития у горских народов и моделях социально-политического развития кочевых народов). «Таким образом, представляется разумным не рассматривать «усложнение» в качестве основного принципа культурной эволюции. Вместо него желательно поискать другой принцип. Может, это будет понятие структурного изменения» (5, с.6-25).

Мне уже приходилось указывать, что современное историческое знание показывает необходимость исследования не столько исторического *развития*, сколько *пространств культуры*; история сегодня должна находиться в *кросскультурном поле*, а не трактоваться, как ранее, в виде социальной теории

(6). «С кризисом присущих государству функций модернизации и централизации, а также с появлением проблем гражданского общества, пишет Андре Бургьер, культурная парадигма преобладает над политической. Все, что считается местным, составляющим меньшинство, диким, получает права гражданства или, по крайней мере, право на отличие, что способствует развитию релятивистской концепции движения истории» (7, с.6). Интерес представляет не подтверждение универсалий модернистской науки, а изучение «культурных различий». В данном случае я сосредоточу внимание на идее цивилизаторской миссии России на Северном Кавказе, в той или иной форме присущей историописателям второй половины XIX - начала XX вв. Историографическое изучение прежних научных культур, в исследовательском поле интеллектуальной истории, можно назвать *археологией исторического мышления*.

Идея цивилизаторской миссии была присуща всей Европе, и она выросла из привычной для христианского сознания метафоры «развитие». Изучаемая нами историческая мысль прошлого создавалась людьми, и они постигали прошлое и настоящее в свете концептов (стадиальность, линейность и др.) и метафор (развитие и пр.), данных им культурой, в границах которой им суждено существовать и мыслить. Таким образом, одна историографическая культура, предлагавшая свое видение неевропейских обществ, исследуется приемами, определяемыми тоже культурой, – новой историографической культурой. Это дает возможность нашей культуре «понять» собственные качества, т. е. сферу, поле деятельности, содержание самоантропоморфизации и, хотя бы частично, контролировать неизбежное привнесение нашей культуры в изучаемое прошлое и, напротив, рефлексировать о «прошлом» в «настоящем».

Кальпана Сахни расценивает российский ориентализм как общую западную болезнь. Российская наука, литература и школа провели первичную подготовку для последующей военно-политической колонизации Кавказа и Средней Азии, изображая их народы как «дикие» и «варварские», и подкрепляли мысль о цивилизаторской роли идущего к ним централизованного европейского государства (8). В частности, одним из центров пропаганды цивилизаторской миссии России стала Ставропольская гимназия. Например, ее преподаватели Я.М. Неверов и Ф.В. Юхотников писали о том, что «...дикий Кавказ выйдет из своего уединения и вступит в духовное общение с Европою». Через образование «прокладывалось в неприступные доселе ущелья и русское слово, а с ним просвещение и европейская цивилизация» (9, с.127). Неверов указывал, что «народ Русский» стоит в «главе исторических народов», своими цивилизационными мерами Россия привлекает к образованию местных мусульман и дает «возможность свету просвещения проникнуть в самые

отдаленные и неприступные дебри и ущелья вечно чуждого и враждебного просвещению Кавказа» (10).

В модель европейского образования уже с начала XIX в. был встроены классический ориентализм. Так, находившийся с военными поручениями на Кавказе Тарнау в своих «Записках» отмечал о горцах Северного Кавказа, что «Кавказские племена не имели ни времени, ни способа улучшить свое благосостояние и не сделали никакого успеха в гражданском устройстве... остановились на той степени, на которой находились при Страбоне, подробно описавшем их быт» (11, с.31). Именно под влиянием классического ориентализма непрофессиональный историописатель, но получивший прекрасное образование, офицер кавказской армии Р.А. Фадеев подчеркивал: «За русским рубежом и до самого края земли все в Азии тлеет и разрушается. Азиатские общества держались века, как труп, до которого не касается воздух в могиле, держались отсутствием посторонней стихии; как только живые силы Европы дохнули на них, они стали рассыпаться» (12, с.38).

В документации гражданской и военной кавказской администрации середины XIX в. можно встретить выражения, характеризующие «недоразвитость» народов Северного Кавказа: «между полудикими народами», «Хлебопашеством по лености своей и по непривычке к трудолюбию [не занимаются]», «соображаясь с грубыми понятиями полудикого народа», «народа, который до сих пор, находясь более или менее *в младенчестве* (курсив мой. - С.М.), по врожденному недоверию к видам правительства» и т.д. (13, с. 39, 42, 181, 196.). Как похожа последняя фраза офицера на то, что до этого на Кавказе писал бывший декабрист А.А. Бестужев-Марлинский: «[Азии] *ум доселе остался в пленках*. Поэтому, по мнению писателя, Россия продолжает здесь дело Петра I и ведет «не пустые завоевания»; все это делается для победы «над варварством», во «благо человечества» (14, с.199,42). Неслучайно современный американский историк Марк фон Хаген подчеркивает, что российские колониальные власти разделяли с учеными и путешественниками общепринятые ориенталистские образы отсталости и варварства ислама (15, Р. 907).

Как можно заметить, на южных окраинах России не долго украшали исторический дискурс восточной экзотикой. Ставропольский чиновник А.П. Анопкин, следуя за сложившейся в отечественном историческом письме евроцентристской традицией, давал оценочные, актуализированные романтизмом суждения о «Чужом»: «диким», «дики по своим понятиям», «безграмотны и нечистоплотны» (16, с.3-13). Евроцентризм формировал особый подход не только к истории «Собственной» и к ее «прогрессу», но и к прошлому и настоящему «Чужого», представлявшего «второстепенные» и/или «неисторические» общества. Формировался определенный исследовательский менталитет. Про-

винциальные исследователи второй половины XIX в. следом за профессиональной историографией стали брать готовые номинации из ориенталистского словаря социальной лексики и изображать неевропейские народы как общества, для которых «будет благом» следовать по пути европейцев.

Уже в последней четверти XIX в. кубанский исследователь Е.Д. Фелицын заметил об адыгских народах Кавказа как о «примитивных человеческих обществах, каких теперь уже нигде в Европе не встречается» (17, с.2). О низком уровне общественного развития народов Кавказа размышляли и иные северокавказские историописатели. Так, И. Попко подчеркивал: «В населении густо покрывающем леса и ущелья Закубанских гор, нет обществ, потому, что нет власти». Ему вторит П.П. Короленко, заметивший: «У черкесских племен никакого внутреннего управления не было, не было и городов, где могла бы зарождаться хотя бы какая-нибудь общественная управа» (18, с.9).

О местных северокавказских народах И.В. Бентковский высказывается как «о людях, стоящих на более низкой ступени развития, сравнительно с Русским населением» (19). Бентковский вспомнил не только метафору *развития* (которая к этому времени была вполне догматизирована), но и стадиальную теорию. Эту теорию он подвел под идею приобщения степных народов к цивилизованной жизни, которой проживали русские переселенцы на Ставрополье, подчеркивая, что пока «степень недоверия пропорциональна расстоянию цивилизационных ступеней, на которых находятся народы и племена» (20). Другой ставропольский историописатель С.В. Фарфаровский писал в чисто позитивистском духе, но концентрировал внимание на отличных от европейских сторонах быта северокавказских кочевников, искал «первобытное», рассуждал о ценности развития (21, с.179-212; 22, с.193-224; 23, с. 10, 14,21,24).

Т. о., провинциальное северокавказское историописание находилось в рамках традиций западного исторического мышления. Ему было присуще чувство *историзма* (представление об отсталости, чувство анахронизма), которое, к примеру, напрочь отсутствовало в восточной традиции истории. Как можно было заметить, западное историческое мышление, со свойственным ему отношением к «развитию», «недоразвитости» и/или «младенчеству» Востока, «цивилизаторский миссии Европы» было характерно не только писателям, но чиновникам и военным. Речь идет о формировании уже в XIX в. коллективной культурной европейско-русской идентичности в инокультурной среде.

Конечно, как инокультурная эта среда воспринималась, но историческая теория модерна заставляла просвещенных представителей Империи концентрироваться на иных метафорах – *развития* и *прогресса*, отрицавших *инаковость* исторического пути «Чужого». Северокавказские историописатели имели представление о *линейном* историческом процессе, поэтому, мечтая об

интеграции «отсталых» народов в европейское тело государства, они не могли себе представить, что не все народы движутся по этой одной исторической линии. В тот период исследователи не могли мыслить иначе, что было бы равнозначным отказу от своей культуры. С другой стороны, метафоры развития, прогресса, отсталости и т.д., осмысление истории как линейной прогрессии создавало понимание внутри данной («Своей» – европейской) культуры. Напротив, сегодня новая историографическая культура «ведет борьбу» с догматизированным классическим историческим мышлением.

Использованная литература и источники:

1. Павленко Ю.В. Происхождение цивилизации: Альтернативные пути // Альтернативные пути к цивилизации / Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М.: Логос, 2000
2. Wagoner, Phillip B. Precolonial Intellectuals and the Production of Colonial Knowledge // Comparative Studies in Society and History. 2003. Vol.45. No.4
3. Said, Edward. Orientalism: Western Conceptions of the Orient. Revised edit. Penguin, 1995
4. Dickinson. Sara. Russia, s First "Orient": Characterizing the Crimea in 1787 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002. Vol.3 . No. 1
5. Классен Х. Дж. М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации
6. Маловичко С.И. Глокальная перспектива новой локальной истории // <http://www.newlocalhistory.com/interconf/2005>
7. Бургьер, Андре. Историческая антропология и школа «Анналов» // Антропологическая история: Подходы и проблемы: Материалы российско-французского научного семинара / Сост. Ю.В. Ткаченко. М: РГГУ, 2000
8. Sahní, Ka1paпа. Crucifying the Orient: Russian Orientalism and the Co1onization of Caucasus and Central Asia. The Institute for Comparative Research т Human Culture: White Orchid. Pг., 1997
9. Кавказ. 1859. № 39. 21 мая.; б., и. Об образовании горцев // Русск. пед. вест. 1859. № 1
10. Ставропольские губернские ведомости. 1855. № 44. 29 октября
11. Записки Кавказского офицера. М.,1864
12. Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны // Фадеев Р.А. Кавказская война. М: Изд-во Эксмо, 2003
13. Народы Центрального Кавказа в 40 - начале 60-х годов XIX в.: Сборник документальных материалов. В 2-х тт. Т.1. М.: Поматур, 2005
14. Бестужев-Марлинский А.А. Амалат-Бек: Кавказская быль. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1981
15. Hagen von, Магк. Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia By Duglas Northrop // The American Historical Review. 2005. Vol. 110. No. 3. June
16. Анопкин А.П. Статистические сведения об уездных и частных училищах на Кавказе // Русск. пед. вест. 1858. № 9
17. Фелицын Е.Д. Черкесы-Адыге и Западно-Кавказские горцы: Материалы для изучения горцев и принадлежавшей им страны. Екатеринодар,1884
18. Короленко П.П. Записки о Черкесах. Екатеринодар, 1908

19. Северный Кавказ. 1884. № 1
20. Ставропольские губернские ведомости. 1883. №№ 2-9
21. Фарфаровский С.В. Народное образование у ногайцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом //Журн. Мин. народн, просв. 1909. № 12
22. Фарфаровский С.В. Народное образование среди калмыков Большого Дербета в связи с их бытом и историей // Журн. Мин. народн, просв. 1910. № 4
- 23 . Фарфаровский С.В. Ногайцы Ставропольской губернии. Тифлис,1909.

Марченко Л.С.
г. Железноводск,
Железноводский краеведческий музей,
директор.

Мухаева Л.П.,
младший научный сотрудник

Из истории создания и направлениях деятельности Железноводского краеведческого музея

История создания музея уходит в 70-е годы XX века, когда горстка краеведов-энтузиастов решила создать в городе музей для отражения истории курорта у горы Железной. Возглавить эту работу предложили Л.С. Марченко, т.к. она к тому времени создала в школах музеи Боевой Славы, музей В.И.Ленина. В ее кабинет директора школы собирали первые экспонаты. У истоков создания музея стояли: Е.К. Красных, Т.И. Кошенко, Ю.К. Зелялютдинов, А.И. Литвиненко, В.П. Росляков, В.И. Остроухов, В.Г. Любимцева, А.И. Андреев и др.

В мае 1983 г. на совместном заседании Бюро ГК КПСС и Горисполкома принято решение о создании в городе краеведческого музея на общественных началах, директором назначена Л.С.Марченко, которая ушла к этому времени на пенсию. Был выделен первый этаж скромного здания, бывшего дома врачей на «Железных Водах», постройки 1858 г., в котором музей располагается по настоящее время. В одном из залов была открыта первая экспозиция «Железноводск и железноводчане в годы Великой Отечественной войны», в канун 40-летия Победы 9 мая 1985 г. После открытия отдела на второй же день музеем передали и нижний этаж здания. Пришлось перемещать отдел по Отечественной войне в другой зал, чтобы разместить отделы по хронологии.

В октябре 1988 г. Железноводскому общественному музею был присвоен статус государственного, и он стал филиалом Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея. 1 января 1998 г. был передан в муниципальную собственность г. Железноводска. С 1 января 2005 г. музей преобразован в государственный краевой в системе Министерства культуры СК.

Сейчас фонды насчитывают более 25000 единиц хранения, открыто для экспозиции семь отделов. Но начиналось все почти на пустом месте. Л.С. Марченко сама обошла частный сектор, встречалась со старожилками, собирала предметы этнографии, документы, фотоматериалы, записывала воспоминания и параллельно занималась планировкой будущего музея. Краеведы составили общественный совет музея, помогали в сборе материалов, распределении фондов

по отделам, учете. Казалось, что невозможно будет собрать материалы по Великой Отечественной войне, ведь в двух школах Л.С. Марченко уже были созданы музеи Боевой Славы. Но личные обращения, рассылка писем, обращения по радио и в газете привлекли внимание железнодорожников. Были собраны материалы об участниках войны, тружениках тыла, о госпиталях – ведь Железноводск был городом-госпиталем. Связывались с архивами г. Ленинграда и г. Москвы, отыскивали освободителей от фашистской оккупации.

Художник Ю.К. Зелялютдинов на общественных началах оформлял отделы музея. В выходные дни, вечерами и ночами общественники составляли тематико-экспозиционные планы и оформляли музей, сами делали этикетки к экспонатам. Позже были оформлены разделы: природа и археология; «Первооткрыватели курорта у горы Железной», «Курорт Железноводск».

Археологическая коллекция, собранная из находок археологов-любителей и просто жителей, содержит много уникальных предметов. На горе Развалка житель обнаружил два клада, в которых были тигельные щипцы (11 штук), которых нет в музеях Северного Кавказа (по определению С.Н. Савенко), косы, серпы, топоры боевые и дровосечные, лопаты тигельные, цепи очажные аланского времени. Большой интерес вызывает перенесенное захоронение воина кобанской культуры с 40 стрелами, находившимися в колчане, копьем, чашей у изголовья вместе с деталями каменного ящика.

При проведении международной археологической конференции «XX-е Крупновские чтения» внимание участников из Эрмитажа (С.-Петербург) привлекли экспонаты кобанской культуры, особенно бронзовый клад, найденный у горы Развалка.

Во время создания музея почти не была известна история возникновения и открытия курорта, имена первооткрывателей. Книга В.И. Коваленко и А.З. Лозовенко «Железноводск. Исторический очерк» вышла позже. Сначала использовались по крохам имеющиеся материалы музеев Кавминвод, бальнеологического института, собирались исторические данные из различных источников, выискивались документы. Директор отыскала в Москве потомков В.В. Владимирского, Н.Н. Славянова, С.А. Смирнова. Переданные ими уникальные документы, фотографии, личные вещи предков способствовали созданию экспозиций. Определенное место занимают материалы о Почетных гражданах Железноводска. Здесь хочется отметить, что показаны Хижняк Иван Лукич, части под командованием которого освобождали Железноводск от фашистской оккупации. Он еще до создания музея посещал Железноводск, а потом в музей приезжала из Москвы его жена и передала мундир, личные вещи, фото, документы. Были также оформлены витрины о Григории Ивановиче Мироненко и Илларионе Тимофеевиче Есипенко – жителях нашего города.

В 1998 г. звание почетного гражданина было присвоено Ивану Ивановичу Никишину, первому избранному главе города, а позже – главе администрации Кавминвод. О его деятельности, миротворческой миссии в Карабахе, о роли в развитии Железноводска и региона рассказывают экспонаты, переданные женой.

Интересные поступления о М.Ю. Лермонтове передал президент Лермонтовского фонда А.А. Парпара. Это графические иллюстрации к лермонтовским произведениям и графический портрет «Мятежного Лермонтова» (120 x 80 см).

Вызывают интерес посетителей приобретенные макеты орденов: царской России, периода гражданской войны, Советского Союза, орденов и знаков Белой гвардии периода гражданской войны и даже учрежденные в эмиграции, орденов советских социалистических республик, учрежденных до образования СССР.

К музею относится «Станция почтовых дилижансов» здание постройки 1875 г. единственное сохранившееся в европейской части России с большим земельным участком. Проведены работы по реставрации, укреплен фундамент здания, все здание взято в арматурную сетку, заменена крыша, но в связи с перестройкой и отсутствием средств реставрационные работы прекращены. В музее собран материал по истории станции, предметы быта того времени. Ездили на станцию «Выра» за опытом, где создан музей «Станционный смотритель», в музей им. Попова в Санкт-Петербурге. В сборе материалов помогли архивы Санкт-Петербурга, Москвы, Ростова.

Музей в своей деятельности развивает различные направления, одно из них «Музей и школа». Разработаны тематические экскурсии, применительно к возрастам. Для учащихся начальных классов действует музейный всеобуч, задачей которого являются: всестороннее развитие каждого школьника на основании комплексного подхода к воспитанию, формирование сознательных граждан, патриотов, формирование творческой активности школьника, его эстетического восприятия, вкусов и идеалов с помощью музейных средств, воспитание исторического сознания – понятия времени и его движения, ощущения себя в потоке времени, как продолжение дела предков. Осуществляется связь школ с музеем: при проведении мероприятий дети и учителя готовят доклады к научно-практическим конференциям, выступают на круглых столах и чтениях, принимают участие в работе «Клуба фронтовых друзей».

«Клуб фронтовых друзей» действует с 1985 г., проведено более 50 заседаний. С сообщением о работе «Клуба фронтовых друзей» директор музея выступила при защите проекта на краевом конкурсе «Лучший музейный работник года» в 2005 г. В 2005 г. заседания были посвящены: освобождению Железноводска от фашистской оккупации, «Ради жизни на земле» (к 9 мая), «На

страже Родины», где встретились поколения защитников Отечества (ветеранов Великой Отечественной, афганцев, воевавших в Чечне, служащих погранотряда, дислоцирующегося в Железноводске, а также учащиеся школ. Участники поделились опытом защиты Отечества в разных ситуациях, заострили внимание на необходимости готовить подрастающее поколение к защите Родины.

По инициативе музея и при его непосредственном участии создавались памятники «Защитникам Железноводска в 1943 г.», барельефный стенд Марии Барсуковой, Аллея Славы, посвященная павшим в Великой Отечественной войне, создавались мемориальные доски И.Д. Иноземцеву и А.С. Пушкину. Стали проводиться в городе Лермонтовские праздники в сквере, носящем его имя, у памятника поэту. Скульптора – автора памятника приглашали на юбилей М.Ю. Лермонтова.

Музеем проводятся научно-практические конференции: «Жизнь, отданная людям» (к 100-летию Н. Островского), «Как сладкую песню Отчизны моей, люблю я Кавказ» (к дню рождения М.Ю. Лермонтова), «195-летию Железноводска и поселка Иноземцево», о межэтнических отношениях в Железноводске. На последней конференции, кроме сообщений по истории города, были выступления: председателя общины греков, рассказавшего о греческой диаспоре и ее роли в развитии Железноводска; председателя совета старейшин казаков, осветившего межэтнические отношения казаков в XX-XXI веках; научного сотрудника музея, раскрывшего состояние религиозных конфессий в п. Иноземцево и их роль в межэтнических отношениях и др.

Проводятся заседания круглого стола. В этом году он был посвящен празднику Славянской письменности и культуры, где, кроме работников музея, выступали настоятель храма Покрова Божьей Матери, работники библиотек, учителя и учащиеся школ, старожилы города.

Музей занимается издательской деятельностью. К 50-летию Победы была издана «Книга Памяти», в которую занесены более 800 железнородчан, погибших в годы Великой Отечественной войны, и описана история города в этот период. Этому предшествовала большая поисковая работа в течение пяти лет. К 60-летию Победы музей собрал, обобщил воспоминания более 100 участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла, издана книга «Мы помним». По материалам музея издана книга «Маша Барсукова» журналистом из Москвы Герасимовым. Собран материал и издана книга «Железноводск» (краеведческий календарь), туристический план «Железноводск», для создания которого музей подготовил материалы. Издательством «Наследие» (г. Москва) в 2004 г. издана книга «Бесподобный Железноводск», где большинство статей написано работниками музея.

Со времени начала создания музея действует общественный совет музея. За это время изменился его состав, но несколько человек из «создателей» музея остались. Сегодня новые энтузиасты из совета помогают в работе музея.

Коллектив музея использует СМИ (радио, телевидение, местную, региональную и краевую газеты) для популяризации краеведческого материала.

Поддерживается связь с музеями Кавминвод и краевыми музеями, обмениваемся опытом, выступаем на чтениях и конференциях.

У музея много проблем и одна из острых – помещение. Здание, используемое музеем, ветхое, тесное, требует капитального ремонта. Необходимо другое здание с большим количеством экспозиционных площадей и помещений для хранения фондов.

История города Изобильного в названиях улиц

В названиях улиц любого населенного пункта можно прочесть его историю, узнать традиции. Обычно эти названия даются по следующим принципам: по названию объектов, расположенных на улице или близ нее; по географическим особенностям; по историческим событиям; по именам выдающихся людей. Был период, когда названия давались стихийно. Так, в Изобильном появились улицы Водная, Розовая, Цветочная и подобные. В последние годы новые улицы называют в честь выдающихся людей, ведь главной гордостью города были и остаются его люди. Обо всех улицах города рассказ был бы очень объемным. Поэтому мы осветим историю названий нескольких улиц на фоне общей истории города.

Основание населенного пункта. В 1895 г. проложили железнодорожную ветку Кавказская-Ставрополь. На территории нынешнего железнодорожного вокзала была поставлена специальная железнодорожная будка, положившая начало станции Изобильной. Свое название станция получила от близлежащего населенного пункта – станицы Изобильной (ныне Староизобильная). После проведения железной дороги сюда начали двигаться переселенцы из центральных губерний России и Украины в поисках лучшей жизни. Железнодорожная линия проходила по казачьим землям, и казачество не разрешало иноземцам строиться рядом с ней.

Тогда купцы выкупили 80 десятин земли у Тищенского общества. Буквально на глазах вырос торгово-промышленный хутор под названием Изобильно-Тищенский. Первая часть названия хутора – от станции Изобильной, вторая часть – от Тищенских земель, на которых хутор расположился. «... Два месяца тому назад была пустошь, а теперь вырос хутор. Для поселения под хутор отведено 60 десятин земли за разные цены. Торговцы перенесли свои торговые операции сюда со станции Кавказской, станиц Новотроицкой и Баклановской...», – так писала газета «Северный Кавказ» от 7.09.1895 г. В хуторе сосредоточилось множество хозяйств, которые занимались закупкой и промышленной переработкой продуктов сельского хозяйства. За июль – август 1895 г. было построено более 20 хлебных ссыпок. Рядом с ссыпками строились купеческие дома и землянки батраков. К 1909 г. население хутора достигло 1320 человек –

181 двор. На основании Постановления ВЦИК: с 1924 г. хутор Изобильно-Тищенский стал селом, с 1929 г. – районным центром, в 1935 г. село стало именоваться Изобильным. 9 октября 1965 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР село Изобильное преобразовано в город Изобильный Изобильненского района Ставропольского края.

Первые улицы. Изначально главной улицей считалась та, которая начиналась от ссыпок и заканчивалась станцией. Дорога была грунтовая, по ней на станцию возили зерно. Когда на ней стали возникать лавки, питейные заведения, магазинчики, улицу стали называть Торговой, ввиду выполняемых ею функций. Потом вдоль улицы стали строиться дома первопоселенцев. С утверждением советской власти данную улицу переименовали в Красную. И хотя она считалась главной в хуторе, вплоть до 30-х годов XX века улица была застроена только до реки Мутнянки. Дальше был пустырь, и только ближе к станции было несколько домиков, принадлежавших поселку при станции и мелькомбинате (ныне ул. Заводская). Саму речку переходили и переезжали вброд. Одной из первых выросла улица Железнодорожная, протянувшись вдоль полотна новой железной дороги. Позже появились улицы Кавказская и Линейная.

После того, как районный центр в мае 1929 г. был перенесен из села Московского в село Изобильное, по просьбам трудящихся улицу Торговую переименовали в улицу В.И.Ленина. В 1930 г. братьями Донскими был построен мост через реку Мутнянку. В 1957 г. был открыт памятник В.И.Ленину. В настоящее время ул. Ленина не просто центральная улица, а «сердце» города, которое задает ритм всем сферам жизни города и района. На ней расположены такие социально значимые учреждения, как администрация, узел связи, центральная библиотека, музей истории Изобильненского района, детская художественная школа, филиалы банков и другие организации.

Провозглашение советской власти. В годы гражданской войны в нашем районе формировались партизанские отряды. Они объединялись против белобандитов под руководством легендарной личности – Иосифа Апанасенко. Командиром одного из отрядов стал бывший батрак, наш земляк Константин Трунов. На карте города их именами отмечены две улицы – Апанасенко и Трунова.

Тимофей Иванович Семькин – организатор советской власти на х. Изобильно-Тищенском. Родился он в г. Ставрополе в 1882 году в семье рабочего. В 1909 г. он устроился работать в торговую фирму Фельдмана, занимавшуюся торговлей сельхозмашинами. Через год фирма направила Тимофея работать в с. Изобильное приказчиком магазина скобяных изделий у грека Мадзуракиса. Весной 1913 года Семькин купил избу и перевез семью из Ставрополя. В 1914 г.

Семыкина мобилизовали в царскую армию. Тимофей был человеком доброжелательным, справедливым, пользовался авторитетом, мог убеждать людей, был хорошим организатором и агитатором. Уже в 1916 г. Тимофей Иванович был тесно связан с революционно настроенными солдатами. В 1917 г. он вступил в партию большевиков. По заданию партии он направлен в родное село. Организовал Совет и был избран его председателем. В мае 1918 г. участвовал в качестве делегата на I-ом Ставропольском съезде Советов, был избран уездным военным комиссаром. В момент захвата в том же году Ставропольского уезда белогвардейцами тов. Семыкин сформировал батальон пехоты и кавалерийский эскадрон, принимал с ними активное участие в боях против белых формирований. В дальнейшем Семыкин был военным комиссаром в ряде уездов. С 1921 г. он работал в Ставропольской губернии членом правления губсоюза потребительских обществ. В июне 1922 г., будучи командирован по делам службы в один из совхозов губернии, Семыкин был убит по дороге бандитами. Даже тела его не нашли. Улица нашего города, на которой жил Семыкин с семьей, названа его именем.

В годы коллективизации село ширилось, разрасталось. Появились улицы Колхозная, Совхозная, Коммунальная, Комиссарская, Комсомольская, Советская.

Великая Отечественная война. В 1941 г., когда весь народ встал на защиту Отечества, более двухсот избыльненцев вошли добровольцами в конногвардейскую дивизию под командованием Льва Михайловича Доватора, оборонявшую Москву. В 1972 г. по просьбе бывших доваторцев самая протяженная улица в городе – Степная – переименована в улицу Героя Советского Союза генерал-майора Л.М. Доватора. В самом ее начале стоит бюст прославленному полководцу.

Грязнов Андрей Васильевич родился в 1918 г. в крестьянской семье в селе Тищенском Изобильненского района Ставропольского края. В семье Грязновых было четверо сыновей, и все они стали воинами. Но особенно отличился Андрей. Первую награду, медаль «За отвагу», он заслужил в Сталинградской битве.

Солдаты Грязнова брали «языков», в тылу врага поджигали немецкие автомашины. Впереди многоводный Днепр. Первым подразделением дивизии, преодолевшим его 25 сентября 1943 года, была разведрота под командованием старшего лейтенанта Грязнова. Под шквальным огнем немцев бойцы переправились на лодках и зацепились за берег. День и ночь враг пытался сбросить разведчиков. На занятый плацдарм переправились другие подразделения дивизии. 20 декабря 1943 г. Андрею Васильевичу Грязнову было присвоено звание Героя Советского Союза. Награжден орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалями. 19 марта 1944 г. в бою на реке Синюха на Украине умелый командир и отважный воин погиб. В парке Победы

на Аллее Славы стоит бюст Героя Советского Союза Андрея Грязнова, одна из улиц в центре города названа в его честь.

Гусев Михаил Федотьевич родился в 1921 г. в селе Тищенском в семье крестьянина-бедняка. Фронтовая биография началась в ноябре 1942 г. С 29-м танковым полком прошел всю войну. Калининский фронт, Северо-Западный фронт, Курская дуга, Украина, Польша, Одер, Прага – вот боевой путь разведчика М.Ф. Гусева. Первую звезду «Солдатская слава» ефрейтор М. Гусев заслужил в боях за город Каменец-Подольск, где взял в плен унтер-офицера и двух солдат. Вторую звезду – за освобождение Львова в июле 1944 г. В январе 1945 г. в наступательной операции Висла – Одер М. Гусев вынес из окружения раненого майора – начальника штаба – и знамя полка. За эти заслуги был награжден орденом «Солдатская слава» 1-й степени. 14 ноября 2003 г. одна из новых улиц названа именем кавалера трех Орденов Славы М.Ф. Гусева.

В годы войны 173 дня наш район был оккупирован фашистами. 22 января 1943 г. настал день освобождения. Первыми пришли в оккупированное село разведчики 45-го гвардейского полка – Шептий, Гулиев и Степанов. Возвращаясь из разведки, двое были сражены автоматной очередью – сержант Василий Иванович Шептий и рядовой Аллахверды Ага Оглы Гулиев. Их имена носят улицы нашего города. На месте их захоронения установлен обелиск, а в 1984 г. зажжен огонь Вечной Славы Андреем Лаврентьевичем Титенко – Героем Советского Союза. В октябре 2003 года переулок Беговой переименован в улицу имени А. Л. Титенко. В 2004 г. ему было присвоено звание «Почетный гражданин Изобильненского района».

Шесть воинов из нашего района стали участниками Парада Победы в Москве. Есть в городе Изобильном улица Победы, городской парк носит гордое имя Победы, во имя всех, кто победил фашизм.

Послевоенное время. Созидание. Послевоенное время – это время восстановления разрушенного хозяйства.

Золин Дмитрий Андреевич родился в 1927 г. в селе Безопасном. В с. Изобильное семья переехала в 1935 г. Когда ему было 14 лет, началась Великая Отечественная война. И уже в марте 1943 г. он сел за руль трактора. Работать было очень трудно – бывало, сутками не спали и не ели, но в голове всегда крутилось: «Все для фронта!». После войны работал на комбайне, главным делом его жизни стало выращивание хлеба. А когда на орошаемых полях начали осваивать новую для наших мест культуру – сахарную свеклу, Дмитрий Андреевич один из первых организует и возглавляет звено механизаторов-свекловодов. Доблестный труд Д.А. Золина был примером, вдохновляющим других в трудные годы. Его работа отмечена высокими правительственными наградами: бронзовая и золотая медали ВДНХ, медаль «За трудовую доблесть»,

орден Трудового Красного Знамени, орден Ленина, орден Октябрьской Революции. В 1982 г. Золину Дмитрию Андреевичу было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. В 2003 г. постановлением главы города Изобильного проезд Радужный был переименован в улицу имени Золина Дмитрия Андреевича, а в 2004 г. Золину Д.А. было присвоено звание «Почетный гражданин Изобильненского района».

Горлов Григорий Кириллович трудовую деятельность начал в 1937 г. рядовым колхозником, работал агрономом МТС, агрономом колхоза и председателем колхоза. В 1941 г. избран первым секретарем райкома ВЛКСМ. Участник Великой Отечественной войны. После войны все время работал на руководящих должностях. Написал книгу о тружениках Ставрополя. Горлову Г.К. присвоены звания: Почетный гражданин Ставропольского края и Почетный гражданин г. Изобильного. В 2003 г. улица Тихая переименована в улицу имени Героя Социалистического Труда Г.К. Горлова.

В 1960-е годы промышленность получает новый импульс в своем развитии. В это время в городе появилась улица Промышленная. На ней выросли 12 крупных предприятий.

Наши современники. Афганистан – южный сосед России. Но теперь, когда слышишь это слово, сердце сжимается болью. 15 тысяч молодых жизней положено на алтарь дружбы с народом-братом. С 25 декабря 1979 г., почти десять лет, советские войска принимали участие в военных действиях на территории Афганистана, в соответствии с договором о взаимопомощи. Из Изобильненского района там воевали 150 человек. Василий Зайцев – гранатометчик – не вернулся из боя 13 сентября 1984 г. Он один прикрывал отход своей группы и отстреливался до конца. Было ему всего восемнадцать. В 1987 г. переулок Промышленный назван именем кавалера ордена Красной Звезды комсомольца Василия Зайцева.

Александр Михайлович Федоров родился в с. Морки Марийской АССР в 1955 г. Окончив авиационный институт в Харькове, переехал на Ставрополье. На Изобильненском предприятии «Атлант» стал заместителем начальника цеха. Вскоре Александра перевели в Изобильненский райком комсомола, и спустя год, в 1980 г., он был избран первым секретарем РК ВЛКСМ. Позже поступил на службу в КГБ СССР. Начиная Федоров службу в госбезопасности в должности оперуполномоченного, а затем постепенно прошел практически все ступени служебной лестницы, став полковником ФСБ, первым заместителем начальника Управления ФСБ России по Ставропольскому краю. По словам его коллег, «он не ходил на службу, а служил и пытался обратить всех подчиненных в «свою веру», что именно так надо работать. Он мог быть суровым, но это была строгость отца-командира». Его работа отмечена наградами: медали «За отличие в военной

службе» 3-х степеней, орден «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени. Его смерть стала неожиданностью для всех – не выдержало сердце. «Сгорел на работе», – таково мнение тех, кто окружал его. Накануне празднования 110-летия города Изобильного, 14 сентября 2005 г., вышло постановление главы г. Изобильного о переименовании ул. Командорской, которой присвоено новое название – А.М.Федорова.

Город растет. На начало 2005 г. в Изобильном насчитывалось 167 улиц. В нем живет много достойных людей, которые вносят свой вклад в его процветание.

Мозгова Т.В.

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и
Г.К. Пправе,
младший научный сотрудник

Физико-географическая характеристика станицы Суворовской и ее окрестностей (по материалам историко-этнографической экспедиции 2005 г.)

В июне 2005 г. участникам небольшого состава этнографической экспедиции Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе удалось собрать обширный материал по истории и возрождению казачества в Суворовской, а также исследовать природные особенности станицы и прилегающей к ней территории.

Как и станицы Темнолесская, Беломечетская, обследованные в предыдущие годы, станица Суворовская является уникальным объектом для изучения.

Станица Суворовская расположена в Предгорном районе Ставропольского края, вытянута с запада на восток вдоль трех рек: Кума, Тамлык и Дарья. Общая площадь территории, которая подчинена Суворовской администрации, по подсчетам 1998 г, составляет 344,9 км², из них 52,6 км² занято под пашни. Периметр станицы около 35 км, протяженность по обеим берегам р.Кумы около 12 – 14 км, а по трассе Пятигорск – Черкесск 5 – 6 км.

Многонациональный состав станицы позволяет исследовать в комплексе этнографические особенности и этнический состав населения, характер взаимодействия и взаимовлияния этносов, а также проследить историю создания казачьей станицы. Конец XX – начало XXI вв. связаны с уникальным явлением возрождения казачества. Этнографическая экспедиция позволила собрать интересные материалы, связанные с этим процессом в его динамике и развитии.

Территория представляет интерес не только для этнографов, но и для археологов. Так, в 1966 г., согласно планам строительства оросительно-обводнительной системы в суворовском колхозе «Гигант», подлежали планировке 17 курганов среднего и меньшего размеров, которые и были раскопаны А.Л. Нечитайло. Помимо раскопанных, было отмечено еще более 60 курганов. Все они находятся к северо-западу от ст.Суворовской по обе стороны трассы Черкесск - Пятигорск, на водоразделе между балкой Горькой на севере и реками Тамлык и Кумой на юге. Северный и южный склоны водораздела представляют собой наклонную с запада на восток равнину. Четкой закономерности в расположении

насыпей прослежено не было. Однако некоторые из них образуют более компактные группы. Насыпи с каждым годом все больше распаиваются, поэтому и потеряли свой первоначальный вид. Размеры курганов колеблются от 0,3 – 1 м высотой и 10 – 18 м в диаметре до 2 – 3 м высотой и 20 – 40 м в диаметре. Имеется одна 12-метровой высоты насыпь, которую местные жители называют «Суворов курган».

Рельеф типичный для района Кавказских Минеральных Вод – луговая степь и предгорные степи (до 400 м над уровнем моря). Это равнинные территории, в пойменной части р.Кумы и ее притоков местами встречаются овраги и промоины. В остальном равнина имеет общий подъем к югу предгорной части. Берега рек обрывистые, достаточно высокие (до 15 – 20 м). В этой зоне наблюдаются оползневые участки, особенно выраженные после наводнения 2002 года.

Почвы самой станицы и ее окрестностей аллювиальные речные, пойменные с отложениями галечника. Состав почв: черноземы обыкновенные, выщелоченные и типичные. Слой гумуса имеет незначительную мощность в новообразованной верхней части. Почвы плодородные.

Климат характерен для данного района. Зима, весна неустойчивые, лето и осень преимущественно теплые. Количество осадков среднее для предгорий (уровень среднегодовых осадков около 500 мм). Роза ветров сориентирована по направлению восток – запад. Восточные ветры сухие, в межсезонье – холодные, западные же – влажные, приносят осадки, усугубляемые влиянием Приэльбрусья. Территория находится в зоне так называемого армавирского коридора. Средняя температура января -5°C , иногда мороз до -30°C в ночное время. Средняя температура июля $+20^{\circ}\text{C}$, максимум приходится на вторую половину лета до $+39^{\circ}\text{C}$.

Территория станицы и ее окрестностей выгодно обводнена. Станица расположена в средне-верхнем течении р. Кумы. Имеет два притока: Тамлык и Дарья. Близость грунтовых вод объясняет наличие 7 родников с питьевой водой, имеющей целебную минерализацию. Есть один термальный источник. Все эти гидроресурсы обеспечивают жителей станицы и территории близлежащих хозяйств и предприятий водой. Однако станица находится в паводковой зоне риска. Ежегодно весенние паводки на всех трех реках причиняют большой ущерб жителям станицы в прибрежной зоне. Глава администрации и станичный атаман В.Г. Новохацкий рассказал, что при выборе места под строительство своего дома он хотел занять живописный участок у реки, но отец предостерег его, ссылаясь на предсказания старых казаков: в 2000 году в горах растают все снега и будет большое наводнение. Казаки ошиблись всего на 2 года.

Многие старожилы вспоминают, что в станице было много прекрасных садов. Так как не разрешали строить дома у рек, сажали сады. Удивительно то,

что плодовые деревья (яблоня, груша) были с сильным иммунитетом: не подвергались нападению никаких вредителей. К сожалению, сохранившиеся единичные экземпляры пород этих деревьев очень трудно размножаются.

На данной территории, как и во всем крае, преобладает степная растительность. Большую часть площади занимают ковыльно-типчаково-разнотравные степи. Они располагаются по равнинам и пологим склонам. Долины рек занимают пойменные леса, имеющие в своем составе дуб, тополь, иву, вербу, ольху, ясень, клен и другие. Помимо типичных, в станице и ее окрестностях встречаются уникальные растения. Со слов учителей школы №20, казаки, возвращаясь из походов, привозили «дикивинные растения», такие, как жасмин (чубушник). В парке и сейчас он украшает центральную дорожку, некогда ведущую к храму (впоследствии разрушенному). Из привезенных растений церковные служительницы разводили «дикивинный сад». Первый куст сирени на старом кладбище был привезен казаками из Персии. Позже сирень разрослась и стала служить живой оградой кладбища. В парке сохранилась сафора японская, тоже привозная, внешне напоминающая акацию, но отличаясь соцветиями.

В пойменных лесах обитают крупные животные: лиса, волк, кабан, а также заяц и мелкие грызуны. В степях много птиц: жаворонок, щурок, удод, ласточка, стриж, фазан, соловей, сорока, перепел и другие.

В реках водится усач, карась, голавль, пескарь, красноперка, окунь, плотва и другие.

К сожалению, в станице существуют проблемы загрязнения окружающей среды. Жительница станицы Л.К. Асанова рассказала, что в 2000 – 2001 гг. местный кирпичный завод выкупили частные предприниматели для производства спирта из пшеницы в большом количестве (60 т пшеницы в сутки шло на переработку). Естественно, появились отходы, которые сбрасываются прямо в Куму, в результате чего наносится ощутимый вред экологическому состоянию бассейна реки: исчезли некоторые виды земноводных, насекомые, птицы, сократился видовой состав растительности, произошло загрязнение почвы.

Загрязняется не только вода, но и воздух. Станица Суворовская находится в зоне атмосферного загрязнения. За счет западного и восточного преобладающего ветра на территорию местности приносятся вредные химические вещества со стороны района Кавминвод и г. Невинномыска.

Михаил Моздор, протоиерей

г. Ставрополь,
Ставропольская духовная семинария,
преподаватель

Значение музея церковной истории и искусства Ставропольской духовной семинарии в деле нравственного воспитания молодежи

Необходимость создания небольшого музея при Ставропольской духовной семинарии интуитивно ощущалась уже в первые годы становления духовной школы после ее возрождения в 1989 году. Безусловная поддержка и существенная помощь в деле собирания коллекции экспонатов со стороны управляющего епархией и ректора СтДС владыки Феофана позволили открыть семинарский музей 13 мая 2004 г.

Музей организационно и по содержанию продолжает давнюю традицию. С древних времен в Русской Православной Церкви существовала традиция создания ризниц при кафедральных соборах, при соборных храмах крупнейших монастырей, в которых хранились наиболее ценные предметы церковного искусства. Благодаря такому вниманию к предметам старины стало возможным вручить св. Патриарху Тихону при его поставлении жезл свт. Петра. Того самого митрополита Петра, который в 20-е годы XIV столетия перенес свою кафедру из г. Владимира в Москву, тем самым закрепив за ней статус столицы.

На рубеже XIX и XX веков наша страна покрылась целой сетью церковно-археологических музеев и кабинетов. Был подобный музей и в Ставропольской губернии. Создатели церковно-археологических музеев, труженики-энтузиасты не только хранили предметы древности, но и вели исследовательскую работу. Т.о., трудами светских и церковных деятелей постепенно формировалась теория музейного дела.

В первой половине XX века, когда Православная Церковь была приговорена к полному уничтожению, опыт музейного дела был сохранен и усовершенствован в светских музеях.

Вместе с тем масштабы общенациональных потерь в этот период трудно поддаются осмыслению. Невольно вспоминаются красноречивые строки В.Солоухина: «Когда я нахожусь в запасниках музеев, где хранятся тысячи икон, мне представляется, что красота, которая была распределена ровным слоем по всей Русской земле, теперь соскоблена скребком подобно позолоте и собрана в горстки. На земле же, откуда соскоблена, остались мебель, бурьян, иногда

омертвевшие кирпичные здания, в которых хранится керосин либо просто гуляет ветер». В этих строках нет упрека музейным работникам, так как без их усилий большая часть этих тысяч икон была бы безвозвратно утрачена.

С первых дней деятельности нашего вновь созданного музея ощущалась необходимость расширить спектр вопросов и задач, изначально обозначенных при его создании. В ряду вопросов влияния музея на внутреннюю жизнь семинарии возникла необходимость ориентации на внешнего посетителя и теоретического осмысления деятельности такого рода.

Нравственная жизнь как форма общественного сознания и норма поведения человека базируется на устоявшихся убеждениях и традициях народа. В настоящее время бытует мнение о том, что традиция православного мировоззрения составляет непоколебимый пласт в нашем подсознании, который определяет характерные черты менталитета россиян. Подобное утверждение вызывает справедливые возражения сторонников иной точки зрения.

Духовную культурную традицию можно сравнить с отборной пшеницей. Пшеничное зерно утоляет голод, питает человека. В свою очередь человек заботится о зерне, предпринимая целый комплекс мероприятий, обеспечивающих сохранность зерна определенного сорта и лучших его качеств до следующего урожая. Тысячелетний опыт селекции красноречиво свидетельствует о том, что без особых условий ухода культурные сорта растений и породы животных быстро деградируют, возвращаясь к дикому состоянию. Диакон Андрей Кураев описывает показательный факт из собственной биографии. В девятнадцатилетнем возрасте он, будучи студентом МГУ, втайне от родителей принял крещение. Через полгода вернувшись с дачи родители обнаружили у него иконы и православные книги. После первых дней скандала, слез и уговоров наступила тишина. Тогда отец подошел к нему и сказал примерно следующее: «Ты знаешь, я все-таки рад, что все так получилось. Теперь в твоих руках ключ ко всей европейской культуре».

Если мы хотим сегодня сохранить определенный тип человека и традиционные нормы поведения, мы должны спасти формирующие их принципы. Отечественная культура, как известно, – это культура православной России. Поэтому важнейшим условием сохранения традиционных устоев нравственности является сохранение православной культуры. Для этой цели совсем не обязательно каждого россиянина превращать в прихожанина православного храма.

Перед нами стоит одна общая задача. Родители и педагоги, работники музеев и священнослужители на примере традиционных ценностей, лучших образцов отечественной культуры и искусства должны сегодня воспитывать подрастающее поколение, заботясь о его сердечной чистоте. Потому что только

чистое сердце может озарить свет Божественной красоты. Именно той красоты, которая, по словам Ф.М. Достоевского, способна спасти мир. Преследуя такую цель, Русская Православная Церковь отстаивает права юных граждан знакомиться с основами православной культуры. Несмотря на бытующие опасения межконфессиональной напряженности, Центральное духовное управление мусульман поддержало такую инициативу Православной Церкви.

Такая позиция продиктована имеющимся богатым опытом мирного сосуществования Российского Православия и традиционного Российского Ислама. Напряженность, как правило, возникает в результате расширяющегося разрыва между последователями заезжих миссионеров, проникающих в Россию с востока и запада и пренебрегающих нормами отечественных культур и традиций. Т. о., в настоящих условиях преподавание Основ православной культуры могло бы стать эффективным лекарством от экстремизма.

Все мы помним эйфорию первых постсоветских лет, то брезгливое стремление оттолкнуться от собственного прошлого. Обилие пренебрежительных высказываний в адрес отечественной истории и культуры очень быстро принесли печальные плоды. Опрос выпускников средних школ в начале 1990-х годов выявил огромное число желающих выехать за границу на постоянное жительство. Если мы хотим поддержать такие настроения среди молодежи, то, очевидно, необходимо расширять сеть школ с углубленным изучением иностранных языков. Если же мы ставим перед собой цель оказать помощь любящим свое Отечество и стремящимся заботиться о нем, то должны предоставить им возможность по желанию изучать Основы православной культуры.

Пока этот вопрос обсуждается в верхах, мы имеем возможность в рамках работы своего музея содействовать повышению интереса среди молодежи к истории «малой родины», свидетельствовать о богатстве православных традиций на Северном Кавказе. В вопросах внутренней деятельности, в деле воспитания будущих священнослужителей городов и сел нашего региона музей семинарии также видит свою особую миссию.

Вместе с тем запустение российской деревни, оставление обжитых мест коренными жителями Кавказского региона приобретают масштаб национальной проблемы. В данной связи наш музей ставит перед собой задачу формирования архива, который постоянно пополняется редкими фотографиями, документами, материалами устной истории. Хороший результат принесли первые попытки закрепления за студентами тем дипломных работ, касающихся вопросов православного краеведения.

Свидетельство музейной экспозиции об опыте сохранения религиозных и культурных ценностей в прошлые века и в настоящее время должно привить будущим священнослужителям любовь к своей «малой родине» и навыки

бережного отношения к предметам старины.

Совместные усилия музейных работников и священнослужителей, школьных преподавателей и тружеников библиотек способны сохранить неповторимый облик наших городов и сел, найти в каждом из них свою жемчужину. Несмотря на печальные последствия исторических вихрей XX в., на земле нашего региона остается еще много святого и ценного, питающего нас духовно и нуждающегося в нашей защите. Вопрос о формах такой совместной деятельности мог бы стать темой наших последующих встреч.

К вопросу об истории музеев на территории современного Буденновского муниципального района и города Буденновска

Можно считать, что в XVIII веке музеев на территории Буденновского района не существовало. В этот период шло основание первых поселений, и колонистам-поселенцам, да и властным структурам было не до того. Хотя уже тогда осознавалась особая значимость находящегося в Прикумье чрезвычайно интересного, в том числе и с музейной точки зрения объекта – средневекового города Маджара. Указом Астраханского губернского правления Моздокскому нижнему земскому суду от 2 июня 1797 г. № 17866 предписывалось: «Как землям сим армянам и грузинам, назначенным прикосновенно урочище Старые Маджары, где имеются от прежнего каменного строения остатки, то накрепчайшее подтвердить как сим новопереселяющимся, так и села Покойного и прочим в окрестностях находящимся жителям... дабы остатков древних строений на тех Маджарах имеющих не разрушали и не растаскивали ни под каким предлогом, под опасением взыскания с того суда...» (1).

В XIX в., по всей вероятности, музеев также не было. Однако вопрос создания музея на этой территории становился все более актуальным. Побуждением к этому служили остатки строений Маджара, находимые подле «древности», и их постоянное разрушение. Шло формирование и развитие поселений, основывались новые населенные пункты.

Посетивший Маджарское городище осенью 1808 г. Генрих Юлий Клапрот застал его в печальном состоянии: «Развалины совершенно уничтожены окрестными поселенцами, ломавшими в них кирпич для своих строений. Граф П.С. Потемкин был виновником разрушения: он велел решительно ломать все, для извлечения кирпичей, употребленных им на постройку города и крепости Екатериноград, некогда назначенного Губернским городом. Крестьяне из Покойной и Прасковьиной брали также много, и все, что я застал, состояло из двух, но почти разрушенных строений» (2).

Добываемые в руинах «древности» послужили созданию первых коллекций, которые представляли собой определенный интерес для исследователей. Так, в «Очерках исследований древнего города Маджара» (г. Ставрополь, 1856 г.) Агафангел Петрович Архипов упоминает о помещике Скоржинском (Скаржинском), владельце селения Бургон-Маджары, расположенного в восемнадцати верстах от основного городища (ныне с. Бургун-Маджары - прим.авт.): «Меня радушно приняли – владелец селения господин К. Скоржинский и родственник его, господин отставной ротмистр Бровцын... От них я узнал, что все древности, найденные в развалинах... давно отправлены в одно из новороссийских имений отца господина Скоржинского, называемое Трикраты».

Интерес к маджарским «древностям» проявляли и специалисты. Тот же Архипов пишет: «В селении Покойном, недели за три до моего приезда, был господин Член Корреспондент Одесского Общества Истории и Древностей Российских, любознательный Караим Фиркович, по поручению Его Светлости, господина бывшего Кавказского Наместника. Он собирал археологические драгоценности, и в селе Покойном приобрел несколько камней с надписями; один из таких камней, находившийся на правой стороне церковной паперти, выложенной из маджарского кирпича, также взял он с собою. Я очень жалел, что не видел этого камня, который был, судя по пустоте места, занимаемого им, довольно велик и, говорят, имел отчетливо сохранившуюся надпись».

Да и сам А.П. Архипов приложил немало труда к добыванию «древностей». К его чести, надо сказать, делал он это с большим усердием для «передачи» добытых предметов в научный оборот (там же): «Приобретение четырех медалей... как и приобретение надмогильного камня... стоило мне немалого труда. Камень этот и медали до сих пор хранятся у меня, но недавно я пожертвовал их в открытый в Ставрополе Губернский Музеум. В 1849 году я привез из села Покойного до 7 пудов простых и цветных кирпичей, с различными осколками древностей, но потом они все разошлись по разным рукам, и в том числе, я отправил... знакомому своему, барону Г.К. фон Фелькерзам.»

В 1897 году в Тифлисе, в XXIII выпуске СМОМПК прикумский священник А. Семилуцкий публикует работу «Древний город Маджары, город Св. Креста и село Прасковья Новогригорьевского уезда». Это первый известный нам случай печатной активности местных краеведов. Этот факт говорит о наметившихся качественных изменениях в культурной жизни Прикумья. В работе А. Семилуцкого, в частности, говорится о том, что некоторые древности из Маджара в 90-х гг. XIX в. имелись в Кавказском музее в Тифлисе.

В начале XX в. на Прикумье сложились определенные тенденции собирательства, у состоятельных людей близлежащих населенных пунктов формировались коллекции маджарских «древностей», которые представляли

собой определенный музейный интерес. Это можно проследить на примере семейства Арзимановых. В.А. Городцов в «Результатах археологических исследований на месте развалин города Маджар в 1907 году» (г. Москва, 1911 г.) дал тогдашнему главе семейства такую характеристику: «Владения О. Арзиманова непосредственно примыкают к монастырским. Про находки в черте этих владений имеется особенно много толков. Говорят, что отец О. Арзиманова стал и богат (миллионером) благодаря находкам золотых вещей, что, однако, Арзимановы положительно отрицают, и отрицание их кажется более правильным». И далее (там же) ведет речь о поисках этим семейством древностей и традиции их коллекционирования: «По рассказам... в нынешнем саду Арзимановых были найдены в 50-х годах [XIX в.] металлические кресты, по размерам приблизительно такие же, какие у нас употребляются при богослужении... лет 60 тому назад [т. е. в 50-х гг. XIX в.] работник Арзиманова, разбирая... кирпичи от какого-то древнего здания, нашел среди щебня два золотых нательных креста, одну золотую чашу и некоторые другие церковные вещи. Все это взял старик Арзиманов, отец современного владельца, заплатил работнику деньгами за счастливую находку». Хотя О. Арзиманов эти факты В.А. Городцову в личной беседе не подтвердил, однако сам Василий Алексеевич стал свидетелем того, как найденное в южном конце Базарной улицы великолепно отполированное мраморное надгробие в виде четырехскатной крыши было куплено Арзимановым за три рубля. Городцов осмотрел этот камень и посоветовал владельцу сдать его в какой-нибудь археологический музей на хранение.

Наконец, в работе Г.Н. Прозрителева «Развалины древнего Хазарского города Мажары близ села Прасковей Ставропольской губернии, на реке Куме», опубликованной в Ставрополе в 1910 г., впервые прозвучала облаченная в четкую формулировку мысль о создании у Маджарского городища музея: «Необходимо создать отдельный Мажарский музей, и в Ставрополе в недавно возникшем Музее Северного Кавказа уже положено начало помещению всего найденного мною в Мажарах. Я глубоко верю, что мое настоящее воззвание не останется гласом вопиющего в пустыне, а потому, предлагая и свое посильное личное участие в этом деле, я сообщаю все то, что мне удалось собрать».

Думается, что бурно развивающийся в начале XX в. город Святой Крест, возглавляемый умелым, инициативным и предприимчивым управленцем бароном Апполинарием де Форжетом, смог бы реализовать замысел Г.Н. Прозрителева и создать «Мажарский музей». Однако Первая мировая война, революция и последовавшая затем война гражданская полностью изменили естественный ход событий. Горячий призыв Григория Николаевича так и остался «гласом вопиющего в пустыне». За весь XX в. не удалось не то что создать «Мажарский

музей», но даже организовать археологическую экспедицию, равную по своему уровню экспедиции В.А. Городцова. Погибла и большая коллекция маджарских предметов Г.Н. Прозрителева. Находившаяся в археологическом отделе Музея Северного Кавказа в Ставрополе, она считалась в России самой полной. При слиянии этого музея с городским ставропольским музеем коллекция фактически была ликвидирована (3).

Развитие музейного дела в нашем крае в 1920-1930 гг. представляет определенное «белое пятно». Новый этап начался в послевоенный период. Уже в первые годы после окончания Великой Отечественной войны «лучшие умы» Прикумья стали приходить к осознанию необходимости музея в городе Буденновске. Интерес представляли не только древний период и средневековье, но и история основания города Святого Креста.

В 1953 г. в средних школах города были проведены общешкольные собрания, на которых было принято решение просить городской Совет о выделении комнаты под районный музей – в то время и город и район были одной административной единицей. В этом же году организовал работу по сбору экспонатов для будущего музея исторический кружок Дома пионеров, руководимый учителем истории В.Я. Сербиненко. Он же впоследствии и возглавил первый известный нам музей. Его создание – это во многом заслуга Владимира Яковлевича. Преподавая в школе, он не раз был свидетелем того, как многие школьники находили немало ценных предметов – потенциальных экспонатов для будущего музея. Многие находки не сохранились – затерялись либо просто были уничтожены.

Еще в 1953 г. в качестве экспонатов будущего музея были собраны найденные на Маджарском городище, а также в городе и его окрестностях: кремневый наконечник стрелы, формочки для литья, осколок бронзового зеркала, множество монет XII-XIV вв. и более позднего времени, сердоликовый перстень, чугунное ядро, буддийские статуэтки, кинжал XIII в., рога ископаемого оленя, глиняные кувшины ордынского времени, солдатский чайник времен русско-турецкой войны 1877-1878 гг., каменная плита с надписью на арабском языке и много других интересных предметов. В создании музея принимали участие и дети, и взрослые. Так, одна жительница села Прасковеев передала в 1954 г. в фонд будущего музея медный кувшин и около двух пудов медных монет (!).

Районный музей открылся 1.01.1958 г. в городе Буденновске. В нем, помимо перечисленных экспонатов, было уже и множество других, в том числе таких уникальных, как печать города Святого Креста (!). Музей имел статус общественного. Во многом его работе способствовал не прекращавший функционировать при Доме пионеров исторический кружок. Он стал костяком, осуществляющим деятельность музея. Музей представлял собой выставочную

экспозицию, а кружок – его организационно-методический центр. И тот, и другой возглавлялись В.Я. Сербиненко, который организовывал и направлял их работу все 15 лет существования музея в качестве общественного (1958-1973 гг.).

Усилиями школьников-кружковцев и других помощников музея проводились различные мероприятия: беседы со старожилами, сбор документов и фотографий, исследования города и его окрестностей. В обрыве реки Кумы был найден черепок с пробой стекла на нем, что дало основание сделать предположение о наличии стекольного производства в Маджаре; в городе на улице Пушкинской было найдено аланское захоронение. Совершались также экспедиции по селам Прикумья. В музее уже в год открытия было так много экспонатов, что большинство из них даже не выставлялись в экспозицию.

В районе длительное время не проводилось целенаправленной государственной политики, целью которой стало бы создание на Прикумье профессионального музея. В рамках деятельности по военно-патриотическому воспитанию в школах, интернатах, а также на некоторых предприятиях создавались так называемые «школьные музеи», «музеи предприятия» и т.д. Они представляли собой не столько музеи, сколько просто выставки или «красные уголки», в которых превалировала тематика, связанная с революцией, гражданской войной, коллективизацией, Великой Отечественной войной. Иногда там находили отражение вопросы, связанные с флорой и фауной Прикумья или же традициями, вехами самого учреждения, например, наградами, полученными школой (предприятием) – коллекции кубков, вымпелов и т.д.

Уровень первого известного нам музея, не говоря уже об уровне «школьных музеев» и «музеев предприятия», хорошо описан в работе инженера Ивлева Николая Петровича «Об археологических находках на городище Маджары» (Харьков, 1962 г., рукопись). «Встретил местного учителя с группой школьников. Заняты сбором подъемного материала. Учитель работает в интернате. Профан, что ему непростительно. Соперничает, вернее, решил соперничать с Сербиненко. Они оба ушли недалеко друг от друга по своей осведомленности. Работают слепо, без должного анализа находимого. Находимым предметам не знают научной или познавательной ценности. Сербиненко, например, орнаментированные камни не подбирал, не видя в них ничего полезного. От такого признания у меня исчезло к нему уважение. При его возможностях в свое время можно было бы спасти гораздо больше материала, чем собрано. Сербиненко работает по интуиции, по природному любопытству к старине. Но этого отнюдь недостаточно. Нужны познания. Необходимо, если не знать, то просто быть знакомым с работами предшественников. Нужно быть эрудированным. Этого Сербиненко не приобрел, да и не стремится приобрести, как мне кажется. Он не знаком даже с последним изданием Грекова и

Якубовского, не говоря уже о результатах работы Городцова по Мадждарам, Терещенко по Сарай Берке, Баллода по «Волжским Помпеям» и так далее. Сербиненко – безграмотный собиратель. Если не вмешаться в его занятия, то все собранное им в Маджарах по темам «Гражданская война» и «Коллективизация» будет представлять из себя мертвый груз, не поддающийся обработке. Масса, до двухсот (!) фотографий, остаются немymi изображениями. Он не систематизирует, не описывает, не фиксирует на местах находок. Фотографии не имеют даже надписей, кто и что, где и когда изображено».

Несмотря на то, что районный музей был непрофессиональным и его деятельность оценивалась специалистами как «дилетантство и любительство», это был первый известный нам музей, на территории современного Буденновского муниципального района и города Буденновска. Многие горожане, побывавшие в нем, отзывались о нем восторженно, люди испытывали гордость от самого факта осознания того, что в городе есть музей!

В последние годы существования районного музея В.Я. Сербиненко увлекся темой, связанной с периодом гражданской войны. Его заинтересовала личность Ивана Кочубея, воевавшего в гражданскую войну на стороне Красной Армии и казненного в городе Святого Креста по обвинению в бандитизме. В результате проделанной работы Владимир Яковлевич написал книгу «Быль о Кочубее». Она вышла в Ставрополе в 1973 г. тиражом в 50 тысяч экземпляров. Во время работы над книгой музей пополнился ценными экспонатами: вещами, принадлежавшими Кочубею. В их числе был и альбом с фотографиями, которые никогда не публиковались (!).

Это был последний год существования районного музея. Пришедшая к В.Я. Сербиненко известность спровоцировала негативное отношение к нему местного чиновничества, стоящего в социальной иерархии выше руководителя общественного музея, но не имеющего таких достижений, как, например, публикация собственной книги. Вокруг В.Я. Сербиненко была создана «особая» атмосфера, вынудившая его не только уволиться с работы, но и уехать из города.

Оставшийся без прежнего руководителя районный музей быстро потерял былые позиции, пришел в упадок и прекратил свое существование. Часть его экспонатов В.Я. Сербиненко увез с собой, некоторые предметы из музейных коллекций были растащены, другие попали в городскую художественную школу, где они, кстати, хранятся и до сего дня. Некоторая часть увезенного Сербиненко вернулась в созданный И.Г. Шакуном городской музей, другая часть была реализована через коммиссионные, антикварные магазины г. Ставрополя и осела в частных руках.

Следует подчеркнуть огромную значимость личностного фактора: есть личность, способная организовать музей, возглавить его и вести работу – есть и

музей. Нет такой личности – нет и музея. Государственная же властная машина оставалась в стороне от вопросов, связанных с организацией музейного дела.

В 1980 г. в Буденновском районе сменился первый секретарь райкома КПСС. Вместо П. Д. Поделякина этот пост занял В. И. Михайленко. Вот как описал эти события В.А. Игнатов, в то время руководивший районным отделом образования («Об ушедшем и уходящем», М., 1995 г.): «Летом 1980 года Поделякина П.Д.... под веянием идеи верхов о необходимости омоложения руководящих партийных кадров, перевели... и его место занял... Михайленко Виталий Иванович – личность чрезмерно самоуверенная, влюбленная в себя, как мифологический Нарцисс, совершенно некомпетентная и неподготовленная для столь ответственного и жизненно важного поста. Ему только что исполнилось 35 лет, и на всех ключевых должностях в городе и районе он хотел видеть лиц моложе себя и с этой целью стал изгонять опытных руководителей, а на их место назначать юнцов, как котов в мешке привезенных неведомо откуда».

Своеобразной идеей «почетного» оформления «выхода на пенсию» бывшей прикумской элиты стала идея создания музеев в городе и некоторых селах. Недавние руководители должны были обрести там свое «последнее пристанище». Решениями Бюро горкома КПСС, исполкомов городского и районного Советов народных депутатов было предписано создать музей в городе, а также в наиболее крупных селах района. Поскольку основной целью властей было не столько создание музеев, сколько решение задачи «мумификации» прежней элиты, решения исполнялись сумбурно и хаотично.

Так, в 1980 г. была сделана попытка определить будущей городской музей как «народный» («Советское Прикумье», № 208, 1980 г., статья «Городу нужен музей»), что предполагало относительно широкую трактовку его профиля. Но уже в 1981 г. сфера деятельности музея ограничена. В статье «Будет и у нас музей» («Советское Прикумье», январь, 1981 г.) учитель истории и географии, краевед, член общества «Знание» Н.В. Петровский объявил, что в Буденновске будет создан музей боевой и трудовой славы. Председателем совета музея стал Герой Социалистического Труда В.Н. Полющенко, а его заместителем – Н.В. Петровский. Музей был открыт в том же, 1981 г., и, поскольку он размещался в здании городского военкомата, его руководителем стал Буденновский военный комиссар (!). Помимо того, что режимное здание не предполагало само по себе свободный доступ всех желающих и, что закономерно, не предполагалась какая-либо методическая работа, был брошен клич: «Музею нужны экспонаты!». В очередной раз горожане стали собирать для музея ценные вещи и семейные реликвии, отправляя их, как потом оказалось, в небытие.

Сохранилось воспоминание капитана в отставке П. Житникова, посетившего музей в ноябре 1981 года («Советское Прикумье», ноябрь, 1981 г.).

Первым экспонатом, поразившим его, стала боевая тачанка времен гражданской войны. Другими ценными предметами были подлинные фотографии того же времени участников Святокрестовской дивизии, бюст С.М. Буденного – авторская работа горожанина, скульптора С.Ф. Буримова, фронтовые письма, фотографии и другие вещи. Несмотря на то, что под музей было отведено всего две небольшие комнаты, «...многие стеллажи пустуют», – сокрушался в беседе с П. Житниковым военком, – сдавайте вещи в музей!». Музей, рожденный в таком «законсервированном» месте, просуществовал всего два года.

Несколько иначе сложилась судьба музеев в селах Томузловском, Преображенском, Архангельском и поселке Терском.

1 февраля 1981 г. в с. Томузловском состоялось торжественное открытие музея, посвященного истории села и колхоза. Создание этого музея – во многом заслуга участника Великой Отечественной войны И. А. Голощапова. В музее был собран богатый материал «о социалистическом переустройстве села, о ратном и трудовом подвиге томузловцев». Пожалуй, это самый знаменитый музей в прикумских селах, имеющий наибольшую площадь и, возможно, наибольшее количество экспонатов. Отметим, что с. Томузловское – родина П.Д. Поделякина. Не исключено, что это вдохновило В.И. Михайленко на подобный «размах». Но если бы не личность ныне покойного И.А. Голощапова, все могло бы закончиться так же быстро, как и в Буденновске. Над музеем шефствовал Кисловодский музей художника Ярошенко, из его собраний регулярно предоставлялись коллекции для выездной экспозиции. В конце эпохи шефства небольшая коллекция гравюр второй половины XX в. Томузловскому музею была подарена.

Работая над статьей, авторы посетили его. Часть помещений музея сейчас отдана местной православной церкви: там ведется служба и живет священник. Руководитель музея «от колхоза» получает 800 рублей. Можно предположить не много вариантов дальнейшего развития событий. Помещения, скорее всего, отойдут местному приходу, и в этом случае судьба музея предрешена – в разговоре с одной из прихожанок он был назван ею коротко и емко: «безбожный».

Такого же типа музей еще сохраняется в селе Преображенском. Открыт он был несколько позже, в 1986 году. Музей почти такой же большой по площади и количеству экспонатов, как и в с. Томузловском. Сейчас он брошен на произвол судьбы и сохраняется благодаря энтузиазму В.В. Кардаша – семидесятилетнего пенсионера, не получающего за свою работу ни копейки. Он, будучи председателем Совета ветеранов и инвалидов села, по мере сил присматривает за музеем, проводит экскурсии. Нас поразило отсутствие пыли на экспонатах и чисто вымытые полы в помещении, размером с хороший спортзал. Но силы В.В. Кардаша не бесконечны. У него нет преемника, а у музея – будущего. Пенсионер ведет своеобразную музейную летопись, отмечая своих предшественников. Мы

прочитали: «27 октября 1993 г. И.Ф. Диканов заболел и в музей больше не вернулся, с того времени в музее остался один Дымченко И.Г. 15 июня 2001 г. И.Г. Дымченко заболел и в музей не вернулся. С этого времени в музее стал работать Кардаш В.В.». Отметим, что окруженный чиновничьим безразличием Преображенский музей напоминает нам окруженный врагами Ленинград центр культуры, а летопись Преображенского музея – дневник ленинградской девочки Тани Савичевой...

Музей в селе Архангельском находится в небольшом отдельно стоящем здании. Когда мы хотели посетить его, на дверях висел замок. Вышедший к нам сосед сказал, что «там бывают экскурсии». Судя по всему, вряд ли дела в том музее идут лучше, чем в селах Томузловском и Преображенском...

О музее в поселке Терском сохранилось мало сведений. Но есть заметки живущего ныне во Владимире Евгения Леонидовича Веркина о социальной обстановке в поселке в конце XX века (см. «Непотопляемые корабли», г. Владимир, 2004 г.): «Я прожил на Ставрополье восемь лет. Работал в школе. Жил в совхозе. Так вот за все эти годы рабочим совхоза ни разу не выдавали зарплаты. И при одном директоре, когда еще были тучные стада овец и коров, и при другом директоре, который купил этот совхоз на корню, но уже без овец, без коров и без коровников, им, хлеборобам, начисляли что-то в бухгалтерии, но ничего не давали на руки. Как они жили – непонятно... Но на работу они ходили, где-то до полудня там кантовались без электроэнергии и тепла, кто хотел, с разрешения среднего начальства мог и уйти, НО ВСЕ оставшиеся к концу рабочего дня, скажем так, пьяненькие возвращались домой. И так каждый день. Стабильно». Ясно одно, что в условиях подобной «стабильности» выживание музея стало бы чудом. Но чуда не случилось...

Время не стоит на месте, а назревшие проблемы требуют своего решения. В 1985-86 гг. на страницах газеты «Советское Прикумье» стали появляться публикации, посвященные вопросу создания в городе Буденновске краеведческого музея. Автор одной из них, Н.В. Петровский, в статье «Каким должен быть музей?», в частности, писал: «Думается, в нашем городе нет необходимости создавать «грандиозный» музей. Хватило бы 50 квадратных метров для трех обычных для краеведческого музея отделов (природа, история, народное хозяйство и культура)». Налицо регресс: если в начале XX в. краевед Г.Н. Прозрителев предлагал создать специализированный «Мажарский музей», то в конце того же века краевед Н.В. Петровский объявил, что хватило бы и 50 квадратных метров (!), причем на все: на природу, историю, народное хозяйство и на культуру.

К сожалению, объем нашей работы не позволяет нам рассказать о том, как создавался в 1987 году Буденновский городской краеведческий музей, как он

работал вплоть до наших дней, до 31 декабря 2004 г., пока «не был уничтожен» федеральным законом от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», не позволившим муниципалитетам содержать музеи. Отметим лишь огромные заслуги создателя музея Ивана Гавриловича Шакуна, консерватора в лучшем смысле этого слова, – именно он собрал все то, что сегодня можно увидеть в Буденновском филиале Ставропольского государственного краеведческого музея имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. И.Г. Шакун написал книгу «История создания музея в Буденновске» (г. Буденновск, 2000 г.), в которой подробно описал все трудности его становления и повседневной работы.

В заключение хочется отметить, что на рубеже тысячелетий на Прикумье с новой силой вспыхнуло пламя создания музеев, которое вскоре было потушено **федеральным законом № 131**. В соответствии с ним открытый 11 октября 2002 г. музей в селе Прасковеев был реорганизован в Центр культуры и досуга, при этом сохранив свои функции как учреждение музейного типа в полном объеме.

Что же касается идеи, высказанной Г.Н. Прозрителевым еще в 1910 году, о создании специализированного «Мажарского музея», то дальше ее повторения, в частности, Т. М. Минаевой, дело не сдвинулось. Власть в третьей четверти XX в. поступила точно так же, как и власть в конце века XVIII. Городищу Маджары в 1981 г. был придан статус памятника союзного значения (в 1995 г. присвоен федеральный статус) – он был взят «под охрану» так же, как в свое время брался «под охрану» Указом Астраханского губернского правления Моздокскому нижнему земскому суду от 2 июня 1797 года № 17866. Чем закончилась «охрана» в XVIII веке, мы уже знаем. Есть много негативных фактов неэффективности охранной деятельности и сейчас. А неоднократное обсуждение перспективной и актуальной идеи не приводит к практическим результатам.

Использованная литература и источники:

1. Бентковский И.В. Заштатный город Святого Креста // Ставропольские губернские ведомости №№ 46-50 и 52 за 1878 г.
2. Клапрот Г.Ю. Исследование о развалинах Маджарских на реке Куме // Журнал «Московский телеграф» №№ 9-10 за 1825 г.
3. Волкова Н.Г. Маджары // Кавказский этнографический сборник . Т.V, М.: «Наука», 1972

Отюцкий И.В.

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный краеведческий музей
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве,
заведующий отделом

Еще раз о коллекции отдела археологии музея Северного Кавказа

На I-х «Прозрителевских чтениях» уже представлялось сообщение с подобным заголовком. Но тогда речь шла о структуре музейного документа, с добавлениями по авторам и местам находок различных археологических предметов. Теперь внимание будет уделено именно археологическим предметам. Учитывая большое их количество и разнообразие, обратимся лишь к некоторым. Ряд предметов поступил от Григория Николаевича Прозрителева. В процессе работы проводилась их идентификация: сравнение предметов с фондовыми записями, с археологической литературой. В результате столь кропотливых действий часть находок из музея Северного Кавказа как бы появился заново.

Так, в музейном документе под № 3133 имеется такая запись (прежние написания здесь и далее несколько изменены): «Доска литой меди с арабской надписью, найденная там же». В предыдущем № 3132 читаем: «... в развалинах древнего города Мажары на р. Куме Праск. уезда близ св. Креста». Для специалиста сразу понятно, что указан золотоордынский город Маджар (ныне г. Буденновск). Сопоставим запись о предмете с находками, сделанными на территории этого населенного пункта. Здесь на помощь придет статья археолога Т.М. Минаевой, опубликованная в 5 выпуске «Материалов по изучению Ставропольского края». На 137-138 страницах сборника напечатано: «В Ставропольском краевом музее хранится бронзовая дверная ручка (см. рисунок 1), найденная в развалинах Маджара. На ней арабская надпись: «Кто пришел сюда, спасен будет». В результате сопоставления предмета с двумя его описаниями и сравнения с рисунком приходим к следующим выводам. Оба описания касаются одного и того же предмета. Он является бронзовой дверной ручкой. На лицевой стороне ручки прочерчена арабская надпись с приведенным выше переводом. Каждое из описаний имеет свой инвентарный номер. Первым номером (по музею Северного Кавказа) был № 3133, последним (по Ставропольскому краеведческому музею) является № 3544.

Массовый материал отдела археологии, поступивший от Г.Н. Прозрителева, примерно схож. На картонных планшетах (в документе они названы таблицами)

прикреплены фрагменты керамики и кости животных. Таблицы оформлены по всем правилам: пронумерованы, подписаны и посчитаны. Так, по тому же городу Маджару записано: «Шесть таблиц черепков глиняной посуды и костей; из них таблица 2-я содержит 31 черепок». Подобная тщательность также помогала при идентификации предметов. Было установлено, что таблица 2-я имела № 3407, а ныне ее № 3447.

По идентификации массового материала отметим следующее. В коллекции музея Северного Кавказа он учтен, как правило, имеет свой индивидуальный номер. Под № 9415 пишется: «Черепки глиняной посуды, найденные при раскопке кургана в Мещанском лесу, в Ставрополе». И, начиная с № 9416 по № 9515, одно слово: «Тоже». То есть около 100 предметов объединены местом находки, а учтены – врозь. В записях коллекций Ставропольского краеведческого музея эта коллекция имеет один инвентарный номер – 3390.

Приведенные факты требуют дальнейшего продолжения детальной работы с коллекцией отдела археологии музея Северного Кавказа.

Охонько Н.А.

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный краеведческий музей
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе,
директор

Герб Ставропольского краеведческого музея как символ его истории и социальной роли

В настоящее время идет активный процесс возрождения отечественной геральдики, которая подразделяется на государственную, региональную, муниципальную, корпоративную и личную.

Одним из значимых мероприятий к своему 100-летнему юбилею явилось принятие Ставропольским государственным краеведческим музеем имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе в 2005 году корпоративного герба. Инициатором и разработчиком герба выступил автор данной статьи, который с 1994 года принимал участие в разработке символики края и целого ряда населенных пунктов, а с 2000 года является секретарем геральдической комиссии при губернаторе Ставропольского края.

На основе содержательной концепции геральдическое исполнение символики музея осуществил художник-геральдист И.Л. Проститов.

Первоначальные эскизы герба были вынесены на обсуждение коллектива музея. После достаточно длительного рассмотрения сотрудниками и активом музея герб был принят на общем собрании коллектива и стал применяться официально.

Для того чтобы окончательно убедиться в правильности принятой символики, герб был показан специалистам Геральдического совета при Президенте Российской Федерации, где он получил положительное заключение.

В окончательном виде эталонное геральдическое описание герба гласит: «В черном поле щита два золотых дуба (один из которых опрокинут) с единой кроной, процветшей в сердце золотой же розой. Под щитом на черной ленте золотой литерой девиз: «Найти. Сохранить».

В основу толкования герба заложена история основания музея. Как известно, у истоков современного музея стоят две личности – Г.Н. Прозрителев, как основатель губернского музея краеведческого типа, и Г.К. Пправе, выступивший инициатором создания Ставропольского городского учебного музея. В 1927 году эти музеи слили в единое учреждение. Два дуба

символизируют двух основателей и два музея, правопреемником которых выступает нынешний музей.

В обобщенно-философском смысле дубы символизируют Древо Жизни, имеющее корни на небесах, и Древо Познания, произрастающее корнями из Земли.

Срастаясь кронами, деревья процветают розой, символизируя будущее музея. Размещенные по кругу в кроне двенадцать желудей символизируют непрерывающийся цикл жизни в ее постоянном возрождении и развитии. Число 12 напоминает о двенадцати учениках Христа, распространивших в мире его учение, а также двенадцать месяцев, составляющих годы, из которых складываются века и тысячелетия, изучением которых и занимается музей.

Само слово «дерево» ассоциируется с понятием «древность» и прошлым, которое является главным объектом занятия музея.

Древо Жизни и Древо Познания являют собой варианты Мирового Древа. Выступая совместно, они помогают отличать добро от зла и истину от заблуждения, в чем очень важно ориентироваться музейному сотруднику.

Дуб символизирует собой прочность, долголетие, надежность и основательность. Этими же понятиями наделяется музей, который непрерывно функционирует в течение века и может причислить себя к обязательному институту человеческого общества и государства, институту, освященному временем.

В символизме основных тинктур (цветов и металлов), согласно устоявшейся геральдической традиции, заложен следующий смысл. Черный цвет гербового щита – это цвет прошлого и истории, который выражает и такие понятия, как мудрость, таинство, аскезу, неотвратимую справедливость, благоразумие и загадочность. Золото символизирует просвещение, неподверженность порче, мудрость, стойкость, честь, богатство, свет, озарение, гармонию, истину.

Статус герба повышает наличие у него девиза. В нем предельно лаконично и в то же время глубоко содержательно выражена основная суть социальной роли музея. Даже повелительная тональность слова «найти» в девизе не случайна, так как с этого требующего усилий действия начинается выполнение главной функции музея, которая заключается в поиске источников, сборе коллекций и информации. Термин «сохранить» включает в себя не только простое хранение историко-культурных и природных объектов, но и их изучение и широкую популяризацию.

О краеведческой деятельности в 80-х гг. XIX в. археолога-любителя П.Ф. Федотова

Конец XIX – начало XX вв. характеризуется оживлением научной деятельности в провинции, зарождением и становлением краеведения. Характерными чертами развития исторической науки в этот период было понимание серьезной научной значимости работы провинциальных историков и краеведов, тесная взаимосвязь столичных ученых-профессионалов и археологов, историков-любителей. На местах складывается широкий круг образованных людей, занимавшихся краеведческими исследованиями, формируется целое поколение историков-краеведов.

В связи с завершением Кавказской войны, а также реформированием армии (сокращение сроков службы) в 1874 г. большое количество отслуживших офицеров и унтер-офицеров определяется на место жительства в города России, в том числе и Северного Кавказа. Эта социальная группа, выделявшаяся образованием и любознательностью, включается в провинциальную культурную жизнь. Некоторые из них начинают заниматься археологическими изысканиями.

Одновременно в числе археологов-профессионалов на Северном Кавказе начинают заниматься исследовательской деятельностью офицеры и генералы, получавшие специальные разрешения на право раскопок памятников от Императорской Археологической комиссии – Открытые листы (полковник Ольшевский, генерал Эркерт и др.). При этом Археологическая комиссия старалась привлечь к раскопной деятельности и местных краеведов. Характерным примером в этом смысле является г. Ставрополь в 80-е гг. XIX в., где факт появления столичного исследователя – генерала Эркерта, его раскопки в окрестностях города сами по себе возбудили у горожан огромный интерес к археологическим памятникам. Деятельность Эркерта послужила примером для местной патристически настроенной публики, в числе которой своими изысканиями выделяется первый местный археолог-любитель отставной унтер-офицер Павел Ф. (Федорович ?) Федотов.

Известно, что генерал Эркерт проводил раскопки в окрестностях Ставрополя в 1880-1881 гг. (Erckert, 1883; Козенкова, 1989; 1998, с.85-87, ссылка 13). Им были исследованы курганы V-IV вв. до н.э. В их число В.И. Козенкова

включила Ставропольский курган, обычно приписываемый раскопкам П. Федотова. Автор справедливо отмечает разночтения даты исследования памятника (1883 г. – Виноградов, 1972, с.134; 1893 г. – Виноградов, 1972, с.319, рис.3,2). Вслед за В.Б. Виноградовым к 1893 г. этот курган относит С.В. Махортых (Махортых, 1991, с.77, рис.29,8,9).

В рукописном архиве ИИМК РАН хранится переписка Археологической комиссии с Городской Управой г. Ставрополя и П. Федотовым (с 13 января 1882 г. по 1 июля 1885 г.). Согласно документам, предметы из коллекции П. Федотова были найдены в 1883 г. в курганах в 5 верстах от Ставрополя (по дороге в ст. Николаевскую Кубанской обл.) и 1 ноября 1884 г. сданы в Эрмитаж.

Однако один из документов о выдаче П. Федотову удостоверения «по результатам раскопок одного из курганов», содержащий список предметов, поступивших в Городскую Управу Ставрополя из этого кургана (бронзовый вороненый щиток – зеркало, металлическая эмблема, изображающая кольцеобразно змея и в середине две руки (бляха с изображением хищника), четыре металлических наконечника стрел и др.) датируется 13 января 1882 г. Таким образом, курган, из которого происходят перечисленные вещи, действительно, как верно отметила В.И. Козенкова, датируется не 1883 г. и не 1893 г., а 1881 г., поскольку раскопки, как правило, велись летом или осенью. Но все-таки Ставропольский курган исследовал не генерал Эркерт, а П. Федотов, о чем свидетельствуют отмеченные документы как Городской Управы Ставрополя, так и Археологической комиссии.

В частности, 20 июня 1884 г. из Городской Управы в Археологическую комиссию поступило описание раскопок П. Федотова: «...В черте выгонной земли губернского города Ставрополя на расстоянии 5 верст от города по проселочной дороге в ст. Николаевскую Кубанской области над ручьем Грушевским, с обеих сторон покрыты лесом, возвышается небольшой чистый и длинный холм. Над южным, более крутым скатом этого холма, почти по прямой линии находятся 5 курганов. Во всех этих курганах П. Федотов производил раскопки. В одном из них, третьем, с восточной стороны, в рыхлой почве, на двухаршинной глубине найдены те предметы древностей, которые при отношении Управы от 30-го января 1884 г. отосланы в Археологическую комиссию...Грунт самого кургана состоит из чернозема с булыжником, по всей вероятности набранным из Грушевского ручья. Судя по рыхлости и отличию грунта кургана от грунта земли, окружающей курган, можно заключить, что курган насыпан искусственно. Такое же построение и прочих курганов, в которых кроме человеческих и лошадиных костей ничего не найдено».

В числе найденных материалов В.И. Козенкова отметила и зеркало из Ставропольского кургана 1881 г. (раскопки Федотова). Однако автор ссылается на

неточную прорисовку зеркала, опубликованную В.Б. Виноградовым, считая, что его ручка не имеет орнамента. На самом деле ручка этого зеркала орнаментирована овальными накладками из белого металла. Поэтому данное зеркало следует отнести к пятому варианту, не отмеченному Т.М. Кузнецовой.

Край диска был украшен циркульным орнаментом. Сохранились точечные наколы по краю диска, которые сделаны по линии, прочерченной циркулеобразным инструментом, установленным в центре диска). Каждый накол являлся центром малой окружности и одновременно соединялся с соседними наколами посредством двух других малых окружностей. Так как одна часть каждой окружности была более углублена, то складывается впечатление зигзагообразных значков. На лицевой стороне ручки фиксируются накладки из белого металла (серебро?) вытянутой формы с овальными закруглениями. Верхняя накладка расположена на стволе непосредственно под диском. Нижняя накладка наблюдается в месте перехода ствола в конец ручки (хр. ГЭ, отдел ОАВЕС, № 2530/3). (1).

Дата погребения в пределах нач. IV в. до н.э. определяется по наличию в комплексе бронзовых наконечников стрел и круглой бронзовой бляшки с изображением свернувшегося хищника, близкого образам «сонных» изображений IV в. до н.э. Среднего Дона (Прокопенко, 2002). Аналогичные зеркала V типа из кочевнических погребений Северного Причерноморья датируются V – IV вв. до н.э. (Кузнецова, 1987; 2002).

Возможно, П. Федотов исследовал курган из курганной группы, до него частично раскопанной Эркертотом.

Следует отметить, что П. Федотов продолжал свою раскопную деятельность в 1884 – 1885 гг. В 1884 г. он получил от Археологической комиссии разрешение на раскопки «погребов» в Русской Даче (г. Ставрополь). В этом районе «между двух курганов» в одном из «погребов» им были обнаружены три больших фигурно обработанных камня.

Два из них имеют подтреугольную форму. Один из углов скруглен, что делает противоположный выступающий угол похожим на клюв хищной птицы. В центре – прямоугольное отверстие, напоминающее птичий глаз. Они отличаются только формой клюва (заостренный и прямоугольный).

Третий камень оформлен в виде животного (барана?). Прямоугольное туловище имеет в верхней части выступ, скругленный в верхней части – голова животного. В нижней части вырезаны два прямоугольных выступа, видимо, обозначающие конечности животного.

Следует отметить близкие каменные изображения животных (кабанов и медведей), выявленные на территории, занятой кельтами и племенами протославян (Испания и Польша), видимо, свидетельствующие о

распространении культов данных животных на указанной территории (Rosen-Przeworska J., 1964, гус.85). Возможно, зооморфные камни из окрестностей Ставрополя также связаны с подобными культами. В частности, известно, что изображения головы хищной птицы и барана являются одними из излюбленных мотивов в искусстве скифских и сарматских племен.

Также П. Федотов в 1885 г. в Городскую Управу доставил сломанный надвое клинок сабли, шесть кусков от металлического зеркала и кусочек кожи, другие предметы.

Следует отметить профессионализм и порядочность его как исследователя. Все, что попадало в его руки (в том числе и ценные предметы), обязательно доставлялось в Городскую Управу, а затем в Археологическую комиссию. Благодаря этому основные находки сохранились (хр. в Государственном Эрмитаже). Кроме собственных раскопок, он старался собрать сведения и о случаях ограбления памятников, причем не только в г. Ставрополе, но и в его окрестностях. В данном случае особо показательна его переписка с Управой и с Археологической комиссией о грабительских раскопках в 1885 г. в окрестностях с. Константиновского. Здесь, по его словам, в кургане (в яме) на обожженных досках на камыше и угольной подсыпке был найден сундук с золотыми российскими монетами. Он требовал разобраться с этим делом – вернуть ценности. Но чиновники не поверили его версии. Возможно, о сундуке действительно данные им были преувеличены (неумышленно). Однако, судя по описанию того, что было обнаружено, – уголь, камыш, погребение – могло относиться к скифскому времени, а в таких комплексах не редкость предметы из драгоценных металлов.

Таким образом, несмотря на непрофессионализм, отсутствие исследовательской практики, деятельность П. Федотова как первого на Ставрополье археолога-любителя достойна, чтобы его имя внесли в плеяду офицеров-археологов конца XIX – начала XX вв. (штабс-капитан Н.В. Орел, подьесаул Панкратов, капитан Л.Ф. Бржезинский, капитан В.А. Скиндер, поручик В.Р. Апухтин и другие).

1. Выражаю искреннюю признательность Л.К. Галаниной за предоставленные материалы из раскопок Федотова.

Роль «Музееведения» в подготовке специалистов культурологов

Музееведение – научная дисциплина, которая на современном этапе находится в стадии формирования. Музеология как научная отрасль знаний складывается в кон. XIX – нач. XX вв. В российской традиции аналогом термина музеология стал термин музееведение. После Октябрьской революции происходит конституирование музееведения в качестве научной дисциплины. Появляются специализированные центры музейной работы: Московский институт историко-художественных изысканий и музееведения (1919 г.), Комиссия по музееведению при Академии истории материальной культуры (1920-е годы), Центральный научно-исследовательский институт методов краеведческой и музейной работы (1930-е годы) и другие.

Первое наиболее четкое и полное определение музееведения было дано в 1938 году: «Музееведение – отрасль знания, возникшая в конце XIX века и охватывающая круг теоретических и практических вопросов, связанных с жизнью и деятельностью музеев, как-то: коллекционирование и научное описание памятников культуры или предметов природы, разработка методов экспозиции, способы хранения и учета музейного материала и популяризация его» (1, с.541).

Современная трактовка этого понятия может звучать так: «Музееведение – междисциплинарная научная дисциплина, изучающая музейные предметы, их социальные свойства и отношения, музейные процессы в их исторической динамике, процессы сохранения социальной информации, ее познания и передачи с помощью музейных предметов, развитие музейного дела и направления музейной деятельности».

До 1985 года музееведение в вузах страны практически не преподавалось. Исключение составлял лишь МГУ им. Ломоносова, где функционировал спецсеминар по истории и теории музейного дела. С началом перестройки стали появляться аналогичные курсы в университетах и пединститутах центра России. В настоящее время специальность «музееведение» открыта в ряде университетов Российской Федерации: Владимире, Нижнем Новгороде, Омске, Томске, Уфе, Барнауле, Хабаровске и др.

В Ставропольском государственном университете дисциплина «музееведение» читается на историческом факультете и на отделении «культурология» факультета филологии и журналистики. Специальность 020600 Культурология утверждена приказом Минобразования, науки в 2000 году. Культуролог – это специалист самого широкого спектра гуманитарных дисциплин. Это не просто всесторонне образованный человек, деятельность культуролога направлена на изучение и анализ истории и теории мировой (западной и восточной) культуры: он изучает особенности функционирования культуры в современном российском обществе, подготовку и реализацию научно-технических программ, направленных на сохранение обществом природного и культурного наследия. Культуролог участвует в формировании общественной политики и мнения, обладая комплексом необходимых для этого знаний.

Сфера профессиональной деятельности специалиста-культуролога – научно-исследовательские и проектные организации, связанные с изучением культуры, с хранением и освоением культурного и природного наследия, государственные учреждения и общественные организации, занимающиеся управлением культурой и охраной памятников истории и культуры, культурные и образовательные учреждения. Одной из задач профессиональной деятельности выпускника является работа по выявлению, сохранению и использованию культурного и природного наследия. Подготовка специалистов культурологов в Ставропольском государственном университете ведется с 1999 года. Первый выпуск состоялся в 2004 году.

Студенты-культурологи осваивают комплекс социально-гуманитарных дисциплин: история и теория культуры, история отечества, эстетика, история религий, философия и ряд других. Музееведение относится к циклу дисциплин специализации основной образовательной программы подготовки культуролога. Программа курса музееведения состоит из трех основных блоков:

- музееведение как научная дисциплина,
- история музееведения,
- теория и практика музейного дела.

На отделении культурология в настоящий момент обучаются около 130 студентов. Студенческая аудитория практически полностью женская – это учителя, художественные руководители, работники библиотечной сферы, педагоги, воспитатели и др. Часть студентов (21 %) работают в музейной среде: директора, главные хранители, смотрители, кассиры. Для этой категории студентов дисциплина специализации «Музееведение» имеет теоретическую и практическую значимость.

На современном этапе развития музееведения (музеологии) музей можно рассматривать как полифункциональный институт социально-культурной

информации. Музей является эпистемной моделью культуры, одной из форм коллективной памяти, ценностного отношения человека к действительности, поддержки традиций, а также средством массовой коммуникации. Музей – учреждение сложного состава. Характеристики понятия «музей» у различных музееведов не всегда совпадают. Международный Совет Музеев (ИКОМ) – неправительственная профессиональная организация музеев мира – после длительных дискуссий пришел к необходимости дать следующее определение музея в третьей статье своего устава: «Музей – это постоянное, некоммерческое учреждение, доступное широкой публике, занимающееся приобретением, хранением, исследованием, популяризацией и экспонированием материальных свидетельств о человеке и среде его обитания в целях изучения, образования, а также для удовлетворения духовных потребностей» (2).

Важной предпосылкой успешной научной и практической работы музееведов является их профессиональная подготовка, рациональное понимание развития музея, которое правомерно признать обязательным компонентом современной музееведческой работы с ее проецированием в будущее, поскольку как прошлое, так и настоящее суть неотъемлемая составная часть единого исторического процесса.

Важность музееведческих знаний связана с большой ролью музейного предмета в научной, культурной, просветительской и воспитательной сферах деятельности людей. Музеи занимают определенное место среди социокультурных институтов сегодняшнего общества, которое живет в условиях эволюционной динамики знаний как основного фактора развития современной цивилизации. Современное музееведение перед лицом новых усложняющихся задач, в силу внутренних потребностей, по логике развития вынуждено повышать внимание к разработке теоретических и методологических проблем, а в их числе и осмысление феномена истории музейного дела, и разработка методологии преподавания музееведения в вузе.

Использованная литература и источники:

1. Большая советская энциклопедия. М., 1938, т.40.
2. www.ilts.ru/center.php

Савенко С.Н.

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный краеведческий музей
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе,
заместитель директора, к.и.н.

Создание историко-культурного центра «Дача И.И. Сафонова» – еще один проект развития Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника

В год 100-летнего юбилея Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе был преобразован в Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе (СГМЗ), в соответствии с приказом министерства культуры Ставропольского края от 07.10.2005 г. № 176. В опубликованной концепции создания Ставропольского музея-заповедника (1) представлены предварительные положения перспективной программы, рассчитанной на 25-летний период, и определена примерная природная и историко-культурная база организации и развития СГМЗ. Среди объектов и территорий, которые могут и должны поэтапно включаться в структуру музея-заповедника, выделены памятники и комплексы в черте г. Ставрополя, в границах Верхнегорлыкского ландшафтно-культурного района, у с. Привольного и х. Богомоллов Красногвардейского района (Вестославский редут с историко-культурной округой в природной среде), на сохранившихся участках территории средневекового города Маджары у г. Буденновска, на территории археолого-природного комплекса «Горное Эхо» в г. Кисловодске, историко-культурных территорий музеев-филиалов в различных районах края и другие. Одному из таких комплексных культурно-природных объектов следует уделить особое внимание.

Вблизи северной окраины г. Георгиевска и у западной границы с. Краснокумского Георгиевского района Ставропольского края, на правом берегу р. Подкумок, на расстоянии примерно 1,5-2 км от места его впадения в Куму (историческое место расположения первой станицы Георгиевской, основанной в 1777 г.), в лесном массиве, расположено старинное изящное двухэтажное строение с возвышенной башней. Продолжительное время в нем располагается контора Кумского лесничества. Историческое название этого места – «Сафонова дача» или «Ильинка». Местным жителям и краеведам давно известно, что Дача

связана с именем казачьего генерала, построенная на участке, данном ему за участие в Кавказской войне с Шамилем (2). Интерес к объекту поддерживался потому, что генерал-лейтенант И.И. Сафонов являлся отцом русского музыканта, композитора, дирижера и педагога Василия Ильича Сафонова (1852-1918 гг.) (См. например: 3, с.99-113), тесно связанного с Кавминводами и много сделавшего для развития культурной среды региона.

Новый этап усиления интереса к личности генерала И.И. Сафонова и к его даче в районе Георгиевска пришелся на начало 1990-х годов, когда разворачивалось движение возрождения казачества и шла подготовка к 140-летию В.И.Сафонова (4). На базе Кисловодской госфилармонии в феврале 1992 г. прошла Первая всероссийская «Сафоновская конференция», на которой мне пришлось выступить с докладом об отце известного музыканта. По материалам конференции планировалось издание сборника, но вышел в свет только газетный материал (5). Тогда же стала обсуждаться идея придания даче Сафонова особого историко-культурного статуса (6). С 1995 г. дачное строение является памятником истории и культуры местного значения. Тогда же на учет и охрану были поставлены несколько археологических объектов – поселений начала 1 тысячелетия н.э. и хазарского времени, находящихся в непосредственной близости от дачи, частично в границах бывшего сафоновского земельного участка.

Об историко-культурном значении Сафоновской дачи немало говорилось и в конце 1990 – начале 2000-х гг. (7). Она не была обойдена вниманием во время обсуждения проблем развития внутреннего, межрегионального и международного туризма в Ставропольском крае. Осенью 2001 г. правительством края была организована специальная экспедиционная поездка с целью выявления объектов туристского показа для их включения в краевую перспективную комплексную программу. Но дальше предварительных разговоров тогда дело не пошло.

С новой инициативой по поводу дальнейшей судьбы Сафоновской дачи выступило правление Георгиевского отдела Ставропольского казачьего округа ТКВ (атаман С.И. Васильев). Оно провело предварительную проработку (в частности, был выявлен уникальный план землеотвода под дачу И.И. Сафонова) и сформулировало предложение о создании на базе бывшей дачи и исторического земельного участка площадью 80 га историко-культурного центра имени И.И. и В.И. Сафоновых. Предложение было поддержано руководством Ставропольского округа Терского казачьего войскового общества (атаман А.Г. Масалов) и направлено в правительство Ставропольского края. В настоящее время вопрос прорабатывается с участием Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. Одним из возможных вариантов его решения может быть придание Даче и прилегающим к ней землям статуса

особой историко-культурной и природной территории и включение ее в состав музея-заповедника.

Проект вполне оправдан как с историко-культурной, так и с природоохранной точки зрения. Потенциал личности В.И. Сафонова огромен, активно изучается и популяризируется, но пока еще далеко не полностью раскрыт. Ему, прежде всего, принадлежит и заслуга того, что Ильинка стала на рубеже XIX-XX вв. одним из центров культурной жизни Кавминвод. На Даче бывали многие отечественные деятели искусства и культуры указанного периода. Связь с музыкальным творчеством отразилась и во внешнем облике здания, на стенах башни которого изображены нотные записи. Развитие научно-поисковых работ может позволить выявить факты написания и исполнения музыкальных и художественных произведений на Сафоновской даче.

Заслуживает особого внимания и личность первого и основного владельца Дачи генерала И.И. Сафонова. Илья Иоаннович – человек особой судьбы (8,9,с.310). Родившийся в терской станице Ищерской 20.07.(1.08.)1825 г. (в 2005 г. исполнилось 180 лет со дня его рождения), в 1845 г. он начал службу простым казаком и через 4 года был удостоен первого офицерского звания хорунжий за боевые отличия в событиях кавказской войны. Участник целого ряда кавказских кампаний 1848-1851, 1854, 1855, 1857 гг., И. Сафонов удостоился нескольких орденов и очередных чинов, был ранен и контужен. Во время завершения основных действий кавказской войны в 1861 г. он уже штаб-ротмистр, а в следующем 1862 г. отбывает в Петербург для службы в конвое Его Императорского Величества. В элитном казачьем подразделении ему довелось сначала служить под командованием легендарного в будущем генерала Д.И. Скобелева и с 1864 г. самому возглавлять конвой (10,с.64) в течение шести с половиной лет, получить еще 3 ордена и перейти на другую должность в чине полковника. В последующие годы он служил в сводном Терском казачьем полку, в главном комитете казачьих войск, командовал Терской казачьей бригадой и 2-ой Кавказской казачьей дивизией. В 1893 г. произведен в генерал-лейтенанты. До конца жизни состоял при войсках Кавказского военного округа. Награжден орденами Св. Анны всех 4-х степеней, Св. Станислава двух степеней, Св. Владимира 3-ей и 2-ой степени, Монаршим благоволением, знаком отличия беспорочной службы за 50 лет и другими наградами.

В 1870-е гг. И.И. Сафонов и члены его семьи связали свою судьбу с Кавминводами. В 1877 г., с апреля по декабрь, Илья Иоаннович исполнял должность коменданта г. Пятигорска. На склоне Крестовой горы у источника Нарзан в Кисловодске им был получен участок под строительство, где был возведен дом и частная гостиница «Парк», открытая к сезону 1879 г. В окрестностях станицы Кисловодской (к которой был приписан по казачьей линии)

и в других районах региона разводил сады, улучшал дороги, благоустраивал (вместе с женой) родники, в том числе и популярный у казаков мощный родник пресной воды, получивший в связи с этим название «Сафоновского», занимался другой благотворительной деятельностью. Генерал И.И. Сафонов был избран почетным казаком станицы Кисловодской. Этот статус распространился на его сына и внуков. И в Кисловодском курорте и слободе было заметно его финансовое участие в благотворительных и общественно значимых проектах, например, в строительстве нового каменного Николаевского собора, сооружении Курзала и т.п. После смерти 22.08 (2.09) 1896 г. он заслужил право быть погребенным в церковной ограде собора (11, с.56), несмотря на то, что всю жизнь был старовером-единоверцем.

Получил общее военное образование, по опубликованным воспоминаниям внучки А.Книппер-Сафоновой (12) – «...был только что грамотный, но очень способный». Отличался интеллектуальными устремлениями. В молодости писал стихи и сочинял песни, в том числе, будучи командиром конвоя, стал автором популярной песни терских казаков «Полным сердцем торжествуя, терцы весело поют». Позже, в основном в эпистолярном жанре, он высказывал свое отношение к различным социально-политическим проблемам, прежде всего в среде казачества, выступал за объединение кавказского казачества, сокрушался по поводу слабости выборной власти в станицах, обсуждал роль казачьих качеств, традиций и офицеров в обществе. Много интересных мыслей о нравственных основах казачества, его «культурной колонизаторской роли», «образцовом гражданстве» и т.п. содержится в письмах, адресованных казачьему историку генералу И.Д. Попко (13, с.507-514).

О личных качествах И.И. Сафонова сохранились различные высказывания. Он проявлял щедрость, обладал стойкостью и прочной выдержкой, высокими казачьими качествами и навыками, проявлял доброе отношение к своим детям и внукам. Известна и нелестная, грубая оценка из уст известного государственного деятеля России С.Ю. Витте, который назвал генерала «аферистом» (14, с.229). А.П. Чехов в первый день своего единственного пребывания в Кисловодске 24.08.1896 г. оказался на похоронах генерала И.И. Сафонова и в своих воспоминаниях отметил стечение людей на этом траурном событии, на котором он встретил и своих знакомых (15, с.333).

Среди казаков бывшей станицы Кисловодской и георгиевских казаков и сейчас известно имя генерала И.И. Сафонова, с которым связаны воспоминания о реальных делах и некоторые неточные, искаженные в устной информации известия. Так, мне уже приходилось анализировать информацию об одной интересной фотографии, хранящейся в казачьем семейном альбоме дальних родственников заслуженного казака ст. Кисловодской, Георгиевского кавалера

Филимона Степановича Занозина. По легенде, на фотографии изображены траурные мероприятия в связи со смертью Ильи Иоанновича. Проработка деталей, связанных с данной фотографией, привела к выводу, что фотография значительно более поздняя и отражает встречу на Кисловодском железнодорожном вокзале тела погибшего в боевых действиях Первой мировой войны внука генерала и сына Василия Ильича Сафонова Сергея (1889-1915). Данная идентификация подтверждается и сюжетом из воспоминаний А.В.Книппер-Сафоновой, которая указывала, что в их семейном архиве была фотография: встреча гроба с телом брата на вокзале (12).

К теме имеет отношение еще одна фотография, копия которой была получена мной в 1992 г. от директора музея театральной и музыкальной культуры при Кисловодской филармонии на КМВ Б.М. Розенфельда. В легенде этой фотографии указывается, что на ней отражено «освещение Сафоновского ключа под Георгиевском». Мне пока не удалось что-либо узнать о таком ключе в Георгиевском районе, но абсолютно точно известно место «Сафоновского родника» в Кисловодске. Характер местности на фотографии очень напоминает кисловодскую ситуацию.

Фотографий самого генерала И.И. Сафонова пока не удалось выявить. По устным данным, в одном из частных собраний хранился искаженный художественный портрет Ильи Иоанновича кисти Н.А. Ярошенко. В советское время преследуемые наследники генерала вынуждены были вырезать с него эполеты. Данными о судьбе картины в настоящее время мы не располагаем.

По известным сведениям, Илья Иоаннович не был красавцем. Его супруга, казачка из станицы Червленной Анна Илларионовна Фролова, когда была еще невестой, отмечала, что он был рябым. Но это не помешало ни браку, ни долгой совместной жизни, ни рождению от этого брака трех детей: Василия, Анастасии и Марии.

Дальнейшее изучение биографии и деятельности И.И. Сафонова в «Сафоновском историко-культурном центре» позволит составить о нем более полное и объективное представление. Подспорьем в этом может являться поддержка живых родственников генерала. К сожалению, один из них – внук В.И.Сафонова московский инженер Илья Кириллович Сафонов (1937-2004), автор ряда публикаций о своих достойных предках (16, с.12-13), недавно ушел из жизни.

Деятельность планируемого центра не должна ограничиваться «сафоновской темой». Необходимо более широко представлять и разрабатывать вопросы истории и культуры местного казачества. Особое направление – сохранение и изучение археологических памятников. Охрана пойменного леса с его богатым и разнообразным растительным и животным миром – природная

составляющая деятельности в рамках комплексной особо охраняемой территории. Эти задачи стояли и стоят перед Кумским лесничеством. Но в последние годы, из-за недостатка необходимых средств, они решались недостаточно эффективно. Это особенно негативно сказалось на Сафоновской даче и территории бывшей усадьбы. Здание находится в неудовлетворительном техническом состоянии и продолжает разрушаться, а земельные уголки приходят в запустение.

Современные георгиевские казаки готовы активно участвовать в восстановлении Дачи Сафоновых как историко-культурного и туристского центра: осуществлять охрану объекта, памятников, территории и лесных массивов, содействовать ведению реставрационных работ. В процессе восстановления и после его завершения они планируют проведение фестивалей казачьей песни, фольклорных праздников, организацию традиционной казачьей кухни, возрождение ремесел, выставок-продаж декоративно-сувенирной продукции, создание местной туристской организации и т.п. Все это можно как более эффективно проводить совместно с музеем-заповедником или в его структуре. Включение комплекса в систему музейного и туристского обслуживания – рациональный и перспективный путь сохранения и развития ценного культурно-природного комплекса.

Использованная литература и источники:

1. Савенко С.Н., Данилевич В.Г., Охонько Н.А. Концепция создания Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника. Ставрополь: СГКМ, 2005. 176 с.
2. Христинин Ю. Сафоновская дача // Ставропольская правда. 1982. 14.04
3. Розенфельд Б.М. Малоизвестный Кисловодск. М.: «Гелиос АРВ», 2005
4. Сезонный листокъ Кавказских Минеральных Водъ. 1992. № 1
5. Савенко С. Почетный казак станицы Кисловодской // Кавказская здравница. 1992, 25.04 – с.2; 28.04 – с.2
6. Подопригора Г. Сафонова дача // Кавказская здравница. 1992 г. 18.03
7. Подопригора Г. На Сафоновой даче // Кавказская здравница. 1999 г. 20.04
8. Послужной список генерал-лейтенанта И.И.Сафонов (копия)
9. Список генералов по старшинству. СПб.: Военная типография, 1896
10. Плотников Н.Д. Собственный Его Величества конвой // Военно-исторический журнал. 1991. № 5
11. Чернопятков В.И. Некрополь нескольких мест Кавказа // Летопись историко-родословного общества в Москве. 1913. № 9
12. Русский рубеж. Специальный выпуск газеты «Литературная Россия», 1990, № 2
13. Попко И. Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880
14. Витте С.Ю. Воспоминания я. Т.1. М.: Изд-во социально-политической литературы, 1960
15. Чехов А.П. Собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1949
16. Сафонов И. Ступени сафоновской лесенки // Сезонный листокъ Кавказских Минеральных Водъ. 2002. № 1 (66)

Из опыта сверки коллекции «Канцелярские принадлежности» Ставропольского краеведческого музея

Предметы музейного собрания со временем становятся «символом эпохи», молчаливо свидетельствуя и о нашей повседневности, без внимания к которой ученому трудно воссоздать более объективный, достоверный ход событий. Такие музейные коллекции интересны для исследователя, объединившего в себе историка, этнографа и культуролога, акцентирующего внимание в первую очередь на материальной стороне обыденности, на вещах, составляющих социальное пространство, питающих человека, образующих тот интерьер, на фоне которого проходит его жизнь.

Исключением не является коллекция «Канцелярские принадлежности», хранящаяся в основном фонде (далее – о.ф.) Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. Для ее более подробной характеристики необходимо определить само понятие «канцелярские принадлежности».

В период средневековья помещение, где писцы под руководством канцлера занимались изготовлением публичных актов, государственных указов, судебных решений и т.д., называли «канцелярией» (1, с. 340- 341). Намного позже это слово стало означать совокупность чинов, на которых возложено письмоводство и делопроизводство какого-нибудь правительственного учреждения. Неотъемлемыми атрибутами конторы были письменные столы с чернильницами и гусиными перьями.

В XVIII - начале XIX вв., в связи с расцветом эпистолярного литературного жанра, а также с появлением особого этикета письма, такие предметы появляются в домашнем интерьере практически каждой купеческой или дворянской семьи. С этого времени слова «бюро», «контора», «канцелярия» стали ассоциироваться с принадлежностями, обеспечивающими оформление бумаг художественного, делового, личного характера.

Большую часть данной коллекции составили чернильные приборы, деревянные перьевые ручки, чернильницы, наборы стальных перьев и т.п. Среди них особую ценность представляют уникальный настольный письменный прибор

(о.ф. 15366), изготовленный из мрамора и приобретенный в 1896 г. Канцелярией 83 – го Самурского пехотного полка; графитный карандаш фирмы «Faber» (диаметр 4 мм.) и самодельный блокнот (о.ф. 33582), которыми во время балов часто пользовалась дочь ставропольского купца, записывая имена кавалеров и обещанные им танцы. Такие изделия, датируемые началом XX в., выполнялись в основном в стиле «модерн» и отличались округлостью, осязаемостью объемов, асимметрией силуэтов, изысканностью и гибкостью очертаний растительных мотивов.

Наиболее систематическое пополнение музейной коллекции канцелярских принадлежностей началось сотрудниками в 1970-1980-е гг. во время проведения историко-этнографических экспедиций, и ее основу составили предметы, датируемые 20-40-ми и 50-60-ми гг. двадцатого столетия.

В результате, во время сверки, возникла необходимость классификации имеющегося материала. Анализ справочной литературы (2) позволил определить следующие группы предметов:

- **бумага и картон;**
- **изделия из бумаги и картона**, в основном т.н. белой материал (записные книжки, блокноты и др.);
- **принадлежности для письма и черчения** (графитные, цветные, копировальные, механические карандаши, перья стальные, ручки, чернила, тушь, готовальня, угольники, линейки, транспортиры, лекала, рейшины и др.);
- **товары художественного назначения** (краски акварельные, масляные, temperные, гуашевые и др., кисти для рисования, картон грунтованный и др.);
- **собственно канцелярские товары** (чернильницы и чернильные приборы, пресс-папье, дыроколы, счеты конторские, кисти для клея, скрепки, булавки, кнопки, сургуч, клей, штемпельные подушки и краски и др.);
- **школьно-письменные принадлежности** (ученические ручки, чернильницы школьные, пеналы, палочки счетные, циркули школьные, портфели, ранцы, сумки, ученические папки и др.).

Несмотря на условность указанного деления (к примеру, карандаши и перья рассматриваются как принадлежности для письма и черчения, но некоторые из них используются и для канцелярских работ), эту классификацию можно применять для удобства дальнейшей систематизации всей коллекции.

Следует отметить значительную «распыленность» данных музейных предметов по другим коллекциям. Это объясняется разновидностью сырьевого материала (дерево, мрамор, стекло, фаянс, латунь, жсть, бронза, пластмасса и др.), а также тем, что эти вещи являются одновременно бытовыми предметами утилитарного назначения; частью кабинетного интерьера, выражающей эстетический вкус своего бывшего владельца; а также изделием декоративно-

прикладного искусства, исполняющего функцию простого сувенира. Такое положение обуславливает нередко неверную интерпретацию предмета, поступившего на хранение в музейный фонд. Так, при работе с учетной документацией был обнаружен предмет, описанный как «масленка бронзовая для оружейного масла... с привинчивающейся крышкой...». Дополнительное изучение (З, с.40) позволило идентифицировать художественное изделие как походную чернильницу (о.ф. 19838), бывшую на вооружении у писаря казачьего войска.

Первый этап исследования коллекции показал, что в ней содержатся как типичные конвейерные изделия, так и эксклюзивные, выполненные на заказ известными центральными (Ленинградский фарфоровый завод, Ярославский завод металлоизделий и др.) и региональными художественными мастерскими. Украшением коллекции является настольный письменный прибор (о.ф. 26274), на подставке которого размещена мелкая чугунная скульптура, изображающая Дон Кихота – изделие каслинских мастеров-литейщиков.

Музейную экспозицию по истории развития промышленности в 1950-е гг. дополняли художественные изделия – ножи для разрезания бумаги (о.ф. 13229; 13230) производства кисловодской художественной артели, выполненные в технике фигурной резьбы холмогорских и тобольских мастеров. Особенностью данной коллекции является и то, что в ней встречаются работы ставропольских умельцев-непрофессионалов, в некоторой степени подражающих мастерам художественных промыслов. Среди них И.Г. Шапка – житель с. Мал. Ягуры Туркменского района, в свободное время занимающийся изготовлением деревянных корпусов к шариковым ручкам (о.ф.32057).

Канцелярские принадлежности, составившие данную коллекцию, в большей степени «рабочие инструменты» ставропольских чиновников, госслужащих, ученых, преподавателей, поступившие из их личных архивов. В разное время музейные фонды пополнили письменный прибор из черного мрамора (о.ф.26085), принадлежавший доктору биологических наук, профессору Резнику Павлу Александровичу; пресс-папье и настольный чернильный предмет (о.ф.14178), подаренные секретарю Северо-Кавказского крайкома партии Шеболдаеву Борису Петровичу и сопровождаемые исторической надписью: «...Полностью выполнив программу 1934 г., обещаем программу 35 года выполнить еще лучше, еще качественней. Рабочие ИТР и служащие Таганрогского завода им. Георгия Димитрова»; простая деревянная ручка со стальным пером (о.ф.24078), использовавшаяся в своей работе старейшим учителем с. Иргаклы Степновского района Коротичевой Александрой Яковлевной и др.

Т. о., проведенная сверка и описание коллекции «Канцелярские принадлежности» позволяют в некоторой степени классифицировать материал,

представляющий исследовательский, общественный интерес для дальнейшей научной инвентаризации: по месту и времени производства, по технике производства, по предназначению и использованию, по личной принадлежности.

Использованная литература и источники:

1. Энциклопедический словарь/ Под ред. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 27. – СПб., 1895
2. Остановский Т.С. Бумага, картон, школьно- письменные и канцелярские товары. Справочник. – М.: Госторгиздат, 1962. – 151 с.
3. Новак Л.А., Фрадкина Н.Г. Казачий курень. Книга- альбом. – Ростов н/Д.: Ростовское книжное изд-во, 1973

Методика организации ведомственного музея (на примере экспозиции «Эволюция книги» научной библиотеки СГУ)

Ведомственные музеи начинаются с того момента, когда коллективы сформировали представление о самих себе, накопили определенный исторический опыт и уже осознают потребность традирования – передачи и присвоения прошлого. Традирование коллективной памяти может происходить как в вербальной форме (мемуары, беседы ветеранов с молодежью), так и в знаковой, овеществленной – через музейные экспозиции. Эффективнее вторая, т.к. в процессе традирования важнейшую роль играют эмоции, а сила воздействия музейного подлинника в сочетании с грамотным экспозиционным дизайном вызывает подчас настоящее эмоциональное потрясение. Визуальная репрезентация события, факта субъективно является наиболее убедительной для человека. Исследованиями в области нейробиологии установлено, что нейрональные системы переработки визуальных восприятий и образов, порожденных воображением, частично совпадают друг с другом (1, с.28-35), так что события незнакомого прошлого, представленные музейными средствами, могут буквально «стоять перед глазами» и казаться живыми и объемными.

Итак, идея «представить прошлое наглядно» закономерно вызывает к жизни музей. Если учреждаемый музей получает источник постоянного финансирования и условия для накопления, хранения и экспонирования материалов, его создание начинается с написания хотя бы небольшой концепции развития и функционирования. Концепция – это изложение основного замысла. В этом документе должны быть даны ответы на главные вопросы:

1. Для чего создается музей? Обосновать необходимость его учреждения.
2. Для кого? Указать основную социальную группу, заинтересованную и нуждающуюся в нем.
3. Каковы содержание экспозиции и ее архитектурно-художественное решение?
4. На каких условиях будет работать персонал музея?
5. Как будет осуществляться экономическая деятельность?

Важнейшее из условий функционирования музея – помещение. Музей как хранитель коллективной памяти будет более эффективным, если помещение находится в общественно доступном месте. Изначально понятие «общее место» имело буквальный смысл и было частью греческой мнемоники – искусства памяти. Ораторам и поэтам для тренировки памяти рекомендовалось «хранить» образы и цитаты в определенных, знакомых местах и, проходя повседневные прогулочные маршруты, запоминать речи и стихи. Часто посещаемое по определенному поводу «общее место» превращалось в очаг культурной памяти (2, с.22). В Научной библиотеке Ставропольского государственного университета, создавшей в 2005 г. свой пока небольшой музей (3), таким топографически общим местом является читальный зал. Зал гуманитарной литературы посещается практически всеми студентами университета. В нем и расположена экспозиция «Эволюция книги».

Непосредственному созданию музейной экспозиции предшествует подготовительный этап: подбираются библиографические источники по заявленной теме, ведется комплектование музейного фонда. Сбор экспонатов будущего музея – это встречи и беседы с экспонентами, их наследниками и всеми другими держателями материалов, запись интервью (они будут необходимы при составлении текстов экскурсий), подбор и регистрация полученных материалов в установленном порядке.

Следующий этап – проектирование и исполнение экспозиции. В соответствии с концепцией музея разрабатывается тематическая структура экспозиции. Замысел музея должен читаться в этой схеме. Последовательность тем может быть хронологической (исторические экспозиции), можно подать экспонаты в виде типологического ряда (музей Ставропольской духовной семинарии: богослужебные книги, иконы, церковные награды), можно выстроить экспозицию по принципу «от простого к сложному». В экспозиции «Эволюция книги» мы пошли по пути «от общего к частному». На основе подлинных предметов, муляжей и факсимильных изданий построен эволюционный ряд: от возникновения письменности у шумеров в 3 тыс. до н.э. и появления письма и специфических писчих материалов у других народов мира – к русским берестяным и бумажным свиткам и первым рукописным книгам-кодексам; от изобретения книгопечатания в Германии – к российским старопечатным книгам и древнейшим книжным памятникам, которыми располагает библиотека СГУ. Здесь логично возникает тема собственной истории учреждения. Мы показываем формирование библиотеки через персональные комплексы ее основателей и коллекции фондообразователей и ведем эту тему до современного состояния научной университетской библиотеки – держателя не только книг и документов, но и их электронных копий, создателя различных без данных, электронных

каталогов. Библиотека СГУ стала телекоммуникационным центром, местом выхода в глобальную информационную сеть, и потому, наряду с книжными изданиями университета 21 века, в разделе «Библиотека сегодня» представлены электронные носители информации. Завершает экспозицию раздел «Библиотеки мира» – в их ряду Научная библиотека СГУ является не последней. Таким образом, начав экспозицию с общемирового контекста, мы возвращаемся к нему, находим в нем место книги и библиотеки уже на новом витке цивилизации. Экспозиция как текст становится инверсионной – приобретает связь заключения с началом.

На этапе разработки тематической структуры, а затем более подробного тематико-экспозиционного плана с экспозиционером начинает работать дизайнер: он исполняет проект архитектурного решения – макет или эскизы будущей экспозиции, монтажные листы каждого экспозиционного комплекса, витрины; изготавливает и размещает в зале экспозиционное оборудование. Затем, по заданию экспозиционера, дизайнер изготавливает материалы научно-вспомогательного значения – карты, схемы, копии документов и фотоснимков. Когда они готовы, начинается раскладка всех экспонатов в витринах согласно ТЭП. Экспозиционер и художник вместе ищут наиболее удачное решение. После неизбежных замен к окончательно отобраным экспонатам пишутся тексты-справки и краткие аннотации. Электронную версию текстов обрабатывает дизайнер: он выбирает шрифт оптимальных для восприятия очертаний (Arial), размера, цвета, яркости и изготавливает этикетаж.

На заключительном этапе происходит монтаж и крепление всех плоскостных и объемных подлинных и копийных материалов и этикеток к ним. Когда экспозиция готова, работу принимает научно-методический совет.

Наконец, экспозиция открывается для публики. Создавайте музей в расчете на молодого посетителя! Существует следующий феномен: переработка информации памятью в разном возрасте неодинакова. Молодые годы представляют собой фазу повышенной плотности, когда человек приобретает сразу много воспоминаний, так как очень многое переживает впервые: например, поступает в университет, начинает работать, идет в армию, серьезно влюбляется, заводит ребенка. Эта фаза совпадает с той стадией, когда система автобиографической памяти переживает свое полное развитие, то есть достигает максимальной способности перерабатывать воспоминания, связанные с самим человеком. Воспоминания молодости, как правило, имеют особое эмоциональное значение потому, что связанные с ними переживания зачастую предопределили всю последующую жизнь человека (1, с.35). Итак, адресуйте музей молодым, и он получит шанс остаться в их памяти надолго.

Использованная литература и источники:

1. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. 2005. № 3
2. Бойм С. Общие места: Мифология повседневной жизни. М., 2002
3. В 2002-2005 гг. по инициативе ректора СГУ профессора В.А. Шаповалова была проведена реконструкция университетской библиотеки. Здание получило новое архитектурное решение, современный дизайн читальных залов и кабинетов. Установлен высокий уровень инфокоммуникационного обеспечения библиотечных процессов, технологий обслуживания читателей и предоставления многообразных сервисных услуг, что позволяет удовлетворить потребности современного студента в подборе, обработке и использовании необходимой информации. Модернизация послужила толчком к созданию музейной экспозиции, исполненной при участии сотрудников (М.В. Беляева, С.С. Сачук) и с привлечением фондовых материалов Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве.

Смирнова И.В.

г. Изобильный,
Музей истории Изобильненского района,
директор

Становление и развитие Музея истории Изобильненского района

В целях улучшения работы по военно-патриотическому воспитанию молодежи на принципах и традициях прошлого исполком Изобильненского районного Совета народных депутатов 15 декабря 1978 г. принял решение «Об организации районного историко-революционного музея трудовой и боевой славы», в котором обязал отдел культуры организовать в Изобильном музей на общественных началах.

Контроль за выполнением данного решения был возложен на общественный Совет по организации музея, который возглавлял заведомо пропаганды и агитации РК КПСС Алексей Егорович Шабалдас, впоследствии министр образования края. Для создания материальной базы музея была проведена частичная централизация средств культурных фондов предприятий и организаций.

В основу создания музея легла коллекция оружия ветерана войны, коменданта райкома партии Андрея Поликарповича Склярова. Совет музея выпускал листовки-обращения ко всем жителям района с призывом пополнить фонды музея вещами, фотографиями, документами, которые должны были наиболее полно отразить историю всего района и каждого населенного пункта. Изобильненцы откликнулись на этот призыв и охотно сдавали экспонаты.

23 февраля 1979 г. музей был открыт для посетителей в здании бывшего книжного магазина, располагавшегося у входа в парк по адресу: Красная площадь, 8. Этот день стал днем рождения музея. Первым директором музея был Юников Александр Федорович, бывший учитель, ветеран войны. Он вел обширную переписку с участниками войны, их родственниками. Под руководством бывшей учительницы истории Александры Васильевны Смирской работал кружок юных друзей музея. Учащиеся школ города составляли списки погибших в войну, встречались с их родственниками. Создавалась фонотека воспоминаний ветеранов.

Совет музея проводил работу по сбору экспонатов, проведению экскурсий, организации выставок. За 1979 год музей посетили 21620 человек. На 1 апреля 1980 г. в музее насчитывалось 600 экспонатов.

При районном доме культуры работал историко-революционный кружок, объединивший 30 старшеклассников школ города. Руководил им бывший офицер райвоенкомата, сотрудник музея Алексей Андреевич Синклинер. Он активно изучал историю района по дореволюционной литературе и документам Ставропольского краеведческого музея, вел исследовательскую работу в Центральном архиве Министерства обороны. Среди активистов, которые помогали музею на общественных началах, были офицеры-фронтовики Анатолий Васильевич Сулыга, Владимир Дмитриевич Калмыков.

Площадь музейного помещения была очень мала – всего 144 кв.м. Под экспозицию – 127 кв.м., для хранения фондов – 17 кв.м. Поэтому первое, что сделала Анна Евгеньевна Богачкова, назначенная директором музея, подняла вопрос о предоставлении нового помещения для музея. Администрацией района было выделено помещение по улице Ленина, 63, где и сейчас расположен музей.

С 1 июля 1991 г. в соответствии с планом развития музейной сети края открылся Изобильненский филиал Ставропольского объединенного музея им. Г.К. Праве. В штате музея было 6 человек. В этот период в музей пришли работать младший научный сотрудник Вера Дмитриевна Колесниченко (проработала 13 лет), хранитель экспонатов Николай Петрович Маслов, Зинаида Владимировна Лазарчева, которая за эти годы прошла путь от музейного смотрителя до научного сотрудника, музейный смотритель Татьяна Михайловна Брагина.

21 августа 1991 г. было принято в эксплуатацию новое помещение музея на 1-м этаже пятиэтажного жилого дома. Там раньше размещался обувной магазин. 3 сентября состоялось открытие залов нового музея, где разместилась интересная, оформленная по всем законам музейного дела, экспозиция. Право открыть музей было предоставлено главе городской администрации Владимиру Гавриловичу Веревкину.

Через пять лет администрация выделила еще одно помещение, смежное с музеем (бывший хлебный магазин), где 6 декабря 1997 г. распахнул свои двери выставочный зал. Это событие значительно оживило культурную жизнь города и района. Музей осуществляет собственные выставочные проекты, а также с другими музеями края, России, ближнего зарубежья.

С самого основания музея сотрудники проводили активную выставочную деятельность. Приглашались для выставок местные самодеятельные художники такие как Носов Александр Иванович, Маслов Николай Петрович. Проводились выставки декоративно-прикладного искусства. Ежегодно в музее проводится до тридцати и более выставок. Дважды были организованы персональные выставки заслуженного художника Павла Моисеевича Гречишкина, нашего земляка,

известнейшего на Ставрополье скульптора, заслуженного художника Николая Федоровича Санжарова.

Музей истории Изобильненского района имеет творческие связи с другими музеями. Так, нашему музею предоставлялись экспонаты для тематических выставок из СГКМ, Пятигорского музея «Домик Лермонтова», Ставропольского музея изобразительного искусства, Кисловодского музея «Крепость», Донского историко-краеведческого музея. Дважды в нашем музее проходили выставки из Донского фонда Рерихов: «Неизвестный Рерих» и «Индия глазами Святослава Рериха». 1 декабря 1998 г. в музее состоялась уникальная выставка «Этот мир придуман не нами». К нам приехали учащиеся детской школы искусств г. Краснодара. 10 учащихся и четверо преподавателей привезли 78 живописных работ, выполненных маслом. Семья художников из Краснодарского края (Владимир и Евгения Бедрок) в апреле 1999 года показала выставку «Цветы России», где посетители увидели предметы художественных промыслов России. Большой интерес у жителей города и района вызвала выставка «Мир Православия», организованная музеем и Изобильненским Благочинием в декабре 2002 г. В 2003 г. изобильненцы увидели шедевры мирового уровня – микроминиатюры Эдуарда Казаряна «Восьмое чудо света».

Открытие выставок сопровождается концертами. В нашем выставочном зале звучали изумительные голоса народной артистки России Ольги Мещеряковой, заслуженного работника культуры ТАССР Валентины Сильвестровой, лауреата международной премии «Филантроп» Людмилы Нефедовой, народного хора «Зори золотые», образцово-показательного оркестра народных инструментов учащихся и преподавателей Изобильненской ДМШ.

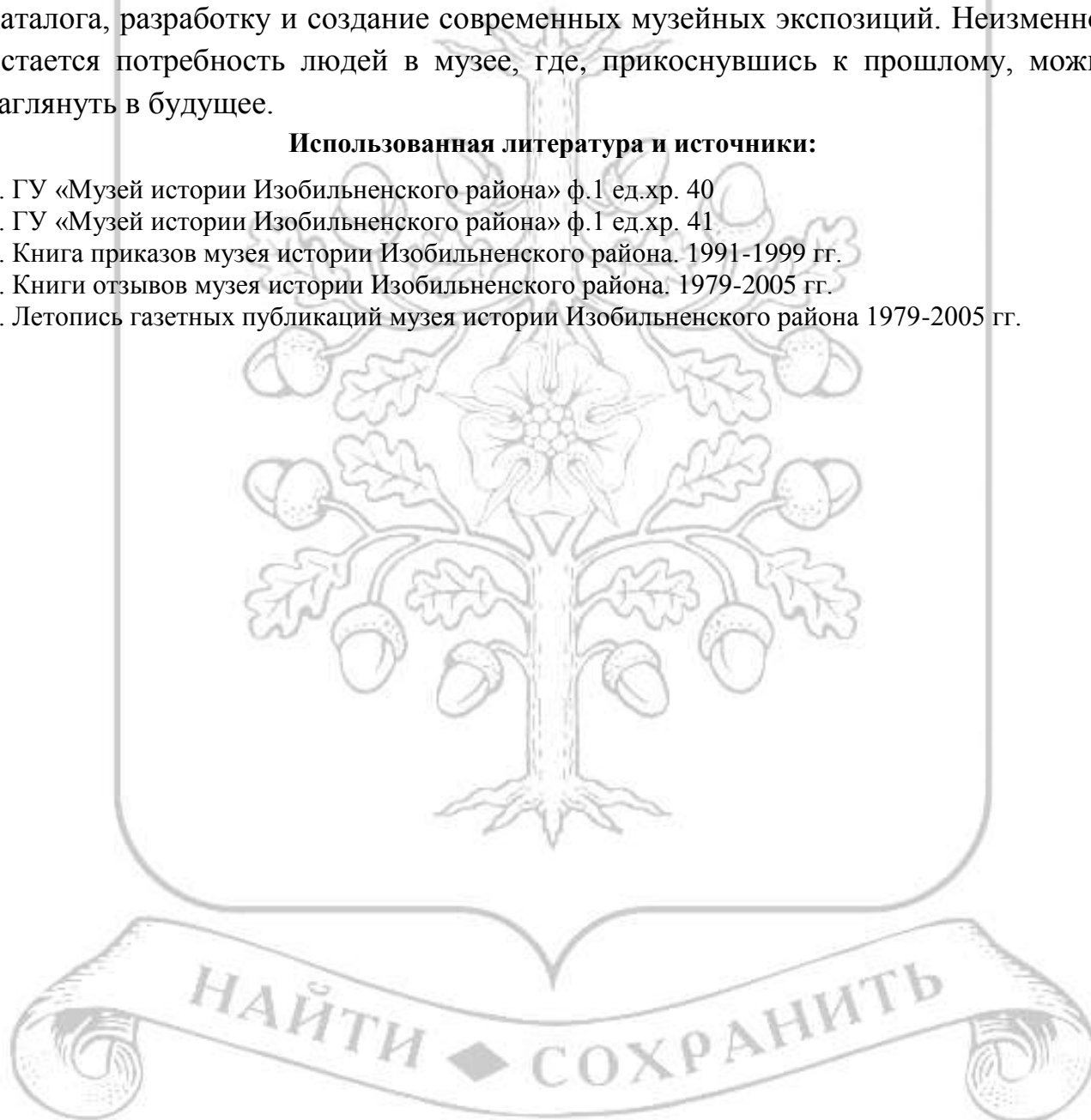
За 26 лет существования музея в нем побывали многие замечательные люди. Космонавты Юрий Артюхин и Павел Попович приезжали неоднократно. Встречались со школьниками, подарили музею фотографии и книги со своими автографами. С директором Донского музея Федором Николаевичем Долженко наш музей связывает давняя теплая дружба. Коллекция живописи нашего музея пополнилась прекрасными пейзажами, которые он писал в нашем районе. В разные годы на творческих встречах бывали поэты и писатели Валентина Нарыжная и Валентина Сляднева, Вадим Белоусов, Ян Бернгард, Тимофей Шелухин, Дмитрий Баранов, Иван Блохин, иконописец Константин Сильвестров из Тольятти, ученый Владимир Помытко из Москвы. В 2004 по приглашению Изобильненской районной администрации на празднике урожая побывала делегация из Наурского района Чеченской Республики, которая посетила музей. Внимательно ознакомившись с постоянной экспозицией и выставкой «Изобильненскому району – 80 лет», благодарные гости подарили музею картину художника Н.А. Добчаджиева «Аргунское ущелье».

Сегодня фонды музея истории Изобильненского района насчитывают свыше 12 000 экспонатов. Самые многочисленные коллекции – документы, нумизматика, этнография. В год музей посещают более 15 тысяч человек, проводится более 300 экскурсий. Традиционно в музее проходят встречи с именитыми изобильненцами.

Новое тысячелетие ставит перед сотрудниками музея новые задачи: переход на автоматизированную обработку фондов, создание единого электронного каталога, разработку и создание современных музейных экспозиций. Неизменной остается потребность людей в музее, где, прикоснувшись к прошлому, можно заглянуть в будущее.

Использованная литература и источники:

1. ГУ «Музей истории Изобильненского района» ф.1 ед.хр. 40
2. ГУ «Музей истории Изобильненского района» ф.1 ед.хр. 41
3. Книга приказов музея истории Изобильненского района. 1991-1999 гг.
4. Книги отзывов музея истории Изобильненского района. 1979-2005 гг.
5. Летопись газетных публикаций музея истории Изобильненского района 1979-2005 гг.

Состин Д.И.

г. Ставрополь,
Ставропольский филиал
Краснодарской академии МВД РФ,
доцент, к. и. н.

Ставропольская интеллигенция в 1917 г. Борьба политических альтернатив

События 1917 г. на Ставрополье, как и в целом в России, относятся к числу тех событий, интерес к которым не утрачивается и сегодня. Без их осмысления невозможно оценить современную общественно-политическую ситуацию в России и в ее регионах, в частности, на Ставрополье. В этой связи представляется обоснованным проанализировать не только хронологию событий 1917 года на Ставрополье, но участие местной интеллигенции в различных общественных и партийных организациях, получивших мощное развитие после Февральской революции в Петрограде, определившей перспективы российской демократии, многопартийности и парламентаризма.

Реальной силой в новом раскладе политических сил в Центре и на местах выступала российская интеллигенция, принимавшая заметное участие в деятельности политических партий и различных общественных организаций: профсоюзах, Советах рабочих и крестьянских депутатов, комитетах Общественной безопасности, земствах, которые сразу после Февраля заметно демократизировались, а также и в других структурах, поддерживающих политику Временного правительства.

Местная интеллигенция играла определенную роль в подобных организациях и в Ставропольской губернии. Особенно заметным было ее участие в политических партиях и Советах. Последние являлись органами народного самоуправления. Что же касается политических партий, то в Ставрополе и в некоторых уездах Ставропольской губернии в послефевральский период действовали комитеты и организации, являвшиеся частью общероссийских политических партий, располагавших определенной социальной базой, программными документами, пропагандистскими возможностями.

Наиболее широкие возможности и политическую активность ставропольская интеллигенция проявляла в партийных организациях левого направления, а также в местных партийных структурах, имевших умеренную социалистическую направленность. В большей степени это относилось к местным комитетам партии социалистов-революционеров – эсеров социал-

демократов – меньшевиков, а также Советам крестьянских депутатов и крестьянским союзам.

С весны 1917 и до января 1918 г. они играли ведущую роль в общественно-политической жизни Ставропольской губернии, осуществляли подготовку и проведение выборов в Учредительное собрание, заняв там наибольшее количество депутатских мест.

В первую очередь это касалось партии эсеров, имевшей в губернии самую широкую социальную опору, состоявшую из коренного и иногороднего крестьянства. Последние в наибольшей мере разделяли демократизм и аграрную программу эсеров.

После Февральской революции ставропольской городской эсеровской интеллигенции удалось создать одну из самых крупных на Кавказе партийных организаций.

По сводкам полицейского наблюдения в январе 1917 г. проходило всего несколько видных представителей местной интеллигенции, входивших в партию социалистов-революционеров. Среди них были редактор газеты «Северокавказский край» В.А. Воскресенский, присяжный поверенный города Ставрополя В.М. Краснов, врач-стоматолог Иосиф Маянц (1).

Интересны их биографии: так, например, Иосиф Моисеевич Маянц – выходец из западных районов России. Учился в Киевском университете Святого Владимира, в Ставрополе оказался в 1900 году, куда был выслан под гласный надзор полиции за политическую деятельность. Принимал активное участие в создании ставропольской организации эсеров в 1906 г. В 1917 г. играл заметную роль в городском комитете социалистов-революционеров, выступал на губернских крестьянских съездах в апреле, декабре 1917 г. в поддержку политики Временного правительства против большевиков.

Другим известным партийцем был Василий Михайлович Краснов, присяжный поверенный, сын дворянина. В свое время, в 1896 г., учился в Ставропольской мужской гимназии, затем, в 1901, успешно закончил юридический факультет Петербургского университета, стоял у истоков губернской партии социалистов-революционеров, активным членом которой считался с 1906 года.

Видным публицистом, редактором эсеровской по духу газеты «Северокавказский край», получившей в 1917 г. название «Северокавказское слово», был Александр Михайлович Воскресенский, бывший в начале 90-х годов XIX в. членом Вологодской организации партии эсеров, в 1917 г. развернувший активную партийную деятельность в Ставрополе. Их усилиями к лету 1917 года эсеровские организации в Ставропольской губернии насчитывали три тысячи человек (они, а также другие представители местной интеллигенции).

Е.А. Дементьев и преподаватель гимназии Г.М. Михайлов входили в городской комитет социалистов-революционеров, в котором работало около пятисот человек. Помощник присяжного поверенного Е.А. Дементьев летом 1917 г. был редактором газеты «Северокавказское слово», ежедневный тираж которой в это время поднялся с 200 до 2000 экземпляров («Народное эхо» 20.07.1917 г.). Активным членом городского комитета эсеров выступал ставрополец инженер-гидролог Иванчич-Писарев («Северокавказское слово», 1917, 28 апреля, 25 июля). Эсеровскими по партийной принадлежности были многие общественные, профсоюзные организации Ставрополя. Например, губернский Союз землемеров, Ставропольский учительский Союз, в который входило 2000 человек городской интеллигенции (2).

С учетом новой политической ситуации, сложившейся после февраля 1917 года, местная эсеровская интеллигенция отстаивала решение аграрной проблемы («Основной закон о земле») Учредительным собранием, осуждало призывы большевиков к насильственному захвату крестьянами частновладельческих земель, что соответствовало позиции по аграрному вопросу общероссийских эсеровских партийных организаций.

Большую роль в экономическом решении сложного земельного вопроса они отводили непосредственно государству.

Противниками эсеров, а также социал-демократов меньшевиков и другой демократической интеллигенции, действующей в кадетской организации на Ставрополье, выступали большевики. Однако вплоть до декабря 1917 г. они не имели ни численного, ни интеллектуального перевеса, это подтверждают выборы в Учредительное собрание. В целом по губернии, включая город Ставрополь, большевики собрали всего 5,9% всех голосов («Северокавказское слово», 1917 год, 17 ноября).

Позиции большевиков усилились с приходом в Ставрополь 111 пехотного полка и грозненской большевистской организации. При их поддержке был создан Военно-революционный комитет во главе с Н.А. Анисимовым. Заметной политической поддержки со стороны городской интеллигенции большевики не имели.

На IV губернском крестьянском съезде, который был созван 29 декабря 1917 г. в Ставрополе, выступавшему с докладом «Об организации власти в Ставропольской губернии» эсеру Иванчичу-Писареву, пришлось иметь дело с явно враждебной аудиторией, состоявшей из солдатских депутатов (3). «Объединенная демократия» оказалась оттесненной от руководства съездом в президиум были избраны большевики, а председателем стал Н.А. Анисимов. Неудовлетворенные этим представители демократической интеллигенции, эсеры и меньшевики, а также сочувствующие им делегаты покинули зал заседаний

съезда. В 24 часа 31 декабря 1917 г. так называемое Народное собрание приняло постановление, гласившее: «Организовать в губернии власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, признать в России законной властью Советскую власть». В исполком губернского Совета, состоявший из 180 человек, вошло 12 большевиков: А.Л. Пономарев, Н.А. Анисимов, М.Г. Морозов. Однако еще долгое время, особенно на местах в уездах, селах защитниками крестьянства, сторонниками демократии в ее учредительной форме, противниками односторонней большевизации Советов и захвата большевиками государственной власти выступала эсеровская и социал-демократическая интеллигенция, располагавшая политическим опытом, интуицией, надеждами на демократическое устройство общества, цивилизованное решение коренных социально экономических проблем, с учетом интересов всех слоев российского общества.

Использованная литература и источники:

1. ГАСК Ф.1008.оп 1 д.317.1024 д.л.85 л 105-106
2. ГАСК Ф311, оп 7. д 220,1.67
3. ГАСК Ф.в5 оп.1.д.22.1.13

Музей в контексте исторической памяти

Музей является ничем иным, чем репрезентацией образов прошлого, выступающих в контексте важных элементов социального, политического, этнического, конфессионального сознания и самоидентификации человека. Музейные коллекции, тематические выставки исторического характера вполне логично рассматривать как конструирование исторической реальности. Эта творческая работа охватывает те образы прошлого, которые уже обрели социальную значимость. Л. П. Репина подчеркивает, что память бесконечна, но она обусловлена заинтересованностью человека. «Меняющийся интерес к коллективному прошлому является частью общественного сознания, а перемены в социальных условиях порождают изменение этого сознания» (1, с.14). В связи с этим особое звучание приобретает актуальное направление современной исторической науки по исследованию исторической памяти.

В конце XX века в зарубежной историографии, преимущественно за счет разработок немецких и французских ученых, сложились школы исследования исторической памяти. Несмотря на концептуальные различия, они имеют важную общую характеристику. Главным предметом изучения становятся не события прошлого, а память о нем (1, с.9). Образ, запечатлевшийся в памяти людей, его закрепление или наоборот, вытеснение, подавление этого образа, табуирование прошлого. «Мы живем в эпоху всемирного торжества памяти», – восклицает Пьер Нора. В одной из своих статей он говорит, что последние двадцать или двадцать пять лет все страны, все социальные, этнические и семейные группы пережили глубокое изменение традиционного отношения к прошлому.

Не вызывает возражения тезис П. Нора, что формы этого изменения многообразны: критика официальных версий истории и возвращение на поверхность вытесненных составляющих исторического процесса, восстановление следов уничтоженного или отнятого прошлого, культ корней (*roots*) и развитие генеалогических изысканий. К одноплановому процессу он относит бурное развитие всяческих мемориальных мероприятий, юридическое сведение счетов с прошлым. Наконец он выделяет рост числа разнообразнейших музеев; повышенную чувствительность к сбору архивных фондов и к открытию доступа к ним, возобновившуюся привязанность к "наследию". В каком бы сочетании ни выступали эти элементы, мир затопила нахлынувшая волна

воспоминания, прочно соединив верность прошлому – действительно или воображаемому – с чувством принадлежности, с коллективным сознанием и индивидуальным самосознанием, с памятью и идентичностью (2).

М. Хальбвакс выделяет различия в формах памяти. На его взгляд, существуют основания различать две памяти, одну из которых можно назвать внутренней, а другую – внешней, или же первую личной, а вторую – социальной. Говоря еще точнее: автобиографическая память и историческая память. Первая использует вторую, поскольку, в конце концов, история нашей жизни является частью истории.

Однако вторая, естественно, шире первой. К тому же она представляет нам прошлое лишь в сокращенной и схематичной форме, в то время как память о нашей жизни представляет гораздо более «непрерывную и густую картину» (3). Историческая память отдельной личности, отдельной семьи, вписанная в локальную и глобальную историю, наполненная эмоциональностью (как положительной, так и отрицательной), повседневностью, мировоззрением, мотивацией и ценностными ориентирами. Эта часть исторической памяти – предмет исследования устной истории.

Историческая память семьи хорошо проявляется в повествовании, рассказе о собственной жизни. Один из основоположников устной истории в Великобритании Пол Томпсон (Paul Thompson), редактор журнала «Oral History», в работе «Семейный миф, модели поведения и судьба человека» подчеркивает, что история жизни – форма передачи семейной традиции. Поскольку мы вспоминаем рассказы и о раннем детстве, которые мы не помним сами, и о событиях, случившихся до нашего рождения в семье, в стране, в мире. (4, с.110-111). По устным рассказам о семье, по его мнению, можно изучать и социальную мобильность и культуру, в них переплетаются образы и реальность, семейное и национальное, и, тем не менее, историки редко используют устные свидетельства для анализа названных проблем. Историки, в силу своей профессиональной подготовки, заняты «поиском свидетельств о прошлом таком, каким оно было, а не о том, которое присутствует в настоящем» (4, с.113).

Некоторое знакомство с устноисторическими исследованиями показывает, что вне зависимости от глобальных целей проекта повествование о своей семье присутствует всегда. Вспоминая пережитое в блокаду, люди начинали рассказом о себе, о том, кем были родители, о братьях и сестрах (5). В проекте «Граница и люди», основанном на воспоминаниях переселенцев Приладожской Карелии и Карельского Перешейка, также в той или иной мере прослеживаются рассказы о семье и своих близких. Как отмечают сами исследователи (научный редактор Екатерина Мельникова, координатор Центра устной истории в ЕУСПб), они старались провоцировать информантов на монолог, что называется в западной

историографии «personal experience narrative» – рассказ, движимый только логикой самого информатора, без особого вмешательства интервьюера. Однако монолог все больше переходил в диалог. Несмотря на специфику сбора материала по определению «общих мест» памяти переселенцев как единого сообщества и репрезентации материала, в книге по темам во всех разделах прослеживаются данные о семейной истории (6, с.13-14, 327,343 и т.д.).

Не подвергая сомнению значительной перспективности самостоятельных исследований, основанных на семейных рассказах как самостоятельной тематики, хотелось бы подчеркнуть их значение для исследования локальной истории в XX в. В растянутом во времени свободном повествовании о жизни, о семье можно услышать и мифы, и сплетни, и анекдоты которым раньше историки не придавали значения, а теперь, в свете междисциплинарного синтеза наук, приобретают большое значение.

Устные рассказы – важный способ комплектования источниковой базы. Устная история появилась как узкое направление в рамках библиотечного и архивного дела (7, с.3-32). В повествовании о жизни через информантов ярко проявляются те стороны жизни, которые не отразились или практически не отразились в других видах источников. В частности, источники личного происхождения, такие как дневниковые записи, мемуары, хроники, содержат данные о повседневности, культуре, духовном мире. Однако в XX в. в советском государстве, когда существовал жесткий прессинг и подавление всякого рода свободы, люди просто боялись говорить и тем более писать о своих мыслях. Постоянные доносы, слежка, репрессии не располагали к дневниковому «диалогу с самим собой». Пробелы в источниках могут восполнить устные интервью с участниками событий. В связи с этим устноисторические исследования применяются для изучения репрессий и тоталитарного режима в нашей стране. Научно-информационный и просветительский центр «Мемориал» наряду с архивными изысканиями применяет в исследованиях устные опросы и интервью. Так, в 2001 г. при изучении «Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921-1935» в период Большого террора 1936-37 гг. использовались устные воспоминания людей о их репрессированных родственниках. Своим повышенным интересом к судьбам своих предков родственники изначально положительно повлияли на мотивацию историков к изучению данной проблемы. Кроме того, благодаря необычному ходу исследования, методически весьма проблематичная “конфронтация” личного опыта из прошлого и основанных на нем воспоминаний с результатами современных исследований была превращена в продуктивный процесс (8).

Устная история прошла сложный путь и постепенно из достаточно маргинального направления превратилась в признанное историческое

направление, завоевала признание профессиональных историков, нашедших в устных воспоминаниях исключительный источник информации о прошлом и исторической памяти людей.

Использованная литература и источники:

1. Репина Л.П. Образы прошлого в памяти и в истории. // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени. М., 2003
2. Пьер Нора. Всемирное торжество памяти. // www.nz-online.ru/index.phtml
3. Коллективная и историческая память//www.nz-online.ru/index.phtml
4. Пол Томпсон Семейный миф, модели поведения и судьба человека. // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003
5. Голоса блокадного Ленинграда. Пособие к занятиям по устной истории.- (С) Центр устной истории ЕУСПб. Коллектив авторов. 2005
6. «Граница и люди». Воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии и Карельского Перешейка.- СПб., 2005
7. <http://www.eu.spb.ru/oralhist>; Урсу Д.П. Методологические проблемы устной истории.// Источниковедение отечественной истории. 1989. М.,1989
8. <http://memorial.iatp.ru/news.htm>

Хорунженко В.А.

г. Ессентуки,
Ессентукский краеведческий музей
им. В.П.Шпаковского, директор

Страницы истории создания Ессентукского краеведческого музея

Решение об устройстве в городе Ессентуки музея принято 20 марта 1963 года, а в 1964 г. в местной газете было помещено объявление об открытии городского народного музея. Вначале музей был размещен в небольшой квартире на ул. Советской, в 1963 г. дали комнату в Доме пионеров и затем музей перевели в старинный особняк по ул. Кисловодской, 5, построенный в начале прошлого века и принадлежавший некогда священнику Карагачеву. К сожалению, был передан только 2-й этаж, а на первом размещалась сберкасса.

Возникновению и существованию музея во многом город обязан его основателю Владимиру Павловичу Шпаковскому, его неутомимой энергии, преданности делу, инициативе, знаниям, умению создавать не только музей, но и коллектив на общественных началах и руководить им. Это был образованнейший человек, историк по образованию, краевед по призванию.

Он полюбил наш город с детства. Его отец, врач по специальности, приезжал в Ессентуки консультировать, всегда брал с собой Володю (об этом я знаю не только со слов Владимира Павловича, но и со страниц дореволюционных путеводителей, в которых упоминается фамилия Шпаковского-старшего). Любознательный мальчик "фотографировал" все, что потом ему пригодилось, когда он увлекся краеведением, а затем идеей создания в городе музея. Неслучайно после окончания Ростовского государственного университета в 1936 году он вместе с молодой женой приезжает в Ессентуки. Супруги работают учителями в педагогическом училище, которое позже возглавит Владимир Павлович. С началом Великой Отечественной войны Шпаковской уходит добровольцем на фронт, участвует в боях за Киев, защищает Сталинград, сражается на Курской дуге. После ранения и контузии в 1944 г. он был демобилизован и вернулся в родное училище, где и работал директором до ухода на пенсию.

Создание краеведческого музея было давнишней мечтой В.П.Шпаковского. Он дважды пытался ее осуществить, но экспонаты первого музейного собрания были затеряны в годы войны, второй был залит водой в подвале педучилища. Выйдя на пенсию, он сплотил группу ветеранов и начал сбор материалов по

истории города. Они разбили город по кварталам и побывали почти в каждой семье. Так на чердаке в одной квартире они нашли подшивку газеты "Терек" за 1937 год. В подвале санатория им. Павлова, по подсказке бывшего директора курорта Дорохиной А.Г., отыскивали дворцовую мебель дочери Петра 1 Елизаветы Петровны. Найдено было много предметов быта старой казачьей станицы, много старых путеводителей, документов, первый печатный листок на КМВ и т.д. Во всем поддерживала и помогала Владимиру Павловичу Анна Мефодьевна.

Ранняя экспозиция музея имела 6 отделов и 2 комнаты. Экспозиции включали в себя исторический и природоведческий разделы. В первом разделе природоведения представлены чучела животных, птиц, образцы минералов, палеонтологические и археологические находки. Далее, в отделе истории, – возникновение станицы и курорта, гражданская и Великая Отечественная войны. Одна – мемориальная, посвященная В.И. Разумовскому, вторая – типа мемориальной, где разместили дворцовую мебель.

Музей как народный просуществовал до 1978 года, а его директором на общественных началах был В.П. Шпаковский. Он всегда внимательно относился к людям, которых интересовало краеведение. Его ласково называли "ходячей энциклопедией", и не случайно. Мне нравилась его простота, с которой он обращался к людям. Он охотно делился своими знаниями, не оставляя ни одного вопроса без ответа. Увлечись краеведением, я и сама стала вести экскурсии на общественных началах. В 1977 году в краевом смотре народных музеев наш музей занял первое место, а в 1978 г. стал государственным и вошел в состав Ставропольского объединенного краеведческого музея им. Праве.

За годы существования народного музея было создано много традиций. По инициативе В.П. Шпаковского и при его участии в музее стали выходить рукописные краеведческие сборники, был заведен альбом "История музея", который ведется и сегодня. Находил время Владимир Павлович и для чаепитий, на которые приглашали юбиляров и чествовали всем коллективом, открыткой поздравляли именинников. Эти традиции существуют до сих пор.

После того как музей стал государственным, Владимир Павлович уговорил меня на свое место директором. Сначала я не соглашалась на административную работу, так как меня больше увлекала творческая, экскурсионная работа, но Владимир Павлович заверил меня, что останется в музее и во всем будет помогать мне. Так и случилось: он до последних дней своей жизни работал научным консультантом.

Конечно, в том, что в нашем городе есть краеведческий музей, мы обязаны прежде всего В.П. Шпаковскому. Учитывая его заслуги, в 1990 году, по ходатайству коллектива, Владимиру Павловичу Шпаковскому было присвоено звание "Почетный гражданин г. Ессентуки", а музею дано его имя.

27 лет я работаю директором. За эти годы музей пополнился интересными экспонатами, а коллектив пополнился научными сотрудниками. Появились единицы главного хранителя фондов, делопроизводителя, секретаря, завхоза, рабочего, дворника.

Экспозиция, которая была создана с помощью и участием научных сотрудников Ставропольского объединенного краеведческого музея им. Праве, филиалом которого стал музей, восхищала посетителей и удивляла богатством и ценностью, но оформлено все было без затрат государства, просто, грубо и на низком художественном уровне. И вот перед нами стала задача облагородить экспозиции музея. Меня посылают в Москву, к главному художнику Белопольскому, уговорить его сделать наш музей по-современному. Он посмотрел все наши поэтажные планы и согласился все сделать в том случае, если музею передадут все здание. Тогда художники Георгиевска, которым мы предоставили все современные материалы (ткани, оргстекло и т.д.), после капитального ремонта оформили наш музей с учетом 2-го этажа. Экспозиции переделали с помощью и участием научных сотрудников объединенного музея. Они смотрелись уже хорошо, и мы работаем с ними до сих пор.

В 1993 г., когда сберкасса была выведена, состоялась торжественная передача музею первого этажа. Музей стал занимать весь особняк с небольшим двориком. Это позволило значительно расширить экспозицию, перевести фонды из полуподвала, а главное, появилась возможность открыть художественный салон и большой выставочный зал.

В 1998 г. музей стал самостоятельным, получил юридический статус, и нас передали в муниципальную собственность. Город по-доброму отнесся к нашему появлению. Нам дали деньги на капремонт, на которые мы к 180-летию со дня рождения города сделали реставрацию фасада здания.

С 1.01.2005 года музей передан Министерству культуры Ставропольского края, и он стал государственным учреждением культуры.

За 42 года существования музейный фонд не раз пополнялся интересными и ценными коллекциями. На 1 января 2005 года основной фонд музея уже насчитывал более 30 тысяч предметов. При музее находится и библиотека, которая сейчас уже составляет около 3 тысяч экземпляров.

Сегодня музей продолжает не только собирательскую работу, он является центром сохранения историко-культурных традиций, ведет большую просветительскую, выставочную работу. Частая смена выставок никак не отражается на посещаемости основной экспозиции, которую музей сохранил.

«Из зала в зал пройдите не спеша.

Везде, во всем присутствует душа».

Эту запись оставил в книге отзывов музея отдыхающий из С.-Петербурга Симонов Ф.Г.

Музей в городе пользуется большим авторитетом. Его связь с городским советом ветеранов войны и труда только способствует его популярности. И не случайно одним из важнейших направлений в его работе было и есть военно-патриотическое воспитание молодежи.

Научные сотрудники музея Березенко Т.А., Семенякина Е.К., гл. хранитель фондов Корчевная А.В. активно занимаются всеми видами музейной деятельности и участвуют в подготовке научно-популярных изданий.

Несмотря на то, что музей еще молод, собрания его экспонатов неизменно удивляют посетителей богатством, разнообразием и ценностью.

История формирования коллекции «Маджары» в Буденновском городском краеведческом музее

Одним из основных памятников Золотой Орды в нашем крае является городище Маджары, расположенное в окрестностях Буденновска. Его изучение началось еще в 1726 году Иоганном Гербером. Обнаруженные здесь за столетия бесценные находки хранятся во многих музеях мира и частных коллекциях, и, что удивительно, их пополнение продолжается и в наши дни, хотя археологических экспедиций на городище не было давно. Последние полномасштабные исследования здесь были проведены в 1909 году Г. Прозрителевым, возглавляющим археологический отдел Ставропольского музея Северного Кавказа. В этих исследованиях принимал участие один из крупнейших археологов России В. А. Городцов. Предпринятые Г. Прозрителевым тогда попытки организовать в Маджарах археологический заповедник не увенчались успехом.

Развалины Маджара неоднократно привлекали внимание ученых-археологов и любителей-краеведов. Много остатков материальной культуры было собрано здесь учениками средних школ г. Буденновска в 1956-1960 гг. под руководством учителя истории В.Я. Сербиеенко.

В 1989-91 гг. на месте строительства больничного комплекса совместной экспедицией Ставропольского пединститута, МГУ им. М.В. Ломоносова и Центра культурной и исследовательской деятельности ЦЭНДИСИ при РАН проводились раскопки. В районе строящегося роддома, на территории насосной станции и поселка Прикумской опытной станции были исследованы погребения, потревоженные строителями.

В 1993 г. раскопки были продолжены экспедицией МГУ на правом берегу р. Кумы, на полях совхоза «Прасковейский» (ныне А/О «Янтарь»). В предыдущие годы на этих полях находились остатки гончарных и других мастерских, пятна разрушенных сырцовых построек. По свежей вспашке было собрано большое количество подъемного материала: керамики, металлических и костяных изделий, серебряных и медных монет, золотая монета Делийского султаната.

В результате археологических раскопок 1990-х гг. на территории городища получены керамические коллекции, выгодно отличающиеся от собраний предшествующего периода. Они дают репрезентативное соотношение разных групп местной и импортной керамики на разных участках городища.

Последние годы никаких археологических экспедиций на развалинах городища Маджар не проводилось, поэтому пополнение коллекции происходило за счет незначительных, разрозненных поступлений предметов, найденных горожанами.

На распахиваемой части памятника и в местах разрушений при строительстве с 1990-х гг. сборы производят несколько частных коллекционеров Буденновска. Их материалы, хотя и научно нерепрезентативны, но отличаются богатством и разнообразием, обилием редчайших импортов и немассовых местных изделий. Места наиболее ярких находок собирателями наносятся на план городища.

Формирование археологической коллекции Буденновского городского краеведческого музея началось с момента принятия решения о его создании. По книге поступлений основного фонда можно выделить 3 основных источника поступлений археологических находок.

Первые поступления приняты от Пономаренко Людмилы Степановны, преподавателя СОШ № 2. По акту приема-сдачи № 24 от 6.10.1987 г. принято 56 предметов. В легенде записано: «Перечисленные в акте предметы получены школой № 2 от Дома пионеров, которому достались от ранее существовавшего в городе музея им. И.А.Кочубея». Все эти экспонаты составляли лишь небольшую часть фондов первого музея, которую удалось сохранить при многочисленных переходах из одного здания в другое. Среди переданных предметов 24 относятся к археологическим находкам различных периодов. Именно они положили начало формированию археологической коллекции Маджар. К сожалению, никаких письменных документов о конкретном происхождении этих предметов не сохранилось. Особый интерес из них представляют 5 экспонатов (оф. 133-137), записанные в акте как «сосуды для хранения жидких веществ». Можно с уверенностью предположить, что это сфероконусы, найденные на земельном участке совхоза «Прикумский» к СВ от артезианского колодца и описанные в статье Э.В. Ртвеладзе «Сфероконические сосуды из Маджара».

Второе большое поступление было от Владимира Яковлевича Сербиненко 1 октября 1988 г. В 1950-е гг. В.Я. Сербиненко был руководителем экспедиционного отряда № 149 им. И.А. Кочубея Прикумского Дома пионеров и инициатором создания городского музея в 1958 г. После его отъезда из города музей перестал существовать.

Когда встал вопрос о формировании археологической коллекции, Иван Гаврилович Шакурн на тот момент директор на общественных началах вновь созданного музея, обратился к В.Я. Сербиненко, проживавшему уже в городе Ставрополе. После предварительной переписки командированный в г. Ставрополь член общественного совета музея В.М. Косов привез от Владимира Яковлевича еще ряд предметов. В акте № 85 от 1.10.1988 г. записано 17 предметов: плита каменная г. Мажар XIII в. (оф.593), амфора, глина (оф. 594), кувшин с отбитыми ручкой и соском (оф.595), часть трубы водопроводной. Особый интерес вызывает часть водопроводной трубы (оф.598). Это изделие было найдено при строительстве типографии и первоначально представляло собой 2 глиняных цилиндра, соединенных глиняным коленом. Но В.Я. Сербиненко смог передать в музей только небольшой фрагмент трубы.

В коллекции есть единичные, но очень интересные поступления. Например, плита надгробная (оф.723). Интересна судьба этой находки. В 1987 г. археолог Ставропольского краеведческого музея И.В. Отыцкий на окраине с. Покойного обнаружил необычную каменную плиту внушительных размеров – длина 2 м, ширина около 1 м. Поверхность плиты напоминала ступени. Нижняя часть выбрана полукругом. Специалистом было установлено, что плита относилась к золотоордынскому периоду. В 1989 г. плита была передана в Буденновский городской музей. Она была произведена не в Маджаре, что еще раз свидетельствует о широких торгово-экономических связях средневекового города.

Некоторые находки были переданы И.В. Волковым. Например, тренога гончарная (размеры: высота 2,5 см, длина лучей от центра 3, 2,5, 2,5 см). Предмет поднят при поверхностном осмотре территории городища на правом берегу р. Кумы, на поле у распаханной гончарной мастерской, в 800 м от моста через реку и в 400 м от береговой кромки. В ноябре 1995 г. через частного коллекционера Юрия Дмитриевича Обухова было передано еще 15 предметов. Среди них 3 фрагмента китайского фарфора с голубой росписью (оф. 1202,1203,1204), фрагменты керамики маджарского производства, большое количество изразцов с поливой разных цветов, от белого до темно-фиолетового.

Неоднократно были поступления и от самого Ю.Д. Обухова. В течение нескольких лет им были переданы: каменные изразцы, монеты медные татаро-монгольского периода (15 шт.), кирпичи с белой поливой, фрагменты керамики различного производства, как маджарской, так и импортной, изразцы с позолотой, фрагменты котла, грузила, изделия из кости, формы для отливки ювелирных изделий (поступления 1994 г.), наконечник копья железный, удила, кольца медные (диаметр – 1,5-2 см), обломок медного зеркала, обломок железного ножа, заклепки металлические, альчики различных размеров, пуговицы костяные,

раковины каури, обломки сирийской стеклянной посуды и т.п. (поступления декабря 1995 г.). Все предметы собраны как подъемный материал по берегам р. Кумы.

Отчетные материалы о работах экспедиции 1989-начала 1990-х гг. (А.Б. Белинский – заведующий археологической лабораторией СГУ – начальник экспедиции, А. Калмыков, В. Бабаенко – лаборанты, А.Телешев, В.Лебедев – художники, Э.Д. Зиливинская – младший научный сотрудник МГУ им. М.В. Ломоносова, И.В.Волков – аспирант МГУ), состоящие из альбомов фотографий и рисунков (приложения к отчету), передавались в музей, но, к сожалению, не сохранились по неизвестной причине.

Представляют интерес не только предметы археологии. В середине 1990-х гг. Рубеном Емельяновичем Аджимамедовым, действительным членом Географического общества, была написана книга «Страницы истории Прикумья с древнейших времен». В процессе работы над книгой Р.Е.Аджимамедовым была проведена большая исследовательская работа. В публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) были сделаны копии научных трудов 1825-1972 гг.: Г.Н. Прозрителев, «Маджары. Один из древних городов Северного Кавказа», 1906 г.; «Ставропольские губернские ведомости», 1856 г. (Очерки исследований древнего Маджара (проводимые в ноябре 1849 года); «Развалины древнего хазарского города «Маджары», 1910 г.; журнал «Московский телеграф», издаваемый Николаем Полевым в 1825 г. (Исследования на месте развалин г.Маджар на реке Куме); Труды XIV Археологического съезда в Чернигове в 1909 г. (Результат археологических исследований на месте г. Маджар в 1907 году В.А. Городцова); копии статей Э.В. Ртвеладзе – «Крест-энколпион из Маджар», «Сфереконические сосуды из Маджар», «К истории города Маджара» (СА, 1973 г.). Музей закупил данные копии у Р.Е.Аджимамедова. Позже в дар музею были переданы фоторепродукции «Развалины золотоордынского города. Рисунок П.С.Палласа, 1786 г.» (н. в. ф. 65,66,67).

Следует иметь в виду, что небольшие коллекции керамики и некоторых других материалов случайного происхождения хранятся в музеях Ставрополя, Кисловодска и некоторых других городов. Они периодически не систематически пополняются.

Главная задача музеев – сохранение и экспонирование археологической коллекции с целью ее актуализации в современной культуре через музейную экспозицию.

Шведун А.А.

с. Гофицкое,
Историко-краеведческий музей села Гофицкое им. Ю.И. Бельгарова
– филиал Ставропольского государственного краеведческого музея
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе,
заведующая филиалом

Родники – зеркало поколений!

В родных полях перепелиных
Весь в переплесках, переливах
Он из земли родной возник.
Чтоб утром чибису умыться,
Чтоб путнику в жару напиться,
И чтоб в лугах рекой разлиться,
Рожден в родных полях родник.
Водица в море превратится,
Начнет кипеть, о скалы биться,
Ей будут сниться за границей
Перепелиные поля...

Поля, едва тронутые, еще почти, не паханая степь, отражена на карте старожил, участника гражданской войны Лежебокова. На карте нам удалось зафиксировать 18 родников, питающих землю села Медведки, а затем и Гофицкого, как пишет А. Твалчрелидзе, «хорошою здоровою водою». Соединяясь между собой, родники образуют речку Медведку, Буйволу. Некоторые из родников до сих пор сохранили фамилии своих хозяев. Дьяков родник, Федянин родник, Лагутин, Потемкин, Филаткин, Антошкин колодец, Чепраков и другие, что и подтверждают старожилы. Потомки с любовью рассказывают о садах, родниках их питающих. По карте видно, что сады были посажены по обеим сторонам лощины, в которой расположилось село. В садах росли яблони, груши, виноград – самые разнообразные фруктовые деревья, вплоть до экзотических, таких как «Маклюра». Совершая походы по местности, чтобы доказать, что карта исторически верна, в лесу на так называемых «Бурунах» мы нашли несколько таких деревьев. Подтвердили действующие до сих пор родники «Долгий», «Гремучий» и множество других мелких родничков. Здесь же сохранились фруктовые деревья, посаженные 100 лет назад. Яблони, груши, виноград, много ежевики крупной, несколько кустов малины, фундук.

Огромные сады тянулись согласно карте и по правой стороне лощины, где расположилось село. Знаменитыми остались Черезов родник, Котенев, Косьянов. Внук деда Косьянова, прожившего сто лет, служившего регентом в церкви, увлеченно рассказывает, как его прадеды высаживали вдоль «Алпатки» виноградники, фруктовые деревья, овощи – продавали на базарах и тем кормились. Вели хозяйство. У Косьяновых была водяная мельница на реке Медведке, есть на карте еще одна мельница, но, как нам удалось установить, это другой ветви родства Косьяновых. Карта наталкивает на мысль о выдержке и великом трудолюбии первых переселенцев, мы отмечаем, что по карте насчитывалось 30 мельниц, 3 из которых были вальцевые. А остальные водяные.

Карта нам рассказывает и называет имена тех, которым принадлежали мельницы. Грибанова мельница, Харичкина, Иванова, Обухова, Абалкина. Местные жители – Савельева Валентина Петровна, 1933 г. рождения, которая передала нам в музей фотографии своих родственников, прабабушек и прадедушек, у которых тоже были мельница на реке Медведке и родовое поместье (сейчас в нем живет семья Соповых, а от старого дома остались одни узоры под крышей), Манаенко Мария Владимировна, 1929 г. рождения, Иванов Владимир Трофимович, 1920 г. рождения, Рубачева Антонина Федоровна, 1941 г. рождения, рассказали, где какая мельница стояла, какую муку производила. Например, в верховьях Буйволы была расположена мельница – молола такую муку, что туда ходили с уклунком (местное название неполного мешка), чтоб намолоть муки для пасхальной выпечки. Такой же славой пользовалась мельница «Кузнецова» вначале, а затем Слюсаренко – имя и отчество установить не удалось. Эта мельница стоит до сих пор и снабжает мукой все окрестные села. Во времена революционного переворота и последующей за ней коллективизации многие крестьяне, дабы не быть раскулаченными, просто бросали свои мельницы, ломали и уходили из села. Так обеднел дом Росляковых и перешел к другим хозяевам – бедным родственникам, у которых ничего не было, кроме этого дома и детей да рабочих рук.

Таким образом опросом жителей, исследованием местности, изучением карты нам удалось установить ее историческую достоверность. На карте отображены события от начала века и до его середины. По-прежнему, например, на слуху старинные названия улиц, данные неизвестно кем, но пронесшие свои названия через столетия. Например, улица Советская – Гамановка, потому что на ней жили Евсютины и их так дразнили; улица Степная – Курда, улица Гражданская – Калаус, Булгар; улица Луговая – Смыгловка, улица Ленина – Ружьяновка, Богдановка, Гуреевка; улица Колхозная – Бочаровка, улица Красная – Яриловка.

Поэтому мы можем, опираясь на карту как на исторический документ, дальше восстановить исторический ход жизни первых переселенцев, их уклад и быт, дополняя воспоминаниями старожилов. Карта, как бесценный клад, имеет свой научный потенциал.

Штайн К.Э.

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
профессор, д. ф. н.,

Петренко Д.И.

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
аспирант

**Семиотика повседневности курортного города Пятигорска
в период 1915-1921 гг.
(по данным текста мемуаров Сергея Поволоцкого
«Что очи мои видели»)**

Для семиотического исторического анализа нами избраны воспоминания Станислава (Сергея) Поволоцкого *Что очи мои видели*. Используем мы их по той причине, что 1) они связаны с нашим Ставропольским регионом, 2) отражают переломный момент в истории России (история «прерывностей», по М. Фуко): 1915—1921 гг.; 3) они написаны взрослым человеком (дистанция во времени – приблизительно 75 лет), все эти годы проживавшим в другой стране – Польше, но имеют характер непосредственных впечатлений, связанных с детством, проведенным в Пятигорске.

Впервые воспоминания С. Поволоцкого *Co oczu moje widziały* были опубликованы в Лодзи в 1996 году. Родственники С. Поволоцкого, Виктор Степанович и Неонила Ильинична Поволоцкие, проживают сейчас в Пятигорске. Они передали рукопись старшему научному сотруднику музея-заповедника М.Ю. Лермонтова А.Н. Коваленко, которая, в свою очередь, предоставила их нам. Надо отметить, что, по-видимому, С. Поволоцкий написал мемуары на русском языке, а затем, по замечанию редакции книги *Co oczu moje widziały*, мемуары были переведены на польский язык женой автора Евдокией Поволоцкой. Они ярко отображают значимость описываемых событий, произошедших в Пятигорске в пред- и послереволюционный периоды. Познакомиться с ним важно всем, кто изучает историю кавказского региона, лингвокультурологию, взаимоотношение русской и польской культур.

Характер повседневности Пятигорска детерминируется его географическим положением, близостью к республикам Северного Кавказа (Карачаево-Черкесия,

Кабардино-Балкария, Дагестан, Северная Осетия), а также к странам Закавказья (Грузия, Армения, Азербайджан).

Начало XX века, предреволюционный и послереволюционный периоды – время бурного расцвета культуры в России. Пятигорск – место активного обмена культур России и Европы, культуры народов Кавказа, о чем также свидетельствуют мемуары С. Поволоцкого. Соседство с кавказскими народами выражалось в активной торговле предметами ремесел, продуктами питания. Пятигорск, как и другие города КМВ, характеризовался поликультурной средой, многоязычием.

Социальная среда, люди представлены персонально, а также социальными и этническими группами. Социальные группы, которые характерны для общей социальной среды в этих мемуарах, – это врачи, артисты, военные, владельцы пансионатов, усадеб. Этнические группы – русские, составлявшие большую часть населения, представители европейских народов (греки, французы, немцы, поляки, литовцы), представители кавказских народов (армяне, грузины, осетины, кабардинцы, карачаевцы (по-видимому, их Поволоцкий называет татарами).

В процессе рассказа о жизни курортного города Поволоцкий выделяет некоторых значимых для него людей, которые представляют наиболее многочисленные этнические группы; эти люди и изображаются на фоне соответствующего этноса: «В особенности хорошо мне запомнилась молочная. Она находилась по соседству с кинематографом «Феномен». Молочная эта принадлежала нашей землячке, польке из Вильно, проживавшей в Пятигорске уже много лет – Юлии Львовне Вержбицкой. В небольшом помещении этой молочной ежедневно, по вечерам, собирались поляки, проживавшие в те годы в Пятигорске. А было их тогда, насколько помнится, немало. Среди них было также много беженцев, подобно нам, приехавшим на Кавказ из местностей, занятых немцами. В Пятигорске в те годы был даже католический костел, при котором в небольшом домике жил ксендз, справлявший богослужения» (1, с.4).

В мемуарах дается портрет Вержбицкой, рассказывается о ее кулинарных достижениях, но, как видим, семантическая выделенность этого образа определяется и тем, что образ Вержбицкой выписан в процессе упоминания о поляках. И хотя подробностей мало, тем не менее, говорится о том, что поляков было немало, что среди них было много беженцев, а их статус как этноса, проживающего в городе-курорте, уже тогда был упрочен наличием костела.

Некоторые «кулинарные истории», рассказанные Поволоцким, очень хорошо раскрывают характер времени с динамичной сменой событий, властей и образа жизни обитателей курортного города. «Во флигеле, в глубине двора, проживала хорошая наша знакомая, шумная и веселая варшавянка, полька, прожившая много лет в России, но так и не научившаяся русскому языку. Звали

ее Анна Мартыновна Иваненко (умерший задолго до войны муж ее был русский). Говорила она очень забавно по-русски, вставляя в свою речь то и дело польские отдельные слова. Однако понимали ее все превосходно и очень любили. Славилась она как чудесная хозяйка. Ее пирожками с мясом, с айвой, яйцами и рисом буквально все объедались. Вот именно этими пирожками Анна Мартыновна и угощала раненых из местных госпиталей. Вместе со своей горничной, угрюмой и сварливой, но очень ее любившей Мотей, она ежедневно таскала в госпиталь громадные корзины с пирожками. Впоследствии, в трудные и бурные годы гражданской войны, эти пирожки сделались основным и единственным источником средств к жизни Анны Мартыновны и деятельно помогавшей ей Моти. Как курьез следует упомянуть о том, что по специальному разрешению первых советских властей в городе Анне Мартыновне разрешили печь пирожки и носить их в госпиталь для раненых красноармейцев. Ей даже за это что-то платили и снабжали мукой, постным маслом, а иногда и мясом. Этими пирожками она, как могла, поддерживала не только Власову, но нередко и нас с бабушкой. Когда в 1919 году Пятигорск был занят «белыми», на Анну Мартыновну кто-то донес, указав как на «пособницу красных». Ее арестовали, несмотря на бурные протесты всех жильцов дома Власовых. Не помогло даже и то обстоятельство, что, как оказалось, Иваненко была вдовой вице-губернатора, занимавшего в свое время этот пост где-то в Привислинском крае. Неизвестно, чем бы это кончилось, так как в городе в то время царил «белый» террор. Но за Анну Мартыновну неожиданно заступилось местное православное духовенство, и ее освободили (2, с.26-27).

Кулинарные изделия, пирожки, действительно очень распространенная деталь курортной жизни, становятся причиной чуть ли не трагических событий в жизни Анны Мартыновны. Рядовая атрибуция курортной жизни становится семантически отмеченной в период экономических трудностей (разрешение советских властей печь пирожки, посещение госпиталя для раненых красноармейцев, арест белыми как «пособницы красных»). Таким образом, пирожки, деталь фонового элемента даже в кулинарной теме, становится семантически отмеченной и приравнивается к явлениям не только социального, но и исторического порядка (арест). Кулинарная деталь выступает как медиана в процессе характеристики смены семиотических кодов, связанных со сменой социальных порядков.

Будучи поляком по происхождению, С. Поволоцкий уделяет особое внимание колориту города, связанному с присутствием в нем представителей кавказских народов, которые были владельцами духанов, чуречных, магазинов: «Пожалуй всего больше мои детские воспоминания о первых двух годах нашего пребывания в Пятигорске связаны, главным образом, с «кунаком», о котором я

уже упомянул, – пишет Поволоцкий. – Ведь это именно он старался о том, чтобы я в моей черкеске ходил на «настоящего» горца. Он учил меня закидывать полы черкески, носить «по-горски» папаху и прочее. Он много рассказывал мне о жизни и привычках жителей горных аулов и даже часто напевал своим хрипловатым и гортанным голосом осетинские или кабардинские народные песни, учил танцевать лезгинку. Однажды «кунак», не сказав моей матери ни слова о том, куда мы пойдем, повел меня в небольшой, но весьма в те годы популярный в Пятигорске «духан». Он помещался в подвальчике по нынешней улице Кирова, где и теперь находится закусочная. По словам «кунака», только в этом «духане» можно было съесть «настоящий кавказский шашлык» и другие блюда национальной кухни. Помню хозяина этого «духанчика», полного, небольшого роста старика с седоватой бородкой. Он был одет в черный бешмет с серебряным ремешком.

Водил меня «кунак» еще в один «духанчик», который помещался тоже в подвальчике в доме по улице Нижегородской (ныне Дзержинского) против Теплосерной. Здесь, по его словам, можно было «хорошо покушать». Напротив этого духана находилась чуречная. Хозяин этой чуречной, толстый, неизменно улыбающийся армянин, был известен всему городу и также принадлежал к друзьям «кунака». Я очень любил наблюдать, как в огромной, глубокой, уходящей вниз печи пеклись чуреки. Веселые, молодые пекаря, под присмотром хозяина, быстро, на большом столе раскатывали тесто на тонкие лепешки. Этим лепешкам придавали форму чурека и молниеносным движением «пришлепывали» сырой еще чурек к раскаленной стенке пышущей жаром печи. Через несколько минут специальным шестом, увенчанным крючком, вынимали испеченный уже чурек и кидали в большую корзину» (3, с.13-14).

Представители горских народов интересуют мемуариста в первую очередь как носители особенной кавказской культуры. Поволоцким названы «осетинские или кабардинские народные песни», «лезгинка», элементы традиционной одежды горца: «черкеска», «бешмет», подробно описан характерный для быта горских народов способ приготовления пресных хлебных лепешек – чуреков. Мемуарист подчеркивает, что, несмотря на длительный период проживания горцев в курортном городе с преобладанием русскоязычного населения, кавказцы сохраняют верность своим обычаям и традициям. Неслучайно кунак не один раз произносит слово «настоящий»: «настоящий горец», «настоящий кавказский шашлык».

Поволоцкий указывает на интерес обитателей курортного города, особенно в дореволюционные времена, к кавказскому костюму, который мемуарист подробно описывает. С. Поволоцкий рассказывает о том, как ему (еще в 1915 году) сшили белую черкеску. Друг семьи, отставной офицер Дикой дивизии

(осетин или кабардинец по происхождению) «настоял на том, чтобы мне сшили белую черкеску, темно-малиновый бешмет, купили белую бурку и белую же папаху с красным верхом. Шили мне черкеску и бешмет в специальной кавказской мастерской, в которую привел меня кунак. Хозяином был его хороший знакомый и земляк. Эта мастерская помещалась рядом с тогдашней гостиницей «Эрмитаж» возле Нижнего базара. Черкеску и бешмет шили согласно указаниям кунака. Он же заказал для меня горские сафьяновые сапожки у мастера рядом с пошивочной, где мне шили черкеску. Кунак пошел также вместе со мной и бабушкой покупать для меня кавказский ремешок-поясок (кстати, каким-то чудом он сохранился у меня до сих пор), башлык, небольшой кинжал и кавказскую шашку, о которой я так мечтал. Все эти покупки, которыми я очень гордился, были сделаны в маленьких магазинчиках, где продавались кавказские сувениры, оружие, изделия из серебра, так называемые мягкие «чувяки» и прочие безделушки» (4, с.12). Здесь лексически обозначены (в основном, через заимствования из кавказских языков) все компоненты кавказского костюма: черкеска, бешмет, бурка, папаха, сафьяновые сапожки, кавказский ремешок-пояс, башлык, кинжал, шашка. Интересно замечание о местах, где шился костюм, о кавказских сувенирах, которые были непременным атрибутом торговли в курортном городе: оружие, изделия из серебра, мягкие чувяки и т.д. Большое количество экзотизмов (греч. *ekhōtikos* – чуждый, иноземный) говорит о распространенности в речи жителей и отдыхающих в курортном городе заимствований из кавказских языков, об особом колорите речи южан, влиянии яркой кавказской культуры на русскую, а в итоге и на польскую.

Использованная литература и источники:

1. Поволоцкий С. *Что очи мои видели*, рукопись.

Развитие светского образования у степных народов Ставропольской губернии в XIX – начале XX вв.

Первые светские учебные заведения для кочевого населения Ставропольской губернии появляются во второй половине XIX в. Открытие школ в приставствах кочевников было связано со значительными трудностями, и на первоначальном этапе в этом направлении не удалось достигнуть значительных результатов. В представлении российского общества XIX в., как и всей Европы, кочевники находились на более низкой ступени развития, нежели окружавшее их славянское население. Необходимым и естественным виделось приобщение степняков к достижениям «цивилизованного общества». В итоге по мнению властей «инородцы» должны были достигнуть «уровня развития» европейского оседлого населения и стать полноценными представителями империи. Однако в середине XIX в., когда только начался активный процесс оседания кочевников на землю, бытовало представление, что знакомство их с русской грамотой пока преждевременно, и они больше должны осваивать навыки ведения земледельческого быта. Бентковский об этом писал так: «Народу, так сказать, только вчера вышедшему из состояния номадов, более нужны знания, необходимые в их новом быту, как, например, столярное, кузнечное, печное и т. п., чем знание русской грамоты, которую поэтому, на первых порах, смело можно отнести на второй план» (1, с.134.). Подобное отношение было одним из главных сдерживающих факторов открытия светских школ у кочевого населения. Отсутствовало и стремление самих кочевников обучаться в русских школах, поскольку в этот период у них еще не возникало острой необходимости в знании русской грамоты. Поэтому первый опыт открытия светских учебных заведений у степняков был столь плачевным.

Первая школа для кочевых народов Ставропольской губернии была открыта при ставке Большедербетовского улуса в мае 1866 г., благодаря энергии и вниманию к этому вопросу главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии П.З. Ланко. Надо отметить, что после открытия этой школы организации учебного процесса не было уделено должного внимания. Помещение для этого учебного заведения было отведено в полуразрушенных зданиях улусной ставки, не существовало и определенной программы учебных занятий. Через два года попечитель улуса доложил губернатору, что за все это время никто из

учеников не усвоил осознанно ни русской грамоты, ни русского языка, дети, правда, научились механически читать и писать, но никто из них не мог объяснить того, что написал или прочитал. В 1868 г. по приказу губернатора для школы были приобретены учебники и учебные пособия. Однако это не помогло ее развитию. Одна из главных проблем, которая замедляла учебный процесс, была связана с тем, что не смогли найти учителя, владеющего калмыцким языком. С июня 1866 г. в этом учебном заведении преподавал священник О. Сократов из соседнего с улусной ставкой села Ивановского. Он также не знал калмыцкого языка, что, безусловно, затрудняло учебный процесс. Решение этой проблемы он видел в соединении улусной школы с русской церковно-приходской школой села Ивановского, которая также находилась в его ведении. В 1870 году произошло слияние этих двух учебных заведений. Но этот фактор не внес значительных изменений в дело обучения калмычат. Об этом можно судить по докладу главного пристава Черноярского губернатору в 1873 г. В своем отчете о состоянии школ у кочевников Ставропольской губернии он писал, что успехи в учебе калмыцких детей оказались довольно скудными.

Практически одновременно с учреждением школы для калмыков возникла и школа для ногайцев Ачикулакского приставства. В деле открытия данного учебного заведения снова активное участие принимал П.З. Ланко. В 1865 г., объезжая кочевья степняков, он убеждал их в необходимости открытия у них школы для обучения детей русской грамоте. Данная агитация не прошла бесследно. В октябре того же года ногайцами был составлен общественный договор, в котором они заявили о своей готовности отдавать детей в школу, когда она будет открыта. Договор был представлен на утверждение губернатору и был им одобрен. Однако функционировать школа начала лишь в 1868 г. При ее открытии столкнулись с теми же трудностями, что и в Большедербетовском улусе. Первоначально не могли найти подходящего для школы здания. Это и было главной причиной, почему она не открывалась в течение двух лет. За это время резко изменилось отношение ногайцев к школе, теперь большинство кочевников негативно относилось к ее открытию. Они решительно отказывались отдавать туда своих детей. Сами ногайцы основной причиной, побуждавшей их так относиться к светской школе, называли отсутствие в учебном курсе изучения их родного языка. Администрацией эти предложения были приняты к сведению. Но, несмотря на то, что в школе было введено преподавание ногайского языка, осуществлялось оно не на должном уровне. Первым учителем, приглашенным на эту должность, был ногаец Казалиев, служивший при ставке кассиром. Но так как ему приходилось совмещать обучение детей со своими прямыми обязанностями, особых результатов достигнуто не было. Это вызывало недовольство родителей, которое переносилось и на школу. На место Казалиева был назначен Васильев,

закончивший Кавказскую духовную семинарию и знакомый с ногайским наречием. Но и он не добился в этом направлении значительных успехов, очевидно потому, что и сам не был в этом заинтересован. В итоге 1 апреля 1874 г. это учебное заведение было закрыто. Этот первый неудачный опыт открытия светских школ для кочевников Ставропольской губернии можно объяснить недостаточным вниманием властей к этому вопросу. Все неудачи списывались лишь на неспособность и нежелание детей «инородцев» учиться.

Еще одна школа была открыта при ставке Туркменского приставства в 1867 г. Современники отмечали благожелательное отношение туркмен к школе. Первоначально ее ученики также не проявляли особых успехов в учебе. Но с 1876 г. учебно-воспитательный процесс в этой школе пошел успешнее. Связано это было с приходом нового учителя Филиппа Гаврилова, который являлся воспитанником крещено-татарской школы. По отзывам современников, он свободно владел туркменским языком, отлично знал русскую грамоту и обладал запасом общенаучных знаний, также у него было стремление и желание работать с детьми. Очевидно, поэтому он сумел добиться успехов в обучении кочевников.

К началу XX в. светские школы, создаваемые для кочевых народов, стали развиваться более успешно. Так как большинство кочевников уже вело оседлый образ жизни, это способствовало более интенсивному взаимодействию с восточнославянским населением, что в свою очередь вызвало и необходимость обучения русской грамоте. В Большедербетовском улусе, где взаимодействие кочевников с русским населением было более частым и близким, была создана русская школа, которая содержалась на собственные средства самих калмыков, без всяких пособий со стороны правительства. В этой школе 15 мальчиков обучалось русской и калмыцкой грамоте. По свидетельству попечителя улуса, обучение здесь велось весьма успешно, калмыки охотно отпускали своих детей в эту школу (2, с.2).

К 1904 г. для калмыков функционировало уже 5 школ. Впоследствии были открыты еще 8 одноклассных училищ и двухклассная школа, с интернатом на 25 человек и столярным отделением. Общее число учащихся к 1909 году составило 320 мальчиков и 29 девочек (3, с.216.). Для туркмен к 1910 г. было открыто 12 школ (4, с.20-21). Для ногайцев до 1903 года функционировала лишь одна школа. В 1906 - 1907 гг. было создано несколько одноклассных училищ и двухклассная школа (5, с.209).

В начале XX в. расходы на развитие образования у кочевников значительно возросли, что, безусловно, положительно отразилось на развитии школ. Они разительно отличались от своих предшественниц второй половины XIX в. Так, по свидетельствам современника «... школьные здания можно только похвалить, каждое из них имеет обширную классную комнату, достаточное количество парт

и все учебные пособия, необходимые для преподавания» (3, с.216). Кочевники охотно посещали школу еще и потому, что обучение для них было бесплатным. Огромную роль в улучшении качества образования играли и библиотеки, которые стали повсеместно открываться при училищах.

Т. о. к началу XX века ситуация в сфере образования кочевых народов резко меняется. Возросшее внимание властей к этому вопросу и стремление самих кочевников получить светское образование способствовали бурному развитию школ. Появление светских учебных заведений у кочевого населения создало условия и для социокультурного взаимодействия земледельческих и степных этносов. Благодаря школе кочевники и представители восточнославянского населения имели возможность ближе знакомиться с обычаями и традициями друг друга.

Использованная литература и источники:

1. Бентковский И.В. Историко-статистическое описание инородцев магометан. Ставрополь, 1883
2. Архангельский А. Начальные школы в приставских ставках у кочевых племен Ставропольской губернии // Ставропольские губернские ведомости. 1877. № 12
3. Фарфоровский С.В. Народное образование среди калмыков Большого Дербета в связи с их бытом и историей // ЖМНП серия XXVII. 1910. № 6
4. Фарфоровский С.В. Народное образование среди кочующих народов Северного Кавказа в связи с их современным бытом // ЖМНП серия XXII. 1909. № 9
5. Фарфоровский С.В. Народное образование у ногайцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом // ЖМНП серия XXIV. 1909. № 1

